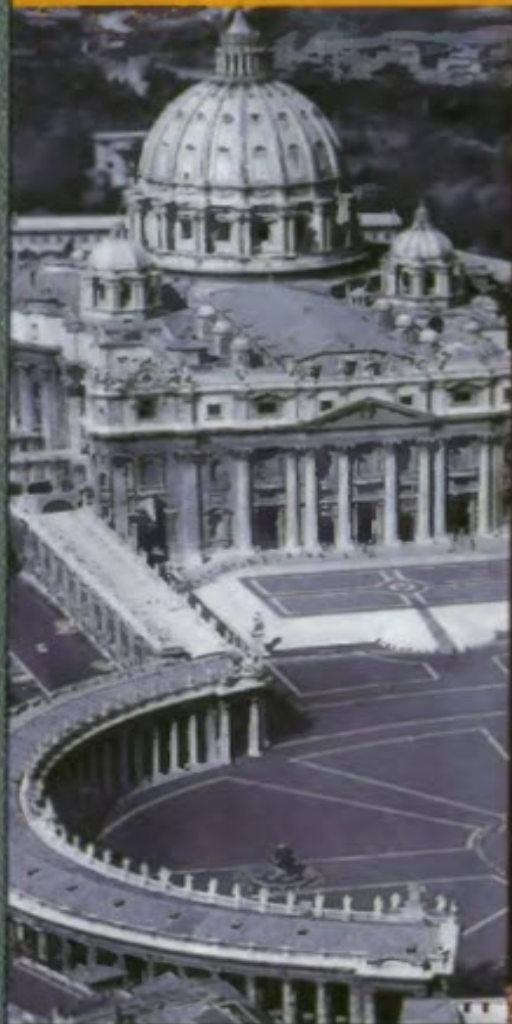


# ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖА



Женебьева  
Шастенэ



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

## Annotation

Лукреция Борджа — «менада, отравительница, вакханка, убийца, кровосмесительница», обвиняемая во всех грехах, — долгое время оставалась излюбленной мишенью многочисленных романистов и поэтов. Вот уже пять веков дочь папы Александра VI подозревают во всяческих низостях, хотя в подтверждение им до сих пор не приведено ни единого доказательства. Для одних — дьявол, для других — ангел, она — олицетворение скандальности, непристойности и соблазна, а может быть, жертва клеветы, цель которой — возбудить любопытство публики... Где же истина?

Ответ на этот вопрос вы найдете в книге, которую держите в руках. Ее автор — историк, правнучка философа и историка Ипполита Тэна, для работы над этой биографией привлекла огромное количество архивных материалов, воспоминаний современников, а также переписку Лукреции с ее отцом, папой Александром VI, которая проливает свет на «эпоху роскоши и варварства, оставившую после себя утонченные произведения искусства и воспоминания о великолепных празднествах, прекрасно сочетавшихся с насилием, предательством и заказными убийствами».

---

- [Оглавление](#)

- 
- 
- 
- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)
- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)

- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- 
- [Глава XIX](#)
- [Глава XX](#)
- [Глава XXI](#)
- [Глава XXII](#)
- [Глава XXIII](#)
- [Глава XXIV](#)
- [Глава XXV](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [comments](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)

- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)

- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)

---

---

<b>Оглавление</b>
-------------------

ЖИЗНЬ®  
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ  
ЛЮДЕЙ

*Серия биографий*

Основана в 1890 году  
Ф. Павленковым  
и продолжена в 1933 году  
М. Горьким



**ВЫПУСК**

**1104**

---

**(904)**

**Женевьева Шастенэ**

**ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖА**



МОСКВА  
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

---

\*

*Перевод с французского  
Н. Б. КАРДАНОВОЙ*

*Научная редакция  
заслуженного деятеля науки Российской Федерации  
А. П. ЛЕВАНДОВСКОГО*

*Ouvrage réalisé avec le soutien du  
Ministère des affaires étrangères français  
et de l'Ambassade de France en Russie*

*Издание осуществлено при поддержке  
Министерства иностранных дел Франции  
и Посольства Франции в России*

*Перевод осуществлен по изданию:  
Geneviève Chastenet.  
Lucrèce Borgia.*

*Paris, Lattès, 1993.*

© Éditions Jean-Claude Lattès, 1993

© Карданова Н. Б., перевод, 2004

© Издательство АО «Молодая гвардия»,  
художественное оформление, 2004

*Посвящается Даниэлю Кордье  
Посвящается Антуану*

# Глава I

## «Самый чувственный мужчина»

### («Il più carnale uomo»<sup>{1}</sup>)

Получив знаменитое имя, напоминающее магическое заклинание, Лукреция Борджа прошла свой жизненный путь в окружении кардиналов и кондотьеров, художников, римских пап и шутов, убийц и скрипичных мастеров, придворных и карликов. Мрак и свет чередуются на ее пути. Порой она теряется из виду в этой пестрой толпе, но каждый раз ее можно отыскать, так как повсюду ее сопровождают поклонение и ореол славы. Лукреция очень быстро становится символом новой культуры, достигшей переломного момента. Придя на смену аскетизму Средневековья, дух Возрождения расцветает под солнцем Италии с пышностью тропического растения. Этот переход проявился в насилии, эгоизме и дерзости, в грубости и утонченности.

Борджа вполне соответствуют своему времени. Таким образом, в этом семействе нет ничего чудовищного, а отсутствие лицемерия скорее говорит в его пользу. Чтобы освободиться от накопившихся за столетия предрассудков, обратимся к первоисточникам.

С конца XV века Рим, центр и горнило мироздания, порывает со средневековой суровостью нравов. Его нравственный кодекс постепенно меняется. На смену набожности приходит благочестие, на смену отваге — хитрость, на смену любви — чувственность. Религиозные обряды по-прежнему соблюдаются, религия остается авторитетом, но она все меньше проникает в духовный мир человека, все чаще затрагивает только внешнюю сторону жизни и становится своего рода компромиссом между человеком и высшими силами. Люди уважают формальности и пренебрегают заповедями. Напротив, культ индивидуума вознесен до небес: жить подобает по велению страстей, превосходя самого себя в энергии и мощи, и, если нужно, проявлять жестокость.

Самая сильная европейская держава, Франция, еще не преодолела свою культурную провинциальность, а крохотные итальянские и немецкие княжества впустую растрачивают энергию на междоусобные стычки. Папский двор, при котором будет расти Лукреция, управляется папой, как любое другое светское государство, оно — одно из самых крупных в

Италии: его территория охватывает Марке, Романью и Лацио. На севере оно граничит с Венецианской республикой, на юге — с Неаполитанским королевством. В нем сосредоточена необычайно сильная власть, перед которой пусть неохотно, но склоняются правители. Чтобы выжить и защитить интересы и авторитет Церкви, поставленной в трудное положение после Авиньонского раскола, завершившегося 11 ноября 1417 года, наследники святого Петра ведут себя скорее как мирские, чем духовные правители. Одной из их главных забот становится необходимость иметь свой двор, и даже Ватикан не может обойти стороной правило, согласно которому в резиденции государя непременно должны присутствовать женщины. Если у наследников святого Петра мы не встретим *donna di palazzo*<sup>[2]</sup> в собственном смысле этого слова, присутствие дам необходимо хотя бы для того, чтобы смягчить присущую военным грубость и внести гармонию в отношения между учеными, литераторами и послами.

Папа Каликст III, двоюродный дед Лукреции, приглашает в свою свиту *meretrices honestae*<sup>[3]</sup>, чьи имена — Изабелла де Луна и Донья Хуана — говорят о их испанском происхождении. Под сенью стен Ватикана нравственность от этого, быть может, и не выигрывает, зато расцветает утонченность. «Папе и кардиналам принадлежат самые красивые женщины, — пишет Монтень, — они музицируют, пишут стихи, и в их сочинениях святые рая соседствуют со жрицами Венеры». Спросом пользуется интеллектуальное общение с ними; музы словесности «столь же дорого продают свою беседу в отдельности, как и всё в целом», — продолжает Монтень. Уголки наслаждения, где разворачиваются любовные и литературные поединки, находятся вблизи посольств и, в свою очередь, пользуются той же привилегией неприкосновенности, что и дипломатические резиденции — такова мудрая мера предосторожности против возможных приступов морализма.

Несколькими годами позже Иоахим Дю Белле заявит в своих «Сожалениях» о том, что пример обычно берется с вышестоящих:

Лишь тот, кто видел, как по улице  
У всех на глазах едет в карете куртизанка,  
Кто видел, как она верхом, в мужском платье,  
Надменно выставляет себя напоказ, кто видел,  
Как среди бела дня она предается любви с кардиналами в  
мантиях,

Лишь тот может судить о Риме <sup>[4]</sup>.

Между тем Ватикан многолик. Так, первый Борджа на папском престоле добивался в 1455 году помощи христианских государей для очередного крестового похода с целью освобождения Константинополя, попавшего двумя годами ранее в руки неверных. Напрасно. Ему не удастся поколебать равнодушие королей и императора Фридриха III. После взятия Константинополя — «бульвара христианской веры» <sup>[5]</sup> — султан, ослепленный гордыней, заявляет, что отправляется на завоевание Рима. Каликст III осознает грозящую Италии опасность и решает продать свои драгоценности, церковные чаши и вазы из золоченого серебра, принадлежащие папскому престолу земли и замки, приостановить грандиозное строительство, начатое его предшественником, чтобы на собранные таким образом деньги отвести угрозу христианству со стороны турок. Кардиналы тоже подают пример, покидая Рим и отправляясь проповедовать каждый в свою епархию. Подобные проявления мужества и щедрости повторяются каждый раз, когда Церкви угрожает опасность. Несколькими годами позже Пий II решит лично возглавить флот, собранный для борьбы с неверными, однако едва он вступает на корабль, как его поражает болезнь, и он умирает в Анконе.

Начиная с XV века духовное связано с плотским, и обет безбрачия, даваемый священниками, становится скорее намерением, чем зарокотом. Большинство из них «содержит любовницу к вящей славе Господней» <sup>[6]</sup>, — уточняет историк Инфессура. Что до монахинь, то Бурхард, папский церемониймейстер, сообщает в своей хронике за 1483–1506 годы о том, что «большинство монастырей превратилось в дома терпимости». Никто, однако, не видит в этом повода для злословия; сексуальность в ту эпоху еще не считается чем-то постыдным, и о ней говорят запросто. Вот всего лишь один из многих случаев: пять женщин, которые исповедовались одному монаху из падуанского монастыря, понесли от его трудов. Когда случившееся обнаружилось, попавшийся виновник умолял епископа о прощении, призвав себе на подмогу апостола Матфея: «Господи, ты дал мне пять талантов, вот еще пять, что я заработал сверх того» <sup>[7]</sup>; перед столь притянутой за волосы аргументацией прелат не смог удержаться от смеха и смягчил наказание.

Тем не менее в 1456 году Ватикан отменил решение епископа Кошона и торжественно реабилитировал Жанну д'Арк. Хотя Венеция со своими 11

тысячами куртизанок превосходила Рим, именно его часто называли «землей женщин». К 1490 году куртизанки приносят в папскую казну около 20 тысяч дукатов в год; издается эдикт — впрочем, безрезультатно, — имеющий целью положить конец таким обычаям и грозящий отлучением священникам, состоящим в связи с подобными дамами. При Мартине V, умершем в 1431 году, они постепенно проникают повсюду, вплоть до самой курии, и папы, сменившие его на престоле, в числе которых Александр VI, закрывают глаза на оргии своего церковного окружения, поскольку утонченные, хоть и довольно порочные латинисты дают им возможность плести обширную сеть дружеских связей по всей Европе, вести переговоры о заключении союзов и умерять амбиции правителей.

Свободные, открытые, бесстыдные, не скованные понятием греха нравы проявляются чаще всего в том, что касается рождения детей. Нелегко пришлось одному судейскому чиновнику: велел одной такой даме назвать имя отца ребенка, в ответ он услышал «S.P.Q.R.» («Сенат и народ Рима», девиз города). Семьи признают внебрачных детей. Миряне воспитывают их вместе со своими законными детьми, священнослужители, которые зачастую принимают как должное женское общество и плоды своих любовных связей, берут их под свой кров. Пий II всерьез подумывал об отмене безбрачия слуг Господних. «То, что священники не женятся, — в высшей степени разумно, однако разрешить им жениться было бы еще разумнее»<sup>[8]</sup>, — любил он повторять.

Прежде чем взойти на престол святого Петра, почти все папы эпохи Возрождения уже имели детей: Каликст III был отцом Франческо Борджа, который впоследствии получит кардинальскую мантию и будет изображен коленопреклоненным на картине «Успение Богородицы» Пинтуриккьо. Иеронимо Риарио считался сыном Сикста IV; Пий II, Иннокентий VII, Юлий II, кардинал Франсуа Гийом д'Эстутвиль, камерлинг Святой Церкви, продолжили традицию. Их многочисленное потомство плодится по всему городу, ни у кого не вызывая возмущения.

Чем выше человек поднимается по ступеням церковной иерархии, тем нужнее оказываются семейные связи. Непотизм в ту пору считается не просто естественным, но абсолютно необходимым, он охватывает детей, братьев и сестер, в том числе двоюродных, племянников и племянниц. Он широко распространяется при Сиксте IV. Первое, о чем он позаботился на следующий день после избрания, — это обеспечить родственникам богатство, власть и вес в обществе, соединить их с благородными и влиятельными семействами, одарить их земельными владениями с

мощными крепостями, утвердить их в качестве суверенных «тиранов» на границах, для того чтобы держать в повиновении соперничающие мятежные группировки и противостоять любой попытке бунта или захвата территории. Современники, такие, как Гвиччардини и Макиавелли, судившие хозяев Ватикана не по их нравам, а по их политике, утверждали, что нет ничего дурного в том, что у папы есть дети, способные оказать ему поддержку.

Начиная с середины XV века римские папы одержимы идеей создания и укрепления Папского государства, так как от этого зависит их существование, поскольку их землям угрожает Арагонская династия в Неаполе, Сфорца в Милане и Медичи во Флоренции. В сущности, папы ничем не отличаются от таких властителей, как Гонзага, Эсте или Риарио, современники видят в них обычных деспотов (по-гречески «деспот» означает «хозяин»), облаченных в церковные одеяния.

Папское государство, далеко не однородное, должно было не только защищаться от внешней угрозы, но и бороться на собственной территории с местными правителями, ни во что не ставившими власть Рима. Церковные владыки, сменяющие друг друга на протяжении XV и XVI веков, делают все возможное, чтобы создать в центре Италии структуру власти, которая подчинялась бы им и обеспечивала их господство. Будучи «наместниками Бога на земле», они считают себя едва ли не наследниками римских императоров. Таким образом, «меч святого Павла» одерживает верх над «ключами святого Петра», мирская власть — над духовной. В разделенной на княжества Италии папа может выбрать лишь одну роль — вести себя как монарх или тиран, в античном смысле этого слова, поскольку, как говорил один оратор<sup>[9]</sup> (термин венецианского происхождения, означающий «посол») на Констанцском соборе (1414–1418), «добродетель без власти смешна: римский папа, лишенный церковных владений, окажется в роли слуги на посылках у князей и королей».

Благодаря практичности и несмотря на препятствия, чинимые соперничавшими между собой семействами Орсини и Колонна, Ватикан с блеском выходит из состояния застоя, в которое его погрузило Авиньонское пленение пап, и Рим вновь утверждается как центр христианского мира. Было бы нелепостью выносить обвинение во имя так называемой нравственности как Александру VI Борджа, так и тем, кто предшествовал или наследовал ему на папском престоле. Наиболее выдающиеся из них прибегли к методам большой политики, целью которой было расширение и

укрепление мирской собственности Церкви. Нам вовсе не следует считать их нравы недостойными, тем более что они всегда с почтением относились к догмам.

Один из наиболее проницательных наблюдателей Бальдассаре Кастильоне писал в 1516 году: «Желая искоренить пороки, искореняют добродетель». Последняя в эту эпоху еще сохраняла унаследованное от латыни значение «мужество».

Его с избытком будет хватать тому, кто пока еще зовется попросту Родриго Борджа, а у Лукреции не раз будет возможность доказать, что она по достоинству зовется его дочерью. Родриго, который станет папой Александром VI, родился в Испании 1 января 1432 года в Хативе, небольшом городке неподалеку от Валенсии. Начиная с XII века его предки могли гордиться званием «Caballeros de la Conquista»<sup>[10]</sup>, то есть рыцарями победного похода на арабов. Видные люди в своей провинции, они также пользовались уважением Кастильского и Арагонского дворов. Они заключали брачные союзы с самыми благородными семействами, и каждое следующее поколение придавало новый блеск их имени.

Белые крепостные стены небольшого городка Хативы, находящегося в Арагонском королевстве, возвышаются на фоне сурового и в то же время приветливого пейзажа. На востоке — покрытая редкой растительностью, мрачная, увенчанная крепостью гора, вдали вырисовываются судорожно сжавшиеся отроги, беспорядочно развороченные вершины Сьерра-Энгуэрры. На западе открывается более приятная картина: феерический сад Гесперид, где соседствуют апельсиновые, гранатовые, лимонные деревья и рисовые поля. Пальмы помахивают на ветру веерами листьев, отбрасывая тень на тропинки, по которым спускаются козы стада. Солнце обжигает землю, а две реки и близкое море приносят ей вечернюю свежесть. В этом городе-оазисе, где бьют триста источников, мужчины жизнерадостны, утонченны, охотно предаются страсти, зачастую расточительны, а женщины — любезны, обожают танцы, наделены живым умом и нежной душой. «Это вечный праздник, где, однако, не происходит ничего предосудительного, поскольку каждый уважает своего ближнего», — отмечает путешественник Мюнцер. Эта противоречивость — насилие и нежность, аскетизм и веселье, — присущая природе края, будет в разной степени характерна для представителей рода Борджа, и лишь Лукреция, в отличие от своих родных, до конца своих дней будет неспособна к насилию.

Дядя Родриго, Алонсо Борджа, получивший кардинальский сан в 1444

году, был призван в Рим для получения пурпурной мантии. Он чувствует себя чужим в Вечном городе, окруженный интригами собратьев, и чтобы не быть совсем одиноким, вызывает к себе племянника. Тот не торопится отправиться в путь и в сопровождении своего брата Педро-Луиса покидает в 1449 году родной город, чтобы завершить образование в Болонье. Ему придется подождать шесть лет, пока его дядя станет папой, приняв имя Каликста III. Одиннадцать месяцев спустя, 20 февраля 1456 года, воспользовавшись случаем, на тайной папской консистории новоизбранный папа провозглашает Родриго кардиналом, тем самым тот становится его кондотьером, защитником престола, его правой рукой, а также наследником его собственности. Отныне в его силах изгнать тиранов, которыми кишат Рим и области вокруг него. Подобно ангелу-губителю, он может смутить покой соседних республик и основать династию, способную навеки сохранить для своей семьи ту власть, что дает папская тиара, — власть мимолетную и не передающуюся по наследству.

Двадцатичетырехлетний «кардинал-племянник», подвергающийся нападкам со стороны косной администрации Папского государства и прожорливых мятежных князьков, для начала должен показать, на что он способен. Он сделал это незамедлительно: один дворянин из Асколи убивает тирана города, чтобы занять его место, и тут Родриго самолично захватывает «госса» (крепость) и отправляет мятежника в Рим под надежной охраной. Столь энергичный дебют «восполняет то, что он слишком молод», чтобы стать вице-канцлером, и он занимает этот пост, как раз оказавшийся вакантным. Вице-канцлер — один из наиболее почитаемых сановников после папы: он несет ответственность за внутреннюю организацию Ватикана, а также является главнокомандующим и комиссаром всей армии Папского государства. Столь почетное место достается Родриго, хотя на него претендовал еще и кардинал д'Эстутвиль. Родриго всего двадцать пять лет.

Лоренцо Медичи одобряет такую семейственность, поскольку, утверждает он, «никто не бессмертен, и папа может полагаться лишь на то, на что следует полагаться. Его благородство не является наследством, он может оставить после себя лишь почести и блага, коими наградит своих близких»<sup>[11]</sup>.

Время настало: не прошло с тех пор и шести недель, как 21 июля 1458 года приступ подагры поразил Каликста III. Свечи горят днем и ночью, и на их фоне начинается его по-испански пышная агония. Родственники, приближенные и его духовник вполголоса читают псалмы. В то время как

папа лежит на смертном одре, отрезанный от мира, в курии вспыхивает восстание оппозиции, в городе начинаются беспорядки.

До сих пор Родриго преуспевал во всем и не наживал себе врагов, в отличие от своего старшего брата, который добился высоких званий и должностей, лишь вызывая всеобщую ненависть. Итак, Педро-Луис вынужден пуститься в бегство под прикрытием младшего брата. Родриго, посадивший его в Остии на корабль, отплывающий в Испанию, возвращается в Рим, где уже разгорелся народный гнев против всего испанского. В резиденции вице-канцлера мятежники высаживают двери, выбрасывают мебель из окон. Родриго, невозмутимо наблюдавший за опустошительным набегом, хладнокровно вступает в беснующуюся толпу, подняв руку для благословения. Защищенный не столько пурпурной мантией, сколько своим авторитетом, он инстинктивно делает жест, необходимый для того, чтобы усмирить застывшую при виде такого мужества чернь, затем с таким же непоколебимым спокойствием он один, без сопровождения отправляется в Ватикан, чтобы быть рядом с дядей, Каликстом III, которого покинули родные и друзья и которого никак не возьмет смерть.

Новым наследником святого Петра в том же 1458 году становится Пий II Своим избранием он обязан главным образом кардиналу Родриго Борджа и выражает ему свою благодарность, тем более что этот блестящий прелат, прекрасный оратор, храбрец и гуманист так ему напоминает его самого в молодости. За пятнадцать лет до того, как на голову Энеа Сильвио Пикколомини была возложена папская тиара, он получил из рук Фридриха III лавровый венок (фреска Пинтуриккьо воспроизводит эту сцену в Сиенском соборе) за сборник любовных стихотворений, написанных на латыни, «Chrysis». Еще более эротично его произведение «Евриал и Лукреция»: Евриал, придворный из свиты императора Сигизмунда, во время пребывания в Сиене влюбляется в донну Лукрецию; дама, несмотря на то что она замужем, отвечает на его страсть наперекор многочисленным препятствиям; они достигают любовного экстаза, однако за этой кульминационной сценой не последует продолжения. Евриал должен покинуть город, и Лукреция умирает от тоски.

После избрания папой он отказывается от своих сочинений. «Отрекитесь от Энеа, — любил повторять он, — и примите Пия II». Тем не менее он закрывает глаза на распутство своего неутомимого вице-канцлера до тех пор, пока тот, по его мнению, не начинает переходить дозволенные пределы и бросать тень на репутацию Церкви.

Несколькими годами позже, во время понтификата Павла II, Гаспаре да

Верона набрасает следующий портрет Родриго: «Он красив, лицо его приятно и улыбочиво, изъясняется он изящно и мягко. Ему достаточно бросить взгляд на красивую женщину, чтобы удивительным образом воспламенить в ней любовь и привлечь ее сильнее, чем магнит притягивает железо». И, на свою беду, кардинал Борджа охотно отвечал и на их призывы. Пий II, который в молодости любил повторять: «Я боюсь воздержания», призвал к порядку своего слишком горячего прелата.

*Нам стало известно, — писал он, — что три дня тому назад несколько сиенских дам встретились в садах Джованни Бики и что ты, не слишком заботясь о своем достоинстве, пребывал с одной из них с часу дня до шести вечера, выбрав в качестве компаньона одного кардинала, который если не из почтения к апостольскому престолу, то хотя бы из уважения к своим летам должен был помнить о своих обязанностях. Нам сообщили, что там устроили неблагопристойные танцы, что там были всевозможные любовные соблазны и ты повел себя, как юный школяр. Из соображений приличия мы не можем уточнить, что именно там происходило, тем более что даже одно название этого уже является неподобающим твоему сану. Мужьям, отцам, братьям и прочим родственникам, в сопровождении которых прибыли юные дамы, вход был запрещен, так что вы получили полную свободу в увеселениях, в которых участвовали только вы и ваши приближенные, устроив танцы.*

*Наместник Иисуса не может не осуждать тебя. Ты, наш возлюбленный сын, возглавляешь епископство Валенсии, первое в Испании, ты также канцлер Церкви... Полагаемся на твой здравый смысл: разве пристало лицу с твоим саном играть в соблазнителя с юными дамами, посылать фрукты и вино той, которую ты любишь, и весь день думать лишь о всевозможных формах сладострастия<sup>{12}</sup>.*

Это галантное приключение кого-то развеселило, у кого-то вызвало возмущение. В самом деле, подобное бесстыдство, когда перед носом мужчин были захлопнуты двери, за которыми резвились с их женщинами, могло вызвать лишь их гнев и желание мести. Празднество длилось четырнадцать часов, о нем судачили в Сиене и Петриоло, поскольку «в Баньи, — говорит в заключение опечаленный понтифик, — не счесть священнослужителей и мирян, так что ты стал притчей во языцех».

Бартоломео Бонатто, посол Мантуи, сообщил об этих увеселениях Федерико I Гонзага, уточнив, что речь шла о крестинах:

*Мне не о чем больше поведать Вашей Светлости, разве что о том, что сегодня состоялось торжество по случаю крестин в доме местного дворянина, где крестными отцами были монсиньор Руанский (кардинал д'Эстутвиль) и вице-канцлер Родриго Борджа. Их пригласили в сад, они направились туда, и туда же была доставлена крестница. Все прекрасное, что только родит земля, было там, и то был прекрасный праздник, но никому, кто не принадлежит к духовенству, не удалось на него попасть...*

Один насмешник, приглашенный на торжества, признается: «Черт побери! Если те, кто родятся здесь примерно через год, появятся на свет в таких же одеяниях, как их отцы, все они будут священниками или кардиналами».

Родриго попросил прощения у святого отца, и тот простил его: «То, что ты натворил, безусловно, не безгрешно, но, возможно, не столь предосудительно, как мне о том рассказывали».

В августе 1464 года чума, усилившаяся от необыкновенной летней жары, обрушивается на страну. Пий II умирает, и Пьетро Барбо, кардинал Сан-Марко, становится папой под именем Павла II, затем кардинал Франческо делла Ровере, ставший Сикстом IV, в свою очередь принимает тиару. 22 августа Родриго, к этому времени ставший настоятелем кардиналов-дьяконов, короновал нового папу римского. Сикст IV, как и его предшественник, своим избранием был обязан кардиналу Борджа. Последний умел влиять на членов конклава ловко и мягко, ни в чем не обнаруживая собственного честолюбия. Тем не менее его знание церковных и юридических проблем, способность разбираться в политических делах с каждым днем увеличивали его вес и создавали все более надежное окружение. Говорил ли он по-латыни, по-итальянски или по-испански, его речь была необычайно приятной благодаря особой непосредственности и живости, а присущий ему дар убеждать очаровывал слушателей.

Ясон Мейнус, оратор Милана, описывает его так: «Изящная осанка, ясный лоб, на лице его печать душевной щедрости и величия; вид его царствен, он кажется античным богом». Если верить современникам, внешность Родриго Борджа совершенно не соответствовала канонам классической красоты: он был высок ростом, обладал здоровым цветом лица, у него были черные глаза, магнетический взгляд и рот добродушного лакомки; телосложение он имел плотное, но величественное; словом, в вице-канцлере, в коем была ключом жизненная сила, чувствовалось

непритворное умение радоваться жизни.

В пятьдесят восемь лет он был отцом троих детей, появившихся на свет от разных женщин: Педро-Луиса, родившегося в 1467 или 1468 году, Иеронимы, родившейся около 1469 года, и Изабеллы, родившейся в 1470 году. Год спустя он становится кардиналом-епископом, однако, чтобы получить доступ к столь почетной должности, он должен был принять сан священника и дать обет целомудрия и безбрачия. Он подчиняется установленному порядку не без некоторых мысленных оговорок, зная, что в нем сосуществуют вера священнослужителя и естественная склонность к плотскому греху. Тем более что в его жизнь недавно вошла Ваноцца Каттанеи. Сначала она подарит ему двух сыновей — Чезаре в 1475 году и Хуана в 1476-м. Апофеозом этой связи, почти супружества, с «*il più samale uoto*» («самым чувственным мужчиной», как скажет о нем позднее Андреа Боккаччо, епископ Моденский) станет рождение дочери Лукреции в 1480-м и последнего сына, Гоффредо, в 1481 году.

Итак, Лукреция явилась в этот мир в эпоху расцвета, когда зачастую отсутствовала справедливость, но всегда царила красота, насилие было в порядке вещей, а культура — в чести, где маскарады порой прерывались вторжением тиранов, где турниры и «суды любви» происходили под огнем врага; где убийцы, обожавшие Вергилия и Горация, пускали в ход кинжалы работы Эркуле Федели и заказывали свои портреты Пьеро делла Франческа, Пинтуриккьо и Тициану, где Рафаэль являлся распорядителем празднеств, а Микеланджело — пышных похорон.

В это беспокойное время произойдет множество событий, оказавших решающее влияние на всю историю человечества. Никогда еще с начала христианской эры ни законы, ни души не подвергались такому обновлению. Любящий отец и тщеславный брат сделают Лукрецию Борджа ставкой в матримониальной игре, и она будет играть роль, которую по своей воле, вероятно, не выбрала бы, но от этого она заслуживает не менее уважения и симпатии.

## Глава II

### Золотой век бастардов

Женщина, способная в течение пятнадцати лет удерживать не только самого ветреного, но и самого очаровательного кардинала, заслуживает внимания. Благодаря своей прелести и доброму сердцу Ваноцца Каттанеи смогла сохранить за собой если не верность, то, по крайней мере, любовь столь неординарного мужчины, каким был Родриго Борджа. Это уникальный случай: ни один из князей католической церкви не был верен женщине на протяжении столь длительного времени. Такая привязанность делает кардиналу честь и отличает его от предшественников.

Столь долгая связь с Ваноццей в конце концов обрела форму морганатического брака. Если верить картине кисти неизвестного художника, хранящейся у Братства Милосердия в Риме, или же холсту Джироламо да Карпи, находящемуся на вилле Боргезе, возлюбленная кардинала-епископа обладала той цветущей красотой, в которой гармонично сливаются томность и пыл. Густые и шелковистые светлые волосы, ослепительный взгляд под сенью черных бровей, зеленые глаза, прямой, точеный, с четко очерченными крыльями нос, полные алые губы — все это придавало выражение необыкновенной силы и чувственности ее лицу. Волевой подбородок и гордая посадка головы говорили об энергичности и чувстве собственного достоинства. Внешность определялась характером. Эта высокая, крепкая и пышная, как Венера Тициана, женщина была необычайно обольстительна, что вполне соответствовало любвеобильной натуре кардинала Борджа. Она была безупречной матерью и идеальной подругой этого деятельного человека.

Фамилию Каттанеи можно встретить в Риме, Венеции, равно как и в Мантуе, Ваноцца — уменьшительное от Джованна, а Каттанеи происходят от Капитанеус. Листа, автор обширного труда об итальянских династиях, утверждал, что отцом ее был Рануччо Фарнезе. Подобное родство представляется несколько надуманным. Однако некоторые свидетельства ее происхождения можно найти в «Diarum»<sup>[1]</sup> церемониймейстера Александра VI, где она упоминается как госпожа Ваноцца di casa<sup>[2]</sup> Каттанеи; эта семья, вероятно, жила в Риме и принадлежала к мелкопоместному дворянству или буржуазии. Совершенно достоверно известно, что ее имя никогда не фигурировало в дошедшем до нас списке куртизанок.

Первая встреча родителей Лукреции Борджа состоялась в 1469 году, когда Ваночце было двадцать семь лет и красота ее была в самом расцвете. Тридцатисемилетний Родриго, как мы уже говорили, ничуть не походил на Антиноя. Он был крепким, неутомимым, был наделен необыкновенным здоровьем и редкой силой, пыл его с годами не уменьшался. От этого мощного человека веяло спокойствием и величием, и создавалась уверенность в том, что ему уготована великая судьба.

Удачливый и в епископских трудах, и в делах любовных, со своей подругой он, по-видимому, обрел единственный раз в жизни простое семейное счастье. Чтобы соблюсти приличия, был найден достойный пятидесятилетний ватиканский чиновник, синьор д'Ариньяно, который согласился официально признать Чезаре своим сыном. В остальном же Родриго удивлял всех своим молодым духом, жизнелюбием, а порой и дерзостью. Так, однажды он, не колеблясь, приказал свернуть целой процессии, чтобы прошествовать с дароносицей в руке под окнами новоявленной синьоры д'Ариньяно. А когда в 1476 году родился Хуан, уже после смерти синьора д'Ариньяно, Родриго выдал Ваночцу замуж за некоего миланца, Горджо ди Кроче, который, как и его предшественник, был апостолическим секретарем у Сикста IV. У новоиспеченного жениха имелась собственность. Так, на Эсквiline, неподалеку от Сан-Пьетро-ин-Винколи, у него была великолепная вилла, окруженная парком, фруктовым садом и виноградником.

Рассудительной, осторожной и ловкой Ваночце нравилось обогащаться и делать отменно выгодные капиталовложения. Она становится владелицей нескольких гостиниц — возле Борго (таких, как гостиница «У льва» и «Ангел») и в квартале Париоли (таких, как «Ла Скала» и гостиница «У коровы»), которые она приобретет в 1500 году. Наконец, ее собственный дом на пьядца Пиццо-ди-Мерло, подаренный Родриго, находившийся поблизости от его дворца, бесспорно делал ей честь.

В начале 1480 года Ваночца вновь забеременела. Как и большинство римских дам, она посетила астрологов, чтобы узнать пол ребенка. В ту пору эта профессия становилась все более доходной. У римлянок появилась привычка держать пари на предсказания гороскопов, и эти игры приняли такие масштабы, что папский престол был вынужден сократить число практикующих астрологов до сорока и предоставить им некоторую монополию. Так или иначе, испанские и итальянские прорицатели предсказали Ваночце рождение дочери, и она решила рожать в Субиако, в старинной Рока Борджа.

Расположенный в ста шести километрах от Рима, этот небольшой средневековый городок, вознесшийся над тремя искусственными озерами, высится на обрывистых склонах, покрытых дубовыми рощами. Он хранит много воспоминаний: перед взором предстают руины виллы Нерона, где, по народным поверьям, обитают демоны и призраки, античные гробницы и развалины двенадцати монастырей, основанных в V веке святым Бенуа из Норчи и его сестрой-близнецом Сколастикой. Родриго построил укрепленный замок, нависающий над монастырем. Массивное, способное выдержать длительную осаду сооружение слилось с благородным и гармоничным пейзажем.

В Субиако, колыбели монашества, иноки могли удовлетворить свою склонность к уединению; так поступала и дочь папы после очередного испытания. Шестнадцатью годами ранее Арнольд Паннартц и Конрад Швайнхайм основали там первую в Италии типографию.

И вот, в окружении скромных и всеведущих придворных, среди музыкантов и поэтов, 18 апреля 1480 года Ваноцца произвела на свет Лукрецию. Ее отец, чуравшийся имен святых, назвал ее так в память о самой целомудренной из римлянок, дочери префекта Рима Спурия Лукреция и супруги Тарквиния Коллация, которая, после того как ее силой взял Сикст, сын Тарквиния Гордого, сообщила о нанесенном ей оскорблении мужу, отцу, Бруту и, призвав их к отмщению, покончила с собой у них на глазах. Эта драма стала причиной революции, в результате которой пала монархия и была установлена республика.

Несмотря на расстояние, отделяющее Рим от Субиако, многочисленные посетители прибывают с подношениями, выставляемыми в большом зале. Ваноцца принимает их, лежа на парадном ложе, где шелковые простыни вытканы серебром, подушки расшиты жемчугом, стеганные одеяла отделаны кистями, а занавеси из темно-красного бархата защищают от дующего сквозь щели ветра. Присутствующие весело беседуют, попивая вино и угощаясь печеньем и сладостями, поданными на золотых блюдах. Непринужденная беседа продолжается за обедом. Обед — легкий. По рекомендациям врачей Ваноцца сама кормит новорожденную грудью. Чтобы у нее было молоко «цвета белого, а не зеленого, не желтого и ни в коем случае не черного, с приятным запахом и вкусом почти что сладким, не соленым и не горьким, которое не пенилось бы и было бы однородным», она ест «миндаль, лесные орехи и французские супы»<sup>[13]</sup>.

Хотя женщины определенного сословия часто прибегают к услугам кормилицы, Ваноцца, как и Саладета, считает, что «та, что отказывает

ребенку в своей груди, не настоящая мать. Грудь дана не только для украшения тела, но чтобы выкармливать детей... к тому же молоко, почерпнутое из тела, коим владеет душа уравновешенная, наделяет характер ребенка свойствами этой души»<sup>[14]</sup>. В ее глазах кормление укрепляет кровную связь и вызывает к жизни настоящее чувство, тогда как взятая со стороны кормилица могла бы, не дай Бог, передать ребенку плохой характер.

Итак, возлюбленная кардинала придерживалась определенных правил в питании, но не менее строго соблюдались и правила детской гигиены: каждый день служанки купали маленькую Лукрецию в теплой воде, не добавляя туда никаких ароматических масел. Чистота была настолько в почете, что такой художник, как Рафаэль, не брезговал расписывать ванны во дворцах.

Придворная няня сторожила сон девочки, заботилась о том, чтобы ротик ее был закрыт, чтобы туда не забрался сверчок, чтобы ее укачивали не сразу после еды и под такую колыбельную, «которая укрепляет тело и дух и успокаивает плач, вызванный обилием новых впечатлений».

Когда спала сильнейшая летняя жара, Ваноцца возвратилась в Рим. На следующий год она родила сына, Гоффредо, которого Родриго признал так же, как и свою дочь, поскольку Сикст IV в специальных буллах разрешил ему официально именовать его потомство племянниками и племянницами.

Между настоящим отцом детей и отцом официальным царил гармония. Горджо ди Кроче был привязан к юным Борджа и становился все более внимательным по отношению к Ваноцце. Когда после рождения Гоффредо кардинал полностью прекратил интимные отношения с ней, он считал возможным вести себя, как и подобает супругу: в результате этого союза родился Октавиан.

С раннего детства Лукреция, несмотря на свое незаконнорожденное происхождение, знала, что ей уготована необыкновенная судьба. Энеа Сильвио Пикколомини, будущий Пий II, отмечал в своих комментариях, что большинство итальянских князей рождаются вне брака. Во время своего пребывания в Италии Коммин удивится их многочисленности и правам, которыми они обладают, а также равенству между законными и побочными детьми. Дети любви не обделены талантами, среди них — Эразм, сын священника из Роттердама, Филипино Липпи, сын монашки и монаха, Винчи, сын нотариуса и крестьянки, и Помпоний Лет, рожденный от князя Сан-Северино. Что касается Лукреции, то ее приятелями по играм были дети кардинала д'Эстутвиля, кардинала делла Ровере, Сикста IV и

Иннокентия VIII, прозванного «отцом Рима». Ее одевали, как взрослую: подбитые шелком платья, туники из парчи, стянутые поясами, украшенными драгоценными камнями, накидки из зеленого и розового бархата, украшенные александрийской тафтой, позолоченные сапожки. Вместе со своим братом Чезаре, то ласковым, то грубым с ней, рассказывавшим бесконечные истории о рыцарях и крестовых походах, где в причудливой мозаике соединялись высокие помыслы и жестокий разбой, она с удовольствием играла в жмурки, бабки и карты — *sertino*, с изображениями богов и животных<sup>[15]</sup>; она любила загадки, которые в зависимости от ответа низвергали в адское пламя или возносили в Эдем.

Однако самой увлекательной игрой были прятки, в них играли по всему дворцу и таким образом могли проникнуть в парадные залы, раствориться за коврами, за шкафами, полными золотой посуды и чеканных чаш, за массивными мраморными столами, где громоздились бесчисленные античные предметы искусства: кисти, головы, стопы статуй, все это появилось тут благодаря активным раскопкам близ Рима и Остии.

Пятью годами ранее, в 1480 году, в садах кардинала делла Ровере, неподалеку от Гроттаферраты, на свет извлекли Аполлона Бельведерского, античную статую, выполненную по оригиналу IV века, приписываемому Леохару. Находка святых мощей и та не наделала бы такого шума, однако для юных Борджа и их приятелей эти памятники иной культуры не представляли собой ничего особенного, так что им ничего не стоило разорить родительскую коллекцию, хотя за этим непременно следовало наказание, поскольку, как говорится, «и дочери послушной, и дочери непослушной палка никогда не помешает»<sup>[16]</sup>. Вечером их сажали под домашний арест в комнатах, напоминающих ледники. Дело в том, что в патрицианских особняках приемные залы отапливались гигантскими каминами, украшенными выступающими из мрамора фигурами в человеческий рост, а также при помощи жаровен, тогда как спальни обычно походили на кельи, хотя пушистые ковры несколько смягчали их суровый вид. Ни гобеленов с мифологическими сюжетами, ни шелковых драпировок — лишь две узкие кровати и два простых стола для Лукреции и ее воспитательницы. В углу — массивная печь из необожженной глины, единственное цветное пятно — образ Богоматери, перед которым горела лампада и где, по совету отца, девочка каждый день молилась, перебирая четки, прежде чем погрузиться в свой «*Zardino del Oratio*»<sup>[3][17]</sup>.

Детей кардинала Борджа больше всего завораживало то, что находилось за пределами дворца. Так, если взобраться на готический, с

высокой спинкой стул, нетрудно было дотянуться до лоджии, откуда, раскрыв глаза пошире, можно было наблюдать, как проходят кавалеры, дамы с закрытыми лицами, как с шумом катятся кареты с тщательно задернутыми занавесками, как едут на белых мулах кардиналы или — в феврале 1487 года — как медленно шествуют 100 тысяч закованных в цепи мавров, присланных в качестве подарка для папы королем Ферранте Арагонским. Для Чезаре, Хуана и Лукреции внешний мир был *terra incognita*. Все еще предстояло открыть: узкие, темные, запачканные испражнениями и отбросами улочки Вечного города, Форум и Сатро Вассино<sup>[4]</sup>, где посреди полуразрушенных или полузасыпанных колонн нищие спокойно справляли нужду под статуей, а голые мальчишки, грязные, как черти, играли посреди камней, мрамора и мусора; увидеть, как пастухи гонят домой стада коров, как каменщики катят ручные тележки. На Палатинском холме (от «блатинус»: там, где мычат быки) срывались лопатами древние храмы или разбивались молотками статуи, когда нужна была известь. Среди обломков каким-то чудом уцелела лишь Константинова арка. Таким образом, самые прекрасные ренессансные дворцы были построены из материалов Древнего Рима, хотя в то же время с Родоса прибывали корабли, нагруженные античными предметами искусства, цены на которые достигали невиданных масштабов.

Кастильоне отмечает, что в те времена «на раскопках грабеж стал вполне невинной мелкой кражей»<sup>[18]</sup>. Несколько веков спустя в своем «Путешествии в Италию» Тэн также удивится этому: «Никогда впоследствии мы не встретим подобного сочетания грубости и образованности, когда повадки воина уживаются с тонким вкусом антиквара».

Множество пилигримов в причудливых одеяниях попадали на удочку бродячих торговцев, лжесвященников, продававших с аукциона реликвии светского и религиозного характера — ступню богини Дианы или же шип тернового венца Иисуса. Подлинное и фальшивое без конца перемешивалось. Так, в апреле 1485 года возле монастыря Санта-Мария-Нова, неподалеку от Аппиевой дороги, была найдена гробница молодой римлянки, умершей до Рождества Христова. Облик этой юной, лет пятнадцати девушки — ее необыкновенная свежесть, щеки, казалось, тронутые румянцем, приоткрытые губы, белоснежные зубы, черные ресницы и волосы, собранные под сетку, украшенную драгоценностями, — произвел столь сильное впечатление, что весь Рим счел находку чудом. Несколько недель все только и ходили смотреть на ту, которая, как

говорили, была дочерью Цицерона. Устроенная на античный лад процессия перенесла ее на Капитолий, куда хлынули толпы паломников. Чтобы остановить приступ языческого идолопоклонства, Иннокентий VIII приказал тайно захоронить тело за городскими воротами Пинчо. Но и пустой саркофаг возбуждал народное воображение. Челядь из дома Борджа не была исключением.

Хотя во дворце Ваноццы парадный портрет кардинала во весь рост в пурпурной кардинальской мантии занимал почетное место, когда прибывал сам Родриго, дом переполняли радость и теплота. Все поочередно преклоняли колени и целовали ему руку. Как же непохожи были этот импозантный мужчина в шелковом одеянии, с золотым нагрудным крестом и хрупкая девочка, исполненная обожания и благоговения перед отцом, великолепия которого озаряло весь дом. Образ жизни Ваноццы позволял с роскошью принимать друзей семьи, доверенных лиц кардинала — испанцев и римлян, таких, как Орсини, Поркари, Барберини. За столом гости опустошали множество бутылей малаги и аликанте. Не будем забывать, что богатство дома измерялось числом и красотой содержащихся в нем рабынь, а в некоторых из них, музыкантшах или танцовщицах, хозяева видели скорее подруг, чем служанок. Это объяснялось тем, что празднества и пиршества всегда сопровождались мягкими голосами гитар, звоном бубенцов в мавританских плясках, пением с гортанными вскриками, возгласами одобрения, смехом — все эти звуки смешивались со стуком тяжелых дверей на петлях, ржанием кобыл, звоном бронзовых колец, скрипом колес, цоканьем копыт по мостовым.

Когда Лукреции было шесть лет, один за другим за несколько дней умерли муж ее матери Горджо ди Кроче и Октавиано, их сын. Зная любовный пыл своей бывшей возлюбленной и не желая подвергать ее искушениям, кардинал Борджа в очередной раз бросился выдавать ее замуж.

В претендентах на руку вдовы недостатка не было. Ее состояние, положение в обществе, пышная красота притягивали к себе и взгляды, и амбиции. Тот, кто становился принцем-консортом этой *bella donna*<sup>[5]</sup> кардинала, получал источник далеко не скудных доходов, да к этому еще и супругу, обожающую любовные игры, мать красивых, жизнерадостных и веселых, как ангелочки, детей. К большому удивлению «всего Ватикана», стало известно, что выбор кардинала Борджа остановился — и вкус его вызвал всеобщее восхищение — на одном просвещенном человеке, который, прежде чем прибыть в Рим, пользовался весьма лестной славой в Мантуе, своем родном городе. Карло Канале прославился в равной степени

благодаря своим талантам и знаниям в весьма изысканном кругу правителей д'Эсте (он приобщит Лукрецию к поэзии). Еще будучи камергером кардинала Франческо Гонзага, большого поклонника изящной словесности, он помог молодому Анджело Полициано, ученику платоника Марсилио Фичино, поставить на придворной сцене в 1474 году его «Орфея», «первое современное произведение», по словам Ромена Роллана<sup>{19}</sup>. После смерти кардинала Гонзага Канале прибыл в Рим, чтобы поступить на службу к кардиналу Склафенати из Пармы. Оставаясь верным своим прежним покровителям, он умело поспособствовал тому, чтобы добыть пурпурную мантию Лудовико, младшему брату Франческо.

Заключение брачного контракта, освященного папским благословением, состоялось 8 июня 1486 года в присутствии нотариуса семьи Борджа Камилло Бенеимбене, а в качестве свидетелей выступили папский секретарь и каноник святого Петра Франческо Маффей, Лоренцо Барберини де Кателлини, римский горожанин буржуа Джулиано Галло и другие сеньоры, среди которых Букардо Барберини де Канаррис. Приданое Ваноццы составляло тысячу золотых флоринов, а для ее супруга была приготовлена должность просителя булл, и в будущем его ожидало назначение на должность секретаря церковного суда...

Этот союз многое изменил в жизни Лукреции, поскольку вся семья покинула дом на пьядца Пиццо-ди-Мерло и поселилась в доме на пьядца Бранкис. Двумя годами позже родился мальчик, крестным отцом которого стал Лудовико Гонзага. Это означает, что Карло Канале действительно был мужем Ваноццы и брак их не был фиктивным. Отныне его герб соединился с гербом Борджа. Что до детей Ваноццы, то он привязался к ним, в особенности к Лукреции, подававшей такие блестящие надежды, что он чувствовал себя Пигмалионом.

Забываясь о ее образовании, он дарил ей религиозные книги, где картинки сияли золотом, лазурью и киноварью.

Под руководством этого гуманиста Лукреция изучает греческий по знаменитой грамматике Константина Ласкариса. Канале руководит ее первыми шагами в освоении языка Гомера и языка Вергилия. Он вводит что-то вроде ежедневной умственной гимнастики: нужно прочесть вслух басню или притчу с верным выражением, интонацией и правильным дыханием, чтобы подчеркнуть всю гармонию слова; то же и с игрой на виоле: девочка должна извлекать из инструмента только мелодичные звуки. Этот педагог ищет всевозможные средства, чтобы подстегнуть ее любознательность и мыслительные способности, деля с ней свои

собственные увлечения; он показывает ей рисунок тушью, изображающий контур человеческого тела, архитектурный проект идеального города, выполненный Филаретом, макет книги, предназначенной для пилигримов, книги по арифметике и астрономии и даже Ювеналовы сатиры с эротическими иллюстрациями, вызывающие у Чезаре, Хуана и их сестры множество вопросов, на которые их приемный отец дает ответы, лишённые какого бы то ни было лицемерия.

Тому, что Лукреция проявляет такое рвение в учебе, есть две причины. Первая — это бесконечное восхищение отцом, которое из чувства законной гордости укрепляет в ней стремление быть достойной его и заставить его в свою очередь испытывать к ней любовь, смешанную с восхищением. Вторая причина заключается в ее похвальном честолюбивом желании приложить все силы, чтобы не разочаровать своего учителя. Глядя на свою веселую ученицу, открыватель талантов Карло Канале, возможно, почувствовал, что наступит день — и Лукреция, тогда уже герцогиня Феррарская, станет другом и музой поэтов.

Мать особенно внимательно следила за физическим развитием Лукреции, она писала кардиналу Борджа: «Ваше Преосвященство, ваша замечательная дочь чувствует себя прекрасно, одно удовольствие смотреть, как она скачет на своей новой лошадке, в седле и без седла». Девочка занимается также плаванием, но только в хорошую погоду, когда, сбегая от римской жары, семья отправляется на загородный отдых в Субиако или в окрестности Рима.

В Санта-Лучиа-ин-Селче, в квартале Субура, у Ваноццы был просторный дом; его защищал от посторонних взглядов огромный парк. Вблизи огорода был выстроен мраморный водоем, где дети могли резвиться.

17 декабря 1487 года состоялся первый официальный выход Лукреции в свет. В тот день город был украшен в честь приезда Маддалены Медичи, второй дочери Лоренцо, хозяина Флоренции, и Клариссы Орсини. Лоренцо Великолепный из осторожности предпочел остаться в своем городе. Четырнадцатилетняя Маддалена готовилась выйти замуж за сына папы Иннокентия VIII. Последний, находившийся в конфликте с неаполитанским королем Ферранте, вступил в союз с Флоренцией и, чтобы укрепить этот союз, предложил в супруги дочери Лоренцо своего сына Франческо Чибо, сорокалетнего мужчину, который казался юной девушке стариком. Однако папа в качестве подарка от жениха давал обещание обеспечить Джованни Медичи, которому в ту пору было двенадцать лет, блестящую карьеру прелата.

В честь заключения этого союза улицы были украшены лентами, привязанными к окнам и протянутыми от дома к дому, с балконов свешивались ковры с изображением гербов Медичи, а дороги были усыпаны лавровыми ветками. Вице-канцлеру Родриго Борджа досталась почетная обязанность принять семью и свиту новобрачной. Он отдал в их распоряжение свой дворец, выстроенный в 1470 году по его замыслу и возвышавшийся между мостом Святого Ангела и Кампо деи Фьоре. Кардинал Борджа слыл самым состоятельным среди своих братьев. «Все убеждены в том, — писал кардинал Асканио Сфорца своему брату Лодовико Моро, — что у него больше золота, чем у остальных прелатов, за исключением кардинала д'Эстутвиля».

Ближе к вечеру Лукреция с братьями направились к отцу; тот, как и было заведено, принял их, гордый и счастливый от того, что мог показать своих детей великим мира сего. Он испытывал от этого удовольствие, которого был лишен Иннокентий VIII, ведь он не мог похвастать своими отпрысками, включая и новобрачного.

Для встречи жениха и невесты вице-канцлер приказал выстроить в своем огромном квадратном вестибюле помосты, частично закрывавшие четыре гобелена с религиозными сюжетами. Аристократия, высшие церковные сановники и интеллектуальная элита города заняли свои места. Вскоре послышался шум кавалькады Медичи, и при слабом свете смолистых факелов, потрескивавших в январском холоде под морозящим дождем, Лукреция увидела великолепную даму, укутанную в широкий шелковый плащ, подбитый мехом, походка которой подчеркивала ее величие. Это была супруга Лоренцо Великолепного, она склонилась, чтобы поцеловать украшенную перстнем руку кардинала, затем она представила ему свою дочь Маддалену, которая тотчас же выразила кардиналу свое почтение. Настал черед жениха: он преклонил колено сначала перед будущей тещей, затем перед своей нареченной. Для всех был слишком очевиден контраст между исполненной изящества юной девушкой и немолодым мужчиной. Однако вскоре, поскольку и самые печальные, и самые веселые события обычно заканчиваются трапезой, начался всеобщий пир. Милости также не заставили себя ждать, и несколько месяцев спустя папа даровал кардинальскую пурпурную мантию второму сыну Медичи.

На следующий день в Ватикане состоялся церковный свадебный обряд, отличавшийся почти восточной пышностью. Впервые там официально сочетался браком сын папы римского. Несколько лет спустя внукам Иннокентия VIII будут воздаваться такие же почести.

Начиная с этого дня Маддалена Медичи и дочь кардинала Борджа

подружились, как старшая и младшая сестры. Для Лукреции флорентинка была образцом упорства и мужества. Несмотря на юный возраст, она прикладывала все усилия, чтобы направить своего супруга на путь истинный; тот был любитель прогуляться ночью по улицам в компании собутыльников, задирая горожан и пугая, а то и похищая женщин. Тем не менее Маддалена благодаря своему милому благоразумию, очарованию и врожденной доброте, казалось, некоторое время благотворно влияла на Франческо. Но недолго. Два года спустя у них родилась дочь, но это оставило его равнодушным. Он вновь говорил исключительно о своих проигрышах и долгах, о торговле индульгенциями, которой он занимался, чтобы эти долги выплачивать, а также о ценах за освобождение от наказания, установленных им для убийц. В конце концов ему только и надо было что оставаться любимым сыном святейшего отца.

Лукреция привязалась к этой женщине, изо дня в день героически сопротивлявшейся житейским трудностям, несмотря на молодость. Сама того не ведая, Лукреция в свою очередь готовилась вступить в схватку с жизнью, обещавшую быть непростой в столь незаурядном семействе. В 1488 году Маддалена неоднократно давала ей читать стихи своего отца о непрочности нашего пребывания на этом свете:

Кто весел хочет быть, пусть веселится.  
Ничто не прочно на земле.  
Все мимолетно, ненадежно.  
Богатство тоже не навек.  
Лишь смерть одна прочна и недвижима.

Карло Канале заметил, что Маддалена Медичи способствовала развитию его падчерицы, это ничуть его не удивляло: ведь молодая женщина была ученицей Анджело Полициано, его мантуанского подопечного. Он сообщил о благотворных переменах кардиналу Борджа, побуждая его доверить воспитание Лукреции его двоюродной сестре Адриане Орсини<sup>[20]</sup>, бывшей к тому же теткой Маддалены. Можно сколько угодно удивляться такому совету, данному приемным отцом, отрывавшим девушку от матери, однако таким образом Лукреция могла приобщиться к духовной и светской жизни.

Упомянутая Адриана, дочь дона Педро, родственника Родриго Борджа, и внучатая племянница папы Каликста III, в 1472 году была выдана замуж за Лодовико Орсини, сеньора Басснелло. Благодаря этому браку она стала

членом одного из древнейших семейств Рима, перед ней открылись двери многочисленных дворцов Орсини, среди которых — Монте-Джордано возле моста Святого Ангела. Оставшись вдовой с сыном по имени Орсо, она продолжала пользоваться у современников необыкновенным авторитетом<sup>[21]</sup>.

Кардинал Борджа нашел в лице Адрианы родственницу, которая была к нему привязана и которой можно было довериться, рассказать о своих слабостях, планах и интригах; это была разумная женщина, уже в ту пору претворявшая в жизнь девиз Коммина, чьим «Воспоминаниям» еще только предстояло появиться в 1491 году: «Где доход, там и почет». Честолюбивая женщина в конце концов стала чем-то вроде тайного советника Ватикана и принимала у себя богачей и приезжавших аристократов, а также всю курию.

Во дворце Орсини было принято говорить по-латыни, ее предпочитали итальянскому. Лукрецию нисколько не занимали ни запутанные интриги, ни политика, она не ведала о том, что ей предстояло стать одной из козырных карт в игре ее отца, однако благодаря Адриане она получила на самом деле наиболее полное по тем временам образование, выучилась древним языкам, испанскому, французскому, музыке, пению, рисованию и, конечно же, вышиванию. «Для начала убедитесь в том, что вам есть что сказать, — повторяла ей Адриана, — затем скажите это просто, прямо, избегая изысканных оборотов. Я хочу, чтобы вы научились думать, а не мудрствовать»<sup>[22]</sup>. Что касается религиозного образования, то оно было получено в Сан-Систо на Аппиевой дороге, одном из немногих монастырей с незапятнанной репутацией.

Лукреция была наделена живым умом, умела сказать изящный комплимент на латыни, могла декламировать эклоги Петрарки, петь, аккомпанируя себе на лютне, и танцевать, исполняя самые сложные па. Тетка заботилась о ней неусыпно, но не проявляла особой сердечности. Однако поскольку Лукреция была дочерью весьма влиятельного кардинала, весь Рим относился к ней с почтением, словно к законной престолонаследнице. Ее подруги Баттистина и Перетта Узодимаре, внучки Иннокентия VIII, пользовались, как и она сама, равными правами с детьми из аристократических семей.

Мужчины и женщины эпохи Возрождения, стремившиеся быть наследниками греческих мыслителей и философов, считали внебрачных детей не плодом греха, а даром богов, в особенности если они были красивыми. А Лукреция становилась с каждым днем все прекраснее. Хотя

она и унаследовала от отца жизнерадостный нрав, но внешне ничуть на него не походила: волосы ее были светлыми, его — черными, она была сложена изящно, он же был массивен, глаза ее казались сине-зелеными озерами, еще не затуманенными ни одной бурей, тогда как его очи ослепительно сверкали, словно черные солнца.

В 1488 году Адриана устроила помолвку своего сына с Джулией Фарнезе, дочерью одной из ее кузин, связанной родственными узами с Орсини. Орсо, чьим мнением, разумеется, никто не поинтересовался, вместе с Лукрецией нетерпеливо ожидал ту, что была предназначена ему в супруги.

Род Фарнезе восходил к XII веку. Они правили землями вокруг Больсены из замка Фарнето, неподалеку от Орвьето. Хотя почвы здесь были плодородные, доход от них не позволял жить на широкую ногу. Поэтому они жили в замке Каподимонте по-спартански просто, с удовольствием вспоминая о выдающемся Раннуччо Фарнезе, служившем с 1431 до 1447 года у папы Евгения IV и бывшем одним из самых лучших его генералов. Пьеро Лодовико Фарнезе, умирая, оставил свою вдову с четырьмя детьми: Анджело, старший сын, выбравший военную карьеру, Алессандро, посвятивший себя Церкви, Джиролама, которая вышла замуж за Пуччи из Флоренции, и Джулия, которая в результате недавней удачной помолвки должна была породниться с кланом Орсини.

Все четверо были наделены очарованием, умом и ловкостью, но лишь младшая поможет семье выбраться из бедности и подняться. В ту пору ей было четырнадцать лет. Хотя лицо ее было еще детским, ее глаза, губы и густые волосы излучали необыкновенную чувственность. Сразу после прибытия во дворец Орсини она должна была выполнить *traductio*, то есть официальный обряд входа невесты в дом будущего супруга; во время этой пышной церемонии девушке позволялось поцеловать жениха.

Начиная с этого дня весь Рим смотрел на Джулию глазами или, точнее, глазом Орсо — ведь бедняга был одноглазым. Римляне окрестили ее *Bella*. Для Лукреции прибытие такой кузины стало настоящим открытием. Их встреча была встречей двух культур, ведь одна родилась в самом центре изысканного и жестокого мира Возрождения, другая — в краю озер и древних вулканов, где растили виноград и занимались рыбной ловлей. Джулия-Ундина ловила сетью угрей<sup>[23]</sup> в Больсенском озере, сопровождала братьев в поездках по семейным владениям. Лукреция обрела в ней такую же сердечную сестру, как Магдалена Медичи, с тем, однако, преимуществом, что Джулия жила с ней под одной крышей. Так что отъезд

Чезаре в университет в Перудже, который мог бы ее опечалить, оставил ее почти безучастной, равно как и смерть ее сводного брата Педро-Луиса, герцога Гандийского, помолвленного с племянницей короля Испании. Она даже почувствовала облегчение, когда Чезаре уехал. Ему было четырнадцать лет, и хотя он уверенно продвигался по церковной лестнице, чувствовал в себе все меньшее к этому предназначение. Несмотря на почет и привилегии, он испытывал только горечь, и в довершение несчастий наследником первого герцога де Ганди был провозглашен Хуан.

В конце зимы 1489 года одно выдающееся событие увенчало усилия дипломатии Ватикана. Вечером 13 марта Джулия, Орсо, Лукреция, Адриана и Ваночца стали свидетелями прибытия в Рим султана Джемы<sup>[24]</sup>. Уже несколько недель все ждали того, кто для простых священнослужителей был грешником, чье место в аду. Им, словно людоедом, пугали детей кормилицы, о нем, как о диковинном партнере, мечтали куртизанки.

Уже потому, что рожден он был матерью-христианкой, сербской княжной, а отцом его был не кто иной, как знаменитый завоеватель Константинополя Мехмед II, жизнь его не могла быть спокойной. После смерти отца он тщетно пытался захватить власть, прежде чем укрыться на Родосе, где он попросил об убежище у Великого магистра Ордена Святого Иоанна Иерусалимского Пьера д'Обюссона. Последний принял его сначала как гостя, затем стал обращаться с ним как с пленником, чтобы превратить его в разменную монету, причем довольно ценную, в сделке с его братом султаном Баязетом, которому было обещано, что Джеме не дадут убежать при условии, что на его содержание султан будет выплачивать 45 тысяч дукатов в год и прекратит воевать с Орденом. Однако опасаясь того, что может предпринять его старший брат, Джема только и мечтал, чтобы оказаться как можно дальше от Турции. Тогда Пьер д'Обюссон направил его в Овернь, в резиденцию командора Ордена, где он прожил семь лет (с 1482 по 1489 год). Если Карл VIII и Джема и имели желание встретиться, то рыцари сумели внушить обоим, будто они питают друг к другу ненависть. Все получилось настолько удачно, что в конечном итоге именно Ватикан оказался в выигрыше, тем более что располагал такими непобитаемыми козырями, как кардинальская шапка для Пьера д'Обюссона. Так его тюремщик Ги де Бланшфор, приор Оверни и племянник Великого магистра, передал его Никколо Чибо, представлявшему Иннокентия VIII, и кардиналу Ла Балю<sup>[25]</sup>. Они привезли его в Остию морем, откуда одна из галер, пройдя вверх по течению Тибра,

благополучно доставила их к воротам Портезе.

Огромная толпа сопровождала необычную процессию вплоть до замка Святого Ангела; там церемониал продолжился уже в установленном порядке, кортеж перестроился, чтобы узкими улочками добраться до Ватикана, где светская и церковная элита ожидала встречи главы христиан и неверного. Лукреция, посвященная в суть дела монахинями из Сан-Систо, смогла в полной мере оценить необычность ситуации. Тридцатью шестью годами ранее Константинополь, покинутый Западом, капитулировал перед отцом этого принца, сегодня — пленника, гостя Его Святейшества. С высоты террасы Ватикана Лукреция и стоявшие рядом с ней тетки Адриана и Джулия увидели, как приближается странный кортеж, во главе которого едет Доменико Дориа в сопровождении французских сеньоров, а далее шталмейстеры папы, сенаторы Рима, церемониймейстер Бурхард и наконец Джема, которого римляне прозовут Зизим, по правую руку от него в тот день ехал Франческо Чибо, сын папы, а по левую — Ги де Бланшфор. У ворот Святого Петра посол египетского султана в сопровождении десятка кавалеров приветствовал принца, выказывая ему гораздо больше преданности, чем римскому понтифику. Затем Зизим направился в покои, отведенные ему в Ватикане согласно протоколу, а на следующий день его должны были представить папе.

14 марта 1489 года кардиналы Священной коллегии и члены их семей присутствовали на церемонии представления. На всех произвели впечатление высокий рост и очень красивое лицо турецкого принца, походившего на своего отца, портрет которого написал Беллини, однако густые брови придавали принцу несколько мрачный, даже немного страшный вид, тем более что у него были светло-голубые глаза, а один глаз, сильно косящийся, был полуприкрыт.

Лукреции часто приходилось слышать о Джеме, о его заточении в золотой клетке и его прожорливости. Мантенья, расписывавший фресками новую капеллу в Бельведере (он оставит работу полгода спустя, обескураженный безразличием и скаредностью Иннокентия VIII), сообщал папе: «Он ест пять раз в день, много пьет и спит в перерыве между приемами пищи». Впрочем, это сонное обжорство продлилось недолго, поскольку в Риме он вошел в моду, и его общества домогались все, в особенности сыновья кардинала Борджа.

Итак, дворцу вице-канцлера предстояло превратиться на два дня в театральные подмостки, где должна была развернуться еще одна церемония: бракосочетание Джулии Фарнезе и Орсо Орсини. Первый день

был занят юридическими делами и подписанием контракта, составленного нотариусом Камилло Бенеимбене в присутствии хозяина дома и его семьи, взявшего в качестве свидетелей епископа Сеговии Мартини, двух испанских каноников, Гаретто и Каренца, и римского дворянина Джованни Асталли. Семья Фарнезе была представлена дядей невесты, доном Николой Гаэтани, и протонотарием Джакомо. К тому же приданое Джулии оказалось более значительным, чем предполагалось, — 9500 дукатов. Как часто случалось в те времена, родня, увидев, что девушка делает выгодную партию, решила не скупиться в надежде на будущее.

На второй день состоялось бракосочетание, празднества были организованы с необычайной пышностью. Родриго в сопровождении своих детей — отсутствовал только Чезаре, учившийся в университете, — держал Орсо за руку, все пятеро ожидали на пороге дворца прибытия свадебного кортежа. Ведь принять Адриану и невесту Джулию должен был глава семейства Борджа. Джулия в белоснежном платье, усыпанном драгоценными камнями, сошла с лошади и опустилась на колено, чтобы поцеловать епископский перстень. Подняв ее, Родриго вложил руку Орсо в ее руку и повел гостей в «комнату звезд», где на потолке было изображено ночное небо, и там Джованни Борджа дал им свое благословение, после чего трое детей кардинала Борджа ввели приглашенных в приемный зал, где возвышались столы для пира. Стены были украшены коврами со сценами из знаменитого «Трактата об охоте» Гастона де Фуа — этого легендарного героя, чьи светлые волосы напоминали комету, за что он и получил прозвище Гастон Феб. Застолье, как и положено, продолжалось бесконечно, но иногда, к радости пирующих, прерывалось интермедиями. Так, Лукреция прочла поэму о злоключениях Орфея, фокусники, мимы, жонглеры ходили по столам между блюдами со свининой, покрытой золотистой корочкой, с жареным павлином и с голубями в сахаре; пятнадцатая и последняя перемена сопровождалась наиболее изысканным развлечением, называемым «кавалер и кошка»<sup>[26]</sup>. Это весьма забавное зрелище состояло в том, что в клетке запирали мужчину и кошку. Человек, обнаженный до пояса, должен был раздражить животное, после чего убить его без помощи рук. Чем больше усилий приходилось прилагать «кавалеру», тем, разумеется, больше удовольствия это доставляло присутствующим.

Пиршество, как было заведено, завершалось появлением карликов. Переодетые кондотьерами, придворными, священниками, они весело разносили в пух и прах собравшихся. То было кривое зеркало, на которое

никто не обижался, так тонко и забавно было их остроумие. «Они рассмешили бы и святых в раю, и ангелов, при виде их и Цербер в аду разучился бы лаять», — сообщает Гвидо Торелли.

В том, что кардинал Борджа предоставил свой дом в распоряжение двоюродной сестры, чтобы отпраздновать свадьбу ее сына, нет ничего удивительного. Его родственные чувства лишены были всякой двусмысленности. Скорее он испытывал простодушную радость, показывая всем своих детей, племянников. Ему нравилась атмосфера праздника, и это унаследует его дочь, чтобы перенести это позднее в Феррару.

К концу года казалось, что жизнь улыбается Лукреции, как и ее отцу. Эпоха Возрождения находится в зените, и даже такой закоренелый пессимист, как Гвиччардини, так вспоминает это благословенное время: «За тысячу лет, что прошла с той поры, как Римская империя, ослабленная прежде всего развращенностью нравов, начала свое падение с той недостижимой высоты, куда вознесли ее героические добродетели, никогда еще Италия не была столь цветущим и мирным краем, каким была она в 1490 году»<sup>[27]</sup>.

## Глава III

### Воспитание языческое и христианское

Взрослея, Лукреция становилась все красивее. Однако она не соответствовала канонам того времени, когда отдавалось предпочтение роскошным женщинам с пышными формами. Она скорее напоминала женщину-ребенка, обещающую стать красавицей. Некоторые авторы считают, что она отличалась роковым и возбуждающим очарованием. Однако портреты, созданные ее современниками Пинтуриккьо и Бартоломео Венециано, а также медали с ее изображением открывают перед нами не только ее красоту, весьма отличную от той, что была в почете в те годы, но даже какую-то хрупкость, еще и сегодня трогательную наше сердце.

Правильный овал ее лица выразителен и нежен, большие светлые глаза светятся внутренним светом, маленький прямой нос дерзко вознесся над изгибом верхней и чуть припухлой нижней губой, у нее по-детски круглый подбородок и тонкая шея. От всего этого *candidissimo* исходит стыдливое очарование, подчеркнутое золотым нимбом светлых волос. Ее скромный и гордый вид говорит о душе, жаждущей любви и страдания.

В то время как Лукреция выходила из кокона и постепенно превращалась в прекрасную бабочку, ее отец, кардинал Родриго, осознавал, что, дабы получить тиару, ему следовало опереться на своих соотечественников, испанцев, а на итальянцев ему рассчитывать не стоит. Поэтому он все больше и больше окружал себя стражами и секретарями иберийского происхождения. Они были ему преданы, так как их материальное благополучие зависело только от него. В ту пору он был одним из самых процветающих церковных иерархов. Якопо де Вольтерра так рисует его портрет:

*Это человек весьма способный и большого ума; он искусный оратор и, даже обладая весьма средними познаниями в изящной словесности, умеет выгодно ими пользоваться и украшать свою речь; он ведет дела с удивительной ловкостью. Он сказочно богат, а покровительство нескольких королей и принцев создает ему определенную репутацию. Он живет в прекрасно выстроенном дворце, возведенном по его приказу между мостом Святого Ангела и Кампо деи Фьоре. Он извлекает*

колоссальные прибыли из своих церковных должностей, из нескольких аббатств, которыми он владеет в Италии, в Испании, и из трех епископств — в Валенсии, Порту и Карфагене; один только пост вице-канцлера приносит ему в год восемь тысяч флоринов золотом. У него столько серебра, жемчуга, тканей, вышитых золотом и шелком, и книг по самым разным наукам, и все это так роскошно, что достойно любого короля или папы<sup>{28}</sup>.

Успехи детей волновали Родриго не только потому, что он их любил, а еще и потому, что они должны были стать козырями в политической игре и в его продвижении к вершинам власти. Так, он начал наводить справки о молодых людях благородного происхождения из королевства Валенсия, достойных заключить с ним союз. В то время как Лукреция продолжала свои занятия греческим и философией, а Джулия Фарнезе учила ее заплетать в косу ее длинные волосы и наносить румяна на нежные щеки, отец среди знатных семейств своего родного края подыскивал такое, с которым можно установить выгодные связи. В тот момент один дворянин из Валенсии, граф д'Олива, предложил ему своего младшего брата, сеньора Валь д'Эйрориа, носившего восхитительное имя Керубен де Сентель. Ему было пятнадцать лет, и он ни разу не покидал пределов Испании. В Риме его никто не знал, как и сам граф д'Олива никогда не видел Лукрецию, о которой ему рассказывали посланники кардинала. Однако такой союз казался столь выгодным для обоих семейств, что Борджа и Олива быстро договорились о помолвке.

26 февраля 1491 года на валенсийском диалекте был составлен брачный контракт. Невеста была обозначена там следующим образом: «Синьора донья Лукреция де Борджа, девица, в нынешний момент живущая в Риме, родная дочь вышеуказанного преподобнейшего кардинала». В готовом документе уточнялось, что приданое составляло 100 тысяч марок, или валенсийских су в монетах и драгоценностях, и 11 тысяч су, выделенных сводным братом Лукреции, Педро-Луисом, первым герцогом Гандийским, сыном кардинала, родившимся до его встречи с Ваноццей. Поскольку невеста была еще слишком молода — Лукреции должно было исполниться одиннадцать лет через два месяца, — ее привезут в Испанию только через два года, а свадьба будет отпразднована и брак вступит в силу еще через полгода, «ибо тогда она войдет в достаточный возраст — тринадцать лет».

Однако пока шли торги вокруг этого соглашения, представился еще

один кандидат: Гаспаро де Прочида, богатый испанец, владевший обширными землями в Италии и вследствие этого представлявшийся кардиналу Родриго, чьи запросы росли вместе с его богатством, более подходящим женихом.

Гаспаро был сыном дона Хуана де Прочида, графа д'Аверса, важного лица, связанного с Арагонским домом. Его владения находились в Неаполитанском королевстве, а значит, ближе к Риму, поэтому их было легче держать под контролем. Вот почему 30 апреля кардинал Родриго устроил пир в своем дворце, чтобы отметить новую помолвку Лукреции, таким образом давшей слово двоим.

В архивах больницы Ad Sancta Sanctorum хранятся документы, в которых описывается путаница, возникшая в результате заключения этих брачных договоров. По ним видно, что «родной отец» дал обещание отправить свою дочь в Испанию на собственные деньги и передать ее одновременно двум женихам. Неизвестно, как ему удалось окончательно порвать с Сентелями, однако они повели себя как люди приличные и получили компенсацию менее чем два года спустя: после восшествия Родриго на трон Святого Петра под именем Александра VI окажется, что некий Гийом де Сентель назначен пронотарием и казначеем в Перудже. Зато разрыв с семейством Аверса окажется делом более деликатным. Меньше чем за три месяца Лукреция — а ее мнения не спрашивали — оказалась дважды помолвлена, затем первая помолвка была расторгнута, и в ожидании расторжения второй помолвки она так никогда и не увидела Гаспаро де Прочида, обладавшего, как говорили, весьма привлекательной внешностью. Приученная склоняться перед волей отца и Адрианы, Лукреция подчинилась по примеру Маддалены Медичи, а также кузена Орсо и кузины Джулии. О свадьбах детей в таких семьях договаривались еще с колыбели. Лоренцо Великолепный в своих воспоминаниях говорит об этом весьма трезво: «Я взял в жены донну Клариссу, или, точнее, мне ее дали».

Весной 1492 года Феррандино, принц Капуанский, привозит папе обещание своего деда, короля Ферранте Неаполитанского, выплатить годовой налог Ватикану: 36 тысяч дукатов, 20 тысяч всадников и пять трирем. Чтобы увенчать чем-то значительным вновь обретенное согласие, Лодовико Арагонский, еще один внук Ферранте, вступал в брак с Баттистиной Узодимаре, внучкой Иннокентия VIII, рожденной от Теодорины Чибо и Герардо Узодимаре. Его Святейшество благословил этот союз в присутствии аристократии и кардиналов. Никого не возмутила эта семейная папская свадьба, однако, как считал Бурхард, папа повел себя

неподобающим образом, допустив «прекрасный пол» сидеть за столом на свадебном пиру, тогда как правила запрещали женщинам принимать участие в трапезах, где присутствовал понтифик. Распорядитель церемоний Ватикана, этот страсбуржец, переселившийся в средиземноморский край, не мог понять неистовой страсти к наслаждению, завладевшей в те времена иерархами Церкви.

Посреди пиршества вдруг возникал Амур, голенький, покрытый золотой пудрой малыш с крылышками, он черпал воду из большой чаши и кропил ею гостей. Во время смены блюд то появлялся Орфей и пощипывал струны сладкоголосой лиры, то по залу проезжала запряженная тиграми колесница Цереры, то Персей освобождал Андромеду. Во время каждой интермедии античные герои декламировали стихи, в которых было множество намеков на новобрачных.

Лукреции были отлично известны все мифологические персонажи, во дворце ее отца нашли приют многие греки, и среди них — королева Кипра и Иерусалима Екатерина Корнаро. Кардинал Борджа, ее покровитель, представил Лукрецию; девочка была в восторге от вдовы героического Жака де Лузиньяна, которую двумя годами ранее обстоятельства заставили передать свое королевство в руки Венецианской республики. В ту пору эта тридцатисемилетняя государыня жила со своим двором в Риме, и папа Иннокентий VIII говорил о ней, что «речь ее, как свойственно грекам, льется из уст бурным потоком». Она полюбила Лукрецию, в которой, по ее мнению, соединились прекрасная образованность и редкое красноречие, а ее редкая красота сочеталась со скромностью. По ее просьбе девушка появилась перед собравшимися, чтобы прочесть несколько стихов из «Буколик». Она опровергла справедливую итальянскую поговорку: «Избави Бог от ревущего мула и девицы, говорящей по-латыни». На ее счастье Помпоний Лет<sup>[29]</sup>, философ, влюбленный в классическую античность (его произведения будут опубликованы в 1521 году), пользовавшийся расположением кардинала Борджа, привил ей вкус к греческим и латинским авторам.

Между этим гомосексуальным побочным сыном князя Сан-Северино и дочерью кардинала Борджа, таланты которой начинали постепенно проявляться, установилась душевная близость. В XV и XVI веках начиная с десятилетнего возраста девочки были частью публики на скамьях общественных собраний. Если в Средние века их посвящали святым, то в эпоху Возрождения — музам. Начиная с семи лет одаренные дети обоих полов собираются вместе и состязаются в знаниях за пальмовую ветвь. В

своих «Знаменитых женщинах» Якопо де Бергамо (1496) с воодушевлением рассказывает о «virago», почетном звании, коим именуют умную даму или девушку, обладающую познаниями в естественных или гуманитарных науках, а если вдобавок особа еще и очаровательна, то ей поклоняются с удвоенным рвением.

Несмотря на уродливость и заикание, Помпоний Лет умеет увлечь слушателя и заражает его своей любовью к рассказам и басням; так, когда он анализирует «Нарцисса» Овидия<sup>[30]</sup>, то весь преображается, глаза его блестят, красноречие его обладает такой неодолимой силой, а эмоции столь впечатляют, что ученики его раздражаются рыданиями. Этот некрасивый маленький человечек с лысой головой, одетый кое-как, делает интересными самые скучные истории; его живой, едкий ум, его частые намеки на современные события и всем известные личности притягивают к нему самую разнообразную публику. Молодые и старые слушают его с уважением, а Лукреция платит ему крепкой привязанностью. Кардинал Борджа внимательно следит за образованием дочери, велит ей писать ему на благородном языке и составить комментарий к письмам Цицерона. Однажды она получает от него такое одобрительное послание: «Твое письмо наполнило меня радостью, ибо в столь нежном возрасте ты пишешь на латыни чисто и изящно».

Для людей менее осведомленных имя Помпония Лета нерасторжимо связано с именем Плавта. Будучи постановщиком произведений великого римского комедиографа, он несколько раз организовывал представления во дворцах кардиналов или римской аристократии. Внутренний дворик дворца Борджа, украшенный античными колоннами, как нельзя лучше подходил для этой цели. Эти комедии, понятные любому благодаря богатому и живому народному языку, выражавшие воззрения простонародья и далекие от пошлости, доставляли Лукреции большое удовольствие.

Чтение Боккаччо, рекомендованного ее учителями, «хотя это и не поэзия», приучило ее к сюжетам подобного рода. На заре XVI века молоденькие юноши и девушки читали фривольные повести из «Декамерона». Все были осведомлены о том, что заповеди Господни люди претворяют в жизнь довольно странным образом. И потому, уважая христианский закон, гласящий, что веления плоти надо удовлетворять только в браке, они старались находить любовниц и любовников среди замужних женщин и женатых мужчин. Конечно, кругом процветала безнравственность, но для юной Лукреции расстояние между прочитанным и осуществлением этого на практике оставалось огромным. К тому же в

противовес легкомысленным книгам она читала таких авторов, как Аристотель, Тит Ливий, Саллюстий, Фукидид, Ксенофонт, Геродот, и осваивала языки. «Я полагаю, — писал Кастильоне, — что музыка, как и некоторые другие пустые занятия, весьма приличествует дамам. Искусство это пользовалось большим почетом у греков, которые не уважали дам, к нему не способных». В эпоху Возрождения считалось, что музыка помогает размышлениям, и Лукреция умела играть на кифаре, лютне и арфе, которая в те времена была настолько маленькой, что ее вешали на шею при помощи шнура с шелковыми кисточками, что позволяло принимать вычурную позу, похожую на ту, что изображена на картине Доменико Бартоли в Сиене.

Лукреция была далеко не чудо-ребенком, однако ее воспитывали в расчете на то, что она будет занимать высокое положение. В таком изысканном обществе тонкая беседа оставалась одним из главных времяпрепровождений, и женский ум, более гибкий, более живой, более легкий, не столь тяготеющий к определенности, как мужской, подходил для него как нельзя лучше. В своем «Придворном» Кастильоне пишет, что «безупречная придворная дама должна обладать познаниями в области словесности, в музыке и живописи. Также она должна уметь танцевать и должным образом вести себя на празднествах, разумеется, с известной скромностью».

Эти познания нисколько не мешали религиозному воспитанию. Кардинал Борджа особенно чтил Богородицу, он без конца советовал в письмах к своим детям быть набожными. По его настоянию вновь стали звонить в колокола перед молитвой Богородице, что до этого перестали делать. Кроме того, из святых он более всего отличал Екатерину Александрийскую, а еще Екатерину Сиенскую, «эту бедную скромную женщину, которая сто лет назад вернула из Авиньона в Рим боязливого Григория Одиннадцатого».

Адриана, также отвечавшая за воспитание Лукреции, но равнодушная к вере, отправила ее в монастырь Сан-Систо, где девушка стала, по выражению Блаза де Бюри, «образцом веры и добродетели». Однако в ту пору христианство несло на себе заметный отпечаток античной культуры. Пий II, оставаясь приверженцем экуменизма, писал: «Христианство представляет собой не что иное, как новое и более полное прочтение древних». А вот кардинал Паллавичини заявлял прямо: «Без Аристотеля в христианской вере было бы множество пробелов», добавляя: «Кроме того, у нас есть Ветхий и Новый Завет».

Поэтому Лукреция, воспитанная на античных классиках, находила вполне закономерным, что священники украшали свои проповеди стихами

из Гомера или Горация, что они сравнивали Непорочную Деву Марию с античной богиней, Христа с Юпитером, а Елисейские Поля с Раем. Художники также существовали в этом смешении идей. В храмах можно было видеть рядом с пасхальными свечами изображения Зевса, поражающего молнией морских чудовищ, а рядом — «Поклонение Волхвов», на дверях Ватикана — бога Марса и римскую волчицу с Ромулом и Ремом, творение Антонио Аверлино, который называл себя Филаретом — «другом добродетели». Вергилий был объявлен предтечей христианской веры, и поговаривали даже о канонизации Аристотеля и Платона. В начале одного произведения Овидия его переводчик писал: «Здесь начинается книга Овидия, в которой он взывает о помощи к Святой Троице». «Искусство любви» все того же Овидия превратилось в «Искусство соблазна в честь Пречистой Девы Марии».

Лишь немногочисленные монастыри, среди которых был и Сан-Систо, одно из любимых мест Лукреции, позволяли отправлять религиозный культ в тишине, тогда как в большинстве церквей на мессе было шумно, как на ярмарке. «Кажется, что слышишь гогот стада гусей, — сообщает Бернардино Сиенский. — Одна кричит: «Джованна!» Другая: «Катарина!» Третья: «Франческа!» Соберитесь с мыслями, если сможете».

Новость о взятии Гранады достигла Рима 31 января 1492 года. Последний бастион мусульманской веры в Европе достался Изабелле Кастильской и королю Фердинанду. Для Лукреции, испанки по рождению, равно как и для ее братьев, победа, одержанная их родиной, цитаделью христианства, была воспринята почти как триумф их отца. Кардинал Родриго, оказавшийся на авансцене Вечного города, тотчас устроил необычайно помпезные торжества в честь столь блестящего успеха в борьбе с исламом.

Вечером в празднично освещенном городе, под звон колоколов, под проливным дождем верующие, каждый со свечой в руке, проследовали за вице-канцлером до испанской церкви на площади Навоне. На следующий день под руководством посланников, прибывших из Испании, на этой площади начали строить деревянную башню, изображавшую Гранаду, для представления, посвященного падению последнего эмирата Андалузии.

Лукреция в окружении своей семьи находилась на почетной трибуне и наблюдала зрелище: изображения испанских монархов были обрамлены триумфальной аркой, а у ее подножия лежал король мавров, засыпанный грудой трофеев.

На следующий день, 5 февраля, кардинал Борджа потешил римлян

боем быков на арене, сооруженной на площади Тестаччо, одном из самых высоких мест в городе, предназначенных для народных увеселений. Лукреция присутствовала вместе с родными на этой корриде, где пять мощных быков, выращенных в болотистой местности, были выпущены на надежно огороженную арену и должны были умереть.

Когда прошла всеобщая эйфория, обнаружилась обратная сторона медали: массовое бегство евреев. Рассказы жертв гонений глубоко запали тогда в душу юной Лукреции, она вспомнит об этой трагедии впоследствии, и тогда, уже будучи герцогиней Феррарской, даст приют на своих землях преследуемым сефардам и маранам. Ведь 31 марта Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская (Католическая) вынудили сынов Израиля либо принять католическую веру, либо покинуть страну без права вывезти свое золото или серебро. Лишь немногие иудеи отреклись от веры, а около 300 тысяч человек отправились в изгнание, практически ничего при себе не имея. Говорят, что в те дни еврейские семьи меняли дом на осла, а виноградник — на одно платье. Многие из них не добрались до Италии. «Во время плавания, — рассказывает Иосиф Хакоген, — на них нападали моряки, срывали с них одежду и, обесчестив у них на глазах их женщин, отвозили в Африку, в сухой и безлюдный край. Дети их тщетно просили хлеба. Некоторые сами рыли себе могилы и кричали горам: «Засыпьте нас!»<sup>[31]</sup>

Те, кто добрался до порта Генуи, были встречены столь плохо, что попросили разрешения переехать в Рим, однако их римские единоверцы, опасаясь конкуренции, попросили кардинала Борджа изгнать их, предлагая ему за это тысячу дукатов. Возмущившись, Родриго прогнал просителей и разрешил беглецам свободно расселяться в городе. С тех пор о здоровье его семьи заботились три еврейских врача: Бонет де Латес, родом из Прованса, Андреа Вивес и Гаспаре Торелла. Однако изгнанники все продолжали прибывать. Они устроились в окрестностях гробницы Цецилия Метелла и даже занесли туда нечто вроде чумы, однако ничто не могло изменить мнение вице-канцлера. Более того, в храмах Рима каждую пятницу по его просьбе читались молитвы и за евреев, и за христиан. Такие ценности, как терпимость и гуманность, всегда были у него в чести.

В то время как кардинал Борджа защищал избранный народ, папа Иннокентий VIII снискал милость Баязета. Желая заручиться благорасположением римского первосвященника, стража и защитника его брата принца Джемы, султан объявил, что передаст лапе через чрезвычайного посла Святое копье, которым римский солдат Лонгин

проткнул бок распятому Христу и которое хранилось в Константинополе после того, как город был захвачен Мехмедом II. Свидетели преклонного возраста еще помнили, что до 1453 года этому копью поклонялись и чтили его. Так что были все основания полагать, что именно его Баязет хотел передать Ватикану. Исходя из этого, Иннокентий VIII решил принять этот дар с наибольшей торжественностью, тем более что римляне вновь возжелали обладать этим полузабытым сокровищем, как то случилось с Аполлоном Бельведерским или их юной соотечественницей в ее саркофаге.

Два прелата — Никола Чибо, архиепископ Арля, и Лукка Борскано, епископ Фолиньо, в сопровождении турецкого посла отправились в Анкону, куда на корабле прибыл священный дар. Они отвезли его в Рим 27 мая в Санта-Мария-дель-Пополо, где сын папы Франческо Чибо принял гостей. В толпе люди теснили друг друга, чтобы увидеть раку из хрусталя и золота, изготовленную ювелирами Ватикана.

31 мая 1492 года, на праздник Вознесения, Иннокентий VIII, облачившись в омофор, белый стихарь и драгоценную епитрахиль поверх белой мантии с капюшоном, прибыл в собор и, сняв митру, под радостные возгласы поцеловал ларец. Кардинальская процессия, окружившая реликвию, пришла в движение, чтобы поместить реликвию в соборе Святого Петра, дабы каждый мог ее созерцать. Знатные семейства следовали за духовенством, однако пара стычек между Колонна и Орсини из-за того, кому идти впереди, задержала прибытие кортежа. Наконец Иннокентий VIII, потрясая копьем, благословил всех присутствующих. И народ, прибывший из самых различных мест, чтобы увидеть эту церемонию, выражал свою радость, особенно бурную благодаря тому, что по совету Бурхарда в главных фонтанах города был перекрыт напор воды и вместо нее били струи вина.

Между тем здоровье римского первосвященника ухудшалось. У него было воспаление мочевого пузыря, его поразила подагра, он перенес несколько сердечных приступов и страдал от язвы на ноге. На площади Венеции стали взвешивать шансы тех, кто мог бы стать его преемником. Спорщики бились об заклад на большие деньги. Затем, поскольку Иннокентию VIII стало значительно хуже, кардиналы, покинувшие было Ватикан из-за непереносимой жары, поспешили вернуться вместе со своими войсками и пушками. Войско римского первосвященника и восемь сотен солдат под командованием Жана де ла Грослэ, правителя Рима, охраняли ворота и мосты города. Члены Священной коллегии опасались, как бы султан Баязет не воспользовался смятением конклава, чтобы похитить или убить своего брата, и кардинал Борджа устроил принца в

безопасном месте, в анфиладе комнат, находившейся под Сикстинской капеллой.

Агония святого отца была медленной. Будучи не в силах ни пошевелиться, ни заговорить, он возлежал на своей постели в окружении кардиналов, двое из которых не отходили от его изголовья: Джулиано делла Ровере (будущий Юлий II) и Родриго Борджа. Они настойчиво и рьяно выражали свое участие. Оба желали обосноваться в замке Святого Ангела, владелец которого негласно становился хозяином Ватикана. Их преосвященства не скупились на оскорбления в адрес друг друга, если верить сообщению, посланному 21 июля Антонелло Салерно маркизу Мантуанскому.

Врачи Его Святейшества старались изо всех сил, один из них даже приготовил питье из крови трех десятилетних детей, которые погибли от чрезмерных кровопусканий! Напрасно. 25 июля, утром, папа скончался.

## Глава IV

### Избрание нового понтифика

Ожидались большие перемены. Кардинал Борджа предупредил Орсо, Джулию и Лукрецию о возможных бесчинствах, которые и должны были начаться, едва станет известно о смене власти. В первую очередь обычай требовал дочиста ограбить дом нового избранника.

6 августа на площади Святого Петра был замечен массивный силуэт Родриго, всходившего на шесть ступеней базилики; поблизости можно было различить и широкоплечую фигуру кардинала Сан-Северино. Пока за конклавистами закрывались двери, в небе возникло нечто необычное, и за этим явлением наблюдали многие. Все римляне утверждали, что видели, как на востоке появились три одинаковых солнца, позволявших предсказать, как говорили астрологи, восшествие на папский престол человека, способного укрощать как земных, так и духовных владык.

Во дворце Монте-Джордано возбуждение достигло апогея. Адриана, Ванотца и Лукреция были как на иголках: выберут ли Родриго? Перед конклавом кардинал сообщил им по секрету, что надеялся занять престол Святого Петра, ибо находился под двойным покровительством. Во-первых, его покровителем был Александр III, которым он искренне восхищался. Этот волевой и решительный человек во второй половине XII века сделал Церковь свободной, боролся с Генрихом II Английским (он заставил его совершить покаяние после убийства Томаса Бекета) и особенно яростно — с императором Фридрихом Барбароссой. Твердость характера снискала ему звание «Propugnator <sup>[6]</sup> итальянской свободы». Другим покровителем он считал Александра Великого, которому его отец Филипп II, царь Македонии, сказал, предвидя его необычайную судьбу: «Ищи себе другое царство, поскольку то, что я тебе оставлю, слишком мало для тебя» <sup>[32]</sup>. «Моей целью, — говорил кардинал Борджа, — будет укрепление светской власти Церкви, которая неизбежно укрепит власть духовную: ведь Христос наделил святого Петра властью все соединять и разъединять как на земле, так и на небе».

К началу заседания конклава Адриана, как женщина умная, направила туда своих осведомителей. Они должны были сообщить ей, как только начнут снимать первые кирпичи с окон Сикстинской капеллы, чтобы она сама и ее семья оказались на месте в тот самый момент, когда будут

произносить ритуальные слова: «Habemus papam». Она знала, что если изберут вице-канцлера, то в распоряжении семейства Борджа окажутся изрядная часть доходов Папского государства и все ключевые посты.

Отрезанные от мира кардиналы наблюдали, как по заведенному обычаю с каждым днем уменьшался их ежедневный рацион — таким образом их поторапливали с принятием решения. По истечении недели их рацион состоял только из хлеба и воды, подкрашенной вином.

На рассвете 11 августа окна начали освобождать от кирпичей, по мнению толпы, слишком медленно. Наконец появился крест, была произнесена традиционная фраза, и властный голос объявил избрание Родриго Борджа под именем Александра VI.

Так окончилась жестокая битва, в начале которой шансы кардинала Борджа представлялись невысокими — он и сам это признавал — по сравнению с шансами кардинала Джулиано делла Ровере. К счастью для нового римского папы, его сопернику была поставлена в вину его зависимость от Франции, поскольку Карл VIII, желая обеспечить успех своему кандидату, раздал более 200 тысяч дукатов. Что касается еще одного соискателя, кардинала Асканио Сфорца, то он вполне мог превратиться в оружие в руках своего брата, Лодовико Моро, чьи аппетиты и амбиции весьма тревожили Италию; избрание Сфорца обеспечило бы господство Милану и разожгло бы старую вражду между Неаполем и Карлом VIII, претендовавшим на неаполитанский трон через родство с Анжуйской династией.

Теперь кардиналы не желали ни верховенства Франции, ни гегемонии Милана, что позволило отцу Лукреции выторговывать голоса, которые в конце концов достались ему. Впрочем, другие тоже не остались внакладе: кардинал Сфорца получил пост вице-канцлера, кардинал Орсини — несколько важных и выгодных должностей, кардинал Колонна — аббатство Субиако. Что касается кардинала Герардо, которому было девяносто пять лет, то он согласился и на премию в размере пяти тысяч дукатов.

Ничего поразительного нет в подобном обмене услугами. Предшествующие выборы прошли под знаком еще более глубокой коррупции, когда светские правители вмешивались в их ход через послов или тайных агентов, суливших кардиналам бенефиции или денежные вклады в тех банках, которые спекулировали на результатах голосования. После своего посвящения в сан новый папа оказался практически разорен, но церковные богатства тотчас помогли ему вознаградить за поддержку тех, кто помог ему взойти на трон Святого Петра.

По всей вероятности, невозможно точно узнать, что произошло во

время заседания конклава, поскольку дебаты сохранялись в тайне. Однако в противовес тем слухам, что распространились благодаря несдержанности некоторых оказавшихся не у дел кардиналов, Гартман Шедель, находившийся в ту пору в Риме, радуется этому выбору и сообщает в своей «*Liber chronicarum*», опубликованной год спустя в Нюрнберге: «Александр VI, человек необыкновенной учености и опыта, по справедливости был избран, чтобы править ладьей Святого Петра». Весьма вероятно, что Священная коллегия проголосовала за вице-канцлера единогласно. Микеле Фермо, Джованни Стелла, Сиджизмондо деи Конти это подтверждают. Что до нового папы, то он написал своим верным подданным в Терни, что все их пэры отдали за него свои голоса.

Едва Лукреция, Ваноцца и Адриана подошли к нижним ступенькам базилики Святого Петра, они увидели кардинала Сан-Северино, который, прежде чем посадить Родриго на трон, готовился представить его, уже одетого в белое, народу. В то время вся площадь радостно загудела. Люди были счастливы, что во главе Ватикана оказался человек энергичный, но в то же время доброжелательный, который после лихоимства Франческо Чибо наведет порядок в Риме, обеспечит мир и защитит гражданские свободы от тирании. Если его предшественники были вынуждены, уважая родственные связи, оберегать одни и притеснять другие семейства феодалов, то испанцу, не связанному с римской знатью, будет по силам бороться с кем угодно.

Наконец-то можно будет избежать губительного соперничества, не первый год обагрившего кровью город.

«Борджа, — повторяли римляне, — человек мужественный и по-настоящему честлюбивый, что как раз подходит к имени, которое он принял».

Такой взлет приводит Родриго Борджа в состояние эйфории, которое он и не пытается скрыть. «Итак, — говорит он, — удача вознесла меня на самую вершину: я — папа, государь, первосвященник и наместник Иисуса Христа». Удивлению Адрианы Орсини нет конца, она спрашивает себя, как случилось, что громкий титул, каким бы почетным он ни был, и почести, ему воздаваемые, смогли опьянить человека столь рассудительного, как ее двоюродный брат. Зато не по годам развитая и наделенная необыкновенной интуицией Лукреция понимает, что в глубине души этот хитрый *homo politicus* остается простодушным, по-детски наивным человеком, наделенным способностью изумляться. Повсюду в Италии и главным образом в Риме волнение так велико, как если бы Господь избрал этого

владыку орудием своих особых замыслов. «Он получил этот сан исключительно благодаря своим заслугам», — признают власти Сиены. «Трудно найти лучшего пастыря, более опытного главу Церкви», — утверждают в Венеции. Лукка, Феррара, Мантуя, Флоренция, Генуя тоже присоединяются к восторженному хору. Сам король Неаполя Ферранте обращается к понтифику с лицемерными восхвалениями.

На следующий вечер восемьсот римских горожан, верхом, с факелами в руках, воздали почести святому отцу. После чего началось празднование. Начались танцы вокруг освещенных фонтанов, латинские изречения и изображения мифологических персонажей украшали улицы и площади, актеры при тусклом свете изображали на импровизированных подмостках пантомиму, прославляющую Александра, тогда как в тавернах шумный и добродушный народ угощался вином и мясом. Праздник продлился несколько дней. Люди ходили глазеть, как на представление, на послов разных государств, прибывших с поздравлениями к наместнику Иисуса Христа.

Речи некоторых поздравлявших Лукреция находила очень забавными. К примеру, Ясон Мейнус заявлял: «Тебе нечему учиться у остальных, ты единственный, кого нельзя обвинить в невежестве... мудрость твоя столь велика, что ты ни в ком не нуждаешься; спрашивай совета лишь у самого себя; слушайся самого себя; следуй своим наклонностям; бери пример с себя самого... и ты никогда не ошибешься». Но не будем забывать, что Лукреция была воспитана на Цицероне и Демосфене и знала цену дифирамбам, даже если речи посланников короля Ферранте и Лодовико Моро<sup>1331</sup>, которые охотно отравили бы папу римского, вызывали улыбку. Нашествие ораторов не прекращалось в течение двух недель, порой заставляя решать весьма деликатную проблему об их очередности. Например, кого принять раньше — короля Венгрии или короля Шотландии?

Итак, Лукреция становится заметной персоной. Его Святейшество принимает ее в своих покоях и проявляет к ней прежнюю нежность. Потому что ее отец не собирался отказываться от своих детей. И дочь знала, что для нее двери Ватикана всегда будут открыты; она смогла открыто участвовать в торжествах в честь возведения отца в сан, в отличие от братьев, получивших приказание держаться в этот день подальше от Рима.

26 августа Александр VI покинул свой дворец, чтобы отправиться в собор Святого Петра. Как только он перешагнул порог базилики, каноник

зажег перед ним паклю в знак эфемерности его высокого сана, после чего наместник Христа отслужил мессу, затем направился в облаке ладана к паперти, где на глазах запрудившей площадь толпы епископы Остии, Альбано и Порто увенчали его голову тиарой, символизирующей три власти: императорскую, королевскую и церковную. После того как кардиналы засвидетельствовали свое почтение, кортеж, состоящий из прелатов и представителей римской знати, баронов, собрался вокруг Александра VI, чтобы сопровождать его до Сан-Джованни-ин-Латерано, епископской резиденции. Во главе процессии двигались священники и церковные сановники. За ними следовали лучники, рыцари в длинных одеждах и турецких тюрбанах, которые не стыдно было бы носить самому великому муфтию Стамбула; далее — прелаты, каждый из которых был окружен двенадцатью юными всадниками, почти детьми, лучезарными в своих белых с золотом туниках; подданные Церкви, «тираны» Перуджи, Камерино и Болоньи; охрана с Палатинского холма со сверкающими алебардами под предводительством графа Антонио делла Мирандола, потрясающего папским штандартом с тремя черными полосами на ярко-красном поле; наконец, граф Никколо Орсини де Питильяно, управляющий Церквью, он сопровождал тех, кто нес Святое причастие, а непосредственно за ним ехал Александр VI.

Папа, сидевший верхом на иноходце в серебряной узде, был защищен от солнца балдахином с желтыми и красными полосами, которые несли представители римской знати, а кардиналы Пикколомини и Риарио поддерживали тяжелую мантию из парчи, шитую золотом и усыпанную драгоценными камнями. Микеле Ферреро, ученик Помпония Лета, оставил нам портрет папы.

*Его Святейшество садится на белого как снег коня, его чело ясно, блеск его величия поражает, как молния, он благословляет народ, приветствующий его радостными возгласами. Его присутствие наполняет сердца радостью и предчувствием счастья. Как спокойны его движения, как благородны его черты, сколько великодушия в его взоре, как царственно высока его фигура, внушающая еще большее к нему почтение.*

Александр VI умел нравиться. К этому располагала его величественная внешность, не оставлявшая народ равнодушным... «Самой Клеопатре, — отмечал один летописец, — Антоний не оказывал таких почестей... Это зрелище достойно античных празднеств, когда вакханки шли впереди Бахуса».

На протяжении шести километров ковры и гобелены с гербом Борджа украшали дома, повсюду возвышались триумфальные арки, одна из них воспроизводила Константинову арку; дворяне соорудили перед своими домами декорации, приводимые в движение машинами; девушки читали стихи и бросали букеты, актерские трупы на папертях церквей играли пантомимы, прославляющие божество в образе быка: «Да здравствует божественный бык! Да здравствует Борджа!» На пути следования процессии один протонотарий поднял хоругвь, на которой была начертана следующая надпись: «Рим вознесся при Цезаре, теперь он еще более велик под скипетром Александра, Цезарь был человек, а он — бог». Со времен римских императоров никогда еще столь густая толпа не наводняла Вечный город. Громоподобные выстрелы из пищалей в замке Святого Ангела, где на башнях виднелось множество людей, дым от фейерверков, тяжелая безветренная жара, облака такой густой пыли, что «воздуха было не видно, многим казалось, будто они ослепли или их оглушили», мошки, роившиеся вокруг лошадей и мулов, духота от скопления людей — многие от этого падали в обморок или чувствовали недомогание.

Когда к подножию замка Святого Ангела принесли тору, положенную на пюпитр и окруженную свечами, Александр VI поклонился ей. Он заявил, что одобряет Закон, однако порицает толкование, которое дают ему раввины, и тем не менее подтверждает свое разрешение евреям проживать в Риме.

Прибыв в Латеран, где его встретил капитул, римский папа, почувствовав себя плохо, упал на руки кардинала Риарио. На какое-то мгновение окружающие подумали было, что он не замедлит присоединиться к своему предшественнику, Иннокентию VIII. Однако распорядитель церемоний, освободив его от тройной короны, щедро окропил его водой, и папа пришел в себя.

Наступала ночь, однако Рим был освещен а *giomo*<sup>[7]</sup> и ликование не ослабевало. Ватикан охранялся рыцарями, а пешие стражники с факелами создавали эффект огненной короны городу. Сияющий Рим казался всем очевидцам новым созвездием, сошедшим с небес, божественным посланием, адресованным наследнику святого Петра, двести восемнадцатому папе.

## Глава V

### Джованни Сфорца. Брак ради политики

Лукреции, до сих пор бывшей всего лишь почетной зрительницей, вскоре предстояло играть главную роль. Чтобы укрепить положение семьи Борджа, Александр VI старался как можно лучше пристроить своих детей; что касается Хуана, то его, помолвленного с двоюродной сестрой короля Испании, казалось, ожидало самое прекрасное будущее. Теперь стоял вопрос о том, чтобы выбрать Лукреции супруга, достойного ее и ее отца, а для этого надо было разорвать помолвку с доном Гаспаро де Прочида и, подчиняясь требованиям политической ситуации, выступить в союзе с Лодовико Моро против неаполитанского владычества. Осенью 1492 года сын Иннокентия VIII Франческо Чибо продал города и территории, которыми он владел к северу от Рима в районе Витербо и Браччано, Вирджинио Орсини, главнокомандующему войсками Ферранте Неаполитанского. Итак, последний не сдержал обещаний, данных Ватикану полутора годами ранее, при заключении брака между его внуком Людовиком Арагонским и внучкой Иннокентия VIII, и теперь возникла реальная угроза того, что Рим окажется в его власти, равно как и во власти кардинала делла Ровере, служившего посредником при покупке земель. Кардинал, будучи заклятым врагом дома Борджа (став папой под именем Юлия II, он дойдет до того, что отлучит от Церкви Лукрецию и ее третьего супруга, герцога Феррарского), несмотря на свою преданность королю Франции, не пренебрег щедротами, коими осыпал его Александр VI при избрании, а именно: сан каноника во Франции, судейские посты, а также аббатство Комалдони в Сан-Бартоломео-д'Ареццо, пост настоятеля монастыря Святого Юбера в Арденнах, аббатство в Риё, должность папского легата в Авиньоне, крепость Рончильоне, которая возвышалась над Римом и позволяла держать под контролем территорию Ватикана. Поэтому в присутствии всей консистории Александр VI живо выразил свое негодование и беспокойство, публично порицая кардинала-посредника.

Новый вице-канцлер Асканио Сфорца, брат Лодовико Моро, желавший разыграть миланскую карту против неаполитанской, начал с того, что предложил папе в женихи для его дочери одного из своих племянников, Джованни Сфорца. Александр VI, оказавшийся во главе одного из четырех наиболее мощных государств Италии — наряду с Неаполитанским

королевством, Миланским герцогством и Венецианской республикой, — полагал, что он обязан устроить брак Лукреции с максимальной выгодой для Папского государства, теснимого как с севера, так и с юга. Он хотел быть в равной степени политиком и верховным пастырем. В какой-то мере он считал себя наследником императора Августа и мечтал стать Господином мира. В 1414 году один оратор на Констанцском соборе заявил: «Когда-то я считал, что имело бы смысл полностью отделить церковную власть от мирских дел, однако с тех пор я понял, что добродетель без власти смешна».

Несколькими месяцами ранее, 26 августа 1492 года в Милане Лодовико Моро по совету своего брата Асканио Сфорца, чтобы подольститься к Александру VI, устроил публичные празднества в честь избрания нового папы и украсил эмблему Борджа быком, пасущимся как на земле, так и на небе. Теперь он считал себя «наполовину папой». В Ватикане кардинал Сфорца постепенно, используя свое положение, обязывающее заботиться о понтифике и отвращать возможные угрозы, то есть различные предложения о браке, писал: «Здесь многие желают породниться с папой через его дочь, многим была дана надежда, сам неаполитанский король к тому стремится». Семнадцатилетняя Беатриче д'Эсте, дочь Эркуле, герцога Феррарского, и супруга Лодовико, вынашивала самые честолюбивые планы. Пуская в ход свою красоту и ум, она ловко способствовала ослаблению позиций Неаполитанского королевства. Потому-то она, даже не зная Лукреции, побуждала Асканио начать переговоры относительно союза с его племянником.

Опасность союза с Неаполем вроде бы исчезала, но Сфорца опасались соглашения с каким-нибудь знатным римским родом. Напрасно, поскольку Александр VI, оставаясь испанцем до мозга костей, никоим образом не собирался покровительствовать грандам Рима, которых, напротив, он хотел бы ослабить, в чем он был близок Коммину, сказавшему: «Наследные владения Святого Петра были бы самым восхитительным краем в мире, не будь в нем Колонна и Орсини». Эти феодальные кланы, растеряв бывшее влияние, не смогли бы больше навязывать свою политику, что позволило бы папе создать в центре Италии королевство, состоящее из владений Церкви, и к нему присоединились бы Перуджа, Сиена, Пьомбино, Эльбе, Урбинское герцогство, Романья с Равенной, синьории Римини, Чезены, Форли, Фаэнца, Имола, Камерино, Модена и Реджо.

Многие относительно крупные и мелкие государства полуострова образовались совсем недавно в результате захватов различных территорий, и ни один из автократов не признавал другого безоговорочно.

Необходимость расширить территории, показать свою силу присуща всем незаконным правителям. Ферранте I (1458–1494), первый король Неаполя, внебрачный сын Альфонсо V, или Лодовико Моро, который ограбил своего племянника Джангалеаццо Сфорца, отняв у законного наследника его владения, не составляли исключения из правила. Вот почему Асканио Сфорца, будучи в курсе обширных и честолюбивых замыслов святого отца, зная, что власть Церкви и благо Италии отождествлялись для него с величием и благосостоянием Борджа, предложил для Лукреции принца-сюзерена, принадлежавшего к всемогущему семейству.

О переговорах, как их ни скрывали, стало известно, тем более что Джованни Сфорца прибыл в Рим во дворец кардинала Святого Климентия, сохраняя инкогнито весьма относительно, чтобы удостовериться в том, что папа не передумает на его счет, как это уже случалось дважды. Граф Гаспаро де Прочида, узнавший о присутствии соперника, пришел в ярость. Посол Феррары Андреа Боккаччо информировал своего господина, герцога Эркуле:

*Брачные намерения синьора Пезаро [Джованни Сфорца] всеми бурно обсуждаются, второй жених еще здесь; будучи каталонцем, он ведет себя вызывающе и грозитя пожаловаться всем христианским государям, но, хочет он того или нет, ему придется успокоиться. Даст Бог, это новое бракосочетание не принесет несчастья. Кажется, неаполитанский король недоволен. Вопрос еще не решен, второму и третьему женихам щедро раздают обещания. Повсюду считают, что Джованни Сфорца одержит победу, в особенности потому, что кардинал Асканио занялся его делом, а он человек влиятельный как на словах, так и в поступках<sup>[34]</sup>.*

Джованни, граф Пезаро, был далек от уверенности в своей победе. Все оставалось как было, и 9 декабря доверенный Мантуи Фьораванте Броньоло писал маркизу Гонзага: «Дело светлейшего сеньора Джованни еще не решено, похоже, что испанский сеньор, которому была обещана племянница (так официально называли Лукрецию) Его Святейшества, не желает отказываться от нее; он пользуется такой мощной поддержкой в Испании, что папа предпочитает, чтобы дело закончилось само собой и не пришлось самому принимать решение...» Тогда был бы положен конец этой войне нервов... Три тысячи дукатов должны были успокоить экспаладина или послужить ему компенсацией.

За два месяца у Лукреции состоялось три помолвки, и у нее почти совсем не осталось иллюзий относительно святости брака. Не желая того,

она оказалась предметом соперничества двух претендентов и причиной первого общественного скандала. Однако, поскольку претенденты на ее руку остались для нее не больше чем абстракциями, слухи не имели ничего общего с реальностью.

Теперь она была на виду, отныне она была осуждена на тот *forma di vivere*<sup>{35}</sup>, от которого никуда не деться. Все послы мира зорко следили за тем, как она живет, как ходит, одевается, танцует, выражает свои мысли, смеется. Мнение о ней составлялось по ее движениям, голосу, красоте, репликам. Благодаря врожденной грации ей чужда была неестественность, за что она заслужила одобрение своего окружения. Ее непосредственность, улыбка всегда были к месту. Танцы в особенности позволяли ей демонстрировать многочисленные достоинства.

Пусть дамы учатся прыжкам,  
Дабы никто не мог сказать,  
Что лишены они ума<sup>{36}</sup>.

Беатриче д'Эсте навела справки о прелестях Лукреции следующим конкретным образом: «Я осведомилась о том, не неуклюжа ли она и не фальшива ли; мне ответили, что нет, что, напротив, она весьма одаренная, поскольку владеет искусством вести беседу и петь, так что в остальном я и не сомневаюсь». Так, учитель танцев, которого выбрала Адриана, стал весьма важным человеком: евреи, находившиеся под покровительством Александра VI, обладали преимущественным правом преподавать эту дисциплину. Он давал ей два урока в день под звуки арфы и лютни, устраивал балеты и учил, что «двигаться следует грациозно и плавно; ноги должны ступать легко, жесты должны быть точными, а смотреть по сторонам нельзя. Когда фигуры танца закончены, дама покидает кавалера с улыбкой и глядит ему в лицо, затем с достоинством склоняется в реверансе, в то время как кавалер почтительно приветствует ее». Кто были партнеры Лукреции в этих хореографических постановках? Естественно, молодые люди или девушки из аристократических семей и, разумеется, дети кардиналов. Среди прелатов были, как известно, страстные любители танцев. Самые степенные люди могли участвовать в танцах, и никого это не шокировало<sup>{37}</sup>.

Живой ум Лукреции очаровывал всех. В Риме в те времена женщины одинаково стремились и к тому, чтобы овладеть знаниями, и к тому, чтобы

не прослыть слишком образованными.

До сих пор дочь папы, зная, что она хороша собой, совершенно не придавала значения моде. Природа наградила ее длинными выющимися светлыми волосами, сияющей кожей и ясными глазами — неслучайно небесно-голубой считался цветом богинь; этим она отличалась от своих современниц. Помимо дуэньи Лукреции прислуживала рабыня, семнадцатилетняя мавританка из Берберии. Она должна была отвечать за ее туалет, готовила ванну для Лукреции, она делала ей растирания с ароматическими маслами, следила за здоровьем зубов и в особенности за здоровьем ее волос, которые мыла взбитыми яйцами, смешанными с растертой глиной. Чтобы высушить их, предварительно разобрав на пряди, она усаживала свою хозяйку на залитую солнцем террасу, не позабыв прикрыть ей лицо соломенным козырьком. Зимой процедура происходила перед камином. В дни, когда не было приемов, служанка вплетала ей в косы свежие цветы, а если кто-то должен был прийти, обвивала ей волосы золотыми или жемчужными нитями, в зависимости от того, насколько важной была ожидаемая персона. Цвет лица оставался естественным — не слишком белый, не слишком розовый, с чуть заметной бледностью. Ее детская свежесть позволяла ей обходиться без пластырей, которые более старшие женщины носили как маску, не решаясь засмеяться, чтобы они не лопнули. Теперь Лукреция должна была каждый день появляться в новом платье. В принципе, начиная с двенадцати лет было строго предписано прикрывать грудь, но на практике указ этот соблюдался весьма относительно.

Адриана учила Лукрецию, что, для того чтобы ее уважали, она не должна быть мрачной или проявлять враждебность к тем, в чьем обществе находится. Сама она обязана следить за тем, чтобы случайно не произнести неблагопристойное слово, и не держаться слишком вольно с собеседниками. Лукреция находила, что теория далека от реальности, но была благодарна тетке за внимательное отношение. Пищу для Лукреции выбирали так, чтобы ничто излишне не возбуждало чувственность и не отягощало интеллект, ей давали вино с шутивным названием «Глоточек», не вызывавшее неприятного запаха изо рта; она постилась каждую пятницу — все это должно было сдерживать плотские страсти. «Блестящие кратеры Этны или Везувия менее горячи, чем кровь юной особы, воспламененная вкусной едой», — говорит Вивий. Постилась Лукреция и на следующий день после слишком обильных пиршеств, чтобы облегчить дух и тело.

Лукреция стала блестящей наездницей и вместе с Джулией и Орсо выезжала на рассвете на прогулку по окрестностям Рима. Два пажа и два

оруженосца обеспечивали им безопасность, и поездка верхом неизбежно оканчивалась в Сан-Систо, где настоятельница приказывала подать им легкое угощение. После жары, пыли и ветра какая свежесть, какое удовольствие скрыться в фиолетовом полумраке монастырской трапезной!

На обратном пути непременно мчались галопом по виа Аппиа. Вдали виднелись рыжеватые развалины — одинокие свидетели иной цивилизации, осыпающиеся колонны, вереницы каменных столбиков, а потом взору открывался Рим с его округлыми холмами, смутными очертаниями Палатина и розоватыми в утренних лучах крепостными стенами.

Провокация со стороны неаполитанского короля вынудила папу ускорить осуществление матримониальных планов: Ферранте, опасаясь брака Лукреции и племянника Лодовико Моро, отправил письмо его двоюродному брату, королю Испании, в котором он ставил в вину святому отцу, что тот «не проявляет никакого почтения к занимаемому им престолу. Единственная его цель — любой ценой возвысить своих детей. Все, что он ни делает, он делает скрытно и обманным путем».

Эти обвинения, ставшие известными в обществе, сильно раздражали Александра VI, однако гораздо больше его беспокоило постоянное присутствие армии неаполитанских кондотьеров, находившихся в опасной близости к Папскому государству. Укрепленные замки Черветери и Анавиллара, находившиеся в руках Вирджинио Орсини, представляли для него угрозу. Чтобы разжать их тиски и укрепить союз с Венецией, Сиеной, герцогом Феррары и маркизом Мантуи, который создавали Лодовико Моро и кардинал Асканио, чтобы с их помощью собрать необходимые воинские силы и отобрать у семейства Орсини их недавние приобретения, Александр VI решил более не медлить и укрепить союз с Миланом, соединив узами брака Лукрецию и Джованни Сфорца. «Есть три особенно трудных дела, — говаривал Франческо Сфорца, двоюродный дедушка жениха, — купить вкусную дыню, выбрать хорошую лошадь, найти достойную жену. Если ты хочешь сделать какое-то из них, уповай на Господа, натяни на глаза шапку и положишься на случай». Итак, Лукреция стала центром политической борьбы, ей дан в женихи принц-сюзерен из могущественного рода, имеющий надежную поддержку.

Джованни, будущий супруг, уединился в Пезаро, оставив указание вести дела своим покровителям.

2 февраля 1493 года брачный контракт подписан в Ватикане в присутствии посла Милана и доверительного лица папы. Николо да Саяно,

уполномоченный, присланный Джованни, представляет его интересы. Лукреция получает в приданое 31 тысячу дукатов, да еще на 10 тысяч дукатов одежды, драгоценностей и движимого имущества: все это должен передать ее брат Хуан от имени их старшего брата Педро-Луиса, первого герцога Гандийского. В присутствии нотариуса, а не священника Николо да Саяно надевает обручальное кольцо на безымянный палец невесты, «потому что в этом пальце есть вена, ведущая прямо к сердцу».

Будущий супруг, рожденный вне брака, как и Лукреция, был сыном Костанцо Сфорца, графа Котиньоле, сеньора Пезаро. Он отличился, будучи кондотьером на службе у венецианцев. Сикст IV, а затем Иннокентий VIII помогли ему удержать его земли. Его супруга Маддалена Гонзага, сестра маркиза Мантуи и герцогини Урбино, умерла в родах 8 августа 1490 года. Этот двадцатилетний вдовец считался умным и образованным, хотя ему присущи были тщеславие и корысть, а воспитание не смогло смягчить его несдержанный и обидчивый нрав.

Если бы Лукреция могла высказать свое мнение, то она, вероятно, не выбрала бы в спутники жизни человека вдвое ее старше, чья репутация вряд ли вызывала у нее восторг. Джулия Фарнезе, которая в ту пору еще не была любовницей папы, рассудительно заметила: девочке пора входить в мир взрослых. В любом случае жизнь Лукреции менялась. Отец только что подарил ей дворец Санта-Мария-ин-Портику, здание, недавно построенное епископом Тускулума, кардиналом Дзено, возвышавшееся слева от базилики Святого Петра на том самом месте, где позже Бернини построит свою колоннаду.

Адриана Орсини управляла домом своей племянницы, Джулия помогала ей в качестве придворной дамы, а новенькая, Пентесилея, служила экономкой. Этот дом за несколько месяцев превратился в место светских встреч, где собирались вместе посланники государей, например, Андреа Боккаччо, прибывший просить о кардинальской шапке для Ипполита, второго сына герцога д'Эсте, которому Лукреция сказала: «Невзирая на его юный возраст [ему было четырнадцать лет], мы сделаем его кардиналом», — дамы из аристократических семейств, родственники, друзья и всякого рода льстецы. Адриана руководила этими приемами так умело, что ее опекой никто не тяготился.

Благодаря своей испанской словоохотливости, эта любовница-жена умела создать вокруг себя теплую и внешне беззаботную атмосферу. Что касается Чезаре, то он по возвращении в Рим охотно бывал у сестры. Посол Феррары описал его в письме, которое он отправил герцогу Эркуле после своего визита 17 марта 1493 года к сыну папы, в ту пору

семнадцатилетнему.

*Я встретил Чезаре в его доме в Транстевере, он собирался ехать на охоту и был одет в светский костюм, облачен он был в шелк и при оружии. На нем была простая шапочка, прикрывающая тонзуру, как у обычного церковного служащего. Мы ехали верхом и держались рядом. Я с ним довольно близко сошелся. Он наделен умом широким и обладает прекрасным характером. Его внешность выдает в нем сына великого властителя. Ему свойственна жизнерадостность, все для него — праздник. Он благопристойен и, безусловно, производит гораздо лучшее впечатление, чем его брат герцог Гандийский. У него никогда не было желания иметь духовное звание, однако его бенефиций приносит ему более 16 тысяч дукатов дохода.*

Посол Феррары намекает здесь на то отвращение, которое Чезаре питал к монашескому платью, надетому на него по приказанию отца. Хотя он и был в сане архиепископа, но принял только обычное пострижение и впоследствии получал только младшие церковные чины. Это позволило ему оставить духовную карьеру ради создания семьи.

Среди лиц, гостивших в Риме, находится в ту пору наследный принц Феррары Альфонсо, которого его отец отправил, чтобы препоручить свое государство папе. Принца приняли с почестями и поселили в Ватикане, так как он был крестником Его Святейшества. Глава семьи д'Эсте, разумеется, был тронут такими знаками внимания к его сыну, о чем свидетельствует следующее послание:

*Святейший Отец и Господин*

*Целую ноги Вашего Святейшества и покорно Вам доверяюсь. Я давно уже знал, что именно Вашему Святейшеству и никому иному я должен принести мою бесконечную благодарность, однако адресованные мне послания епископа Модены и других людей не только от моего старшего сына Альфонсо, но также от лиц, его сопровождающих, укрепили меня в этом мнении. Из этих посланий мне стало известно, что Ваше Святейшество дарит всем, но в особенности мне и моим близким свою доброту, свою терпимость, свою милость, свою человечность и свою невыразимую любовь со дня приезда моего сына и во все время его пребывания в Риме. Поэтому я считаю себя особым и еще большим, чем прежде, должником Вашего Святейшества и адресую свою вечную благодарность...*

Конечно, это письмо придворного, поскольку герцог зависел от Церкви. Монархии, равно как и республики, чья сфера деятельности затрагивала Святой престол или кого связывали с ним вассальные узы, с недоверием следили за всеми намерениями папы, включая его проекты помощи родственникам. В этом случае, поскольку Сфорца и д'Эсте объединяли семейные узы, Лукреция становилась их родственницей, ведь Альфонсо д'Эсте в пятнадцать лет женился на Анне Сфорца Висконти, сестре Джованни Галеаса, а сестра Альфонсо Беатриче д'Эсте вышла замуж за Лодовико Моро. Итак, Альфонсо, подстегиваемый живейшим любопытством, отправился в Санта-Мария-ин-Портику, чтобы засвидетельствовать свое почтение златовласой девочке (девятью годами позже нынешняя невеста Джованни Сфорца, пережив не одну трагедию, станет супругой Альфонсо, и ее двор в Ферраре будет одним из самых блестящих в Италии). Лукреция, должно быть, обратила внимание на молодого широкоплечего кавалера с несколько рябоватым лицом. У него была пышная темная шевелюра, а шею скрывала густая борода. Чувствовалось, что он умный, решительный и благородный человек, поэтому Лукреция оказала ему особенно теплый прием. Поведением своим он напоминал неразговорчивого солдата, и это резко отличало его от кардиналов в шелковых ризах.

Поскольку Ватиканский дворец имел сообщение с дворцом Санта-Мария-ин-Портику, Александр VI без труда добирался из храма Святого Петра в резиденцию столь дорогих его сердцу женщин. Там он наслаждался полной гаммой чувств: от дружеской привязанности к Адриане до отцовской нежности и любви к Лукреции.

В Александре VI осталось юношеское увлечение роскошью, его не оставляли равнодушным красивые ткани, его очаровывали украшения. Несмотря на эдикт, запрещающий римским дамам носить более двух колец сразу, он подарил Лукреции кольца из лазурита и бриллиант стоимостью 18 тысяч дукатов, купленный у финансистов Аугсбурга, Фуггеров. Счастье дочери или, точнее говоря, ее возвышение заставляло его быть внимательнее к ней. Паоло Капелло, посол Венеции, констатирует, что даже если «он хочет, чтобы его сыновья поднялись на вершину славы и богатства, то к сеньоре Лукреции он питает особую, исключительную любовь, *in superlativo grado*». В сердце Александра VI уже поселилось чувство к Джулии Фарнезе, супруге Орсо Орсини, но оно ничуть не мешало нежности, с какой он относился к дочери. Лукреция, впрочем, не

испытывала никакой ревности. Скорее она задавалась вопросом о том, сколько продлится эта возвышенная любовь, возникшая сразу после переезда трех женщин в Санта-Мария-ин-Портику, которая, казалось, удовлетворяла честолюбие и невестки, и свекрови.

Орсо, в свою очередь, разобрался в ситуации. Позволив своей супруге трудиться во благо семьи Фарнезе, он уединился в своем родовом гнезде, замке Бассанелло, чтобы собрать войска, которые должны были присоединиться к неаполитанской армии. Стендаль скажет, что «Александр VI жил благонаравно с Джулией Фарнезе, подобно тому, как Людовик XIV жил с госпожой Монтеспан»; эпикурейцы называли ее «Христовой невестой»; эрудиты — «Европой, похищенной испанским быком»; Бюршар, не затрудняя себя поиском эвфемизма — «сожительницей папы»; для народа она осталась «Giulia la Bella».

2 июня Джованни Сфорца торжественно вошел в Рим через врата дель Пополо, где его встречали члены Священной коллегии, его шурины, герцог Хуан Гандийский и Чезаре Борджа, а также послы. Когда вдали пропели трубы кавалерии, Лукреция и ее придворные дамы приблизились к окнам дворца. Адриана и Джулия помогли ей расположиться на парадной лоджии второго этажа, распустив на темно-красном платье, украшенном серебряным позументом, ее сверкающие волосы, усыпанные жемчужинами. Ее парадное платье было настолько жестким, что, по словам ее дам, невеста волей-неволей вынуждена была стоять. Восхищенный шепот достигал ее слуха. Гул голосов затих, и воцарилась мертвая тишина: кавалер подъехал, чтобы засвидетельствовать почтение своей даме. Он придержал коня, вытянулся во весь рост на стремянах, затем замер в глубоком поклоне перед лоджией, где блистала Лукреция. Взгляды их встретились. Она ответила на его приветствие прелестной и скромной улыбкой. Жених был человеком крепкого сложения, бородатый, с приятным лицом, которое оттеняли длинные вьющиеся волосы. Нос с небольшой горбинкой придавал ему выразительность, высокий и выпуклый лоб говорил о живом уме.

Александр VI собирался назначить свадьбу десятью днями позже, внимательно следя за тем, чтобы она не пришлась на среду, неблагоприятный день, как свидетельствует широко известная поговорка:

*Ставшая женой в среду — холоднее инея,  
ставшая женой в среду погубит мужа,  
ставшей женой в среду незнакомо наслаждение под  
пологом <sup>{38}</sup>.*

Отныне Ваноща уже не будет находиться рядом с дочерью, но она с нежностью и большим тактом будет следить за судьбой Лукреции. Ни та ни другая, казалось, не страдали от разлуки, настолько они были уверены во взаимности своих чувств.

Лукреция занималась делами: надо было составлять письма с благодарностями за подарки, прибывавшие из Европы, принимать послов и готовить приданое под руководством Адрианы. Торговцы из Англии, Франции, Германии, Италии предлагали мех соболя и «испанской кошки» для коротких накидок, прозванных *sbernia*, которые Лукреция ввела в моду, предлагали *tela di Rensa* (реймссское полотно), тоньше которого не было, парчу. За ними следовала вереница ювелиров и резчиков по камню, на которых лежала обязанность поставлять кольца, браслеты, колые, кулоны, украшенные аметистами или изумрудами, а из церковных украшений — четки из черного янтаря, из золотых шариков или из сердолика.

Юную Лукрецию не очень тревожило замужество само по себе; ее ближайшее окружение, как казалось, придавало не слишком большое значение этой простой формальности — достаточно было вспомнить ее расторгнутые помолвки, ее беспокоила ожидавшая ее брачная комедия. Лукреция, с рождения находившаяся под защитой отца, инстинктивно боялась насилия. И только Джулии, которая была старше ее на три года, было по силам развеять ее опасения.

На исходе дня 12 июня герцог Гандийский прибыл за сестрой в ее дворец. Она вышла из него в окружении шести молодых людей, одетых в длинные туники из замши. Сын папы приводил всех в изумление. Одет он был весьма экзотично. На нем был белый костюм, расшитый золотыми нитями с прикрепленными к ним крупными драгоценными камнями, рубиновое ожерелье, а на голове — убор на турецкий манер, высокий тюрбан, украшенный огромным бриллиантом. Даже в ту эпоху не часто случалось видеть на одном человеке 150 тысяч дукатов золотом. Тот, кого прозвали «самым роскошным молодым человеком Рима», превзошел самого себя. Он держал за руку своего брата Гоффредо, которому было одиннадцать лет и который тоже был разукрашен, как языческий идол. Что касается Цезаре, то он был скорее зрителем, чем актером, и его черное церковное одеяние вносило нотку торжественности в эту чрезмерную пышность.

Адриана, заботившаяся о том, чтобы Лукреция выглядела изящно, велела ей нарядиться вечером в платье цвета индиго, «увитое золотом» и усыпанное жемчужинами. Тонкий поясок подчеркивал грудь и

поддерживал складки ткани, колыхавшиеся вокруг ее талии и свободно развевавшиеся на ветру. Из украшений на ней были только диадема, украшавшая волосы, и кольцо из хризопраза (оно стоило 15 тысяч дукатов).

Хотя расстояние между дворцом Борджа и Ватиканом было невелико, римлянам пришлось долго ждать прибытия свадебного кортежа. Неровные камни мостовых скрылись под ковром из белых цветов. Распорядитель церемонии Хуан Гандийский шагал слева от сестры, чей шлейф несла очаровательная маленькая чернокожая рабыня. Лукрецию сопровождали Баттистина, внучка Иннокентия VIII, и Джулия Фарнезе. За ними следовали сто пятьдесят римских дам. Розовая лента, натянутая поперек улицы, остановила кортеж. И Лукреция по обычаю склонилась, чтобы far il serreglio<sup>[8]<sup>139</sup></sup>. Один из самых красивых юношей Рима преподнес ей букет. Ему-то она охотнее выразила бы свое восхищение. Бесплотная и светящаяся невеста шла необычайно величественно, словно плыла.

Александр VI выбрал для этого летнего вечера прохладные залы, расписанные фресками Пинтуриккьо, хотя художник еще не закончил работу. Однако его живопись очень удачно вписывалась в архитектурный ансамбль, частью которого она являлась. Восточные ковры покрывали каменный пол вплоть до самого папского трона, возвышавшегося в глубине зала, где святой отец в стихаре и короткой атласной мантии с капюшоном занял свое место в окружении десяти кардиналов в алых плащах. Едва распахнулись двери, началась толкотня, и все пришли в такое возбуждение, что гости забыли преклонить колени перед папой, к несказанному возмущению Бурхарда, увидевшего в их легкомыслии предвестие анархии. Что касается жениха, то, как и его будущий шурин, он прибыл, одевшись «по-турецки на французский манер», с роскошным ожерельем на груди, взятым взаймы у маркиза Мантуанского, — деталь, которую тотчас заметил посол дома Гонзага, улыбнувшийся при виде такого мальчишества; Сфорца, раздраемый гордостью за свою новую нареченную и желанием покрасоваться, попросил брата своей покойной жены одолжить ему это украшение.

Чезаре, архиепископ Валенсии, занял место слева от папы, Хуан остался на пороге зала, в то время как их сестра направилась к трону. Лукреция шла так легко и неслышно, что казалось, будто она и не касается земли, слышны были только шелест ее платья и позвякивание украшений. Не сводя с Его Святейшества ясного взгляда, она приблизилась, склонилась в глубоком поклоне, коснулась губами туфли своего отца. В этот момент Джованни Сфорца подошел к своей невесте, которая робко протянула ему

руку, а потом убрала в нерешительности, но Александр VI, нежно улыбаясь, соединил их руки.

Оба встали на колени на бархатные подушки, и нотариус задал традиционные вопросы: «Сиятельный сеньор, полагаю, вы помните, что значилось в контракте, заключенном сиятельной сеньорой Лукрецией Борджа, здесь присутствующей, и мессиром Николо, действующим от Вашего имени. Думаю, вы помните сроки контракта, сумму приданого и другие его положения. Следовательно, я не вижу необходимости зачитывать его еще раз. Согласны ли вы выполнять предписания этого контракта в соответствии с его содержанием и смыслом?» «Я прекрасно его помню, — ответил Джованни. — Я согласен с ним и обязуюсь соблюдать его». После чего нотариус повернулся к кардиналам, попросил их быть свидетелями церемонии, которая должна была за этим последовать, затем снова обратился к новобрачному: «Согласны ли вы взять в законные супруги и жены сиятельную сеньору Лукрецию, здесь присутствующую, и обещаете ли вы обращаться с ней, как подобает обращаться с законной женой?» «Я желаю этого от всего сердца», — сказал Джованни звучным голосом. На тот же вопрос Лукреция шепотом ответила только: «Согласна»<sup>[140](#)</sup>.

После того как были даны обещания, епископ Конкордии подошел к своему владыке, тот вручил ему обручальные кольца, затем епископ передал их коленопреклоненным супругам и благословил их, в то время как граф Питильяно, командующий войсками Церкви, поднял свою шпагу над новобрачными. Лукреция, молитвенно сложив руки, склонив голову, словно погрузившись в созерцание разноцветного пола, казалось, была безучастна к собственному браку. Хор исполнил «благодарственные песни» мотеты Окегхейма, капельмейстера французского королевского двора.

По окончании церемонии Александр VI сделал своего зятя кандидатом в члены Ордена Святого Петра, и, поскольку собравшиеся уже перешли в парадный зал, он присоединился к ним и поднялся на трон в окружении стайки прелестных дам, которые расположились у его ног. Это было знаком начинать увеселения.

Для начала двести слуг обнесли присутствующих марципанами, фруктами и вином, а остатки впоследствии были отданы народу. Пятьдесят килограммов сладостей, к великому горю Бурхарда, растоптала толпа. После этой «легкой закуски» была предложена пища для ума. Публика немножко позевала на представлении «Менехмов» Плавта, где актерами были конюшие кардинала Колонна, но зато по достоинству оценила более

легкую комедию о семейной жизни, сыгранную римскими студентами и их преподавателями.

Прежде чем отправиться на вечернюю трапезу, гости разбрелись по саду, откуда доносились музыка и треск фейерверка.

Папа возглавил семейный ужин, усадив Лукрецию по правую руку, Джулию — по левую, тогда как рядом с каждым из десяти кардиналов сидела хорошенькая женщина из благородного семейства, и пурпурные сутаны чередовались с обнаженными плечами, украшенными драгоценностями.

На следующий день в честь Лукреции был задан пир, во время которого Джулия была возведена в ранг фаворитки.

Тремя месяцами раньше она родила дочь Лауру. Отцовство молва ошибочно приписывала папе. В этот вечер лакеи принесли пирующим серебряные тазы, наполненные розовой водой, позволяющей освежить лицо, затем последовал ряд блюд: золотистое поджаренное мясо, дичь целиком в сопровождении вин из Смирны и Сиракуз. В какой-то момент четыре «херувима» поставили на край стола гигантское блюдо, наполненное браслетами, колье и серьгами, которые Лукреция брала наугад и раздавала своим гостям. Свет факелов, прикрепленных к стенам, подсвечников в руках пажей и восковых свечей, во множестве расставленных по столу, отражался и дробился в золоте и серебре кубков и блюд. «Кто бы мог представить, — писал Инфессура не без ехидства, — что Церковь владеет таким количеством серебряных предметов». Приход Жоскена Депре прервал беседу, он исполнил отрывки из своих произведений и фроттолу «El Grillo é bon cantore», которые собравшимся весьма понравились.

К полуночи слуги унесли столы и разложили в центре зала подарки новобрачным. Боккаччо, посол Феррары, описывает их в подробностях своему хозяину:

*Подарок Светлейшего герцога Миланского состоит из пяти различных отрезков золотой парчи и двух перстней, из коих один — с алмазом, а другой — с рубином. Тут и я передал подарок Вашей Светлости (большие парные серебряные чаши с несколькими вазами, подходящими к ним, самой тонкой работы), сопроводив их приветствием, выражающим вашу радость по поводу этого бракосочетания, равно как и готовность оказать ваше содействие. Подарок этот весьма понравился папе, и он заявил, что испытывает бесконечную благодарность к Вашей Светлости. Асканио преподнес полный набор буфетной посуды из позолоченного*

*серебра, стоящий около тысячи дукатов. Кардинал Монреале преподнес два перстня, один с сапфиром и другой с прекрасными бриллиантами, стоимостью около трех тысяч дукатов, протонотарий Чезарини преподнес чашу и бокал стоимостью в 800 дукатов... В завершение бала дамы исполнили танец, и в качестве интермедии была представлена прекрасная комедия с песнями и музыкой. Что еще добавить? Я мог бы рассказывать бесконечно. Мы провели там всю ночь; а хорошо ли все было или плохо, судить Вашей Светлости.*

Для каждого подношения у Лукреции находилось теплое слово, и дарившие заметили, что она обращала внимание только на красоту подарка, тогда как ее супруг придавал гораздо большее значение его стоимости. Когда церемония подошла к концу, Александр VI, заметив, что некоторые из присутствующих ничего не поднесли, сказал попросту: «Другие кардиналы и послы принесут то, чего не будет хватать». Стефано Инфессура, летописец, не любивший Борджа, поведал об одной из забав, показавшейся ему слишком фривольной, хотя поздний час и атмосфера праздника делали позволительными некоторые шалости: драже из ста пятидесяти бокалов забрасывали в открытые великодушными дамами вырезы корсажей, и всякий, кто мог, старался достать их оттуда. Папа подал пример, бросив «*in sima mulierum*», что, как уточняет Инфессура, скорее можно было перевести как «между ляжек». Его резвое перо живо превратило веселое развлечение в оргию, которая будет воспламенять воображение и вызывать видения у многих романистов. Любезная Лукреция не была ни недотрогой, ни гордячкой, и если поначалу она наблюдала со стороны за этим бурным весельем, то потом ее сдержанность сменилась оживлением, быстро перешедшим в сильное возбуждение. Раскрасневшись от удовольствия, она грациозно устремилась вперед и станцевала искрометную гальярду под звуки скрипок, флейт и тамбуринов.

Светало, когда папа сопровождал новобрачных во дворец Санта-Мария-ин-Портику. Под неусыпным надзором Адрианы Лукреция приблизилась к брачному ложу, где она в компании отца и кардинала Асканио Сфорца стала ждать прихода своего супруга, что заставило Бурхарда сказать: «Об этом рассказывают много такого, о чем я не пишу; все это может быть правдой, и если все так и было, я нахожу это невероятным». Вот и первый серьезный намек на особые отношения между Александром VI и его дочерью. Инфессура комментирует этот текст в своих записях, объясняя, что, следуя обычаю, отец на мгновение задержался в комнате после того, как Джованни и Лукреция легли в брачную постель, «где наконец супруг

соединился со своей женой». Зато какая удача для врагов и клеветников папы, какое ликование! Так значит, этот приспешник дьявола не мог лишиться себя такого удовольствия! «Однако ничто не позволяет нам полагать, — писал Портильотти, — что Борджа именно так хотел завершить ночной праздник». К несчастью, для невежественных клеветников в мемуарах того времени уточняется, что в тех случаях, когда сочетались браком высокородные особы, родственники супругов или другие именитые люди должны были удостовериться в том, что брак совершился. Бурхард так описывает состоявшееся тремя годами позже бракосочетание брата Лукреции Гоффредо, принца Скуиллаче, с Санчей Арагонской:

*После пира принцесса в сопровождении папского легата и короля, своего отца, отправилась в свой дворец, молодой супруг и другие присутствующие шли впереди. Новобрачные вошли в комнату, где им была приготовлена постель, в то время как легат и король остались за дверьми. После этого придворные дамы и служанки раздели их и уложили в постель. Когда они лежали голыми под простынями и одеялом, легат и король вошли в комнату. В их присутствии придворные дамы раскрыли их примерно до пупка. И супруг поцеловал супругу без стыда. Легат и король остались там и беседовали между собой еще около получаса. По истечении этого времени они оставили их и удалились.*

Таким образом, Александр VI, присутствуя на возлежании Лукреции и Джованни, соблюдал королевский обычай, каким бы странным он нам сегодня ни казался.

Двумя годами раньше, когда наследный принц Феррары Альфонсо д'Эсте женился на Анне Сфорца, происходила похожая церемония.

*Новобрачные были уложены в постель, — рассказывает свидетель, — и мы все подошли, подшучивая над ними. Сеньора Анна, новобрачная, была в хорошем расположении духа; однако им обоим казалось весьма странным видеть, что их постель окружена столькими людьми, каждый из которых говорил какие-нибудь приятные слова, как это принято в подобных случаях<sup>[41]</sup>.*

Однако остается неясным: действительно ли после ухода свидетелей дочь папы и ее муж познали друг друга в ту ночь? Может быть, только для сопровождающих сделали вид, что занимаются любовью? Некоторые

указания позволяют так думать. Первая жена Джованни Сфорца ничуть не походила на миниатюрную, хрупкую, почти ангелоподобную Лукрецию, возможно, не отличавшуюся чувственностью. Не оробела ли она перед натиском супруга, торопившегося вбить «золотой гвоздь», не отказала ли ему она? Не счел ли Джованни, привыкший к пышной Маддалене Гонзага, что его вторая спутница жизни — ей было всего тринадцать лет — была недостаточно сексуальна, чтобы соответствовать ему? Не пришел ли он в замешательство, когда оказалось, что ему предстоит сыграть роль Пигмалиона? Как бы то ни было, через несколько дней ему так же не терпелось поскорее ее покинуть, как прежде он сгорал от желания встретиться с ней.

И менее чем через два месяца после свадьбы чума, свирепствовавшая в Риме, дала ему повод вернуться в свои поместья, не взяв с собой новоявленную графиню Пезаро; там он погрузился в серьезные расчеты и в результате констатировал, что римская женитьба обошлась ему слишком дорого. Так что, находясь в дурном расположении духа, он берется за перо, чтобы потребовать от своего тестя выплаты 5 тысяч дукатов, которые позволили бы ему уплатить долги. Александр VI, весьма недовольный тем, что зять его столь непочтителен к Лукреции и столь жаден до денег, уже подумывает о возможности использовать то, что дочь и ее супруг живут отдельно друг от друга, и заключить другой, более выгодный, чем с Миланом, союз. Однако пока он обещает Сфорца не только запрошенную сумму, но добавляет также 30 тысяч дукатов приданого при условии, что он будет выполнять свои супружеские обязанности: «Мы договариваемся о том, что начиная с 10 или 15 октября, когда воздух не будет больше вредным для здоровья, ты вернешься к супруге для выполнения брачного долга». Это письмо, датированное 15 сентября 1493 года, задевает самолюбие обидчивого зятя, поскольку его возвращение не могло бы произойти раньше, чем воздух Рима, очистившийся от миазмов чумы, стал бы более здоровым.

Однако Джованни прибыл лишь 10 ноября, «чтобы засвидетельствовать почтение Его Святейшеству и полностью обосноваться в обществе своей светлейшей супруги». На самом же деле это совместное существование несколько не изменило привычную жизнь Лукреции. Занимая посты кондотьера Папского престола и Венецианской республики, прекрасно их совмещая, Джованни проводил время в походах по всему Апеннинскому полуострову, чтобы навести порядок в государствах обоих своих хозяев. Недостаточно одаренный для того, чтобы играть роль принца-консорта, разрываемый между двумя враждующими

дворами, между опасениями папы и страхами миланских родственников, он избегал жить в Риме. Слишком посредственный дипломат для того, чтобы ловко и спокойно обходить все подводные камни, способный на войне, но совершенно бездарный в интригах, не наделенный ни хитростью, ни тонкостью, он не знал ни минуты покоя из-за Сфорца, которым не терпелось узнать, какую позицию займет Папский престол в случае, если французы решатся вторгнуться в Италию. Его тревожила мысль о сближении Александра VI с Неаполем, и положение, прежде казавшееся блестящим, представлялось ему теперь весьма неустойчивым. Тем не менее, если верить авторам хроник, всегда внимательно следившим за развитием событий, его отношения с супругой упрочились, и молодая жена публично оказывает мужу знаки уважения.

Почувствовав силу благодаря поддержке Лукреции, Джованни Сфорца начал, ко всему прочему, присваивать себе доходные места, использовать свое положение, а то и злоупотреблять им для того, чтобы поддержать кандидатуру своих друзей на различные посты в Папском государстве. Лукреция, в ту пору еще не слишком хорошо разбиравшаяся в тайнах политики, не могла давать ему советы или направлять его. Но она знала, что и он, и она сама были далеко не последними пешками в дипломатической игре, которую вел Александр VI.

## Глава VI

### Хуан и Гоффредо — пешки в игре папы

Дни во дворце Санта-Мария-ин-Портику были четко распланированы. Чаще всего жизнь протекала в парадных залах, где раздавался голос Помпония Лета, декламировавшего отрывки из «Каталептона», серии эпиграмм, приписываемых Вергилию, или голос знаменитого певца Тромбончино, которому аккомпанировала на лютне Лукреция, всегда находившаяся в окружении своих собачек, персидских кошек и карликов.

Стоило опуститься ночи, как актеров сменяли вельможи и прелаты, начинался пир, сопровождаемый танцами, и, как писал современник, «большинство из тех, кто хочет добиться милости папы, проходят через этот дворец». Адриана, Джулия и Лукреция живут в дружбе и согласии и, не соперничая друг с другом, пользуются расположением папы, и в ящиках их письменных столов лежит великое множество прошений. Однако для того, чтобы добиться благосклонности Александра VI, «нет посредника умнее и осведомленнее, чем Хуан», — писал Карло Канале маркизу Гонзага. Он занимает первое место в отцовском сердце и может рассчитывать на самое блестящее будущее, после того как унаследовал после смерти своего сводного брата герцогство Гандия и невесту покойного, Марию Энрикес, дочь графа Леонского и донны Марии де Луна, двоюродной сестры испанского короля. К несчастью, он не создан для того, чтобы быть доблестным кондотьером. Он красив и молод, единственное его желание — наслаждаться подарками судьбы. Ему, постоянному гостю куртизанок, нравилось также соблазнять девушек и дам из римского высшего общества: так у него создавалась иллюзия, что он выигрывает битвы в той единственной войне, что ему пришлось по вкусу. Фантастически тщеславный, готовый на все, чтобы блистать, он подражает во всем принцу Джеме, в котором его привлекает сочетание беспечности и силы.

Римляне больше забавлялись, чем возмущались, наблюдая за проездом папской процессии через город. Во главе гарцуют на одинаковых лошадях турецкий принц и новый герцог Гандийский, оба одетые по-восточному и в тюрбанах, какие носят враги христианства; следом появляется кардинал Асканио, несущий большой крест, и, наконец, Александр VI. Толпа очарована этим зрелищем, где экзотические наряды соседствуют с

церковными облачениями, люди улыбаются шестнадцатилетнему Хуану, который изображает испуг при виде неверного и склоняется, чтобы принять папское благословение.

Благодаря браку с племянницей испанского короля Хуан породнится с одним из царствующих домов, что оправдывает щедрый кредит, который папа открыл для него у лучших ювелиров. «В мастерской, находящейся в нижнем этаже моего дома, — писал Андреа Боккаччо, — живет необыкновенный ювелир, который вот уже несколько месяцев только и делает, что вставляет драгоценные камни в кольца и ожерелья. У него огромное количество крупных жемчужин и превосходных рубинов, бриллиантов, изумрудов, сапфиров». Парча, бархат, мех рыси и горноста, ковры и гобелены, предназначенные для будущей невестки Его Святейшества, складывают в расписанные сундуки, на которых изображены рай и падение Адама и Евы.

Однако отеческая нежность не умалет трезвости ума. Александр VI приставляет к сыну в качестве секретаря епископа Ористано (на Сардинии), каноника Карфагена дона Генеса Фира, а его казначеем делает Хайме де Пертуза. Под угрозой отлучения от Церкви они должны следить за герцогом Гандийским и сообщать о предпринимаемых им действиях.

4 августа в Чивитавеккья Хуан всходит на борт испанской галеры. 24-го числа семья Энрикес и наследник короны Хуан Арагонский принимают сына римского папы. Двумя месяцами позже до Рима доносятся тревожные слухи о его поведении. Совершенно равнодушный к супруге — брак этот так и остался фиктивным, — он играет ночи напролет и проиграл уже более двух тысяч дукатов и, говорят, даже посягнул на доходы своего герцогства, чтобы выплатить долги.

Такие новости вызывают возмущение Александра VI, а также опасения, как бы не разгневался король Испании. Он упрекает сына настолько же сурово, насколько глубоки его разочарование и раздражение. Он просит Чезаре, недавно провозглашенного кардиналом, призвать Хуана к порядку. «Радость моя по поводу получения кардинальского сана не так велика, как горечь от известий, полученных из донесения папе, о вашем плохом поведении, — писал Чезаре своему брату. — В Барселоне вы проводите ночи, носясь по улицам, убивая собак и кошек, посещая бордели, играя по-крупному, вместо того чтобы повиноваться вашему тестю и с почтением относиться к донне Марии... Его Святейшество, глубочайшим образом огорченный, пребывает в меланхолии» <sup>[42]</sup>.

Хуан остается глух к этим словам. Поселившись в Гандии по

приказанию отца, он совершенно не заботится о своей жене и бросает ее ради охоты на кабана. Словом, любимый сын Александра VI скучает до смерти и опровергает обвинения, обращаясь к своей семье: «Меня особенно удручает то, что Ваше Святейшество поверило утверждениям, в которых нет и тени правдоподобия». Семья собирается на совет, чтобы обсудить его дела, и Лукреция, вероятно, весьма сдержанно высказывает свое мнение. У нее уже достаточно проблем с мужем, чтобы еще обременять себя братом — расточительным, мелочным, эгоистичным и тщеславным. Живя при Ватиканском дворе, где на каждом шагу западня, она начинает понимать, что необходимо открыть глаза на собирающиеся тучи. Хотя по-настоящему нежно она любит только отца, ее начинает беспокоить положение Чезаре, приговоренного к церковной карьере, нелюбимого, обласканного гораздо меньше, чем посредственный Хуан.

Оказавшись в среде духовенства не по своей воле, Чезаре стремится к власти и военной славе, тем более что многие считают его недостойным пурпурной мантии из-за его незаконного происхождения. Чтобы помочь делу, Александр VI дает ему гражданское состояние при помощи услужливых свидетелей, которые заявляют, что Чезаре рожден от Ваноццы, в ту пору законной супруги Доменико д'Ариньяно. Таким образом, он уже не «дитя греха», и формальности соблюдены. Несмотря на то, что в тот же день, 19 октября 1493 года, Александр VI подписывает еще одну буллу, так и оставшуюся тайной, в которой он признает Чезаре своим сыном, последний принимает первую буллу как кровную обиду, что только укрепляет его в неприязни к Хуану, ведь тот, будучи младше его на два года, не только остается сыном папы, но и крадет у него привилегии.

Когда 20 сентября папа римский назначил двенадцать новых кардиналов в каждую из союзных областей, самый значительный пост достался Чезаре. Назначение пятнадцатилетнего Ипполита д'Эсте и Александра Фарнезе, бывшего на десять лет старше, вызвало улыбку римлян. Первый — великолепно сложенный атлет, известный «роскошным и беспутным образом жизни», второй — брат Джулии, — получил прозвище «кардинала-юбочника», или «неистового кардинала», содержащее прозрачный намек на его увлечение дамами: отец трех сыновей и одной дочери, он станет под именем Павла III последним римским понтификом эпохи Ренессанса.

Только в ноябре 1493 года Рима достигла невероятная новость, переданная тремя итальянцами, в то время находившимися в Испании: годом ранее Фердинанд и Изабелла Католическая отправили «за моря»

каравеллы под командованием Христофора Колумба, и этот сын генуэзского суконщика открыл там неведомые земли и людей, совершенно непохожих на европейцев. «Люди эти, — объяснял Понцоне из Феррары, — ростом с нас, но кожа у них цвета меди, а нос как у обезьян. Вожди их носят в носу золотую пластинку, спускающуюся до самых губ. Лица женщин круглы, как колеса, и все ходят голышом, и мужчины, и женщины. Люди они умные, послушные и мягкие. Никто не понимает их языка. Едят они все, что им предлагают, но вина им не дают». А вот что говорит Джамбаттиста Строщи: «Люди эти походят на тартаров, они могучи и подвижны, у них длинные волосы, ниспадающие на плечи. Они едят человеческое мясо, откармливают людей, как мы откармливаем птицу, и зовутся они каннибалами». Он добавляет, что спутники Колумба нашли в этом краю «деревья, дающие прекрасную шерсть, другие дают воск и льняные волокна». Что касается Луки Фанчелли, то он утверждает, что «золото находится в изобилии в этом краю, жители которого очень приветливы и гостеприимны. Здесь растет огромное количество пальм более чем шести различных видов, и деревья необыкновенной высоты. Есть и другие острова, пять из которых получили свои названия, а один из них размером почти с Италию. Есть там и реки, несущие золотой песок. В этом краю нет железа, однако есть много меди и других чудес».

Таковы первые сведения, похожие на небылицы, отправленные тремя итальянскими учеными из Испании римскому понтифику. Тем самым слава Фердинанда, Изабеллы и их мореплавателя, хоть и генуэзца, озаряет и семейство Борджа, вознося на недостижимую высоту популярность Александра VI. Современники говорят о нем: «Он всегда готов взвалить на себя заботу об общественной пользе, дать аудиенцию, откликнуться на словах или лично на все то, к чему призывают его обязанности». У римлян нет недостатка в хлебе, живется им легко, и даже совсем простые люди признательны ему за то, что он успешно борется с лихоимством баронов.

Осенью семья Фарнезе приглашает Лукрецию посетить их поместья и замок Каподимонте, где Джованелла, мать Джулии, дает в ее честь несколько праздников. Приятное развлечение для графини Пезаро, которая без всякого сожаления живет вдали от своего мужа и ватиканских интриг. Джиролама, старшая сестра Джулии, и ее супруг Лоренцо Пуччи, кардинал Александр, приглашают свою гостью на большую многодневную охоту. Еду им подают в домах крестьян, находящихся на службе у семьи Фарнезе. По возвращении в Каподимонте все собираются вокруг больших костров, Лукреция поет «Песни любви» под аккомпанемент Джулии, играющей на лютне. Вдали от официальной и торжественности Лукреция укрепляется

телом и духом.

Вернувшись в Рим, невестка и племянница Адрианы вновь начинают жить, как прежде, во дворце Санта-Мария-ин-Портику. Утро они посвящают туалету. Трижды в неделю они моют голову. Начиная с Беатриче, возлюбленной Данте, или Лауры, воспетой Петраркой, у всех героинь были золотые волосы, и брюнетки, чтобы исправить этот природный недостаток, использовали квасцы, проваренные с тмином или ревенем, экстракт плюща, полученный с помощью перегонного аппарата, золу очищенного от коры бука или корни орехового дерева. Мопурго в своем «Il governo» и «Mania della donne», опубликованных в 1475 году, уже порицал губительные последствия этой моды, повлиявшей и на горожанок, и на женщин из народа:

Что мне сказать о их цвете лица и о их волосах  
Хочется каждой, чтоб светлыми были и длинными  
только для этого нужно надолго усесться под солнцем  
к чему же все эти заботы!  
Лучше бы больше они занимались хозяйством не  
проводили б у зеркала время, себя созерцая,  
косы суша иль в тугой завивая их локон.

Что касается Лукреции, то для нее эти омовения, спасающие ее от головной боли, становятся необходимостью. Ее густые волосы ниспадают почти что до земли, а их светлый цвет вызывает зависть и злословие, говорят, что она их обесцвечивает. Чтобы соответствовать моде, она красит брови в черный цвет. Так что всем хорошеньким римлянкам приходится соперничать с сильфидой Борджа. Лоренцо Пуччи в одном письме, адресованном 24 декабря его брату Джаноццо, описывает интимную атмосферу дома Лукреции: «Сегодня я отправился во дворец Санта-Мария-ин-Портику, чтобы увидеть сеньору Джулию. Она сидела возле камина вместе с сеньорой Лукрецией, дочерью нашего владыки, и сеньорой Адрианой. Они только что вымыли головы и встретили меня, выразив огромную радость. Сеньора Джулия захотела показать мне свою дочь, которая уже большая и похожа на Его Святейшество».

Обе были одеты в домашние платья, отороченные мехом, по неаполитанской моде; горничные, причесав их, покрыли им головы прозрачным газом. Кузины были совершенно непохожи друг на друга, одна — пышная, цветущая, другая — свежая, грациозная и поселяющая в душе надежды. «Никогда не приходилось мне видеть такие чудеса», — заключает

Лоренцо.

Пинтуриккьо и его ученики только что закончили фрески, заказанные Александром VI. «Диспут Святой Екатерины» — настоящий семейный портрет, где художник прославил наследников Борджа с почти божественной интуицией.

Папа, особенно почитавший святую Екатерину Александрийскую, сумел настолько привить своей дочери любовь к этой великомученице, что Лукреция сочла за честь наделить ее своими чертами лица. Во время сеансов позирования, которые начались годом ранее, у нее было много времени, и она настолько привыкла изображать, как героиня IV века поднимается к месту, где ей предстоит принести себя в жертву, что стала воспринимать ее судьбу как свою.

Екатерина, дочь короля Косты, личность незаурядная, была приглашена императором Максенцием принять участие в жертвоприношении идолам. Без тени робости она обращается к нему со следующими словами: «Я пришла приветствовать тебя одновременно из почтения к твоему достоинству и потому, что хочу приложить все мои силы, чтобы отдалить тебя от культа богов и чтобы ты признал единого истинного творца». И Екатерина принимается дискутировать с Максенцием, используя силлогизмы, аллегории и метафоры, в соответствии с правилами риторики. Пораженный ее ученостью и красотой и не чувствуя себя в силах ответить на ее вызов, император призывает своих придворных риториков и философов. Пятьдесят из них тщетно прилагают все усилия, чтобы заставить ее отказаться от ее веры, однако в итоге она обращает их в свою веру. В отчаянии Максенций приговаривает их к сожжению на костре, а христианку к пытке на колесе. Императрицей овладевает гнев при виде такой жестокости, и она тоже обращается в христианскую веру. Муж отдает приказание вырвать ей груди, а затем отрубить голову. Офицеры заявляют командующему, что они стали христианами и готовы на смерть. Император велит их обезглавить. Тогда ангелы переносят тело Екатерины на гору Синай. В честь этого события был возведен великолепный храм.

На фреске Пинтуриккьо дочь и сын папы занимают центральное место. Справа изображен в профиль легкомысленный герцог Гандийский, одетый в восточный костюм, гарцующий на коне и поглядывающий на своего брата Гоффредо, молодого светловолосого кавалера, который склоняется к нему, делая рукой жеманное движение. Слева от трона в белоснежном тюрбане стоит мрачный Джема, а возле него в широком плаще и красном колпаке — Андреа Палеолог, племянник Константина I. В

центре возвышается арка Константина, прославляющая папу, на ней изображен бык Борджа с надписью: «Несущему мир».

В этой декорации, где соседствуют роскошь и сельская простота, разворачивается ораторский поединок императора, окруженного риторам, которые лихорадочно роются в книгах, стараясь найти достойный ответ на вызов восемнадцатилетней эрудитки. У сидящего на троне императора черты лица Чезаре, он напоминает кошку, готовую броситься на свою жертву, а жертва эта — Лукреция-святая Екатерина. Юная девушка, слишком быстро повзрослевшая, увешанная украшениями, в наряде из тяжелых драгоценных тканей, столкнувшись с хищником, держится с исключительным достоинством. Ее длинные тонкие пальцы сомкнуты, словно она заклинает судьбу или молится, и появляется предчувствие, что на исходе жизни она, сбросив роскошные украшения, наденет власяницу.

Просто и без прикрас художник изобразил самого себя позади Палеолога: лицо его изрыто морщинами, у него толстые губы и нос. Мы должны быть благодарны Александру VI. Посреди пышных торжеств, посвященных его интронизации, и политических интриг понтифик понял, что этот гениальный человек, безобразный лицом и телом, способен создать для него чарующее видение.

На протяжении четырех столетий апартаменты Борджа останутся недоступными, и о них будут слагать легенды. Рассказывали, что там есть портреты сожительниц папы во фривольных позах и эротические фрески, граничащие с непристойностью: Александр VI на коленях перед Джулией, бык Борджа, вскакивающий на быка Аписа, Исида и Осирис, представляющие инцест Чезаре и Лукреции, и тому подобное. Поэтому когда в 1897 году Лев XIII, отменив запрет, велит начать реставрировать эти комнаты и откроет для публики этот «храм порока», изумлению не будет предела. Свет играет на покрытых рыжеватым золотом и ультрамарином стенах и сводах и на изображениях, словно возникших из грез. Хрупкие в своих колышущихся одеждах, или закованные в чеканные доспехи, или облаченные в роскошные туалеты, они блистают, выделяясь на фоне пейзажей Умбрии. Пинтуриккьо — удивительный миниатюрист и проницательный портретист — представляет нам Борджа из плоти и крови и, главное, раскрывает их тайну.

Благодаря ему Лукреция отразилась на портрете вернее, чем в зеркале. Показывая ей другие фрески, Помпоний Лет объясняет ей эзотерический смысл египетской легенды о любви Исиды и Осириса и о его смерти, которая настигла его из-за ревности Тифона. Лукреция, почувствовавшая трагическую красоту мифа, шесть лет спустя вспомнит объяснения старого

мудреца. Совсем как Исида, она будет рыдать на груди мужа, убитого ее братом.

Пока же настоящее отдано не слезам, а празднествам. Дочь Александра VI принимает многочисленных иностранных владык, свергнутых государей и ученых. Она и ее придворные многое перенимают у Востока, входят в моду их костюмы, вдохновившие в свое время Беноццо Гоццоли на создание «Шествия волхвов». Принц Джема — бесценный залог хорошего поведения Великого Турка — даже оставляет Ватикан ради дворца Санта-Мария-ин-Портику, где чувствует себя свободно и где его принимают как члена семьи. На него не сердятся за то, что он сын победителя, утвердившего господство полумесяца над Константинополем, скорее, ему сочувствуют, поскольку брат готов убить его. Лицо его привлекает и волнует странным выражением гордости, хитрости, жестокости и в то же время печали. Так ужасно быть могущественным в прошлом и поверженным в нищету в настоящем. Об этом своем тяжелом положении Джема забывает в обществе Лукреции и ее близких друзей, которые обращаются с ним, как со своим. Это последние лучи света, за которыми последует заточение в замке Святого Ангела, приведшее его к умопомешательству.

С ним, гостем-заложником, беседуют на различные темы, в том числе и о безумии. Фра Мариано Фетти, монах-доминиканец, уверен в том, что каждый из его слушателей имеет зачатки различных отклонений. Игра заключается в том, чтобы расспрашивать друг друга, на какие экстравагантные выходки каждый из них способен и какие вспышки эмоций могут за ними последовать. Это некий прообраз публичной исповеди, хоть и в шутливой форме. Один говорит, что если бы потерял рассудок, то начал бы размышлять, другой — что стал бы петь, третий — что влюбился бы. Пандольфо Коленуччо, весьма почитаемый гуманист, только что закончивший «Defensio Pliniana», которая принесет ему известность, бывает в доме Лукреции. Прежде он служил герцогу Миланскому, а затем благодаря своему красноречию добился у пап Сикста IV и Иннокентия VIII инвеституры Пезаро для Джованни Сфорца, хотя тот был незаконным сыном Костанцо. Философ отдыхает, ему нравятся игры, такие, как «Отдай цветок»<sup>[43]</sup>, в которых сначала произносится слово и лишь за ним следует намерение.

По правилам этой игры Лукреция и каждый из ее гостей, сидевших кругом, должны были передать цветок соседу и сказать ему: «Если сердце

не совершенно, любовь не может быть идеальной», после чего добавить комментарий, который зачастую становится более или менее откровенным объяснением в любви. Проигравшие — те несчастные, которые не смогли что-либо сказать и разорвали тем самым волшебный круг, — обязаны были выполнять задания, придуманные с изрядным коварством. Один должен был сорвать подвязку с дамы, не открывая ее ногу, другой должен был зубами вытащить из ее рта шпильку, не касаясь ее губ, и насмешница Лукреция демонстрировала в этих забавах удивительную уверенность в себе.

Однако в четырнадцать лет Лукреция, в отличие от большинства ее современниц, еще не познала любовь. Джованни Сфорца, по-видимому растерявшийся перед этой женщиной-ребенком, не смог затронуть чувств своей подруги. Не обременяя себя предварительными рассуждениями, он, что было совершенно в его духе, атаковал ее по-военному, взял приступом, как осажденный город. Как мы увидим, узаконенные и от раза к разу повторяющиеся грубые действия лишь поначалу удивили неискушенную девушку, но скоро она без особого удовольствия приспособилась к правилам этой механической и монотонной игры, и у нее даже не возникало желания узнать, как все могло бы происходить, будь у нее другой партнер.

Что касается Сфорца, то его положение в политике в начале 1494 года становится все более сложным, если не почти безнадежным. До сих пор Папское государство уверяло Милан в своем союзничестве, однако 25 января король Неаполя Ферранте угас «*sine luce, sine deo*», а его сын Альфонсо Калабрийский стал наследником. Тотчас же Александр VI официально признал его как государя Неаполитанского королевства. Именно тогда Карл VIII объявил, что он оспаривает право Арагонской династии на неаполитанский трон, что предъявляет на него свои права, поскольку является наследником Людовика Анжуйского, который был королем Неаполя в прошлом веке. В этих притязаниях его поддерживает Лодовико Сфорца по прозвищу Моро, который видит, что Ватикан и Неаполь сближаются в ущерб Милану. А это реальный повод к войне.

Поскольку римский первосвященник не допускает даже мысли о том, чтобы король Франции оказывал на него давление, он решает 18 апреля направить в Неаполь в качестве легата своего племянника Хуана Борджа, чтобы короновать Альфонса II и обвенчать сына папы Гоффредо и Санчу Арагонскую, внебрачную дочь нового правителя. Лукреция, жена одного из Сфорца, высказывает отцу свои сомнения по поводу такого дипломатического хода, целью которого было помешать войскам Карла VIII

дойти до самого Неаполя. Вместо ответа Александр VI советует ей отправиться в Неаполь вместе с супругом, чтобы присутствовать на коронации и руководить младшим братом — женихом, едва достигшим двенадцати лет. Джованни отклоняет это «приглашение», слишком похожее на вызов, и пытается разузнать побольше о подлинных намерениях своего тестя. Содержание беседы приводит его в недоумение, и он обсуждает этот разговор со своим дядей Лодовико Моро: «Вчера вечером папа спросил меня: «Джованни, что ты хочешь мне сказать?» Я ответил: «Святой отец, все в Риме думают, что вы заключили союз с неаполитанским королем, врагом миланского герцога. Правда ли это? Я могу оказаться в неловком положении: будучи на службе у Вашего Святейшества, я вынужден был бы служить неаполитанцам во вред миланцам. Тревоге моей не было бы предела! Неаполь или Милан? Умоляю Ваше Святейшество не вынуждать меня стать врагом собственных родных и нарушить долг, к которому призывает меня служба Вашему Святейшеству и миланскому государству». Папа ошеломил меня ответом: «Вы проявляете слишком большую заботу о моих делах, оставайтесь на жалованье у обоих». Я взмолился: «Монсиньор, если бы я мог предугадать подобную ситуацию, я предпочел бы скорее питаться соломой, на которой сплю. Нижайше прошу Вашу Светлость помочь, не покидать меня и отнестись ко мне благосклонно. Оставьте мне мое положение и то крохотное гнездо, которое благодаря правителям Милана оставили мне в наследство предки. Я сам и мои войска всегда будут к услугам Вашей Светлости» <sup>{44}</sup>.

Джованни Сфорца также делится с дядей беспокойством относительно судьбы своих владений в Пезаро. Не предполагает ли папа упразднить посты тиранов и наместников Папского государства? Сейчас Александр VI просит его собрать в Пезаро войско и готовиться противостоять в Романье в союзе с неаполитанцами возможному французскому вторжению. Таким образом, вскоре он присоединится к своим людям, а пока что присутствует в Ватикане на свадьбе по доверенности: Гоффредо Борджа юридически оформлял брак с принцессой Арагонской.

15 апреля 1494 года в сопровождении дворянина Ферандо Диксера, на которого по рекомендации Вирджинио Сфорца, главнокомандующего арагонскими войсками, были возложены обязанности воспитателя, Гоффредо покидает свою семью и отправляется в Неаполь. Лукреция любит его больше других братьев. Герцог Гандийский слишком тщеславен, а Чезаре, оказывающий все большее влияние на отца, начинает ее пугать. Поэтому она так радуется, когда получает первые новости из Неаполя. Во

время церемонии коронации Альфонса II Гоффредо был торжественно посвящен в рыцари новым правителем; тот, прикоснувшись к его левому уху своей шпагой, объявил: «Да сделают тебя настоящим рыцарем Господь и святой Георгий». Он был удостоен титулов принца Скуиллаче и графа Кориато, а также получил орден Горностая, девиз которого гласил: «Умереть, но не предать».

Церковный брак был заключен 7 мая в часовне Капель Нуово, и на традиционный вопрос епископа Тропеа жених ответил так пылко и поспешно, что в толпе гостей послышались смешки. Гоффредо в письме к Лукреции описывает подробно весь обряд, и Лукреция дивится неизвестным в Риме обычаям: например, в момент причастия епископ Травина, совершающий обряд, целует в губы священника, последний передает поцелуй жениху, а тот, в свою очередь, дарит его невесте. Если отдельные детали, вроде этого повторяющегося поцелуя, вызывают удивление, то сама Божественная литургия ничем не отличается. Так, когда новобрачные отправляются в свои покои, дамы из свиты Санчи Арагонской укладывают их в постель, затем уходят, чтобы впустить короля и кардинала Монреальского. Шутки и ободряющие слова свидетелей не мешают молодой паре делать свое дело, и муж получает поздравления от правителя и кардинала Борджа, которые «восхищены тем, насколько принц грациозен и предприимчив». Уже занимается заря, когда папский легат благословляет брачное ложе и по возвращении делится с Лукрецией своей радостью от того, что ему посчастливилось видеть, как доблестно вел себя племянник: «Я дорого бы отдал за то, чтобы другие могли бы его увидеть таким, каким увидел его я».

Тем временем к весне 1494 года тучи начинают сгущаться. Сперва — в Риме, где свирепствует чума и где, похоже, действительно начинается подготовка к войне. Александр VI стремится укрыть своих близких от приближающейся бури; он решает отправить всех дорогих его сердцу женщин в Пезаро, на Адриатику. Посол Мантуи в Риме Фиораванте Броньоло сообщает 25 мая маркизу Гонзага следующие новости: «Сиятельный Джованни в понедельник или во вторник уезжает вместе с четырьмя дамами, которые по распоряжению папы останутся в Пезаро до августа».

## Глава VII

### Звезда и катастрофа. Лукреция и Джованни

Отъезд был назначен на 31 мая 1494 года. Кортёж снаряжен в соответствии с высоким положением семьи римского папы. Адриана и Хуана Монкада, племянница Александра VI, занимают место на просторных носилках, тогда как Джулия и Лукреция, сев на прекрасных иноходцев, оживленно беседуют с Джованни, который несказанно счастлив от того, что наконец покидает Санта-Мария-ин-Портику. Несмотря на обстоятельства, перспектива представить супругу своим подданным представляется ему весьма приятной. Путешествие продолжается девять дней, и каждый день они проезжают по тридцать километров по равнинам Умбрии, полям Марке и по лесистому краю Фоссомброне. Караван пересекает таинственный край этрусков, где по обеим сторонам мощенной базальтовыми плитами виа Фламиния тянутся вереницы полуразвалившихся гробниц. Далее дорога проходит у подножия горы Сократе, возвышающейся, как пирамида, а вдали виднеются остатки акведуков, свидетелей Pax Romana<sup>[9]</sup>. Испытав некоторые трудности на плохих дорогах Апеннин, где вода в реках настолько разлилась после обильных дождей, что слуги вынуждены переносить дам на вытянутых руках, путешественники встречают в Фано запоздалую весну. Этот красивый порт обязан своим названием храму Фортуны (Fatum Fortunae), построенному в честь победы римлян над Гасдрубалом, братом Ганнибала, в 207 году до нашей эры.

Строгие распоряжения понтифика едва позволяют им полюбоваться триумфальной аркой Августа, поскольку правитель города ожидает гостей во дворце Раджьоне, и здесь у них последняя остановка перед прибытием в Пезаро поздним вечером того же дня. 8 июня Лукреция и ее супруг наконец прибывают в свое поместье, к подножию огромной крепостной стены, оштетинившейся башнями и угловыми сторожевыми вышками. Кортёж едет по празднично украшенному городу, сопровождаемый возбужденной и любопытствующей толпой, все ожидают щедрых милостей от дочери папы. К сожалению, гроза или, скорее, ливень охлаждает их пыл, и вымокшая и продрогшая кавалькада въезжает наконец в замок, где в очагах пылает

огонь, хотя на дворе — июнь. Служанки быстро достают сухую одежду, в то время как пажи готовят горячие напитки. «Сегодня вечером, — пишет Джованни тестю, — все только тем и занимаются, что стараются обсушиться». Уже на следующий день солнце вспыхивает над изумрудным морем, и впервые в жизни Лукреция может наслаждаться дивным чувством свободы.

Она далеко от Рима, ее отрезал от Ватикана барьер Апеннин, и потому ей кажется, что она сумела скрыться от пристального внимания и отца, и брата, хотя графство Пезаро зависит от Церкви.

Возникновение Пизарума, выстроенного на реке Пизарус, относят к эпохе сикулов, которые завоевали Сицилию в первом тысячелетии до нашей эры. В эпоху правления Августа город превратился в богатейшую римскую колонию, окруженную мощной крепостной стеной. Там были восемь храмов, свой цирк, термы и триумфальная арка. В IX веке он переходит к папе. Позднее Иннокентий III передаст феодал Пезаро правителю Марке и Анколы Аццо д'Эсте. Во время войн, когда Гогенштауфены боролись против Папского государства, территория переходила то к Фридриху II, то к Церкви. Затем городом управляют Малатеста, это продолжается до тех пор, пока Галеаццо Малатеста, не сумев защитить город от своего родственника Джисмонди, тирана Римини, не продает его Сфорца в 1445 году за 20 тысяч флоринов. Александр Сфорца, супруг Констанцы Варано, после падения дома Висконти становится владельцем этого феодала. У него двое детей: Баттиста, известная своими целомудрием и красотой, вышедшая замуж за Федерико Урбинского, и Костанцо, отец Джованни, муж Камиллы Арагонской, принадлежащей к неаполитанской королевской династии.

Поскольку дочь Александра VI представляется «тиранам» Пезаро партией, отвечающей их амбициям, и жители устраивают ей весьма радужный прием, у нее моментально появляется множество друзей.

Пезаро, окруженный амфитеатром зеленых холмов, смотрит на море. По краям полукруга возвышаются два обрывистых мыса — Монте-Аччо и Ардицио. Укрепленная стена защищает город от неистовства морских волн. В этом самом очаровательном местечке Италии, где солнечный свет отражается в искрящихся волнах, а жару смягчает легкий бриз, Лукрецию посещают только радостные мысли. Благословенный город расчерчен прямыми линиями улиц, где соседствуют дома готические и эпохи Ренессанса, а вдоль реки Фолья, в древности называвшейся Пизарус, стоят монастыри. Наиболее мощное сооружение — замок с четырьмя бастионами, окруженный ровом. В те времена он возвышался между

городом и морем, тогда как в наши дни Рокка Констанца оказался втиснутым между улицей Пьяве и проспектом Витториа.

Однако Лукреция поселилась не в этой крепости, возведенной в 1483 году и представляющей собой замечательный образец военной архитектуры, она расположилась во дворце, построенном Сфорца в начале XV века, где жила Камилла Арагонская, мачеха Джованни, четыре года назад отправленная в изгнание в Парму. После ее отъезда придворная жизнь в этом крохотном государстве сошла на нет, но Лукреция и Адриана позаботятся о том, чтобы вернуть двору Сфорца утраченный блеск. Благодаря своей свите и местной знати юная графиня Пезаро начинает действовать.

На первом устроенном ею балу между Лукрецией, Джулией и красавицей Катариной Гонзага, супругой графа Оттавиано де Монтевеккьо, возникает настоящее соперничество. Обе кузины готовятся к бою, они достают из сундуков свои самые роскошные туалеты. «Кажется, — скажет потом Джулия, — что мы вывезли из Флоренции всю парчу, какая там имелась, присутствующие были ошеломлены». Во время праздника Лукреции представляют знатных лиц города.

На следующий день Лукреция отправляет отцу весьма приблизительный портрет своей соперницы: «Графиня Катарина Монтевеккьо выше сеньоры Джулии на шесть пальцев, у нее чуть полноватая фигура, белая кожа, красивые руки, словом, это довольно интересная особа, однако у нее неприятный рот, ужасные зубы, белесые глаза, плохая форма носа, отвратительный цвет волос и лицо длинное, как у мужчины. Изъясняется она изящно и легко. Я видела, как она танцевала, мне она совершенно не понравилась. Словом, что ни возьми, *presentia minuit famam*<sup>[10]<sup>[45]</sup></sup>. Зато Джулией Лукреция по-прежнему восхищается, и ей не противоречит гуманист Якопоне Драгони, который пишет своему хозяину Чезаре Борджа: «Смуглая кожа, круглое лицо и пылкий характер — вот что так привлекает в сеньоре Джулии».

Несколько дней спустя одна испанка из свиты Лукреции — донна Лукреция Лопес, дочь ватиканского датария Лопеса, выходит замуж за Джанфранческо Ардицио, придворного врача Сфорца. После церковного обряда все собираются на пир в *rianoobile*<sup>[11]</sup> дворца, и Лукреция сидит во главе стола. Многочисленные канделябры блещут всеми своими свечами на гигантском столе, стаканы из цветного муранского стекла играют пестрыми бликами, а посланные в Пезаро тарелки из майолики делают сервировку поистине великолепной. Лакеи, обутые в туфли с войлочной

подошвой, двигаются бесшумно, и слышно только, как поют оду новобрачным да легкий шепот фонтанов. Гости погружаются в блаженное состояние, они чувствуют себя счастливыми, они словно заключают безмолвный договор: наслаждаться сегодняшним днем, приятной беседой, пряными запахами соуса, поданного к миногам, букетом вин. Задумчивое, словно точеное, лицо Лукреции понемногу оживляется, и она постепенно втягивается в атмосферу праздника, хоть и сохраняет некоторую сдержанность.

Ее современники все еще сомневаются в том, знакомо ли ей наслаждение и способна ли она ради него на безумства. Однако порой она бывает расположена к сладострастию, что проявляется в неистовых порывах, приправленных невинностью.

Благодаря Камилле Арагонской Пезаро превратилось в центр изготовления художественной майолики, и Лукреция может любоваться блюдами из расписного фаянса, например, тем, на котором изображен Соломон, поклоняющийся идолу (теперь оно в Коррерском музее). Плененная этим искусством, Лукреция часто заходит в гончарные мастерские и решает попробовать свои силы, выбрав в учителя отца Рафаэля. Джулия тоже пишет отчет папе об их мирной повседневной жизни:

*Ваша дочь ведет себя с истинно королевским достоинством, ее манеры вызывают восхищение, а гостеприимство, оказанное ею бежавшим от турецкой тирании грекам, будоражит умы. Пение, танцы и музыка по-прежнему занимают значительное место в нашей жизни... Ваше Святейшество находится далеко от нас, а поскольку мое благополучие и счастье полностью зависят от Вашего Святейшества, то я не в силах испытать ни удовольствия, ни удовлетворения от моего нынешнего житья, поскольку сердце мое пребывает с моим сокровищем...<sup>[46]</sup> все — суета, кроме радости припасть к ногам Вашего Святейшества*.

Смесь лести, искренности, дерзости («мое сокровище») и почтения. В этих нескольких строчках раскрывается вся сложность личности Джулии. Она очарована предстоятелем Церкви, ей лестно, что он находится во власти ее чар, она хочет многого добиться — не для себя, а для своей семьи, и она использует все нюансы лести и даже кокетство. Исполненная лукавства, она поет дифирамбы своей сопернице Катарине Гонзага, и в результате мы имеем удовольствие прочесть послание любовника Джулии,

в котором он отвечает на ее письмо:

*По тому удовольствию, с коим ты описываешь красоту этой особы, недостойной даже развязывать шнурки на твоих туфлях, мы поняли, что ты повела себя весьма скромно, и знаем, почему ты так поступила: тебе ведомо, что другие, писавшие нам, уверяют, что рядом с тобой она выглядела, словно фонарь рядом с солнцем. Когда ты описываешь, насколько она красива, мы имели возможность оценить, как велико твое совершенство, которое, по правде сказать, мы никогда не ставили под сомнение, и мы хотели бы, чтобы ты была полностью и целиком привязана к человеку, любящему тебя больше, чем кто-либо другой на свете. И когда ты примешь окончательное решение, если еще не сделала это, мы признаем тебя настолько же мудрой, насколько ты совершенна<sup>{47}</sup>.*

Появившееся в письме Александра VI слово «полностью» позволяет предполагать, что он опасается возвращения к Джулии ее супруга Орсо Орсини.

А Лукреция, безучастная к этой переписке, без сил лежит в постели в окружении врачей, которые не могут разобраться в природе ее заболевания. Даже шутки и проказы карликов и шутов не могут развеселить ее. Не на шутку встревожившись, Франческо Гасето сообщает папе о близкой смерти его дочери. Каждый день гонцы мчатся из Пезаро в Ватикан, откуда потрясенный отец так же спешно отправляет посланцев в Пезаро. Однако к концу недели Лукреция поправляется и уже может сама успокоить понтифика, а он в ответ пишет ей следующее:

*Лукреция, дорогое мое дитя, в беспокойстве о тебе мы провели четыре или пять мучительных дней, исполненных тревоги от ужасных известий о том, что ты умерла или же настолько больна, что не остается никакой надежды на твое спасение. Ты можешь себе представить, что последовало за этими слухами, какую боль чувствуем мы в своей душе, ибо огромна любовь, кою питаем мы к тебе, как ни к одному существу в мире. Все то время, что мы не получали писем, начертанных твоей рукой, наш дух постоянно пребывал в беспокойстве; впрочем, неровный почерк в твоём нынешнем письме говорит о том, что ты еще нездорова. Возблагодарим же Господа и преславную Деву Марию за то, что они спасли тебя от всякой опасности<sup>{48}</sup>.*

В начале июля 1494 года угроза французского нашествия становится реальной, а оно представляет опасность для Джованни Сфорца. Используя дочь как посредника, папа предлагает зятю оставить службу у его дяди Лодовико, который платит ему нерегулярно и, возможно, в дальнейшем собирается платить еще меньше. Александр VI пишет: «...видя, что мы вступили в союз с королем Альфонсом, и зная, кем приходится нам Джованни, и что поэтому у него нет иного выхода, кроме как подчиняться нашей воле, сеньор Лодовико не захочет давать ему деньги». Папа хочет, чтобы Джованни взял на себя командование одной из неаполитанских бригад и незамедлительно уведомил об этом.

Ужасная дилемма для графа Пезаро. Как владелец феода он зависит от своего тестя, но в то же время связан семейными узами с Карлом VIII. Будучи не в состоянии сделать выбор, он ввязывается в двойную игру: берется командовать неаполитанским полком и в то же время сообщает родным в Милане о силах и передвижениях армии, на стороне которой сражается.

Если Лукреция ничего не замечает, то у Александра VI есть кое-какие подозрения, и в сложившихся обстоятельствах он предпочитает, чтобы три дорогие ему женщины вернулись в Рим. Однако для начала он хочет, чтобы Адриана выведала истинные намерения зятя.

*Если до сих пор, — пишет он своей племяннице, — он ничего вам не рассказывал о своих замыслах, действуйте осторожно и незаметно, действуйте так, как считаете нужным, чтобы докопаться до его подлинных мыслей. Если Джованни согласится на то, чтобы Лукреция ехала вместе с вами, тогда как сам он останется в Пезаро, чтобы проводить обучение войск и охранять город и свое государство, особенно сейчас, когда французы прибывают по суше и по морю, я буду более настойчиво писать вам, поскольку нахожу нежелательным ваше нынешнее пребывание в Пезаро, учитывая множество вооруженных людей, собирающихся в этом краю <sup>[49]</sup>.*

Пока Джованни Сфорца дрожит за свое будущее, Александр VI подтверждает свой договор о союзе с Альфонсом II во время личной встречи главнокомандующих, которая происходила в окрестностях Рима, в Виковаро, 14 июля. Тремя днями ранее Джулия получила письмо от кардинала Фарнезе, в котором говорилось о том, что ее старший брат Анджело находится при смерти. Тотчас же, с согласия Лукреции, еще не

окончательно поправившейся и, следовательно, неспособной перемещаться, молодая женщина выехала на заре 12 июля в сопровождении Адрианы в Каподимонте, чтобы побыть с умирающим братом и поддержать его жену Леллу Орсини. Это путешествие будет иметь неожиданные и слишком серьезные последствия, и первым из них станет письмо папы к дочери, тон которого, поначалу любезный, меняется с каждой строчкой:

*Вот уже несколько дней, как мы не получаем от тебя посланий. Мы весьма удивлены, что ты забываешь писать нам почаще и сообщать нам новости о своем здоровье и о здоровье синьора Джованни, нашего горячо любимого сына. В будущем будь более внимательной и расторопной. Синьора Адриана и синьора Джулия прибыли в Каподимонте, где застали брата уже мертвым. Правду сказать, синьор Джованни и ты оказали нам слишком мало почтения, ибо позволили уехать синьоре Адриане и синьоре Джулии, не спросив на то нашего разрешения. Вам должно было бы прийти в голову, что столь внезапный отъезд, происходящий без нашего ведома, вызовет определенно наше неудовольствие, и если ты возразишь, что они поступили так, потому что кардинал Фарнезе им велел, я отвечу тебе, что вы должны были спросить, понравится ли это папе. На этот раз уже ничего не поделаешь, однако в следующий раз мы будем более предусмотрительны и станем серьезнее обдумывать, кому следует поручать наши дела. Благодаря Господу и Всеблагой Деве Марии мы пребываем в добром здравии. У нас состоялась встреча с сиятельным королем Альфонсо, который вел себя с нами столь сердечно и столь почтительно, как если бы был нашим сыном. Трудно описать, с каким удовлетворением и в каком взаимном согласии мы расстались. Будь уверена в том, что Его Величество готов пожертвовать собой и всем тем, чем он владеет в этом мире, чтобы услужить нам.*

*Мы надеемся, что всякая недоверчивость и все досадные препятствия, имеющие отношение к Колонна, полностью исчезнут через три или четыре дня. Мне остается лишь посоветовать тебе следить за своим здоровьем и усердно молиться Богородице<sup>{50}</sup>.*

Несмотря на то, что у Джулии были веские основания для отъезда, узнав о нем, Александр по непонятным причинам гневается на Лукрецию и ее мужа. Возможно, он предчувствует двойное предательство: со стороны Джулии и со стороны своего зятя; кажется, именно об этом свидетельствует фраза из письма: «...однако в следующий раз мы будем более

предусмотрительны и станем серьезнее обдумывать, кому следует поручать наши дела». Этой «небрежности в делах» он противопоставляет поведение Альфонсо II, который ведет себя настолько сердечно и почтительно, как если бы он был родным сыном папы. Таким образом, Лукреция предупреждена. Она слишком умна, слишком дочь Борджа, чтобы не иметь подозрений относительно истинного положения своего супруга, который, находясь в Урбино, определяет там на глаз силы арагонцев под командованием Гвидубальдо Монтефельтро. В отсутствие мужа она пытается успокоить отца, который в ответ только осыпает ее упреками, обвиняя в обмане и отсутствии дочерней любви, поскольку она «не проявляет никакого желания вернуться в Рим». Гонец, доставивший это незаслуженно обидевшее Лукрецию письмо папы, отмечает, что оно вызвало у графини Пезаро «глубочайшую меланхолию». Она умоляет Александра VI верить в ее привязанность, ее единственное желание — «пребывать у ног Всемиловитейшего господина моего, и я покорнейше, из всех моих сил умоляю удостоить меня Вашей привязанности, поскольку я никогда не смогла бы быть довольной, если бы была лишена ее». Нежные мольбы Лукреции ненадолго усмиряют Борджа, этого разъяренного быка, — она получает прощение.

Зато Александр VI по-прежнему сердит на Джулию, которая, выполнив сестринский долг, заявляет о своем желании остаться на некоторое время с матерью, сестрой, Джироламой Пуччи, и братом Алессандро. К тому же ее супруг Орсо требует, чтобы она приехала к нему в Бассанелло, владение Орсини. Джулия, наделенная темпераментом нежным и страстным, «исполненная благоразумия и мудрости», как сообщает венецианец Марино Санудо, не привыкшая к насилию, какое-то время колеблется, затем сообщает об этом папе, но тот велит ей вернуться в Рим. Со своей стороны кардинал Фарнезе, желающий избежать разрушения семьи, отказывает сестре в позволении уехать против воли ее супруга. Складывается безвыходная ситуация, которую Джулия разрешает легким усилием воли, заявив понтифику, что прежде чем покинуть Каподимонте и подчиниться воле папы, она должна получить согласие супруга. Александр VI приходит в сильное раздражение.

*Неблагодарная и коварная Джулия, — пишет он, — Наваррико привез нам письмо от тебя, в котором ты заявляешь о своем намерении не приезжать, пока не получишь разрешения Орсино. Хоть мы и сочли, что душа твоя черства, как и душа твоего советчика, мы не можем убедить себя в том, что ты была бы способна действовать с таким коварством,*

*ибо ты столь часто убеждала нас и клялась в том, что всегда останешься послушной нам и никогда больше не приблизишься к Орсино. И вот теперь ты хочешь сделать все наоборот и с риском для жизни вернуться в Бассанелло, вероятно, для того, чтобы вновь отдаться этому жеребцу. Словом, мы надеемся, что ты и неблагодарная Адриана оценишь вашу ошибку и надлежащим образом покаетесь. В заключение настоящим письмом под угрозой отлучения от Церкви и вечного проклятия мы приказываем тебе не покидать Каподимонте и тем более не ездить в Бассанелло <sup>[51]</sup>.*

Прекрасный пример того, как влюбленный мужчина в порыве гнева приписывает женщине постыдные желания, чтобы найти повод ее презирать и оправдать собственное разочарование. Опасность отлучения от Церкви нависла не только над обеими женщинами, но и над Орсино, чья слабохарактерность поможет ему выгодно продать собственное поражение и позволить Джулии подчиниться.

Пока происходят эти трагикомические события, а Карл VIII готовится к завоеванию Италии, Лукреция живет, как провинциалка, вдали от отца и приступов его ярости, проводя дни то в замке Градара, то на вилле Империаале, нравящейся ей куда больше. Она расположена в получасе езды от Пезаро, на Монте Аччо, склоны которой сплошь засажены серебристыми оливами; из окон замка открывается вид, охватывающий разом море и землю. Алессандро Сфорца выстроил его в 1464 году, а первый камень был заложен императором Фридрихом III; так и появилось это название. Этот великолепный дворец окружен фантастически красивым садом, достойным самой Армиды и вдохновившим Тассо, когда тот создавал свой «Освобожденный Иерусалим». Лабиринты из подстриженного самшита, мраморные фонтаны с фигурками муз, кипарисы, словно вычерченные на небе цвета охры и напоминающие восклицательные знаки, — все это очаровывает Лукрецию. Фруктовый сад здесь почти такой же, как в Субиако; туда Ваночца каждый день водила ее на прогулку. Сегодня сопровождающие ее карлики играют в чехарду и кидаются друг в друга дольками дыни, скользя на четвереньках по кускам сладкой сочащейся мякоти. Окруженная пряными запахами горячей листвы, раскаленной земли и фруктов, загубленных солнцем, Лукреция с наслаждением вдыхает ароматный воздух.

Посреди этого Эдема в шестиугольном бассейне, где отражаются

платаны, в сонной воде плещаются карпы. В честь императора Алессандро Сфорца соорудил здесь систему фонтанов, украсив ее четырьмя фигурками тритонов, расположенных по углам водоема; этот механизм работал и тридцать лет спустя. В этом сказочном уголке, окруженном зеленью Апеннин и омываемом Адриатикой, Лукреция создает кружок поклонников искусства. Среди ее гостей — Катарина Гонзага, Георгий Дипловатацио, родственник Ласкариса, Коммины и Палеологи, приехавшие из любопытства и оставшиеся по велению души. Все они, страстные любители музыки, признали своим руководителем Оттавиано Петруччи. Этот протеже герцога Урбино, основавший в Венеции первую музыкальную типографию, сочиняет для своих гостей фреттолы о любви Тесея и Ариадны, а любители музыки исполняют ее со сцены. В зелени садов виллы Имперiale они выбирают высокие скалы, покрытые плющом, и в этих декорациях поют жалобные песни будущие жертвы Минотавра. Одни музыкальные инструменты навевают мысли о пасторальных радостях, другие — напоминают рев чудовища. Вскоре появляется Тесей, его ведет Ариадна (Лукреция); закутанная в белую тафту, она крохотными шажками приближается к несчастным, осужденным на смерть. Подняв руку, она медленно разматывает золотую нить, которую она обернула вокруг запястья Тесея, и мелодичной песней приглашает его войти в лабиринт. «Голос ее так нежен, — пишет Андрей Палеолог, — что способен заставить плакать камни, выманить на берег русалок и зачаровать свирепых зверей, как по волшебству, словно голос Орфея». Исполняя кантилену, она идет по сцене неуверенно, и перед зрителями предстает лабиринт, где все перемещаются на ощупь, охваченные сомнениями и страхами, и попадают в ловушки; наконец, происходит встреча с чудовищем и схватка с ним, гибнет сын Пасифаи, и его голова катится к ногам Тесея. Тогда Ариадна-Лукреция бросается к выходу из пещеры, протягивая руки к победителю, и музыка восхваляет героический подвиг. Балет этот — словно предвестник судьбы дочери Александра VI. Нить Ариадны не смогла уберечь шестью годами позже ее первую и настоящую любовь. Пока же Лукреция вынуждена подчиняться натиску супруга, который только утомляет ее, но не привлекает. Она, вероятно, предпочла бы галантные знаки внимания со стороны других мужчин, однако ее дружелюбное отношение к супругу пока еще вводит всех в заблуждение.

Тем временем французское вторжение, поддержанное Лодовико Сфорца, вступление Карла VIII в Милан и подозрительная смерть Джангалеаццо Сфорца, чье место тотчас же занял его дядя Лодовико, дают Джованни достаточно поводов для беспокойства. Герцог Джангалеаццо в

семилетнем возрасте унаследовал титул своего отца, умершего в 1476 году, и оставался под опекой своей матери Бонны Савойской до тех пор, пока Лодовико Моро не заключил его в замок в Павии, где он умер от яда в 1494 году. Лодовико всячески изображал «*incredibile dolore*» [\[12\]](#), однако смерть законного наследника позволяла ему завладеть столь желанным титулом герцога Милана.

На протяжении последних трехсот лет Италия не знала настоящих войн. Бои, изредка происходившие между кондотьерами, скорее, напоминали турниры, и бесчестьем почиталось погубить урожай или сжечь дома. «Баталия, — писал Макиавелли, — в ту пору не представляла собой никакой опасности, сражались верхом, хорошо вооруженные, не подвергаясь угрозе смерти. Когда побежденные, будучи больше не в силах сражаться, становились пленниками, им почти всегда сохраняли жизнь. Они недолго оставались в плену, и им весьма легко возвращали свободу. Напрасно горожане раз по двадцать поднимали восстания — город никогда не разрушали, вся собственность жителей оставалась в целости и сохранности; единственное, чего они могли опасаться, так это того, что придется платить дань».

3 сентября 1494 года французская армия начинает победоносное шествие по полуострову, неся с собой страшные несчастья. «Вместе с ними, — сообщает Гвиччардини, — по Италии распространились пожары и чума, что изменило не только положение государств, но и привычные способы правления и ведения войны». Весть о разгроме неаполитанской армии в Рапалло и массовом истреблении пленных достигает Пезаро. Лукреция благополучно решает оставаться на месте, и правильно делает. Адриана со своей стороны, по-прежнему находясь в Каподимонте, решает 29 ноября, несмотря на дурные предчувствия, отправиться в компании Джулии. Джироламы Фарнезе и эскорта из тридцати всадников сначала в Витербо к кардиналу Фарнезе, а затем в Рим. Однако в нескольких лье от первого города группа солдат под командованием Ива де Турзель д'Алегра, сопровождавшего Карла VIII в Италию, преграждает им дорогу.

Когда французский капитан осознает, насколько ценна его добыча, он отвозит пленников в замок Монтефьясконе и устанавливает выкуп в размере трех тысяч дукатов за свободу любовницы папы и ее свиты. К трагическому примешивается комическое. Александр VI передает Джулии со своим камергером Джованни Марадесом запрошенную сумму, чтобы добиться немедленного освобождения пленниц. Он отправляет к королю Франции Галеаццо Сан-Северино, связанного со Сфорца, который докладывает Его Святейшеству о своей миссии в следующих словах: «Я

отправился к самому христианскому королю и изложил ему суть вопроса о заточении указанных дам; я попросил его удовлетворить просьбу Всемиловейшего отца нашего о их освобождении. Его Величество благосклонно ответил мне, что он не только желает, чтобы дамы эти были освобождены, но что он решил также еще до наступления вечера отправить их в Рим в сопровождении почетного эскорта»<sup>[52]</sup>.

Так получается, что четыреста французов сопровождают пленниц до ворот города, и по всей Италии досужие языки обсуждают это приключение. Лодовико Сфорца весь кипел при мысли о том, что «папе были возвращены его сердце и глаза». Тротти, посол Феррары при Миланском дворе, в свою очередь добавлял: «Женщины эти могли стать наилучшим средством, с помощью которого можно было добиться от Его Святейшества всего, чего только пожелаешь. Французы получили всего лишь три тысячи дукатов выкупа, тогда как папа мог бы дать более пяти».

Ни о чем не заботясь, забыв о политических тревожениях, наделенный необыкновенной способностью совершать неожиданные маневры и нисколько не заботящийся об общественном мнении, Александр VI отправляется им навстречу, нацепив шпагу и одевшись на испанский манер в камзол из черной с золотом парчи. Такой элегантный туалет позволял ему надеяться, что столь волнующая авантюра не окончится в серых тонах. Вечером 1 декабря при свете факелов действительно прибывают Адриана и ее невестка. Джулия, как сообщает хроника, провела ночь в Ватикане<sup>[53]</sup> и обратила внимание на царившую там суету: ценные предметы перевозили в замок Святого Ангела, ходили слухи о приходе французов и предполагаемом отъезде папы в Гаэту... Станет ли Рим открытым городом? Чтобы не разочаровывать свою любовницу и, главное, чтобы не оставлять врагам поле деятельности, Александр VI решает остаться. Чивитавеккья только что оказалась в руках французов, а в середине декабря Орсини сдали противнику крепость Брачано, где был штаб командования. Если Орсо не терял надежды возобновить совместную жизнь с супругой, ничто не позволяет нам утверждать, что он каким-то образом участвовал в этом предательстве. Джулия, в свою очередь, жила в постоянном страхе. Боязнь оказаться в плену во второй раз заставила ее просить о помощи брата, кардинала Алессандро, который велел Якобелло Сильвестри, епископу Алатри, как можно быстрее увезти Джулию подальше от Рима. Она покинула Вечный город, оставив папу в полном неведении. Не прошло и двух недель, как в Рим вошел Карл VIII. Так закончилась история любви Александра VI и la Bella. Она вернется в Рим

лишь девять лет спустя, в эпоху царствования Юлия II, чтобы выдать замуж свою дочь Лауру за Никколо делла Ровере, племянника папы. За эти годы у нее будет много поклонников и любовников, и среди любовников будут такие, что впоследствии станут ее друзьями, и это позволяет предположить, что за роскошной внешностью скрывались щедрая душа и доброе сердце.

Пока Джулия переживает тревожные минуты, Лукреция находится в Пезаро. Небо низко нависло над Адриатикой, гремят грозы, потоки воды, обрушивающиеся на дворец, пробивают крышу и заливают постель Лукреции, каминные топки наполняют комнаты дымом, стены пропитываются сыростью. То появляющийся, то исчезающий супруг ничуть не радуется. Подстрекаемый своим дядей Лодовико, Джованни сообщает последнему подробный план передвижения неаполитанских войск. Совесть его нечиста, и он становится желчным, а то и грубым с нежной Лукрецией. Зная о трудностях, с которыми он борется, но не ведая о его двойной игре, она тщетно пытается утихомирить его и в конце концов приходит к выводу, что время вежливого безразличия прошло. Отныне он составляет ей «не слишком приятную компанию» и раздражает тем, что отбивает у ее немногочисленных соседей охоту навестить Лукрецию и несколько скрасить ее существование.

Несмотря на свой двор, своих пажей, шутов и гончих, этот мелкопоместный тиран, обладающий правом чеканить монету и взимать налоги, ничего не значит ни для римского первосвященника, ни для короля Франции, ни для английского короля, и Лукреция обнаруживает, что супруг ее «почти ничтожество». Оказавшись в полном одиночестве, она вновь с головой погружается в изготовление керамики и под строгим надзором мастера-гончара, преемника Джованни Санти, отца Рафаэля, совершенствуется в искусстве майолики. Она использует мифологические сюжеты, рисуя Орфея, очаровывающего своим пением диких зверей, или Дафну, превратившуюся в лавр, когда ее коснулась рука Зевса.

Тревожась об отце, нетерпеливо поджидая гонца, который приезжает чуть живым после долгого и необычайно опасного путешествия, она хватается свиток онемевшими от холода пальцами и срывает папскую печать. Она узнает о входе французов в Рим с «их армией, ужасающей взор, кишасей висельниками, подлыми негодьями, ускользнувшими от правосудия, в большинстве своем отмеченными цветком лилии на плече», как напишет Брантом. А Александр VI сообщает ей, что он отверг предложение Альфонсо II укрыться у него в Гаэте и теперь отправляется в замок Святого Ангела, поскольку больше не чувствует себя в безопасности в Ватикане.

С трех часов пополудни до девяти часов вечера 31 декабря 1494 года под свинцовым небом при свете факелов, под раскаты грома французские завоеватели проходят через ворота Пополо. Во главе идут наемники, три тысячи швейцарцев и немцев в пестрых и коротких костюмах, несущих копья длиной более трех метров, за ними следуют пять тысяч гасконцев «противного и уродливого вида», вооруженных арбалетами. За ними по пятам следуют восемь тысяч дворян, одетых в шелковые одежды и шлемы, украшенные султанами и золотыми цепями. Их лошади с подстриженными гривами и обрезанными ушами внушают ужас, как и их тридцать шесть бронзовых пушек.

Если папа и боится этой варварской армии, то народное веселье, охватившее весь город, ранит его еще больше. «Толпа, — пишет он своей дочери, — всегда готова рукоплескать победителю, особенно когда он предстает в столь великолепном облачении». Зато внешний вид Карла VIII в сопровождении Асканио Сфорца и кардинала Джулиано делла Ровере, врагов папы, разочаровывает наместника Святого Петра. У него глаза навывкате, хрящеватые уши, большой толстый нос, отвислые губы, вечно приоткрытый рот, нервно подергивающиеся руки. «Il gobbo» <sup>[13]</sup> — прозвище, которым украсила этого тщедушного, словно расплавившегося в теплых доспехах человека молва, несколько успокаивает Александра VI, который опасался увидеть короля-рыцаря.

Гонец понтифика также сообщает Лукреции о пожарах и грабежах, устроенных солдатней, в частности о разграблении домов Ваноццы, кардинала Карафа и епископа Козенцы: вещи украдены, мебель сломана и среди прочего — испорчены бесценные карты земных полушарий. Залы дворца превратились в конюшни, на мраморном полу солома, лошадиный навоз, моча и рвотные массы пьяных солдат; негодяи дерутся в борделях, пьют и едят вдоволь и ни за что не платят. Рим превратился в свинарник: наемники разгуливают по гетто и насиляют молодых евреек, предварительно покончив с их мужьями. И если, продолжает гонец, 5 января на праздник Богоявления папа позволяет цвету рыцарства облобызать ему ноги, это не значит, что он согласится удовлетворить требования короля Франции: оставить замок Святого Ангела, выдать ему принца Джему и Чезаре, дать инвеституру Неаполитанского королевства. Со своей стороны кардиналы Сфорца, делла Ровере, Савелли и Колонна призвали государя во время церковного собора свергнуть наместника Христа. Попавшему в ловушку Александру VI видится только один выход: оставаться в замке Святого Ангела, куда Чезаре и двоюродный брат папы архиепископ Монреальский Хуан Борджа сопровождали его, чтобы

организовать защиту крепости. Увидев уже приведенную в боевую готовность королевскую артиллерию, Александр VI дает знать Карлу VIII и его канонирам, что он готов лично взойти на стену замка, с папской тиарой на голове и дароносицей в руке.

Монарх колеблется. Войти в собор Святого Петра, переступив через труп главы Церкви, — слишком дурное начало для осуществления его честолюбивых планов относительно Неаполитанского королевства. Несколько часов спустя часть крепостной стены все-таки разрушают, и король ждет капитуляции Его Святейшества. Четыреста испанцев, защищающих цитадель, больше не в силах сдерживать захватчиков. Однако по приказу папы на самый верх крепостной стены выносят покрывало святой Вероники и головы святого Петра и святого Павла в хрустальных раках, и это дважды останавливает осаждающих.

При условии, что он не станет «рабом французов», Александр VI изъявляет желание пойти на компромисс и заявляет о своей готовности выдать Джему, а затем Чезаре и простить кардиналов-предателей. Когда возникает вопрос о коронации короля в Неаполе, папа уклоняется от него. Тем не менее Карл VIII считает себя вполне удовлетворенным, поскольку присутствие Чезаре Борджа в качестве папского легата дает ему уверенность в том, что, как только будет изгнана Арагонская династия, он получит необходимую ему инвеституру в Неаполе.

Глава римской Церкви сохранил главное. Он избежал созыва собора и добился признания своего высокого сана. Его власть не пострадала.

По мнению Лукреции, ее отец, решивший погибнуть под руинами замка Святого Ангела и вышедший победителем в неравном бою, совершенно заслуженно носит имя македонского императора. Что касается Чезаре, то он тоже дает сестре повод для гордости: будучи скорее пленником, чем легатом, он какое-то время находился в свите короля Франции. Однако 30 января 1495 года, переодевшись конюхом, Чезаре сбежал из Веллетри, явно с согласия своего отца, чтобы укрыться в Риме у Антонио Флореса, аудитора Роты <sup>[14]</sup>, а затем в Сполето. Карл VIII, в ярости от мысли о том, что его обвел вокруг пальца двадцатилетний кардинал, требует объяснений у папы, который уверяет его, что безумно сожалеет о случившемся, и при этом доверительно сообщает приближенным, что «французы привыкли смиряться со свершившимися фактами».

Известие о смерти Джемы, последовавшей 25 февраля, глубоко опечалило Лукрецию: она, как мы помним, сочувствовала этому тридцатичетырехлетнему человеку, старалась хоть как-то смягчить тяготы плена, и мусульманский принц никогда не скрывал, что получает

удовольствие от пребывания во дворце Санта-Мария-ин-Портику, где с ним обращались, как с членом семьи.

Дата этой смерти важна постольку, поскольку она знаменует начало нападков, чаще всего клеветнических, волны которых в один прекрасный день с головой покроют клан Борджа и потом будут еще долго бушевать. Когда внезапно умирала особа королевской крови, в те времена обычным делом было пускать слух, что причиной тому был яд. Бурхард видит причину смерти Джеммы в «еде или напитке, не подходящем для его желудка», однако враги Александра VI напоминают о том, что за пять месяцев до трагического события папа получил письмо от султана, где последний предлагал 300 тысяч дукатов в обмен на устранение младшего брата. Столетие спустя историк Пауль Йове обвинит папу в том, что «он подмешал к сахару, который добавляли Джемме в питье, отравленный порошок ослепительной белизны и приятного вкуса». Жизненные силы покидали человека не сразу, снадобье приводило к смерти постепенно, проделывая свою страшную работу. Таким образом, принца выдали Карлу VIII, когда он уже был отравлен.

Впоследствии в хор клеветников волеются историки Садеддин, Гвиччардини и Марино Санудо. По их мнению, яд был излюбленным орудием Борджа. Действительно, к тому времени он давно уже был в ходу. Когда Козимо Медичи прислал том сочинений Тита Ливия Альфонсо Неаполитанскому, родственники последнего отсоветовали ему прикасаться к нему, поскольку страницы могли быть отравлены. Такие правящие династии, как Сфорца или Арагоны, без колебаний будут прибегать к яду, чтобы обеспечить свое господство. Один знающий человек предложил Венецианскому Большому Совету налить «последний напиток» султану, и, как это было заведено, Светлейшая республика одобрила проект, хотя потом от него отказалась. Пауль Йове приписывает Чезаре и Александру VI использование cantarella [\[15\]](#), считавшейся также возбуждающим средством. Позднее Вольтер напишет: «Шпанскую мушку, которую, как принято считать, широко использовали Борджа, производили из слюны свиньи, доведенной до бешенства: ее подвешивали за ноги вниз головой и долго били, пока она не околевала.

Полученный таким образом яд столь же быстродействующий и сильный, как змеиный. — И благоразумно добавляет: — Возможно, все это лишь выдумки». Venerum atterminatum, отвар, приготовленный на яичной основе, действовал, как утверждала сведущая в подобных делах Катарина Сфорца, «в положенный срок» и, судя по всему, был более распространен. Сообщают также об Aqua Tofana, не имеющей запаха и цвета; достаточно

было одной капли раз в месяц — и результат получался превосходный... по истечении двух лет.

В одной из своих хроник Стендаль рассказывает, что для убийства принц Савелли использовал ключ с зазубриной, смазанной смертельным веществом. Он давал ключ дворянину, от которого желал избавиться, указывал ему на шкаф и просил найти в нем какой-нибудь документ; замок был ржавым, и, чтобы он поддался, несчастному приходилось прилагать усилия, он незаметно для себя сдирает кожу на руке — и через сутки умирал.

Выгодно ли было Александру VI отравить Джемму? Нет. Более того, Баязет перестал бы перечислять 40 тысяч дукатов ежегодной ренты! Что же касается утверждения врагов понтифика, будто султан предложил 300 тысяч дукатов за смерть принца, то свидетельств тому не найдено. Больше всех кончиной Джеммы был опечален Карл VIII, потерявший весомый аргумент, который во время крестового похода мог бы принести большую выгоду. Чтобы не обострять отношения с Ватиканом, он соглашается считать эту смерть естественной.

Тем временем папа, не забывший о варварском разграблении города, готовит ответный удар. Лодовико Сфорца, наконец признавший, что совершил ошибку, призвав французов в Италию, готов радикально изменить политический курс. Начинается все с того, что по улицам Милана движется странная процессия: нескончаемая вереница, мулов, к спинам которых привязаны трупы солдат королевской армии, сохраненные в соли. Вместо надгробной речи Моро произносит с издевкой: «Они пришли сюда свеженькими, а уйдут засоленными».

Для герцога Миланского, который напоминал то льва, то лисицу, было изобретено слово «Ludovicheggiare», что означало «обманывать». В справедливости такой оценки супруг Лукреции еще убедится.

Карл VIII триумфально вошел в Неаполь, однако общественное мнение быстро поворачивается против него, если судить по этой песенке, сочиненной и распеваемой по всему городу:

Да здравствует король Ферранте, цветок в саду,  
Да сгинет король французский, урод кривоногий,  
Да здравствует король Ферранте и его корона,  
Да сгинет король французский, горький пьяница.  
У короля французского худо в штанах,  
А нос огромный, как корзина,  
Да здравствует король Ферранте и его скипетр,

Да сгинет король французский и все, кто его ждет<sup>[54]</sup>.

Едва обосновавшись в королевстве, новоиспеченный монарх осознает, что политические силы перераспределились: Венецианская республика, император Максимилиан, герцог Миланский и Папское государство на этот раз выступают против него. Чтобы не оказаться заложником собственной победы, ему не остается ничего иного, как отдать приказ о немедленном отходе к Альпам. Папа отказывается вновь встретиться с варваром, столь долго представлявшим для него угрозу, он покидает Рим, отправляется в Орвьето, затем в Перуджу, здесь к нему присоединяются Джованни и Лукреция с эскортом из 300 пехотинцев и 100 воинов тяжелой кавалерии. Несколько дней спустя, когда *la furia francese*, судя по всему, уже достаточно далеко, Александр VI возвращается в Ватикан, в то время как его дочь и зять вместе приезжают в Пезаро, где Лукреция вновь обретает покой на вилле Имперiale, а Джованни, находящийся на службе у Венеции, преследует врага между Пармой и Павией. 6 июля до молодой женщины доходит весть о битве при Форну. Хотя каждая из воюющих сторон приписывает победу себе, на самом деле именно итальянцы под командованием Франческо Мантуанского отбили у французов желание задержаться на полуострове.

Александр VI, вновь водворившись в Ватикане, призывает детей к себе и не упрекает зятя за поведение его дяди Лодовико и кардинала Асканио.

Папа римский счастлив оттого, что повержены его враги, среди которых кардинал делла Ровере, и что он вышел из этого приключения триумфатором, что упрочил авторитет в глазах римлян. По его мнению, христианство ошибается, считая идеалом смирение, тогда как древние видели его в физической силе и совершенном разуме. Он убежден, что необходимо укрепить земную власть Церкви. В результате опустошительного нашествия, принесшего с собой гибель урожая, голод, сокращение населения, страна была совершенно истощена да к тому же поражена сифилисом — «французской болезнью», или «неаполитанской болезнью»; древние называли ее «пинок Венеры», и она одинаково свирепствовала и среди плебеев, и среди аристократов, и даже Чезаре не избежит ее.

В завершение страшного 1495 года после снегопадов и проливных дождей Тибр вышел из берегов и залил улицы. Лукреция, решившая навестить Баттистину, вынуждена была повернуть назад, возвращающимся с папского консистория кардиналам с трудом удастся добраться до своих

домов. Потоки воды заливают недавно отстроенный мост Систо, унося течением тес, балки, сходни. Застигнутые врасплох ночью римляне спасаются бегством из залитых водой домов.

Ваноща с большим усердием помогает этим несчастным, Лукреция с жаром ее поддерживает. Общие комнаты в доме на Пьяцца Бранкис превращены в спальни и столовые. Подобно Марфе и Марии, мать и дочь и с ними полчище служанок переделывают кухню во что-то вроде больницы. Марфа-Ваноща занимается материальными проблемами, снабжением дровами и пищей. Мария-Лукреция старается утешить обездоленных, порой обнаруживая среди них профессиональных нищих с целым выводком ребятишек, обученных попрошайничать или воровать.

Новый год начинается с мрачных предзнаменований. «В январе, — читаем мы запись в одном дневнике, — на берегах Тибра было обнаружено необыкновенное чудовище. Оно зеленого цвета, у него голова осла и тело женщины, правая рука напоминает слоновый хобот, зад его похож на лицо бородатого старика, а хвост его похож на змею»<sup>[55]</sup>. Как не увидеть в этих строках предвестие новых бедствий, если именно в этот момент Рима достигают первые колдовские заклинания Савонаролы? Александр VI крепко держит в руках бразды правления. Чтобы быть еще более уверенным в своей власти над Священной коллегией, 9 марта он возводит в кардинальский сан четырех преданных ему прелатов: Бартоломео Мартини, Хуана Лопеса, Хуана де Кастро и своего внучатого племянника Хуана Борджа по прозвищу Младший, внука своей сестры Хуаны.

Две недели спустя Франческо Гонзага, маркиз Мантуанский, входит в Рим, где у ворот Пополо его и сопровождающих его рыцарей встречают Лукреция и Джованни. Когда он проходит через Кампо деи Фьори, народ, который видит в нем освободителя Италии, рукоплещет. Когда он пересекает мост Святого Ангела, ему салютуют выстрелами из пищалей, затем он прибывает в Ватикан, где в окружении восьми кардиналов ожидает папу, и тот вручает ему Золотую Розу — символ того, что Церковь им довольна. Во время пира, устроенного Лукрецией в Санта-Мария-ин-Портику, она слышит из уст самого героя рассказ о битве при Форну. На картине, которую Франческо Гонзага закажет Мантенье, чтобы увековечить свою победу, художник изобразит его в доспехах, бывших на нем во время боя. Полководец преклонил колени у ног Богоматери, а рядом стоят святой Михаил и святой Георгий.

По иронии судьбы проигравшая бой Франция владеет этой картиной. «Мадонной Победы» можно полюбоваться в Лувре. Крепкое телосложение

Франческо Гонзага, этого загорелого человека с короткой черной бородкой, с резкими, выразительными чертами лица, с черными блестящими глазами, его очаровательная некрасивость производят особенное впечатление на Лукрецию, которая с интересом слушает рассказ воина и даже не может предположить, что в один прекрасный день он сыграет важную роль в ее жизни.

В марте Джованни уезжает из Рима, затем возвращается туда в апреле, однако в мае вновь уезжает в Пезаро. Послы отмечают, что он уделяет мало времени жене, и констатируют, что чаще он оставляет ее под «апостолической опекой»; и хотя папа предлагает ему разные должности, он от них отказывается. Проходят лето и осень, наступает зима, а жена этого мужа-невидимки, за которого она вышла из чувства долга, похоже, не страдает от его отсутствия.

Умение шестнадцатилетней Лукреции быстро приспосабливаться к обстоятельствам, ее искусство устраивать приемы, ее изысканная вежливость и при этом полная естественность — все это внушает Александру VI мысль использовать в политической игре свою дочь, которая благодаря своим талантам с каждым днем придает все больше блеска римскому двору. Именно поэтому он поручает ей принять ее брата Гоффредо, принца Скуиллаче и его жену Санчу Арагонскую. Лукреция немного побаивается своей невестки, о красоте которой ходят легенды. Поэтому Лукреция создает особенно пышную, почти королевскую обстановку для торжественной встречи, которая была назначена на 21 мая 1496 года.

В окружении двадцати придворных дам и двух пажей верхом на лошадях, восседая на своей парадной лошади, Лукреция возглавляет кортеж, состоящий из двухсот воинов папской гвардии. За ними следуют сенаторы, капелланы, герольды, посол католических королей, посланник неаполитанского короля, посланник императора, два уполномоченных Венеции и представитель герцога Миланского; затем следуют правители города, канцлеры и, наконец, толпа граждан, желающих засвидетельствовать свое почтение принцессе Арагонской и ее мужу. К десяти часам вся королевская свита торжественно въезжает в город.

Лукреция, которой очень к лицу бледность, с любопытством разглядывает новую родственницу, сидящую верхом на красивой испанской лошадке серой масти, покрытой бархатной черной попоной. Одета по неаполитанской моде в темное платье с широкими рукавами, отороченными испанским кружевом, эта красавица с румяным лицом, с черными, как смоль, волосами и сапфировыми глазами держится

превосходно. Когда их лошади поравнялись, молодые женщины церемонно расцеловались. Сын папы, с загорелым лицом, с волосами до плеч, которые отливают медью, скорее похож на пажа, сошедшего со страниц галантной новеллы, чем на мужа принцессы Арагонской.

Александр VI ждет детей и свиту в окружении одиннадцати кардиналов. У его ног положили плюшевые подушечки, а на землю — четыре большие красные атласные подушки. Проходит несколько минут; из соседней комнаты доносятся перешептывание, женские голоса, приглушенный смех, шуршание шелков, позвякивание шпор. Когда двери наконец отворяются, первым заходит Гоффредо, он целует ногу папы и, поднявшись, бросается в объятия к отцу, который на минуту прижимает к груди голову сына; потом он обнимает Лукрецию и принцессу Арагонскую. Затем принц Скуиллаче и его супруга приветствуют кардиналов, которые в свою очередь дарят им «поцелуй примирения»; затем дамскому эскорту Санчи позволено преклонить колени перед папой. «Придворные дамы вполне достойны своей госпожи», — сообщает посланник Мантуи. Церемония — то ли светская, то ли церковная — продолжается, каждый торжественно занимает свое место, и начинается веселая и игривая беседа между папой и двумя молодыми женщинами. Лишь Чезаре, сидящий среди кардиналов, похоже, не разделяет семейной радости. Его взгляд, брошенный на принцессу Скуиллаче, не ускользает от Скалоны — мантуанского оратора, который отмечает, что, «судя по жестам и выражению лица, овечка готова легко сдаться волку».

Два дня спустя в соборе Святого Петра была отслужена литургия и на ней присутствовал понтифик со всей семьей. Некий испанец, капеллан епископа Сегорбо Бартоломео Мартини, произносит длинную и нудную речь. Все, включая папу, явно скучают и с трудом переносят бесконечные рассуждения, слабо приправленные риторическими красотами. Внезапно, будучи не в силах сдержать свою живость, Санча увлекает за собой Лукрецию к креслам, предназначенным для каноников. Все хорошенькие дамы следуют за ними, и тяжелые одежды ничуть не стесняют их быстрых движений, они карабкаются на помост и устраиваются там. Все они притворяются, что внимательно слушают проповедника, но глаза их шаловливо блестя. Естественно, Бурхард возмущается: «Санча и сопровождающие ее Лукреция и другие молодые женщины самым неприличным образом уселись на помосте для певчих (*pulpitum*) и вокруг него, и их постыдное поведение возмутило народ».

В подобного рода происшествиях нет ничего необычного для тех времен. В летописи событий Вечного города сообщается, что, к примеру, на

праздник святого Августина в монастыре «публичные девки расположились между алтарем и кардиналами» и что «в церкви Святого Цельса два каноника подрались до крови». Сам Александр VI разрешает своему любимому шуту Габриэллетто, когда папа поворачивается спиной, изображать, будто он проповедует на латыни или по-испански, и благословлять толпу, как то делает его хозяин.

Два месяца спустя работники, реставрирующие церковь Санта-Кроче, вынимают из земли свинцовый ящик, на крышке которого видна надпись: «Hic est titulus verae cruris» [\[16\]](#). Внутри на маленькой табличке, изъеденной червями, можно разобрать слова «Jesus Nasareus Rex Judaeorum» [\[17\]](#). Тем самым начиная с 25 июля 1496 года Александр VI регламентирует специальной буллой культ обряжения Креста и впервые служит в его честь литургию в базилике Сан-Джованни в Латерано в Римском соборе, основанном императором Константином Великим. В этот день, окруженный толпой, где бок о бок стоят простолюдины и аристократы, Александр VI подходит к алтарю, однако мессу он служит в большой спешке и причастие раздает столь рассеянно, что дважды облатка падает к его ногам.

Он всегда носит с собой священную облатку в золотой коробочке. «Так я всегда пребываю с Богом», — повторяет он своим приближенным, но при этом глава Церкви ничуть не заботится о том, чтобы радикально изменить нравы ватиканского двора, где все крайне снисходительны к плотскому греху. В свое время святой Августин писал: «Изгоните блудниц из человеческого общества, и разгул страстей все погубит».

В эти годы Флоренция живет под властью Савонаролы. Город превращен в некое подобие монастыря с весьма строгими правилами: застигнутые на месте игроки подвергаются пыткам, богохульникам прокалывают язык, все доносят друг на друга, дети шпионят за родителями, слуги — за хозяевами. Околдованные доминиканским фанатиком, Боттичелли и Фра Бартоломео Венециано, кроме всего прочего, предают огню свои произведения, написанные на светские сюжеты, во время обряда «Сожжение тщеславия» в феврале 1497 года. Проповедник, столь легко отправляющий на костер своих врагов, нечестивые картины и их авторов, тем не менее отступает, когда Франческо Пулья бросает ему вызов и предлагает пройти испытание огнем вместе с ним. Годом позже Александр VI, вначале проявлявший терпимость к Савонароле, подписывает бумагу об отлучении от Церкви этого идола, от которого теперь отказываются и флорентинцы.

Гоффредо и Санча принесли с собой в Ватикан аромат молодости. Лукреция и ее невестка становятся подругами, ведь обе находятся на положении принцесс, вынужденных подчиняться политической воле своих семей. И все же, хотя явной ревности в их отношениях нет, они ведут себя друг с другом довольно сдержанно. У обеих достаточно благоразумия, чтобы понять, что принадлежат они к разным лагерям.

О Санче давно было известно, что она ведет себя в высшей степени свободно, поскольку при неаполитанском дворе стыдливость не в почете; на глазах у всех принцесса покрывает поцелуями своего дорогого мужа, а вскоре она уже не будет довольствоваться им одним. Альковная хроника приписывает ей множество возлюбленных, однако в делах такого рода и мужчины, и женщины, должно быть, из милосердия, зачастую проявляют непривычную душевную щедрость. «Любовь из всех страстей является наиболее доступной, поскольку никто не может ее избежать, и каждый прощает себе этот грех, если он случился», — исповедуется она дочери папы. Смелая, дерзкая неаполитанская принцесса, заговаривающая с незнакомыми мужчинами и устраивающая им сцены, оказалась единственной, способной дать отпор невыносимому Чезаре, хотя по-прежнему позволяла ему надеяться на ее благосклонность.

Александр VI не отказался от идеи, что его второй сын Хуан Гандийский должен пойти по доблестным стопам своего покойного сводного брата, и, поскольку он опасается, как бы Фердинанд Католический (Арагонский) не лишил его владений, а также зная, что армия Папского государства нуждается в главнокомандующем, он призывает его в Ватикан. Хуан бросает в Валенсии свою беременную жену и первого ребенка Хуана II, третьего герцога Гандийского, который станет отцом святого Франческо Борджа, советника Карла V, вице-короля Каталонии, а затем генералом ордена иезуитов.

В совершенстве владея искусством организовывать торжественные процессии, папа отправляет Чезаре и Лукрецию встретить брата у ворот Портезе, чтобы препроводить его в папский дворец, где он должен разместиться. Рыжая лошадь Хуана сверкает золотой сбруей с серебряными колокольчиками, на герцоге темное одеяние, рукава которого расшиты драгоценными камнями, на голове его бархатная шляпа, отделанная жемчугом. «Этот принц-комедиант с головы до ног увешан драгоценностями», — насмешливо сообщает Бурхард. Римляне ошеломлены, хотя давно уже знают толк в роскоши.

За исключением донны Марии, все родные Лукреции живут неподалеку от ее дворца: герцог Гандийский — в Ватикане, Гоффредо и

Санча — у кардинала д'Алериа. Хотя муж Лукреции по-прежнему постоянно находится в Пезаро, она участвует во всех праздниках, кавалькадах, боях быков на площади Святого Петра, маскарадах на Кампо деи Фьори, где несколько прелатов, сидя верхом на арабских лошадях и одевшись в венгерские костюмы, изображают настоящий поединок, размахивая кривыми турецкими саблями.

В хрониках того времени, повествующих о подобных развлечениях, нет ни намека на скандал и никакой критики по поводу личной жизни Лукреции. Она дружна с Санчей, которая настолько почувствовала себя членом семьи, что стала сначала любовницей Чезаре, а затем — герцога Гандийского и, таким образом, приходилась теперь трижды невесткой папе; и все же дочери Александра VI удалось сохранить благоразумие. Лукреция всегда находилась под пристальным вниманием современников, и если они ничего о ней не говорили, значит, им действительно еще нечего было сказать.

Пока Гоффредо продолжает свою испанскую карьеру, а Чезаре шаг за шагом поднимается по ступенькам церковной иерархии, Хуан, «правая рука папы», по всеобщему мнению, призван обеспечить величие дома Борджа.

Объявив о лишении прав римских баронов, сопротивлявшихся укреплению власти Ватикана, и конфисковав их земли, Александр VI объявляет Гоффредо гонфалоньером Церкви, то есть главнокомандующим армией Его Святейшества, и ставит перед ним задачу: уничтожение семейства Орсини. Однако поскольку он не полагается полностью на его полководческий талант, то дает ему в помощники Гвидубальдо, герцога Урбино.

Началу кампании сопутствует успех. У Орсини отняты десять замков, однако возникают трудности с осадой крепости Браччано, которую защищает супружеская пара Альвиано и Бартоломеа Орсини; наделенные воинскими талантами, они доблестно отбивают атаки Борджа и не отказывают себе в удовольствии отправить ему осла с табличкой, гласящей: «Разрешите пройти, я посланник к герцогу Гандийскому»; под хвостом животного привязано шутовское письмо. Неслыханная наглость: Орсини удается продвинуть свои войска до самых окрестностей Рима, и Чезаре, охотившийся возле Тре-Фонтане, чудом ускользает от них. Это полное поражение. Папские воины снимают осаду и вскоре натываются на Вителлоццо — знаменитого кондотьера, который 25 января 1497 года одерживает над ними победу, ошеломившую всех. Герцог Урбинский Гвидубальдо, который должен был поддержать Хуана, захвачен в плен. Раненому герцогу удастся скрыться бегством. Он возвратится в Ватикан,

где сначала на него обрушится гнев отца, а потом он получит во владение имения Беневенте, Террачино и Понте-Корво с правом наследования. Странное поведение папы, наградившего сына за поражение, будет иметь для семьи Борджа самые серьезные последствия.

С мая по декабрь 1496 года Александру VI не удалось убедить Джованни Сфорца приехать к Лукреции в Рим, но папа по-прежнему считает, что тот находится у него на службе. После напрасных просьб присоединить войска Сфорца к войскам Хуана против Орсини 5 января папа предписывает ему вернуться в Рим. Лукреция вновь обретает своего странного супруга — обычную пешку, поставленную ее отцом на шахматную доску политики.

Его принимают гораздо лучше, чем он мог бы ожидать, — но разве можно доверять любезным словам Александра VI и Чезаре? Дядя Джованни, кардинал Асканио, чье положение в Ватикане становится все ненадежнее (а ведь когда-то он фактически был вице-папой), пускает в ход все мыслимые средства, чтобы предотвратить грозящую ему немилость. Однако интересы Борджа теперь далеки от интересов Сфорца, до такой степени далеки, что входят в противоречие с тех пор, как Лодовико Моро получил власть в 1494 году, с тех пор, как Лодовико Моро в надежде низвергнуть Арагонскую династию и удержать в своих руках Миланское герцогство впускает Карла VIII в Италию.

В этой губительной атмосфере Лукреция пытается по мере своих слабых сил развлечь супруга. Чтобы развеселить его, она приглашает Аурелио Брандолини сыграть на лютне его последние произведения или зовет в гости самого Серафино Аквилано — Петрарку того времени. Чезаре, страстный любитель поэзии, вводит в дом сестры одного из своих протеже, Франческо Сперуло, который будет служить под его знаменами и воспоет позднее его подвиги. Другие поэты, такие, как Эмилио Боккабело или Эванджелисто Фаусто Мадцалено, декламируют свои стихи, тогда как три брата — Марио, Джироламо и Чельсо Меллини блистают в искусстве пения и риторики. Что касается Иеронима Порция, штатного льстеца, то он только что сочинил произведение о «быке Борджа», прославляющее все семейство и его деяния с такой любовью и такой педантичностью, что Лукреции становится неловко.

Во время одного из таких собраний Джованни Сфорца с воодушевлением рассказывает, что, когда гостил в Милане у дяди, он попросил Леонардо да Винчи изобразить для него тайную вечерю на стенах скромной столовой в монастыре Санта-Мария-делле-Грации.

Заказанное два года тому назад произведение, над которым художник

продолжал работать, привлекло к себе внимание придворного общества, здесь собираются ученые и гуманисты, светская знать, чтобы высказать свое мнение. Иногда Леонардо приходит на заре, взбирается на леса на высоте более двух метров над землей и работает без перерыва до тех пор, пока вечерние тени не вынуждают его прервать работу, а затем целыми днями он не прикасается к кистям и только вглядывается в написанные им фигуры.

Настоятель монастыря, пожаловавшийся было на медленный ход работы, получил следующий ответ да Винчи: «Я провел долгие часы, блуждая по притонам и логовам, где скопились все отбросы Милана, но так и не нашел Иуду, однако если меня будут подгонять с окончанием работы, я охотно напишу его с вас».

Джованни Сфорца, гордый тем, что является племянником покровителя искусств, рассказывая эту историю, выказывает определенное высокомерие по отношению к Лукреции и ее друзьям, которые, по его словам, не знали и не поддерживали художников. Весьма неуместная спесь по отношению к Борджа: известно, что они покровительствовали Пинтуриккьо, Боттичелли и многим другим.

Начинается карнавал. Джованни, Лукреция, Гоффредо и Санча отправляются туда. Хотя Рим после проливных дождей превратился в сплошную сточную канаву, четверо молодых людей в черных шелковых полумасках смешиваются с толпой и стремятся не пропустить ни одного пари, заключенного на результат соревнования между площадью Венеции и площадью Пополо, где участвуют сто двадцать соперников в натянутых до пояса полотняных мешках.

В толпе рядом с ними стоят люди в масках, водрузившие на нос фаллос в состоянии эрекции. Воры пользуются толкотней, чтобы обокрасть зевак или слишком услужливых дам; кругом бросаются яйцами и мукой, стоит ужасный гвалт и хохот. Цыгане, акробаты и канатные плясуны разыгрывают буффонаду. На следующий день евреи устраивают соревнование: сто человек с оливковой веткой в одной руке и знаменем с гербом Александра VI в другой под приветственные возгласы бегут от замка Святого Ангела к площади Святого Петра, где на паперти базилики Джованни и Лукреция в окружении сенаторов вручают победителю пурпурный греческий плащ.

Александр VI, раздосадованный военными неудачами сына, не принимает участия в карнавальном веселье. Чтобы выйти из унижительного положения, он призывает к себе Гонсальво из Кордовы, которого Изабелла Католическая отправила в Италию, чтобы изгнать французов из

Неаполитанского королевства. 21 февраля испанский полководец выезжает из Рима вместе с Хуаном, Джованни, а с ними шестьсот солдат в полном вооружении и тысяча пехотинцев. Его первая цель — заставить капитулировать Остию, до сих пор находящуюся в руках войск Карла VIII. Меньше чем через месяц он победоносно возвращается в Рим и привозит в качестве трофея гарнизон Остии.

19 марта, в Вербное воскресенье, супруг Лукреции и его шурин Хуан находятся в первых рядах триумфального парада войск. На ступеньках трона римского первосвященника, воздвигнутого в Сикстинской капелле, они оба принимают из рук Его Святейшества традиционную пальмовую ветвь. Джованни попадает в ловушку: он верит приветливым словам папы, не замечая, что влияние его семьи сходит на нет. Александр VI не прощает Сфорца их союза с французским государем.

До сих пор Александр VI делал вид, будто ему ничего не известно, и всячески старался избежать огласки, хотя Чезаре вовсю раздумывает, не заколоть ли Сфорца кинжалом и не выбросить ли его тело в Тибр.

Джованни, когда его пытаются склонить к согласию на расторжение брака, сопротивляется, ссылаясь на любовь к жене. Официально понтифик и его сын больше не подвергают его унижению и следят за тем, чтобы никто не оскорбил невзначай его достоинство. Теперь, хотя это уже слишком поздно, Джованни понимает, что его супруга могла бы ему помочь. Последняя не остается безучастной к его тревогам и заявляет о своей готовности поддержать его. Во время Страстной недели граф Пезаро окончательно утверждает в своих опасениях, это следует из рассказа хроникера Пьетро Мадзетта:

*Однажды вечером, когда Джакомино, камергер синьора Джованни, находился в комнате синьоры Лукреции, вошел ее брат, Чезаре. Молодая женщина приказала Джакомино спрятаться за креслом. Чезаре, думая, что находится наедине с сестрой, говорил открыто. Только что был отдан приказ убить ее мужа. Лукреция плакала, умоляла. Чезаре вышел, пожимая плечами. Когда он удалился, она сказала Джакомино: «Ты все слышал, иди и предупреди его», — и камергер немедленно повиновался<sup>[56]</sup>.*

Чтобы не возбуждать подозрений, по совету Лукреции Джованни накануне Страстной пятницы в присутствии своих людей громко попрощался с женой и сказал ей, что по случаю святого дня он отправляется на исповедь или в Сан-Кристосомо-ин-Транстевере, или в

Сан-Оногрио на Яникуле. Итак, смирившись с необходимостью совершить покаяние в семи соборах, он уезжает из дворца в сопровождении небольшого эскорта, минует крепостную стену города, за одни сутки пересекает Апеннины и прибывает в Пезаро. Хроникер Бернардо Мональди отмечает, что у папы «был замысел отнять супругу у графа Пезаро или убить его, но последняя его предупредила, и он приехал сюда верхом». Этот рассказ подтверждает, что Лукреция спасла мужа.

На следующий день римская курия, увлеченно следившая за этими событиями, задается вопросом, что побудило зятя святого отца повести себя таким образом, и Александру VI приходится официально огласить послание, которое он направил беглецу: «Ты можешь легко себе представить, насколько огорчил нас твой отъезд, поэтому всей нашей властью мы призываем тебя немедленно прибыть сюда, если наше счастье дорого тебе».

Мечущаяся между мужем, вынужденным спастись бегством, и всемогущим отцом, который держит ее пленницей в своем дворце, Лукреция наблюдает за неравной схваткой, она не в силах ничего изменить. Джованни требует вернуть жену, Александр VI отвечает, что Сфорца сможет увидеть ее только в Риме и что любое сопротивление отныне бесполезно, поскольку Лодовико Моро и кардинал Асканио стали его союзниками. Сколько писем ни посылает граф Пезаро своим родственникам, чтобы вымолить у них помощь, политические законы вынуждают Сфорца соблюдать нейтралитет, и, чтобы выиграть время, они просят его объяснить причины таинственного отъезда из Рима.

12 мая Джованни пишет своему дяде, что будет ждать паломничества, которое Асканио должен совершить в Лоретте, чтобы поведать ему о том, «что я не хочу предавать огласке». Эти слова, написанные под воздействием страха, гнева и стыда, будут иметь серьезные последствия. Вынужденное одиночество наведет мужа Лукреции на размышления о превратностях брака. Для большинства современников Лукреции и Джованни латинское слово, обозначающее супругу, — *ихог* — является символом опасностей, которым подвергается вступающий в брак, поскольку U похожа на перевернутую виселицу, X — на крест, O — на колесо, R — на топор. Сфорца должен был знать, что, вступая в брак, он шел навстречу виселице, кресту, колесованию и плахе <sup>[57]</sup>.

## Глава VIII

### Беременная девственница

Александр VI, решивший действовать быстро, отправляет к своему зятю Марианно Генаццано, генерала ордена августинцев и заклятого врага Савонаролы, который сообщает ему, что он должен расторгнуть, а точнее, аннулировать брак. Посланец папы, скорее юрист, чем духовное лицо, призвав на помощь дар убеждения и ловко чередуя уговоры и угрозы, старается вырвать у Сфорца согласие. Чтобы тот не сопротивлялся, он ссылается на две причины: отсутствие супружеских отношений и несоблюдение соглашения с бывшим женихом Лукреции доном Гаспаро де Прочида. «Папа решил, что никоим образом вы не можете воссоединиться с синьорой Лукрецией, которую он решил отправить в Испанию», — пишет Асканио Сфорца. От усталости, из чувства страха и, возможно, потому, что Лукреция была не слишком дорога его сердцу, граф Пезаро соглашается на развод. Он признает в качестве предлога несоблюдение с его стороны контракта, заключенного с доном Гаспаро де Прочида. К несчастью, кардиналы, на которых было возложено ведение дела, сочли предлог недостаточным, и встал вопрос о признании отсутствия супружеских отношений. Повод кажется Ватикану правдоподобным, там ходят слухи, что первая жена Джованни, Маддалена Гонзага, «понесла от другого мужчины, отчего и умерла». Молодой и красивый мужчина, периодически страдающий половыми расстройствами, не был таким уж редким явлением, однако по отношению к Джованни это обвинение представляется весьма сомнительным.

Когда в первых числах июня папа отправился к Лукреции, чтобы объявить ей, что ее муж наконец капитулировал и что она по-прежнему еще девственница, Лукреция не смогла скрыть удивления, поскольку, как она сказала, ей довелось познать мужа «не счесть сколько раз». Категорично настроенный Александр VI заявил ей, что она не была дефлорирована, и, следовательно, в ее случае вполне мог быть применен декрет Григория IX, согласно которому жена может ходатайствовать о расторжении брака, если супруги не вступили в брачные отношения. Лукреция смирилась и подписала просьбу об аннулировании брака<sup>{58}</sup>, где уточнялось, что в течение трех лет их семейной жизни «не имели место какие бы то ни было половые сближения, супружеские отношения или следующие за тем

коитусы и что она готова поклясться в этом и позволить засвидетельствовать это на гинекологическом осмотре». Подчинившись родительской воле, разочарованная и обозленная покорностью Джованни, из-за которой она вынуждена была подписать это признание, Лукреция неожиданно на рассвете 6 июня покидает свой римский дворец.

В сопровождении всего лишь нескольких дам и небольшого эскорта надежных слуг она едет верхом к цирку Максима, проезжает мимо дворца Септимия Севера, затем направляется к развалинам Терм Каракаллы. Напротив остатков этих сооружений эпохи Римской империи находится доминиканский монастырь Сан-Систо, его колокольня возвышается среди приморских сосен и пышной растительности. В этом оазисе тишины и покоя, предназначенном для девушек из благородных семейств, отказавшихся от мирской жизни, дочь Александра надеется вновь обрести душевное равновесие и безмятежность.

Лукреция просит у матери-настоятельницы не пропускать к ней никого, включая папу, и с огромным облегчением входит в свою келью, где стены выбелены известью, где стоит кровать со столбиками, накрытая покрывалом из белого полотна, а пол, выложенный шестиугольной терракотовой плиткой, застлан циновкой из конопли. Монашеская бедность очищает ее от роскоши, лжи, интриг и слухов, эхо которых разбивается о стены Сан-Систо. Здесь она чувствует себя в гораздо большей безопасности, чем в самой неприступной крепости.

Уже к полудню римляне увлеченно строят предположения о ее бегстве. По их мнению, Лукреция захотела вырваться из-под влияния отца и брата. По мнению других, будучи женщиной набожной и устав от придворной жизни, она решила посвятить себя Богу. Две недели спустя Донато Аретино пишет кардиналу Ипполите д'Эсте о своих подозрениях относительно подлинных намерений Лукреции: «Некоторые говорят, что она хочет стать монахиней, тогда как другие рассказывают такое, о чем нельзя поведать в письме». Когда Асканио Сфорца спрашивает у папы римского о причине этого заточения, Александр VI отвечает, что он лично велел своей дочери уединиться в Сан-Систо, «поскольку это место весьма почтенное». Что не мешает ему 12 июня отправить отряд вооруженных людей, чтобы уговорами или силой вернуть беглянку. Сестра-привратница вовремя успевает опустить решетки. И если бы не вмешательство и авторитет настоятельницы Джироламы Пики, солдаты осквернили бы обитель.

Довольно было приезда Лукреции, чтобы нарушить спокойное течение повседневной жизни монастыря, а «когда папа прислал вооруженных

людей, чтобы увезти ее, — пишет Каттанео, — многие сестры попадали в обморок». В свою очередь, не ставя в известность отца, Чезаре безуспешно предпринимает такую же попытку, но настоятельница, по совету Лукреции, потребовала у него папскую печать, которую он не смог предъявить. После этого поражения усилилась ненависть Чезаре к брату Хуану Гандийскому, виновному, по его мнению, в добровольном заточении Лукреции. У него начинает проявляться почти болезненная ревность по отношению к сестре, о чем Лукреция пока не догадывается или делает вид, что не догадывается. Впрочем, разве он не выбрал в любовницы куртизанку — знаменитую Фьяметту, по слухам, очень похожую на дочь папы?

Несколько дней спустя в своем уединении Лукреция получает известие о том, что убит ее брат, герцог Гандийский. Римляне уже обвиняют в его смерти Чезаре, которого Александр VI так долго оттеснял на второй план, отдавая предпочтение младшему сыну; Чезаре, который афиширует свое презрение к жизни других людей, равно как и к своей собственной, которому по душе опасность, а значит, вызов всему и вся; Чезаре, который весьма далек от мысли, что необходимо оставить Богу право покарать соперника, и который всегда готов сам вершить правосудие. Поиск величия и счастья доводит его до крайностей, граничащих с преступлением.

В этот же монастырь, где живет Лукреция, в поисках уединения прибывает Ваноцца. Из двух женщин матери гораздо труднее. Авель и Каин в 1497 году! От нее Лукреция узнает о трагедии все до мельчайших подробностей.

«Римский первосвященник, — пишет Гвиччардини, — с самого начала своего царствования задался целью сделать средоточием земного величия своего рода герцога Гандийского, однако Чезаре, кардинал Валенсии, всему на свете предпочитавший войну, мрачно взирал на почести, коими осыпали его брата, чье место ему не терпелось занять». Именно тогда, в первых числах июня, Александр VI решил отправить обоих сыновей в Неаполь: Хуана — для получения инвеституры нового герцогства Беневенте, а Чезаре — в качестве папского легата, уполномоченного короновать Федерико Арагонского, наследника короля Ферранте, умершего год назад.

Их мать, осознавая, какая несправедливость творилась в отношении Чезаре, уже давно желала помирить сыновей. Накануне их отъезда в Неаполь она устроила застолье в своем имении возле Сан-Пьетро-ин-Винколи, которое она купила за 500 дукатов четыремя годами ранее. В окружении виноградарей, где трещали сверчки, вдали от римской жары, Ваноцца велела в тот вечер, 14 июня, подать сельский ужин в увитой зеленью беседке. Она сидела веселая во главе стола, и лицо ее хранило

следы царственной красоты. Помимо двух ее сыновей были приглашены кардинал Монреале, Хуан Борджа и капитан папских войск Родриго Борджа. Внезапно появляется человек в маске, который подходит к Хуану и шепчет ему на ухо несколько слов, после чего удаляется, не вызвав ни у кого беспокойства. Вот уже более месяца его часто видят в компании герцога во время галантных приключений. По окончании вечера все разъезжаются на своих мулах в окружении оруженосцев. Позднее стало известно, что около дворца Чезарини, где жил вице-канцлер Асканио Сфорца, тот же человек возник из темноты, и герцог Гандийский, посадив его на круп своей лошади, объявил телохранителям, что покидает их и отправляется немного поразвлечься. Его сопровождал только один конюх.

Утром герцог не появился. Папу тревожит его отсутствие, однако, думая, что речь идет о временном исчезновении, он советует держать все в секрете. Вечером на одной из улочек найден умирающий конюх, дающий лишь весьма расплывчатые сведения. Тотчас же интуиция народа рождает слух, что герцог Гандийский убит и брошен в Тибр. В тот же вечер Бурхард сообщает: «Александр VI, потрясенный до глубины души и ожидающий худшего, велит начать розыски».

Некий Горджо Скьявино, моряк, стороживший груз древесины на судне, пришвартованном в порту Рипетта, неподалеку от мавзолея Августа, сообщает, что в ночь со среды 14 июня на четверг 15 июня там, куда сливают грязь и нечистоты, он заметил двух людей, к которым вскоре присоединился всадник; поперек седла у него лежал человек. Развернув лошадь задом к реке, он вроде бы сбросил тело в Тибр в том месте, куда сбрасывают нечистоты. Плащ жертвы еще долго плавал бы на поверхности, если бы его не утопили, бросив несколько камней. Ответ моряка на вопрос, почему он не рассказал об увиденном раньше, свидетельствует о том, насколько небезопасно было в Риме: «Мне довелось видеть с сотню трупов в Тибре, так что и этому я не придавал большого значения».

После этого были вызваны триста рыбаков и пловцов. Ближе к вечеру Баттистино ди Талья приносит обмытое тело Хуана, оно обезображено девятью ранами, одна из которых зияет на шее. К его поясу были все еще привязаны кинжал и печатки, а в кошельке лежали тридцать дукатов, из чего следовало, что убийство совершено не ради грабежа.

Тело перевезено на лодке в замок Святого Ангела, где служитель, ведающий церемониями, Бернардино Гуттьери, к приходу папы обмывает его и обряжает в форму главнокомандующего Церкви. Отчаянию Александра VI нет предела, и плач его доносится до моста Святого Ангела. «Боль его была еще более ужасной от того, что дитя его было брошено в

нечистоты».

Вечером испанские солдаты были выстроены в ряд с обнаженными шпагами на всем пути траурного кортежа, и две сотни факельщиков сопровождают открытый гроб до Санта-Мария-дель-Пополо; притихший народ с любопытством смотрит на двадцатилетнего принца, который кажется спящим.

Позднее Педро Кальдес, или Кальдерон, по прозвищу Перотто, папский камерарий, служащий при монастыре Сан-Систо, рассказывает Лукреции о страшном горе ее отца. В течение трех суток, закрывшись в своих апартаментах, отказываясь от пищи, никого не принимая, понтифик рыдает. Из-за дверей доносятся вопли, смешанные с проклятиями. 19 июня Александр VI наконец собирает консисторию. Вместо прежнего папы — гордого, пышущего силой и здоровьем мужчины — все видят сломанного, едва держащегося на ногах старика, согнувшегося под тяжестью папских регалий. Ассамблея кардиналов и послов тронута этим. Чувства, переполняющие присутствующих, столь глубоки, что никого не возмущает вид папы, публично оплакивающего смерть своего сына. «Ни один удар не может быть столь жестоким, — говорит он со своим испанским акцентом, — как тот, что выпал на нашу долю, поскольку мы любили герцога Гандийского больше всего на свете. Мы бы охотно отдали семь тиар, лишь бы вернуть ему жизнь... Бог наказал нас за наши грехи, поскольку герцог не заслужил столь ужасной смерти. Прошел слух, будто совершил это преступление Джованни Сфорца, мы же уверены в его невиновности, и еще менее виновны Лодовико Сфорца и герцог Урбинский»<sup>[59]</sup>. В завершение речи Александр VI дает обет вести примерную жизнь и заявляет о своем желании радикально реформировать устав папского города: будут тщательно соблюдаться все церковные обряды, тогда как мирская суэта будет изгнана.

Слушая рассказ Перотто, Лукреция понимает, насколько болезненно переживает это событие ее отец, если даже тиара, о которой он так мечтал, превратилась для него в ничто; она задается вопросом, как он поведет себя, когда будет найден виновный. Древнеримская поговорка «Nīe fecit cui prodest»<sup>[18]</sup> наводит на мысль только об одном человеке. У Макиавелли, как у большинства его современников, нет сомнений, и он отправляет венецианскому Совету Десяти<sup>[60]</sup> следующее письмо: «Причина этой смерти еще останется некоторое время нераскрытой, но есть уверенность в том, что кардинал Валенсии (Чезаре) совершил его самолично или посредством других лиц».

Следуя наставлениям монахинь Сан-Систо, заботящихся о сохранении репутации Борджа и тем самым Ватикана, Лукреция советует матери отправиться к папе и просить его хранить молчание о случившейся трагедии, поскольку всем прекрасно известно, что виновных нет ни в клане Орсини, ни в клане Сфорца. Поездка Ваноццы в Ватикан окажется решающей: через три недели после убийства Александр VI отдаст приказание прервать поиски, и убийца так никогда и не будет найден, поскольку, если верить современным летописцам того времени, он был слишком *gran maestro*<sup>[19]</sup>. «В Риме все дозволено, и тот, кто желает заколоть кинжалом своего врага, редко подвергается преследованиям, при условии, что он будет вести себя тихо», — напишет позднее Стендаль.

22 июля 1497 года Чезаре покидает Рим и отправляется на коронацию неаполитанского короля. Начиная с этого дня глава Церкви все больше попадает под влияние своего сына. «Александр VI очень любил кардинала Валенсии и в то же время очень его боялся», — сообщает посол Венеции. Шесть недель спустя Чезаре, только что возвратившийся из Неаполя, отправляется на консисторию. В сопровождении кардинала Сиены Франческо Пикколомини и нескольких прелатов, которые были с ним в поездке, он склоняется перед отцом, тот обнимает его и, не сказав ему ни слова, покидает свое место. Эту сцену молчания долго обсуждали. Бурхард видит в ней доказательство виновности Чезаре. В данном случае поведение Александра VI можно было объяснить правилами протокола. Тем более что по окончании заседания Чезаре отправляется к своему отцу, и тот, находясь вне официальной обстановки, «принял его, — как сообщает Томази, — а лицо его было так радостно, что стало очевидным, что горе, вызванное смертью герцога, было забыто». Пробил его час действовать без колебаний и угрызений совести, и Лукреция вскоре станет его жертвой. Семья Борджа войдет в эпоху потрясений.

В Сан-Систо монахини проявляют привязанность и симпатию к дочери главы своей Церкви. Преподаватели и ученики напоминают ей о счастливых временах ее ранней юности; ей уже тогда нравились монастырская тишина, игра света и тени на аркадах, сосредоточенные лица настоятельниц и сестер, которые парами шли на мессу, наклоня головы под низкими сводами. В монастырской часовне Лукреция чувствует запах ладана, слышит ангельское пение монахинь, которое чередуется с низким голосом священника, совершающего богослужение, любит золотом алтаря и нежностью фресок. На одной из них изображен мятежный архангел Гавриил, сообщающий Марии, едва вышедшей из детского возраста, об уготованной ей земной и небесной судьбе, а на другой,

напротив, — «Рождение Мессии». В этой симфонии цветов и запахов Лукреция видит прообраз рая. Этот покой не рассеивает тревогу настоящего, и единственный человек, способный заставить ее улыбнуться, — молодой испанец Перотто, которому Александр VI велел ежедневно ее проводить.

Находясь в добровольном заключении, Лукреция по-прежнему остается во власти отца. Перед ее побегом он «проинформировал» ее о ее девственности. Теперь необходимо сделать официальное сообщение с помощью юридической комиссии, она должна заявить, что «соитие никогда не имело места, данный брак никогда не существовал». Зная, что сопротивление бесполезно, Лукреция смиряется и подписывает документы.

Когда новость распространяется по итальянским княжествам, она, как правило, вызывает скептические замечания и смех. Не до смеха только графу Пезаро. Когда из кондотьера высокого ранга делают мужа-импотента, это переходит все границы. Изменив внешность до неузнаваемости, он мчится верхом в Милан, бросается в ноги к своему дяде Лодовико и просит у него покровительства. Последний, потрясенный смертью своей супруги Беатриче д'Эсте, угасшей в возрасте двадцати одного года, не слишком интересуется проблемами племянника. Тем не менее он советует ему вступить в соитие в присутствии свидетелей хоть с Лукрецией, которую ему должны будут привезти, хоть с какой угодно дамой из города, которую он выберет сам.

Это предбрачное испытание было широко распространено, ему подвергались даже те молодые люди, которые слыли волокитами. Так, внук Альфонсо д'Эсте, Чезаре, который не сумел доказать свою силу 11 марта 1584 года перед покорной девственницей, выбранной повитухами, смог, на свое счастье, повторить попытку несколько дней спустя, и тогда наблюдателям хватило двенадцати минут, чтобы засвидетельствовать его мужественность <sup>[61]</sup>.

Именно таким образом несколькими годами ранее Лодовико Моро, прознав, что брак его племянника Джангалеаццо с Изабеллой Арагонской не совершился должным образом, вызвал его в суд, где заседали архиепископ и городские судьи. Моро высмеял его и отстранил от дел.

Теперь же несчастья, обрушившиеся на голову Джованни, дают Лодовико повод заставить всех забыть о его поведении по отношению к законному герцогу Милана, а также обеспечить себе расположение клана Борджа в тот момент, когда он опасается, что новое французское вторжение может лишить его герцогства в пользу Людовика Орлеанского, будущего

Людовика XII. Поэтому он обвиняет племянника в том, что тот желает сохранить жену, чтобы не потерять 31 тысячу дукатов приданого, и отдает приказание провести испытание под руководством папского легата, преподобнейшего Хуана Борджа, кардинала Монреале. Как сообщает Антонио Костабили, посол Феррары в Милане, Джованни оказался слишком нервным и, опасаясь неудачи, отказался подвергнуться этому испытанию<sup>[20]<sup>462</sup></sup>.

Пока разворачиваются эти события, спокойные дни Лукреции состоят из молитв, репетиций хора и теологических диспутов о блаженном Августине. Закрытое собрание женщин, то инфантильных, то слишком ученых, начинает угнетать ее. Прибыв в поисках Бога в этот монастырь, она нашла здесь не только Бога, но и молодого (двадцатидвухлетнего), красивого и пылкого Перотто. Как раз когда ее только что развели с мужем, немым, сомневающимся, грубым и неловким, появляется посланный ее отцом камерарий — само очарование, нежность и обольстительность. Лукреция начинает применять на практике следующий афоризм Кастильоне: «Женщины, имеющие мужа, им подходящего и ими любимого, не должны наносить ему оскорбление, однако женщины, не любящие тех, кто любит их, наносят оскорбление самим себе». Разве ошибка, совершенная в приливе нежности, не стоит любого морального долга?

Дух побежден, а за ним и тело, и впервые Лукреция познает наслаждение. Благодаря Перотто она понимает, чего может желать и требовать ее веселая и страстная натура. Пентесилея, ее верная спутница, сторожит покой влюбленных, а монахини, привыкшие к присутствию уполномоченного папы, разрешают ему свободно ходить по монастырским садам и по апартаментам, предназначенным для дочери папы, которая в объятиях камерария забывает о родительской опеке и о своем предназначении служить величию семьи. Одно событие внезапно напугивает ее о долге и вернет молодых людей к реальности. Пока в Неаполе ведутся переговоры о ее новом замужестве, широкие платья и мода на завышенную талию позволяют ей держать в тайне ее положение, скрывают растущий живот.

Что касается ее бывшего супруга Джованни Сфорца, то он под двойным давлением — Александра VI, оставившего за ним право пользоваться приданым, и Лодовико Моро — 18 ноября 1497 года подписывает во дворце Пезаро в присутствии докторов и теологов свидетельство о своем супружеском бессилии, предоставляя кардиналу Сфорца права, необходимые для аннулирования брака.

Проиграв с самого начала, став жертвой махинаций Александра VI, кардинала Сфорца и герцога Милана, Джованни, не в силах сопротивляться, позволил вырвать у себя это признание. Он тут же мстит за себя, пустив в мир ужасную клевету, которая будет эхом отзываться на протяжении столетий: «Если у меня отнимают мою жену, то потому, что папа желает свободно располагать своей дочерью»<sup>[63]</sup>. Эта фраза очень лукавая, поскольку из нее совершенно не следует, что римский первосвященник был любовником Лукреции, следует лишь то, что он имел такое намерение. Такой тон типичен для клеветы: сначала следуют намеки, затем догадки, затем — утверждения, затем — уверенность. Ходят и другие неясные слухи, дошедшие из Пезаро: оказывается, Лукреция — любовница не только своего отца, но и своих братьев, ведь из ревности Чезаре приказал бросить Хуана в Тибр. Бельтрандо Костабили, посол Эркулес д'Эсте при дворе Лодовико, писал: «Здесь понтифика публично осыпают такими оскорблениями, каких в Ферраре не услышал бы даже Torta (предатель)».

Вчера Борджа ославили Джованни, объявив его импотентом, сегодня он обвиняет их в кровосмешении. Гвидо Постум, остающийся верным Сфорца, отомстит своими эпиграммами за нанесенное его хозяину оскорбление, но до намеков на инцест не дойдет. Позже Джованни отречется от своей лжи.

Его клевета будет жить долго. Быстро разлетевшись по свету, она достигнет апофеоза в 1840 году, когда воображение Виктора Гюго, соединившись с furia<sup>[21]</sup> Доницетти, воплотится в опере, которая до сих пор живет<sup>[22]</sup>.

Лукреция предстает перед церковным судом 22 декабря 1497 года, то есть через пять месяцев после того, как приняла в Сан-Систо юристов, уполномоченных вести дело о ее браке. Она подтверждает все то, что заставил ее подписать отец, и у кардиналов Паллавичини, Сан-Горджо и мессира Фелино Сандео, аудитора Роты, канонических судей хватает такта удовлетвориться этим и не попросить повитух осмотреть ее, ведь она уже несколько месяцев была беременна.

Одетая благопристойно, как того требуют обстоятельства, то есть прикрыв грудь снизу вплоть до сосков, как это было позволено иезуитом Альберти, для которого «эта часть ничуть не срамнее остальных», Лукреция слушает решение суда и благодарит на латыни «так изысканно и любезно, что, будь она самим Цицероном, она не смогла бы выразиться более изящно и грациозно», — пишет миланский посол Стефано Таверно.

Покончив с формальностями, Лукреция вновь занимает свое место при дворе римского первосвященника и с помощью своей верной Пентесилеи и благодаря моде удачно скрывает свое положение. Так, они вместе с отцом наблюдают, как Микеланджело снимает покров со своей «Pieta».

Двадцатитрехлетний художник два года работал, выполняя заказ кардинала Гролэ. В этом новаторском произведении дух Ренессанса дышит на античные развалины. Первых зрителей приводит в замешательство молодость Пречистой Девы. Мария кажется им моложе своего сына. Скульптор защищает свое произведение, ссылаясь на неоплатоническую идею, согласно которой благородство духа проявляется в физической красоте, и настаивая на том, что ему хотелось устранить из этой поэмы, сложенной им из камня и веры, какое бы то ни было упоминание об ужасе и страхе и показать, что Богородица со смирением принимает свершившееся.

Теперь, когда сестра освобождена от брачных связей, Чезаре полагает, что ему пора взять в свои руки ее будущее, которое должно служить его политическим целям. Поэтому когда он обнаруживает, что она ждет ребенка от слуги его отца, гневу Чезаре нет предела. Перотто стал занозой в теле Борджа. Чезаре решительно настроен уничтожить доказательства и свидетелей этого греха, тем более что камерарий остается доверенным лицом понтифика и знает слишком много о ватиканских делах. Когда Чезаре выходит из дворца Санта-Мария-ин-Портику и направляется в апартаменты папы, то на пути ему попадается Перотто. Юноше хватило одного взгляда, чтобы понять, что он в опасности, и он вынимает из ножен шпагу. Однако Чезаре железной рукой вырывает шпагу. Перотто удаётся бежать. Он в один миг взлетает по ступенькам лестницы и бросается к ногам Александра VI с криком: «Святой отец, я в вашей власти!» Чезаре, подняв кинжал, вбегает в зал аудиенции, Его Святейшество еще пытается спасти своего слугу, прикрыв его полой мантии в знак защиты, но это не мешает Чезаре ударить кинжалом молодого испанца несколько раз и с такой яростью, что, по словам посла Паоло Капелло, «кровь брызнула на лицо папы, а на его подбитой горностаем мантии, как и на его белом одеянии, остались длинные пурпурные дорожки».

По сообщению болонского хроникера Христофоро Поджо, который информирует о происходящих событиях маркиза Мантуанского, Перотто якобы не сразу умер от своих ран: «О судьбе первого камерария Его Святейшества ничего не известно, однако я узнал, что он находится в тюрьме за то, что сделал ребенка синьоре Лукреции».

Умиравший действительно сначала был перенесен в подвалы замка

Святого Ангела, а 14 февраля его труп, как и труп Пентесилеи, был найден на берегах Тибра, у обоих были связаны руки и ноги. «Перотто, — пишет Бурхард, — упал в Тибр против своей воли, нет ничего дороже человеческой жизни». Общественное мнение тут же приписало оба убийства Чезаре, тем более что охрана получила приказание не разыскивать убийцу. За что пострадала верная Пентесилея?... Только за то, что знала о тайне молодой женщины.

В столь нездоровой атмосфере распространяются самые позорные слухи, которые долго будут жить и после смерти Лукреции.

Отзвук этих слухов есть у Аретино: «Перотто был любовником и отца, и дочери, а Пентесилея была любовницей папы». 15 марта 1498 года Джованни Альберто делла Пинья, оратор Венеции, сообщает Эркуле д'Эсте: «Ходят упорные слухи о том, что дочь папы недавно родила»<sup>[64]</sup>. Действительно, в своем дворце Лукреция ненадолго познала радость материнства; новорожденного, разумеется, у нее отобрали, и ей придется ждать еще три года, прежде чем она удостоверится в том, что ее сын, фигурирующий под именем «римского инфанта», узаконен и обеспечен. Понадобятся две папские буллы, чтобы узаконить это своеобразное родство, произойдет это пять дней спустя после подписания третьего и последнего брачного свидетельства Лукреции.

Вот уже полгода как в Ватикане усиливается влияние Чезаре. Отец начинает его побаиваться, однако таланты сына настолько его удивляют и очаровывают, что, вероятно, благодаря им он прощает ему убийство Хуана и не держит на него зла за то, что тот прямо на его руках убил его любимого камерария. К Лукреции брат проявляет не больше внимания, чем шахматист, продвигающий вперед королеву на шахматной доске. Единственная свобода, которую он ей дарует, — свобода поддерживать дружеские отношения с литераторами и художниками.

Так, ей разрешено проводить в последний путь ее друга и учителя Помпония Лета. Этот милый мудрец, презиравший богатство, ненавидящий зависть и злословие, оставил ей воспоминание о своей жизни, которая может служить примером для всех. Он всегда говорил совершенно свободно с сильными мира сего и с большим состраданием относился к обездоленным. Этому неординарному человеку удалось воспитать в Лукреции, равно как и в других своих учениках, любовь и почтение к латинским и греческим текстам. Дочь папы, окруженная послами и сорока епископами, присутствует в церкви Арачели на торжественных похоронах этого экумениста, сумевшего примирить мир

христианский и мир языческий.

Отныне начинают появляться претенденты на руку Лукреции. Ни обвинения Джованни Сфорца, ни убийство Перотто, ни рождение внебрачного ребенка не пугают претендентов, среди которых Аппиано де Пьомбини, Франческо Орсини, герцог Гравины, Оттавиано Риарио — сын от первого брака Катарины Сфорца, графини Форли, и Антонелло, сына князя Сан-Северино. Последний очень не нравится неаполитанскому государю: семья этого молодого человека, симпатизирующего анжуйцам, считается одной из наиболее влиятельных в королевстве, поскольку тесно связана с Карлом VIII и его наследником.

Между двумя сторонами, тем не менее, начинаются переговоры, поскольку будущий жених должен получить титул главнокомандующего Церкви и остаться в Риме под покровительством папы. Неаполитанский монарх, Федерико, тут же вмешивается и просит кардинала Асканио Сфорца использовать все свое влияние, чтобы провалить этот план, который мог бы стать угрозой и Миланскому герцогству, и его королевству, отныне они должны объединиться против общей опасности — союза Людовика XII с папой.

Александр VI, как кажется, благосклонно принимает первое время Сан-Северино, и делает он это лишь для того, чтобы скрыть, что на самом деле питает интерес к брату Санчи, Альфонсо, незаконному сыну Альфонсо II, неаполитанского короля, умершего в 1495 году, и донны Тушии Гадзулло. Притворство дает свои плоды, Федерико I начинает торг: Лукреция должна будет принести приданое в 40 тысяч дукатов, а молодой Альфонсо — получить княжество Салернское, герцогства Бишелье и Куадрата. Тем самым их брак послужил бы далеко идущему политическому замыслу Александра VI, нацеленному на уничтожение крупных земельных владений баронов, и при этом укрепил бы Арагонское и Неаполитанское королевства, чтобы впоследствии превратить их в Итальянское королевство. Этот брак также способствовал бы осуществлению планов Чезаре, который, отказавшись от кардинальства и вернувшись к мирской жизни, женился бы на законной дочери короля Федерико, Карлотте, воспитанной при дворе королевы Анны Бретанской.

Учитывая недавние трудности, выпавшие на долю Неаполитанского королевства, Александр VI считает, что наступил благоприятный момент для смены династии и восхождения Чезаре на трон. Он отправляет кардинала Сфорца проинформировать государя о том, что переводит в светское звание своего сына и желал бы, чтобы последнему была дарована рука принцессы.

Одно комическое происшествие едва не разрушает этот замысел: в Рим прибывает Гаспаро де Прочида. Хотя он женат и является отцом семейства, он, вероятно привлеченный приданым невесты, утверждает, что его помолвка с Лукрецией до сих пор остается в силе. Чтобы никто больше не претендовал на доходное место, Александр VI 10 июня публикует послание, в котором он хотя и признает, что разрыв с доном Гаспаро был оформлен неправильно, однако заявляет, что дочь его «легкомысленно дала слово под влиянием мимолетного увлечения и вышла замуж за импотента» и он освобождает ее от этого клятвопреступления и дает свободу выбрать себе супруга.

Пока происходили эти брачные переговоры, мнение заинтересованных сторон никого не интересовало. В контракте, окончательно подписанном 20 июня, уточняется, что Алонсо должен будет провести первый год в Риме вместе со своей женой и что последнюю ни при каких обстоятельствах не будут принуждать отправиться в Неаполь, пока жив ее отец. В ожидании свадьбы, назначенной через месяц, Александр VI препоручает свою дочь опеке почтенного кардинала Хуана Лопеса. Лукреция ожидает очередного супруга, которого ей навязали. Санча рассказывает ей, какой ее брат красивый, нежный и любезный, но чего стоят утверждения высокомерной и капризной принцессы Арагонской?

## Глава IX

### Алонсо Арагонский. Брак по любви

Как это ни странно, но именно кардинал Асканио Сфорца, когда-то устроивший первый брак Лукреции со своим племянником, а теперь преданный душой и телом неаполитанскому королю, представил Алонсо окружению во время церемонии помолвки 20 июня 1498 года в Ватикане.

В первых числах июля принц Арагонский в сопровождении тридцати всадников, в одежде с ватиканской символикой, подъезжает к Риму по Аппиевой дороге, в древности носившей название *Regina viarum*<sup>[23]</sup>, поскольку была вымощена плитами, вырубленными из застывшей лавы в Альбанских горах. Проходя по ней в Италию и обратно, французы повредили ее, и от этой дороги осталось только название, так сильно она была разбита. Аппиева дорога, утопавшая в жарком мареве и пыли, была вся запружена господскими паланкинами, мулами, готовыми рухнуть под тяжестью тюков с тканями или мешков с зерном. По дороге грохотали тележки с наваленными на них глыбами мрамора, только что добытого на соседних холмах. Поэтому эскорт жениха, движущийся строго по расписанию, сталкивался с большими трудностями, прокладывая себе дорогу. Тоска молодого герцога Бишелье усиливалась с каждым шагом, приближавшим его судьбу. Он был сыном Альфонсо II, и поэтому его семейство продавало его папе.

Когда они проезжали мимо гробницы Цецилия Метелла, воздвигнутой в I веке нашей эры, его наставник Брандолини указал ему на фриз с черепами быков — животных, символизирующих Борджа. Показались развалины цирка Максенция и ворота Либитины, откуда когда-то рабы выносили мертвецов; эти руины напоминали о жестоких играх древности, на смену которым пришли другие игры.

По мере того как продвигались вперед его носилки, молодой человек наблюдал, как следом за развалинами языческого Рима возникали первые признаки христианства, к примеру маленькая церковь «Domine quo vadis», показавшаяся слева. Вскоре, когда среди высоких приморских сосен возникли Капуанские ворота (сегодня — ворота Сан-Себастьяно), красноватые в лучах заходящего солнца неаполитанцы вздохнули с надеждой. Дальше им пришлось двигаться по лабиринту узких кривых улочек, по изрытым площадям, заваленным мусором. Внезапно перед ними

возникли Термы Каракаллы с их циклопическими стенами, затем кавалькада достигла центра города, и перед ними справа открылся Колизей, а слева их ждало удручающее зрелище — Палатинский холм, а на нем — строения эпохи Империи, превратившиеся в руины. На Форуме возвышались всего лишь четыре колонны и, среди бесчисленных обломков, Константинова Арка.

Арагонская свита переезжает через деревянный мост, перекинувшийся через грязные воды Тибра, и движется вдоль замка Святого Ангела. За поворотом на соседнюю улочку путешественники увидели дворец Санта-Мария-ин-Портику, освещенный факелами. Сегодня вечером здесь ничто не напоминало о том великолепии, с каким пять лет назад здесь был встречен Джованни Сфорца. В честь молодого супруга не устраивали никаких торжеств, однако отсутствие церемоний его отнюдь не раздражало.

Алонсо, который был на год моложе Лукреции, побаивался встречи с ней. Каково же было его изумление, когда перед ним предстала молодая женщина, наделенная невыразимым очарованием, *somma bellezza e somma bonita*, откинувшаяся на шелковые подушки и оживленно беседовавшая с молодыми римлянками. Пышные складки ее платья, сжатые с двух сторон, топорщились, и казалось, будто она выглядывает из раковины, а ее длинные волосы золотились, как спелая пшеница. В мягких интонациях ее голоса еще слышалась детская непосредственность, да, она еще сохранилась, несмотря на все несчастья.

Когда Лукреция увидела своего будущего мужа, она, по словам очевидцев, влюбилась в него с первого взгляда. От волнения она потеряла дар речи. Ее щеки залились румянцем, глаза наполнились слезами, и она бросилась в объятия принца Арагонского.

Рот маленький, коралловые губы  
Прекраснее, чем сам коралл.  
Лукреция умела целовать чудесно  
И нежно укусить, не сделав больно.  
Маленькие зубки белее, чем фарфор,  
А между ними — изящный язычок.  
Он звуки издавал приятно и сердечно  
При пении и беседе мелодичной.

Так писал о Лукреции Октавиан де Сен-Желе.

Начиная с этого дня тень Перотто исчезла, и впервые в жизни

Лукреция была благодарна отцу, политика которого наконец-то совпала с ее желаниями.

Современники Алонсо единодушны: они считают его «самым прекрасным юношей, какого только было можно встретить в Риме, который был способен тронуть сердце любой женщины». Однако особенно всех поразило его необыкновенное сходство с Лукрецией. Гоффредо Борджа сочинил стихотворение, в котором прославлялась их зарождающаяся страсть:

Посмотрите на мир, окружающий вас,  
Сколько радостей в нем, и творец им — Любовь.  
Небеса и моря любят, любит земля,  
Равно как и звезда, что встает до зари.  
Погляди: вот смеется и сияет она,  
Обнимает любимого, от любви чуть жива <sup>[65]</sup>.

Жених и невеста, занятые исключительно друг другом, более чем равнодушно приняли свадебные подарки: вазы, кувшины для воды из литого серебра, арабских кобыл, выращенных лучшими конюхами Мантуи, охотничьих ястребов, соколов в колпачках из шелка, привязанных золотым шнурком, два гобелена из Фландрии, ковровую скатерть, отделанную кожей, канделябры и т. д. Вероятно, из-за волнений, вызванных гибелью Перотто, было решено совершить бракосочетание в узком кругу 21 июня в Ватикане.

В этот день Лукреция появляется в платье из камбрейского полотна с широкими рукавами, украшенном отделкой из темно-красного атласа. Пояс, расшитый жемчугом, стягивал блио <sup>[24]</sup> из белого шелка, отороченное черным бархатом. Драгоценная диадема сверкала на ее золотых волосах. Алонсо гордо выступал в костюме, в котором сочетались два цвета — желтый и красный. Это были цвета города Неаполя. Обряд совершали кардиналы Хуан Борджа Младший, Хуан Лопес и Асканио Сфорца. Получив благословение, Алонсо невольно коснулся плеча своей супруги, сказав ей: «Col suo permesso carissima Lucrecia<sup>[25]</sup>». Этот жест, почтительный и ласковый, заставил просить дочь папы и растрогал присутствующих, увидевших в нем обещание счастья для новоявленной герцогини Бишелье.

В семье Борджа праздник, даже в узком кругу, всегда был пышным.

Начало торжества нарушила стычка между приближенными Чезаре и Санчи: они оспаривали друг у друга первенство и ссорились столь ожесточенно, что двум епископам досталось по тумаку. В конце концов даже папа остался один, его бросили слуги, которые с мечами в руках ввязались в схватку. Приезд Чезаре утихомирил всех, поскольку ни у кого не возникло желания испытать на себе его гнев.

Начались развлечения, сначала в апартаментах Борджа, где легкие занавеси с папскими гербами рассеивали свет, игравший на ажурных венецианских бокалах, на эмалевых блюдах, поддерживаемых сатирами, на изящных вазах, заполненных фруктами, на пирамидах из цветного сахара. Розовые и золотые блики оживляли лица пирующих. Александру VI подавали блюда два кардинала, выполняющие обязанности мажордомов, и Санча, наливавшая ему напитки. Когда вновь воцарилось спокойствие, он велел начинать танцы. Лукреция в полной тишине исполнила танец вместе со своей золовкой. Потом музыканты взялись за свои инструменты, и Лукреция смогла станцевать с первым мужчиной, которого она полюбила. Затем вышел вперед Чезаре, одетый в костюм единорога. Известно, что это животное является символом чистоты и верности... Гости, наряженные в костюмы животных, начали представлять сцены охоты и танцевать браиль <sup>[26]</sup>. Папа римский веселился, как юноша, игры и шалости продолжались до весьма позднего часа.

На этот раз новобрачные не должны были подвергаться процедуре признания свидетелями того, что «супруг соединился с супругой», и, если приближенные и сопровождали их до дворца, никто из них там не задержался. Только маленькая негритянка помогла Лукреции снять диадему и витые браслеты, раздела ее, искупала, надушила и наконец облачила в сорочку из белого льна.

И вот супруги вдвоем в этот час. Глаза Лукреции блестят, как звезды на ясном небе, изящно очерченные губы ждут счастья. Сплетаются их тела и соединяются души, восторг и умиротворение венчают эту ночь.

На следующий день во дворце Бельведер труппа актеров, прибывших из Неаполя, играет «Сон Полифила» в интерпретации Франческо Колонна. Эта весьма свободная трактовка была заказана Санчей в честь Лукреции. Трогательная сказка, в которой нимфа Полия, чтобы обрести покой, дает обет Диане, однако находит радость только в любви к Полифилу. Потерявшись в лесной чаще, юноша в отчаянии ищет ее и приходит во дворец королевы Элевтериды, и та, желая вознаградить его за верность, отдает ему Полию. Пройдя через все испытания, герои наконец обретают покой и счастье.

Без сомнения, Алонсо и его супруга души не чают друг в друге, как сообщает об этом посол Мантуи в письме к Франческо Гонзага: «Очарованная его предупредительностью и красотой, донна Лукреция питает к своему мужу настоящую страсть». Давно уже не видели в Риме такой гармоничной пары, их взгляды, их улыбки вызывают у людей умиление.

Менее чем через месяц после свадьбы Чезаре с согласия отца, как то было предусмотрено, предстал в своей пурпурной мантии перед консисторией и попросил разрешения вернуться в мирское звание, ссылаясь на то, что не имеет призвания к монашеской жизни, к коей его принудили. Годом ранее папа уже однажды писал Карлу VIII о предполагаемом отказе сына от кардинальского сана, что позволило бы ему жениться или на вдове Ферранте I, или на донне Санче, хоть та и была уже замужем за его братом. Санудо сообщает об этом в своих «Diarii» <sup>[27]</sup>: «Гоффредо, будучи моложе своей жены (ему шестнадцать лет), не вступал с ней в супружеские отношения, он еще не мужчина, и вот уже несколько месяцев как донна Санча отдалась Чезаре». Бурхард установит истину: Гоффредо действительно был мужем Санчи, равно как и она действительно была любовницей своего деверя.

Чезаре сменил платье, но не нрав, тем не менее Александр VI решил просить для сына руки Карлотты, дочери Федерико I Неаполитанского. «Если бы, — замечает Томази, — кардинал Валенсии мог ступить на землю этого королевства, имея жену королевской крови и Тарентское княжество, которое он просил в приданое, а также получая войска с помощью Церкви, вассалом которой являлось это княжество, он мог бы без труда избавиться от короля, не располагавшего достаточными силами, стесненного в деньгах и не слишком уверенного в преданности своих подданных, чьи симпатии не всегда были на стороне арагонцев». Король Федерико быстро понял, что единственной целью этого брака было его свержение. Если в частных беседах он заявлял: «Я не хочу отдавать мою дочь священнику, сыну священника», то, давая ответ папе, он не мог позволить себе выразиться так же определенно. Нужно было выиграть время, чтобы отбить охоту у Борджа. Поэтому он заявил, что, прежде чем давать обещания, он желал бы выслушать совет своих родственников — испанских государей. Что касается предполагаемой невесты, то она, воспитанная при дворе Анны Бретанской, совершенно откровенно заявила, что не желает, чтобы «ее звали синьора кардинальша». Все сложилось так, что, как пишет посол Венеции в Риме, «свадьба кардинала и дочери короля Федерико развеялась

как дым».

Лукреция и Алонсо стали первыми жертвами разочарования Чезаре, который обвинил зятя в своем поражении. Всем было известно, что если Алонсо дали Лукрецию в жены, то только потому, что взамен Чезаре была негласно обещана Карлотта. Ярость честолюбца еще усиливалась от ревности, которую он питал к молодому принцу, сумевшему очаровать его сестру.

Отвергнутый арагонцами, Чезаре обратился к их соперникам, французам. Людовик XII только что вступил на трон, и ему нужна была поддержка Александра VI в одном деле, где приятное сочеталось с полезным — получить герцогство Бретанское и его владелицу, королеву Анну, вдову Карла VIII, гораздо более соблазнительную, чем его собственная жена. Однако расторжение брака могло состояться только с разрешения римского первосвященника. Чтобы добиться своей цели, Людовик XII пообещал Чезаре жену королевской крови, пожаловал ему титул герцога Валентинуа и даровал ему графство Диуа в Дофинэ, синьорию Иссуден и ежегодный доход в 20 тысяч ливров. Одержимый своими амбициями и желанием изгнать из памяти неаполитанское фиаско, сын папы употребил все свои усилия и все свое влияние, чтобы уговорить отца. Последний, всегда оставаясь испанцем, не испытывал никакого желания покровительствовать королю Франции, однако, поскольку теперь сын управлял им, папа подчинился, поручив ему передать Людовику XII буллу, дающую королю разрешение жениться на Анне Бретанской.

В Риме только и говорили что об отъезде Чезаре, который бесконечно откладывался из-за появившейся на его лице сыпи — следствии «французской болезни», подхваченной им в 1495 году в Неаполе. Наконец 1 октября новоиспеченный двадцатитрехлетний герцог Валентинуа в костюме из белого дамаста, в отороченном золотом плаще из черного бархата и берете с плюмажем, скрывающим его тонзуру, распрощался со своей семьей. Герой дня верхом на гнедой лошади, выращенной в конюшнях Гонзага, выехал из Ватикана в сопровождении свиты из тридцати дворян, а также пажей, шутов, музыкантов; за ними следовали двенадцать телег с вещами и более сотни мулов. Галеры, присланные Людовиком XII, снялись с якоря в Чивитавеккья, чтобы отвезти к королю Франции его нового «кузена», «сына Бога», как называли его тогда остряки. Столько лет ущемлялись права старшего сына Борджа, и теперь настало время реванша и мести.

Благодаря Лукреции и Алонсо, а также отсутствию Чезаре Ватикан

наполнился радостью. Его Святейшество, общаясь с юной парой, вновь почувствовал себя молодым. Неподалеку от Остии он организовал для них травлю косули и охоту на оленя. В лесах, в окружении доезжачих и своры собак, музыканты исполняли охотничьи песни. Устраивались трапезы, в которых принимали участие Санча, Гоффредо и еще несколько кардиналов. Впервые в жизни Лукреция в кругу семьи чувствовала себя спокойно. В ее любви к герцогу Бишелье была доля материнской нежности и стремление защитить его. Он был воспитан при неаполитанском дворе своей матерью, донной Тушей, женщиной необыкновенной, получил воспитание и военное, и светское. Его научили жить, вести беседу, шутить, быть уважительным с другими людьми, галантно вести себя. Теперь в Риме в его дивной супруге воплотились все его юношеские надежды. Испанская пылкость в сочетании с неаполитанским очарованием породили страсть, проявления которой совсем не походили на лихие выходки героев Боккаччо. Лукреция, до сих пор весьма рассеянно внимавшая пылким признаниям поклонников, обнаружила, что сердце ее бьется сильнее, когда она видит любимого, слышит его шаги или звук его веселого и ласкового голоса.

И разве могла она остаться безучастной к такому непривычному поведению мужчины, почтительному и нежному! Платон говорил, что «в поцелуе душа взлетает к губам, чтобы покинуть тело». Блаженство, в котором жила Лукреция, радовало не только ее близких. Отныне она отдавала свою душевную щедрость беднякам Рима, которые, вместо того чтобы направлять свои прошения владыке Ватикана, взяли привычку нести их его дочери, ставшей посредницей между ними и папой. Счастье полностью поглотило ее, теперь она с меньшим рвением соблюдала религиозные обряды, но испанские прелаты не упрекали ее за это, утверждая, что по поведению Лукреции видно, что совесть ее чиста.

9 февраля 1499 года, будучи беременной и находясь в доме кардинала Лопеса, где собралась римская молодежь, Лукреция побежала по винограднику, споткнулась и упала, увлекая за собой одну из своих подруг, та свалилась ей на спину. Лукреция потеряла сознание. Ее привезли во дворец, и «в 9 часов вечера она потеряла ребенка — мальчика или девочку, неизвестно», — сообщает Каттанео. Выкидыш огорчил Александра VI, но уже два месяца спустя герцог и герцогиня Бишелье снова подарили ему надежду на рождение младенца.

Лукреция, в ту пору пользовавшаяся безмерной милостью отца, вела себя, как государыня Вечного города. В Санта-Мария-ин-Портику Алонсо и его супруга принимали гостей в окружении шутов, без присутствия

которых, если верить тому, что позднее напишет кардинал де Берни, не обходилось ни одно празднество: «Умеющие придать своим остроумам глубокий смысл, серьезные, а иногда печальные, они знают, что сильных мира сего следует скорее развлекать, чем почитать; по мнению этих остряков, один лишь Бог достаточно весел для того, чтобы без усталости слушать нескончаемые восхваления». Среди гостей Санта-Мария-ин-Портику самыми частыми были кардиналы Медичи, Фарнезе, Риарио, Орсини, Чезарини, а также прославленные проповедники: братья Мариано де Дженаццано, Эгидий из Витербо, Аурелио и Рафаэлло Брандолини из ордена августинцев, были и гуманисты, такие, как Ингирами, Марсо и Сабеллино, или поэт Серафино д'Аквила, прославившийся после исполнения песни «Прощай, моя любовь», которую Жоскен Дебре сочинил в Риме годом раньше. Юстоло из Сполето и ученики Помпония Лета сохранили воспоминание о своем учителе. Фаусто Эванджелисто одинаково мастерски сочинял как хвалебные речи, так и сатиры. Альдо Мануций недавно представил последние книги, которые он напечатал в Венеции, — произведения Вергилия и Петрарки. У Лукреции бывал также Микеланджело — архитектор, восхищавшийся античными памятниками и получивший прозвище «il cronaca<sup>[28]</sup>», сам он построил множество храмов по всей Италии.

В 1499 году Александр VI поручил Браманте расписать гербами Борджа базилику Сан-Джованни-ин-Латерано. Пятидесятилетний художник вновь обрел молодость, общаясь с Алонсо и Лукрецией, приходившими иногда посмотреть, как он работает. В том же году Копернику была предложена кафедра астрономии в Сапьенце, в только что отстроенном здании, где должен был разместиться своего рода университет, задуманный по образцу академий Древней Греции, где чередовались аудитории, крытые галереи для прогулок и портики. Известно, что герцог и герцогиня Бишелье и кардинал Фарнезе были среди первых слушателей вступительного курса лекций польского ученого, который позднее посвятит брату Джулии свой труд «De Revolutionibus Orbium»<sup>[29]</sup>.

Однако этот просвет вскоре закрыли тучи. 23 мая 1499 года гонец герцога Валентинуа, некий Гарсия, во весь опор примчался в Ватикан и тут же рухнул от изнеможения. Его беседа с папой длилась семь часов. Пятью днями раньше в Шиноне Чезаре женился на Шарлотте. Последняя, фрейлина королевы Анны, «весьма приятного нрава, красивая, из старинного рода, сестра короля Наварры, дочь Алена д'Альбре, герцога Гиеньского». После чего гонец зачитывает письмо своего господина,

написанное по-испански, в котором Чезаре утверждал, что «сломав восемь копий, тогда как Людовик XII — всего четыре». Однако при французском дворе о тех же событиях рассказывали по-иному. В частности, Робер де ла Марк писал: «Сын папы попросил у одного аптекаря подходящие для такого случая пилюли, но по ошибке или по злему умыслу ему дали слабительное, что привело герцога в расстройство на всю ночь, в течение которой он беспрестанно ходил в уединенное место». Впрочем, Чезаре задержался при дворе Людовика XII. 31 июля он был в Лионе, а 16 октября — в Милане. Что касается оставшейся во Франции Шарлотты, то она будет хранить верность своему вечно отсутствующему мужу<sup>[66]</sup>. В Риме устроили в честь этого союза фейерверк как раз перед дворцами Лукреции и кардиналов. Верный Бурхард, не разделявший всеобщего восторга, отмечает: «На самом деле это огромное бесчестие, позор для Его Святейшества и престола Святого Петра».



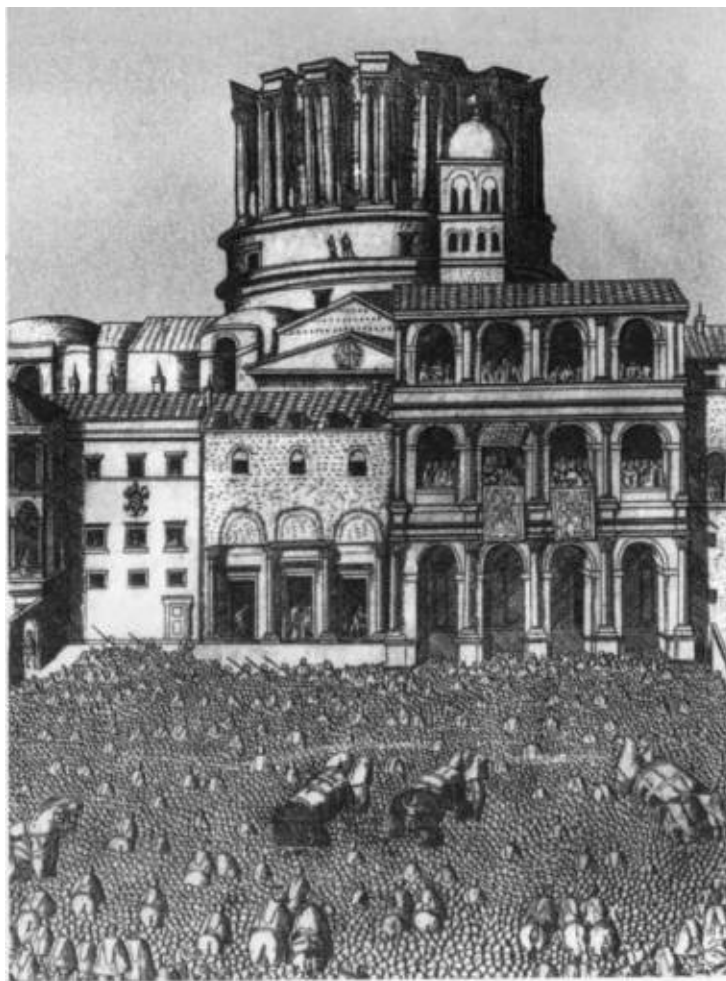
*Лукреция Борджа. Пинтуриккьо. Фрагмент фрески.*



*Кардинал Родриго Борджа.*



*Собор Святого Петра. Фото начала XIX в.*



*11 августа 1492 года. Жители Рима ликуют по случаю избрания папы  
Александра VI. С гравюры начала XVI в.*



*Папа Александр VI представляет Якопо Пезаро святому Петру. С картины Тициана. Антверпен, Королевский музей. 1510 г.*



*Портрет Лодовико Моро, герцога Миланского. Неизвестный художник.*



*Пезаро. С гравюры XVI в.*



*Медаль с изображением двадцатилетней Лукреции. К. Романо. Берлинский музей.*



*Легенда о святой Урсуле. В центре, в образе Урсулы — Лукреция, перед ней, в образе папы Сириака — папа Александр VI. В. Карпаччо.*



*Чезаре Борджа, брат Лукреции.*



*Лукреция Борджа. Неизвестный художник начала XVI в.*



*Диспут святой Екатерины. В центре — Лукреция в образе Екатерины.  
Пинтуриккьо. Ватикан, апартаменты Борджа.*



*Ваноцца Каттанеи.*



*Джулия Фарнезе, возлюбленная папы Александра VI.*



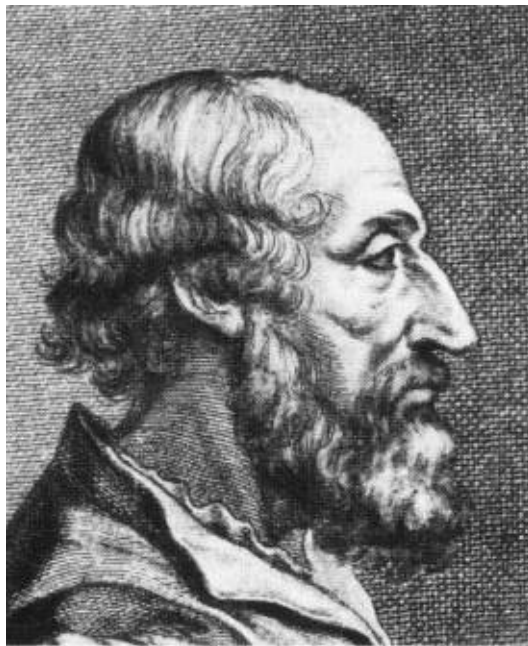
*Последний супруг Лукреции герцог Альфонсо д'Эсте.*



*Любовь небесная, Любовь земная. Тициан. Рим, вина Боргезе.*



*Эркуле д'Эсте, герцог Феррары.*



*Людовико Ариосто.*



*План Феррары. С гравюры XVI в*



*Пьетро Бембо. В. Белли.*



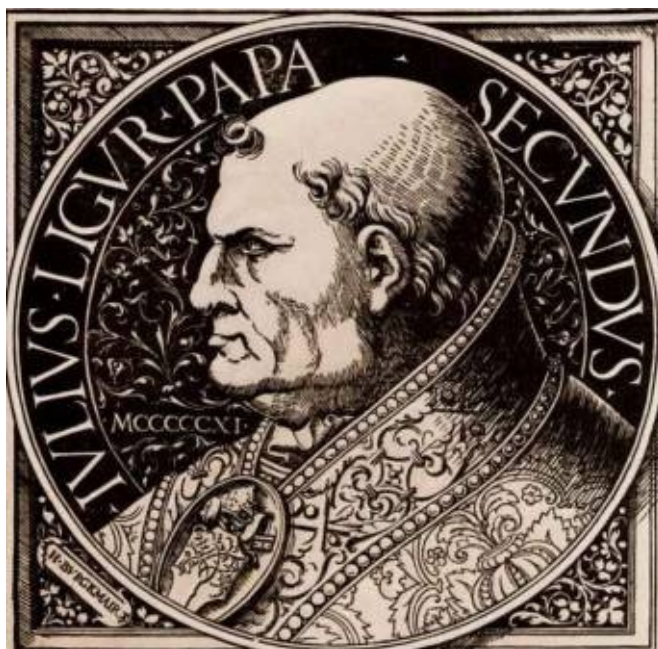
*Замок в Ферраре. Современное фото.*



*Чезаре Борджа. Карандашный рисунок Леонардо да Винчи. 1502 г.*



*Мадонна (Лукреция Борджа) с Младенцем и святыми Ульфом и Доротеей. Тициан. Мадрид, Прадо.*



*Папа Юлий II. Г. Бургкмайр. 1515 г.*



*Альфонсо д'Эсте и Лукреция. Камень. Середина XVI в.*



*Ватикан. Собор Святого Петра. Современное фото.*



*Вознесение. Пинтуриккьо. Фрагмент. Ватикан, апартаменты Борджа.*



*Апартаменты Борджа. Ватикан.*



*Лукреция Борджа. Гверчино с оригинала Тициана. Частная коллекция.*

Официальные торжества на самом деле свидетельствовали прежде всего об изменении политики Ватикана, которая по-прежнему тревожит Арагонскую династию. Лукреция отдает себе отчет в том, что, несмотря на любовь, которую питает к ней отец, ей угрожает опасность. Новый король Франции, как и его предшественник Карл VIII, только что заявил о претензиях на Неаполитанское королевство, добавив к ним собственные претензии на Милан под предлогом, что его бабушка была урожденной Висконти и что Лодовико Моро — узурпатор.

Что касается Чезаре, то амбиции его выросли, он велел звать себя «Чезаре Французским» и присоединить лилии к быку Борджа на своем гербе. Предположения о союзе с Людовиком XII, как оказалось, подтверждались. Александр VI, несмотря на свою озабоченность, демонстрирует нейтралитет и уверяет дочь в том, что французский

государь зарится только на Миланское герцогство и что, пока он жив, никто не тронет Неаполь. Но его дети далеко не простофили и знают, что отец просто выжидает.

Санча получает тому подтверждение, когда отправляется в Ватикан защищать Гоффредо, серьезно раненного дозорным на мосту Святого Ангела. «Еще немного, и герцога Скуиллаче пришлось бы искать в Тибре», — горячится она, обмениваясь с папой «язвительными словами, не делающими чести ни одному из собеседников». Она возлагает на него ответственность за это нападение — прямое следствие враждебности по отношению к Арагонской династии.

В свою очередь герцог Бишелье чувствует себя все более и более нежелательной фигурой. Ставший его другом кардинал Асканио, раздраженный поведением главы Церкви, поспешно одобряющего деспотические замыслы Чезаре, убеждает его в том, что Борджа ненавидят Арагонскую династию гораздо больше, чем семью Сфорца. Зная герцога Валентинуа с рождения, он не питает никаких иллюзий относительно его нрава и его возможных действий. Из чувства дружбы к мужу Лукреции он предостерегает его: сын папы римского никогда не простит оскорбление, нанесенное ему королем Федерико, который отказал ему в руке Карлотты, он будет мстить своему зятю, как только тот окажется в его власти.

Тогда вице-канцлер предлагает молодому принцу отправиться вместе с ним в Дженаццано, имение семьи Колонна, расположенное в Сабинских горах. Однако Алонсо не осмеливается заговорить об этом со своей супругой из страха, что она предупредит Его Святейшество, и отказывается сопровождать кардинала Сфорца. Тем не менее, чувствуя все нарастающую враждебность окружающих и зная о том, какими приемами пользуется его тесть и до какой степени он находится под влиянием Чезаре, 2 августа Алонсо покидает Рим верхом, как это сделал его предшественник Джованни. Римские лучники тщетно преследуют принца. В последующие дни он неоднократно умоляет свою жену присоединиться к нему, однако все его послания перехватывает Александр VI<sup>[67]</sup>.

Фактически оказавшаяся узницей в собственном дворце, Лукреция только и делает, что плачет. Признавая за мужем правоту в его отношении к понтифику, она умоляет папу позволить ей уехать из Рима, чтобы вернуть принца Арагонского. Столкнувшись с такой настойчивостью, Александр VI находит только один выход: наделить дочь политическими полномочиями. Он объявляет ее правительницей Сполето и обращается к тамошним властям с посланием, которое можно прочесть в муниципальном архиве

Сполето: «Мы доверили нашей дорогой дочери во Христе, благородной даме Лукреции Борджа, герцогине Бишелье, ради блага и мирного управления этими городами взять под свою опеку замок и распоряжаться нашими городами Сполето и Фолиньо, равно как и подчиненными им графством и округом. Мы обязываем вас, под страхом нашего гнева, повиноваться указанной герцогине Лукреции, вашей правительнице, как нам самим, и выполнять ее распоряжения ревностно и прилежно». Перед Лукрецией встает непростая задача. Эти две крепости имеют особое стратегическое значение. К тому же жители Сполето, столицы Умбрии, беспрестанно, хотя и не слишком решительно, делают попытки обрести независимость: беспокойные и тщеславные, они как раз в тот момент пытались разрешить конфликт с городом Терни из-за местечка Чези.

То, что Лукреция обладает качествами, необходимыми, чтобы взять на себя такую ответственность, покажет выбор Александра VI. Однако папа предаст интересы дочери, так как под влиянием Чезаре он вступает в альянс с королем Франции, чьи войска, начиная с июня, сосредоточены в Гренобле и готовятся к наступлению. Вследствие этого Гоффредо и Лукреция, связанные браками с неаполитанской династией, оказываются в трагическом положении: выбор папы вынуждает их отказаться от помощи своим родственникам и противостоять отправке войск неаполитанского короля на помощь Милану, его союзнику.

Дочь Александра VI, уезжая из Рима 8 августа 1499 года, на шестом месяце беременности, не может даже вообразить себе эту двойную игру, доставившую впоследствии такое наслаждение Макиавелли. Вместе со своим братом Гоффредо она покидает Санта-Мария-ин-Портику и едет попрощаться с отцом, который ждет их на балконе Ватиканского дворца. Не спускаясь с седла, брат и сестра приподнимают свои широкополые шляпы в знак почтения, «так что белокурые локоны герцогини и медно-рыжие волосы молодого принца сверкают в лучах солнца», — сообщает свидетель. Понтифик трижды благословляет их, и кортеж трогается. Капитан палатинской гвардии и несколько прелатов сопровождают их до ворот Салары в соответствии с церемониалом, соблюдающимся при отъезде государей.

Оказавшись за чертой города, Лукреция спускается на землю и устраивается на носилках, на удобном ложе, застланном мягкой тканью, с матрацем из атласа, затканного цветами, и двумя подушками из белого шелка. Целое стадо мулов тащит на четырех повозках ее имущество — «все это во имя чести и славы Святого престола», — замечает Бурхард. Священнослужители, лучники, Фабио Орсини, ставший ее родственником

благодаря браку с Иеронимой Борджа, сопровождают ее. Всех изнуряет летняя жара. Похоже, довольна одна лишь Лукреция, с каждым оборотом колеса все больше отдаляющаяся от Рима и приближающаяся к своему мужу. Поэт Джованни Маррадес Ламбронио так описывает это путешествие:

По дороге в Сполето, раскаленной от зноя,  
Под солнцем августа неспешно ехала верхом  
Госпожа Лукреция с блистательной свитой  
Из множества духовных лиц и дворян.  
Ее прекрасные рыжеватые волосы необычайной густоты  
Чуть притеняли блеск ее полужакрытых глаз.

Усталый сенатор молча ехал  
Рядом с герцогиней и младшим сыном Ваноццы.  
Мрачные священники мечтали о прохладе залов Ватикана...

Остановка в Терни, на родине Тацита, позволяет путешественникам насладиться прохладой залов средневекового дворца Мадзанколи. Не доезжая нескольких километров до Сполето, в замке Поркариа Лукреция и ее свита переодеваются в парадные одежды для торжественного въезда в город. И вот уже четыреста воинов приветствуют их от имени города. В сопровождении своих всадников герцогиня де Бишелье верхом, под расшитым золотом балдахин, поддерживаемым четырьмя герольдами, въезжает в город. Под приветствия толпы она едет вдоль рядов знамен и стягов, любуется триумфальными арками, слушает приветственные речи и въезжает в крепость.

Испанка по рождению, Лукреция наконец-таки прибыла в эту великолепную госсю [\[30\]](#), в свое время восстановленную другим испанцем, кардиналом Альваресом Карильо де Альборносом. На следующий день приоры приходят засвидетельствовать ей свое почтение, она передает им процитированное выше послание, в котором папа облакал ее властью. Александр VI приказывает, чтобы каждый месяц до 31 января город выделял «1260 флоринов для сиятельной дамы Лукреции».

Сразу же по приезде она просматривает прошения, выслушивает жалобы, велит создать за счет муниципалитета подразделение конной стражи, выполняющей охранные функции в области, и поручает Антонио дельи Умильоли да Гуальдо, секретарю хранителя городской печати

Кристофоро Пиччино, рассматривать споры между частными лицами. Несколько декретов с ее подписью и пометкой «in arce Spoleti» <sup>[31]</sup> свидетельствуют о ее суровости. Она имела свою особенную манеру заставлять слушать и повиноваться. Ей даже удалось добиться от Сполето и Терни трехмесячного перемирия, чтобы можно было вести переговоры.

9 сентября Лукреция с изумлением видит из своего окна кавалькаду, украшенную цветами Арагонской династии. Немного позже под звук флейт, труб и тамбуринов Алонсо в сопровождении Пиньятелли, бывшего фаворита короля Ферранте, въезжает в город. Улыбка его супруги и ее первые слова полны нежности. Радость Лукреции передается ее приближенным: правительница уступает место влюбленной женщине. В этом великолепном замке, словно орлиное гнездо, вознесшемся над городом и плодородными равнинами Умбрии, орошаемыми Тибром и Клитуммом, они слышат стихи поэтов, которые со времен Вергилия часто посещали эти места, видят след похода Ганнибала, остатки культа античных богов, предаются воспоминаниям о Теодорихе и просто наслаждаются запахом тимьяна, который ветер приносит с холмов Монтелуко. Они не торопятся слиться друг с другом. Природа вокруг только усиливает их возбуждение, оно повсюду, в пейзаже и запахе листьев, укрывших землю.

Вдали от Ватикана они пытаются создать свой мир. Александр VI любит дочь, но тем не менее поддерживает теперь все честолобивые замыслы Чезаре, который хочет выкроить себе королевство в Италии. Во Франции, благодаря женитьбе, ему оказывали, вероятно, большие почести, но также осыпали и насмешками. Парижские студенты сыграли сатирическую комедию, настолько его позорящую, что Людовику XII пришлось послать графа Линьи, чтобы он положил конец этому безобразию.

Теперь Чезаре Французский начинает понимать, что французский монарх не даст ему никакого владения, тем более нечего надеяться на родственников жены, обремененных многочисленным потомством. Испытывая горечь, он окончательно укрепляется в своем убеждении: он станет королем или исчезнет. «Aut Caesar aut nihil» <sup>[32]</sup> отныне станет его девизом, который он велит выгравировать на своей парадной шпаге.

С этих пор Александр VI без конца обманывает Лукрецию, усыпляя ее пустыми обещаниями. Пусть Алонсо сделает счастливой свою жену, а в остальном он должен подчиниться воле папы. Чтобы привязать к себе зятя, он 4 сентября издает буллу, согласно которой супружеской паре передаются

город Непи и подчиненные ему территории. Этот укрепленный город действительно принадлежит Церкви. Кардинал Асканио Сфорца, провозглашенный его регентом, в 1495 году передал его Святому престолу, и поэтому понтифик смог 25 сентября принять герцога и герцогиню Бишелье в Непи, словно в его политике все было по-прежнему. Казалось бы, ничто теперь не препятствует возвращению его зятя в Санта-Мария-ин-Портику. Так что шесть дней спустя, когда он возвращается в Ватикан, он даже не утруждается предупредить дочь и зятя о прибытии Людовика XII и Чезаре в Милан: эти двое вскоре въедут в город, оставленный Лодовико Моро, который скрылся в Тироле.

Многие государи, такие, как Франческо Мантуанский и Эркуле Феррарский, которые в один прекрасный день стали родственниками Лукреции, приняли сторону победителей, надеясь таким образом спасти свои государства от губительного иноземного нашествия. В Неаполе капитуляция Милана погрузила Федерико в необычайную тревогу. Он дошел до того, что обещал папе призвать на помощь турок, если тот не защитит его от французов. На что последний ответил цветисто и уклончиво, стараясь скрыть свою связь с Людовиком XII. Север он обнадеживал, а юг обманывал несбыточными мечтами. Лукреция, Альфонсо и Гоффредо возвратились в Рим 14 октября и попали в атмосферу двусмысленности, достойную византийского двора. Александр VI отправил им навстречу придворных мимов, жонглеров и шутов. Супруги вновь переступили порог Санта-Мария-ин-Портику, полные дурных предчувствий, которые мгновенно развеялись благодаря отеческой заботе папы и возвращению Санчи.

В ночь с 31 октября на 1 ноября Лукреция родила мальчика, которого назовут Родриго в честь деда. Искренняя радость Александра VI была столь велика, что он в ту же ночь официально известил всех послов.

11 ноября, в день крестин, зал аудиенций во дворце Санта-Мария-ин-Портику был затянут тканями, цвета которых точно соответствовали цветам Арагонской династии и семьи Борджа; покои были убраны с роскошью, достойной удовлетворить самые притязательные вкусы святого отца. «Когда находишься в этих великолепных гостиных, — писал Бурхард, — кажется, что ты в раю». Лукреция, еще слишком слабая, чтобы встать с постели, возлежала на своей кровати, опираясь на две подушки из красного атласа, расшитого золотом, так что ее светлая головка казалась букетом из колосьев на маковом поле.

Крестины должны были проходить в Сикстинской капелле,

украшенной 24 портретами первых пап, которых обессмертил Боттичелли, а также фресками Перуджино, Пинтуриккьо, Синьорелли и Гирландайо.

Сильный запах мира, ладана и корицы плавал в воздухе, а хор Сикстинской капеллы пел, восхваляя Родриго «Las cantigas» Альфонсо Мудрого<sup>[68]</sup>. Шестнадцать кардиналов, в том числе Оливио Карафа, возглавили процессию. Послы Франции, Англии, Венеции, Неаполя, Савойи, Флорентийской республики и Сиены, служащие дворца и ватиканские гвардейцы заняли места, отведенные им по протоколу.

Хуан Сервильон, доблестный испанский капитан, друг Алонсо, нес под балдахином новорожденного, завернутого в неаполитанский шарф. По правую руку от него шел правитель Рима, по левую — посол императора Максимилиана Австрийского, короля римлян. Дойдя до порога капеллы, Сервильон передал Родриго на руки Франческо Борджа, архиепископу Козенцы, а тот направился к большой золоченой чаше («Золота на ней осталось совсем мало», — отмечает Бурхард, обнаруживший также дыру в алтарном покрове), помещенной между могилой Сикста IV и алтарем. Кардинал Карафа в сопровождении двух крестных — киприота Лодовико Подокатеро, епископа Капаччо, и Джамбаттиста Феррари, епископа Модены, погрузили в воду младенца. После церемонии Паоло Орсини взял символический шарф, обернул им ребенка и передал его матери. Так Александр VI продемонстрировал свое дружеское отношение к этому влиятельному семейству. Однако плач ребенка, испуганного громом барабанов, показался присутствующим дурным предзнаменованием.

После крестин Лукреция приняла у себя сорок дам из благородных семей, пришедших с поздравлениями и подарками. Эдикт Сикста IV запрещал дарить по случаю таинства крещения мирские ценности, такие, как золотая посуда или украшения, однако никто больше не придерживался этого запрета, и кардиналы преподнесли молодой матери две серебряные бонбоньерки, каждая из которых содержала вместо драже по 1200 дукатов. В последующие дни в комнате роженицы всегда были посетители. Лукреция должна была постоянно улыбаться, отвечать на вопросы и блистать остроумием под одобрительными взглядами своего отца, с удовольствием демонстрировавшего свою любовь к новому Борджа.

В этот момент и прибыл Чезаре со своим верным Джованни Марадесом; герцог Валентинуа за двое суток проделал путь от Модены до Рима, преодолев около 400 километров. В течение трех дней, прежде чем присоединиться в Болонье к людям Людовика XII, он обсуждал с отцом военную кампанию в Романье. Ему хватило времени, чтобы удостовериться

в счастье Лукреции. Отныне герцог Валентинуа стал ненавидеть Арагонскую династию пуще прежнего. Ему невыносимо было вспоминать о том, что им пренебрегла Карлотта, да и король Федерико. Алонсо стал препятствием в завоевании Неаполитанского королевства для Людовика XII. В этой ситуации поддержка отца была для Чезаре необходима, поэтому невозможно было допустить, чтобы папа римский, плененный нежным и ласковым отношением к нему герцога и герцогини Бишелье, нарушил его планы. Лукреция, прекрасно знавшая о коварстве и властолюбии своего брата, поделилась своими тревогами с Сервильоном, однако, зная характер Чезаре, она не осмелилась заговорить об этом со своим супругом. Не этими ли страхами можно объяснить то, что она очень долго не могла поправиться после родов? Лишь в пятницу 29 ноября 1499 года она, опираясь на руку одного из епископов, отправилась пешком в собор Святого Петра, чтобы присутствовать на благодарственном молебне и провести вечер у папы.

Век близился к концу. А в следующем, по предсказаниям одного астролога, всех ожидали несчастья. Желая их предотвратить, верховный пастырь решил поручить дочери провести церемонию встречи юбилейного года, ознаменованной паломничеством по всем соборам города. Христиане со всей Европы, среди которых был и Мартин Лютер, уже направились в Рим. 22 декабря, в четвертое воскресенье Рождественского поста, на улицах города глашатаи верхом на мулах под звуки труб объявили о наступлении нового года, огласив сначала по-латыни, затем по-итальянски папскую буллу. В канун Рождества прошла церемония открытия святых врат. Кардиналы собрались в так называемых покоях Попугая<sup>[69]</sup> (одна такая птица «с человеческим голосом» жила там в середине XV века), каждый держал восковую свечу весом в три фунта. Папа прибыл в тиаре и занял место на *sedia gestatoria*<sup>[33]</sup>. Кorteж тронулся и остановился возле часовни Вероники, где предводитель каменщиков вручил Александру VI серебряный молоток, символизирующий папскую власть, определенную святым Иоанном в Новом Завете следующим образом: «Он откроет, и никто не закроет, он закроет, и никто не откроет». Бурхард помог заместителю Христа встать на колени и пройти под поперечной балкой, на которой можно было прочесть: «Здесь находится жилище Господа и врата на небо». Городские колокола и большой колокол Капитолия звонили в полную силу. Прелаты и священники, перед которыми несли распятие, прошествовали за Александром VI и приняли участие в церковной службе. Лукреция, Алонсо, Санча, Гоффредо, равно как и именитые римляне, сопровождали их.

В тот же день дочь и зять главы Церкви торжественно открыли виа Алессандрина — улицу между замком Святого Ангела и площадью Святого Петра, проложенную по приказу папы за восемь месяцев, чтобы отныне паломники могли свободно подойти к святыням. В своей булле *Esti Universis* он даровал привилегии тем, «кто построит свои дома так, чтобы видом своим они украшали город». На пошлину, взимаемую с куртизанок, вымостили камнем новую улицу. Пришлось снести беспорядочные постройки, башни, террасы, галереи, громоздившиеся вдоль кривых улочек, где собирались «женщины, которым достаточно было бросить камень, чтобы ранить и обратить в бегство лучших солдат Его Святейшества». В IX веке эта улица называлась Борго Нуово, однако сто лет спустя Муссолини построил на ее месте отводной канал.

Утром на Рождество, которое по традиции считалось в Риме первым днем нового года, герцогиня Бишелье руководила празднованием юбилейной даты. Народу было так много, что казалось, будто «весь огромный мир собрался в городе». Лукреция, закутанная в небесно-голубой бархатный плащ, подбитый горностаем, села верхом на белого иноходца в сбруе с серебряными гвоздиками, в сопровождении Алонсо и одной придворной дамы покинула Ватикан. Перед ней ехал капитан гвардии Родриго Борджа Ланкол, занявший место Хуана Сервильона — последний двумя днями ранее получил удар кинжалом за то, что попросил у Цезаре отпуск, чтобы повидать жену и детей в Неаполе и Орсо Орсини. С лоджии замка Святого Ангела Александр VI наблюдал кавалькаду и раздавал благословения. Красота молодой четы Бишелье очаровала римлян всех возрастов, и в их адрес раздавались радостные возгласы.

Чтобы заслужить отпущение всех грехов, Лукреция и ее супруг еще через день посетили Санта-Мария-Маджоре, где на потолке в кессонах красовались гербы Борджа, отделанные первым прибывшим из Америки золотом.

На следующий день они верхом направились в Сан-Клементе, в сердце средневекового Рима, после чего поехали в Сан-Джованни-ин-Латерано.

В этих юбилейных торжествах было много и светского, и церковного. Двести тысяч христиан, прибывших из Скандинавии, Германии или Англии, хлынули в Новый Вавилон. Многие из них, не найдя места для ночлега, устраивались в святых местах или окрестных развалинах. Проститутки, сутенеры, воры были тут как тут. В районе между Монтефьясконе и Витербо сам посол Франции стал жертвой воров.

«Все время, — пишет Санудо, — здесь находят убитых, по четыре-пять каждую ночь, даже епископов». О папском правосудии

свидетельствовали трупы, висевшие на зубцах башен замка Святого Ангела, и зловоние от них шло такое, что люди обходили стороной мост Святого Ангела.

Многие паломники жаловались, и один из них, с Рейна, рассказывал: «Мы — добрые христиане, и когда мы видим, какой образ жизни ведут в Риме прелаты и знатные люди, то начинаем опасаться, что не только потеряем веру, но даже станем эпикурейцами и начнем сомневаться в бессмертии души».

Что касается Чезаре, то он ничего не ждал от этих церемоний. Будучи прагматиком, он верил только в собственные победы. Пока что его достижения не соответствовали его честолюбивым планам.

Став сильнее благодаря поддержке Людовика XII и 16 тысяч хорошо обученных и хорошо вооруженных воинов, имевших в своем распоряжении знаменитые французские пушки, герцог Валентинуа прибыл под стены Имолы, жители которой сдались 27 ноября, но сама крепость капитулировала только 13 декабря. В Форли, самом могущественном городе после Милана, перед ним оказалась цитадель, защищаемая «высокой и красивой женщиной, с кожей нежнее собольего меха», однако с твердым характером, закаленным целым рядом пережитых ею драм: смерть ее брата Джангамаццо, герцога Миланского, доведенного до самоубийства или убитого Лодовико Моро, убийство первого мужа Джироламо Риарио, сына Сикста IV, смерть второго супруга Джакомо Фео, пронзенного алебардой и приконченного двумя священниками. Она отомстила, уничтожив пятьдесят восемь человек, связанных с убийцами. Своим подданным, которые угрожали казнить ее детей, если она не отречется от власти, она, задрав юбки до самого пупка, прокричала: «Посмотрите, смогу сделать других!»

Несмотря на свои силы, значительно превосходящие силы противника, Чезаре протоптался у стен крепости три недели, и лишь 12 января цитадель Форли пала, а Катарина Сфорца стала его пленницей. Победитель подверг ее всевозможным унижениям и изнасиловал. Потом он направился в Пезаро, откуда Джованни Сфорца, первый муж Лукреции, поспешно бежал. Чезаре практически достиг своей цели, когда получил от Тривульцио требование срочно вернуть одолженные ему войска, так как необходимо изгнать Лодовико Сфорца, возвратившегося в Милан с австро-швейцарской армией. После того как замысел его остался нереализованным, герцог Валентинуа утешил себя тем, что его прежние победы заставили трепетать правителей нескольких церковных государств и что столь могущественные властители, как герцог Эркуле д'Эсте или маркиз Мантуанский, стремятся

к союзу с ним. Ведь маркиз даже попросил Чезаре — чтобы заручиться его расположением — стать крестным отцом его сына. Герцог Валентинуа, которому льстит, что наконец-то его признали и стали с ним считаться, отправляет ему следующее учтивое послание:

*Сиятельный синьор, коего я почитаю как родного брата. Из ваших писем мы с превеликой радостью узнали о счастливом и желанном рождении вашего сиятельного сына, и мы восприняли эту новость, как если бы речь шла о рождении нашего собственного ребенка. Поскольку мы питаем глубокое и братское благоволение к процветанию и счастью этого чада, мы охотно даем согласие стать ему крестным отцом и поручаем младенца тому из ваших советников, кого пожелает выбрать Ваша Светлость, держать у купели вместо нас.*

*Пусть Ваша Милость не сочтет неуместным, если мы попросим вас поздравить от нашего имени вашу сиятельную супругу, которая, смеем надеяться, рождением сына положит начало многочисленному потомству, призванному увековечить славу столь именитых родителей.*

*Чезаре Борджа Французский, герцог Валентинуа, главнокомандующий святой римской церкви <sup>[70]</sup>.*

Тем не менее «кузен короля Франции» знает, что, как пишет Бальтазар Грасиан, «люди всегда стремятся к крайностям, будь то аплодисменты или проклятия», и что привлечь союзников или просто благожелателей можно, лишь демонстрируя силу. Для него наступило время поражать воображение и скрупулезно продумывать грандиозную мизансцену своего возвращения в Рим, которое должно превратиться в апофеоз, достойный триумфальных шествий полководцев Римской империи.

Поздним вечером в среду 26 февраля час Чезаре действительно пробил. Все кардиналы, их свиты, послы, городские судьи и муниципальные чиновники, служащие курии *detectis caritibus* <sup>[34]</sup> ждут его у городских ворот. Лукреция, Гоффредо и Алонсо пересекают мост Мульвий и идут более семи километров за город ожидать его прибытия. Внезапно около одиннадцати часов в свете факелов появляется авангард процессии. Вслед за крытыми повозками появляются вестники — один в цветах Франции, другой с гербами Борджа. За ними следует тысяча человек в походной форме, далее — сотня оруженосцев личной гвардии герцога Валентинуа, на груди каждого нашиты серебряные буквы, составляющие имя их господина. За ними движется кавалерия. Наконец появляется

Чезаре, одетый в простое платье из черного бархата, украшенное только цепью ордена Святого Михаила, напоминающего о его титуле французского принца. Пятьдесят дворян сопровождают его и замыкают шествие. У ворот Пополо Чезаре Борджа останавливается и обнажает голову перед прелатами.

Принц Скуиллаче и герцог Бишелье — протокол не позволяет Лукреции находиться рядом с братом и с супругом — становятся во главе процессии, которая входит на Корсо. Несмотря на поздний час, толпы римлян заполняют улицы. Кorteж с трудом продвигается вперед. В замке Святого Ангела, на башне, недавно выстроенной Александром VI, где развеваются его знамена, гарнизон отдает честь сыну папы залпом из двухсот пушек, грохот смешивается со звоном колоколов, а кавалькада тем временем выезжает на виа Алессандрина. Его Святейшество, в окружении кардиналов Хуана Борджа и Джулиано Чезарини, ожидает в своей лоджии приезда сына. В сопровождении брата и зятя триумфатор приближается и целует ноги Александру VI, который, забыв обо всех обычаях, в порыве чувств прижимает его к сердцу. Бурхард, к своему большому удивлению, слышит, что они говорят по-испански. Успех полный и блистательный. Народ, как и ораторы, живет одними лишь зрелищами. Уже начинают забываться мрачные слухи, ходившие после смерти герцога Гандийского.

На следующий день Чезаре Борджа, не желавший останавливаться ни перед чем, организовал торжества в честь своего триумфа, к великому возмущению паломников, прибывших отметить юбилейный год. Колесницы двинулись с площади Навоне на площадь Святого Петра, чтобы проехать перед папой. На первой представляли переход через Рубикон (по мотивам фрески, написанной Мантеньей в Мантуе), на последней актер изображал увенчанного лаврами Императора в окружении ликторов. Понтифик нашел зрелище столь прекрасным, что пожелал увидеть его еще раз. Его лихорадочное возбуждение не ускользнуло от взора Лукреции, чьи опасения подтвердились всего месяц спустя, когда папа вручил Чезаре золотую розу, провозгласив его гонфалоньером Церкви. Новоизбранный произнес тогда сакраментальную фразу: «Я, Чезаре Борджа Французский, клянусь оставаться верным подданным Святого римского престола, никогда не поднимать руку на вашу персону, пресвятой отец, и ни на кого после вас, чтобы убить вас или покалечить, и никогда не разглашать ваших тайн, даже если бы они были направлены против меня». Распространялось ли его уважение на тех членов семьи, что были связаны с арагонцами? Чезаре взял на себя труд напомнить им слова, произнесенные другим Цезарем вечером 10 января 49 года до н. э., прежде чем перейти Рубикон: «Если я не перейду

эту реку, это замешательство обернется для меня горем, если я перейду ее — горе всему роду человеческому».

Лукреция знала, как дорого заплатил герцог Гандийский за то, что занимал первое место в сердце папы. С тех пор как у Александра VI больше не было любовницы, его дочь взяла на себя заботы о его здоровье и пеклась о нем. Сильный в былые времена характер понтифика слабел, как и его физические силы. Он был подвержен частым обморокам и страдал своего рода нервным расстройством, выражавшимся в резких переходах от слез к смеху, и эта смена настроения была выгодна для ее амбициозного брата.

Задетый тем, что сестра теперь была особенно любима отцом, и ревнуя ее к сыну Родриго, к мужу, ставшему досадной помехой его планам, к ее двору, полному друзей, поэтов и художников, к дружбе своего зятя с семьей Колонна, не скрывавших своих симпатий к арагонцам и настроенных против французов, — Чезаре решил положить всему этому конец. Ему оставалось найти повод, чтобы заронить сомнения в душу папы, указывая на то, как независимо ведет себя Алонсо.

Беатриче Арагонская дала ему такую возможность. Внебрачная дочь короля Ферранте и вдова Матеуша, короля Венгрии, тщеславная и жаждущая остаться королевой, вышла замуж за его преемника Ладислава, скрыв от него свое бесплодие. Вскоре новый монарх, обнаружив неладное, попросил Рим аннулировать брак, чему Неаполитанский и Испанский дворы, встав на сторону Беатриче, попытались помешать. Тщетно. Александр VI, подстрекаемый Чезаре, в апреле объявил о разводе. Тем самым он задел чувства супруга Лукреции, который в данном деле не мог не встать на сторону своей тетки и во весь голос заявил, что его тесть принял это решение под давлением своего сына с одной стороны и Людовика XII — с другой.

Смелый и прямодушный Алонсо в данных обстоятельствах показал, что никогда не будет послушным орудием в руках Борджа, даже если на него падет их немилость. Именно тогда в голове Чезаре начинает зарождаться мысль о том, как отделаться от зятя. Если бы он исчез, для Чезаре это было бы выгодно вдвойне: был бы устранен сторонник и агент неаполитанцев, а сестре можно было бы подыскать третьего супруга, более уживчивого и сговорчивого. Лукреция догадывалась об этих происках, однако хотела сохранить любовь отца.

Сумасбродства Санчи также не упрощали задачи, стоящей перед дочерью Александра VI. Враждебность принцессы по отношению к Валентинуа стала общеизвестной. Молодые бароны и кардиналы отныне

пользовались ее милостями, доставшимися в наследство от бывшего кардинала Валенсии.

Тревога Лукреции, Алонсо и Санчи усилилась, когда они узнали, что Милан был отвоеван французами и что их враг Лодовико Моро бежал. Захваченный в плен и отправленный в Лош Людовиком XII, Моро вынужден был оставаться там вплоть до самой смерти в 1508 году. Успех позволил королю Франции оказать действенную поддержку Чезаре, а тот вскорости обнаружил, что благодаря юбилею казна Ватикана полна. Десятина на военные расходы, коей папа облагал весь христианский мир, дабы не позволить туркам захватить Пелопоннес, представляла для герцога Валентинуа весьма ценный козырь. Однако свойственная ему скрытность вынуждала его показать себя в самом выгодном свете. Так, во время боя быков, происходившего за базиликой Святого Петра, он в простом камзоле сошел на арену и короткой шпагой в пять приемов уложил пять быков насмерть, убив последнего одним ударом эспадрона выпадом и отрезав ему голову на глазах у беснующейся толпы. «Весь Рим восхищался этим подвигом», — сообщает Капелло, посол Венеции. Весь Рим, за исключением Лукреции, у которой это мрачное представление лишь усилило недомогание и тревогу. Теперь, когда Милан захвачен и руки у французского короля развязаны, не отправится ли он, как Карл VIII, завоевывать Неаполь и изгонять из него семью Алонсо?

29 июня произошла катастрофа, судя по всему, сильно потрясшая папу и его окружение. Один астролог посоветовал Александру VI быть особенно внимательным в течение святого 1500 года, так как он мог оказаться для него роковым. В тот июньский день после вечерни на Рим обрушился страшный ураган с градом. Каминная труба рухнула на крышу Ватикана, пробила два этажа и задавила трех человек. Внизу находился зал аудиенций, где понтифик беседовал с Хуаном Борджа, архиепископом Капуи и своим приближенным Гаспаро, занявшим место Перотто. Здесь потолок тоже просел, увлекая за собой балдахин, рухнувший на папу. Его уже считали погибшим. Лукреция и Алонсо, услышавшие грохот обвала и крики, прибежали в сопровождении охраны. Пробираясь по лестнице, заваленной обломками, посреди туч пыли, вырванных ветром окон, рухнувших балок, кусков стенной кладки, им удалось добраться до того места, где лежал окровавленный Александр VI. Его камерарий, архиепископ Капуанский и слуги, вооружившись лопатами, пытались его высвободить. Когда им наконец удалось вызволить его из-под обломков, он был жив, но без сознания. Весть об этом, разумеется, мгновенно разнеслась по всему Риму, напугав одних, обрадовав других — всех тех, кто желал

либо краха планов Чезаре, либо падения дома Борджа, либо триумфа Арагонской династии.

Прибыв к изголовью раненого, герцог Валентинуа отдал приказ звонить в колокола, чтобы известить всех о том, что святой отец жив, и в целях предосторожности велел охране закрыть двери и внимательно осмотреть замок Святого Ангела.

К величайшей досаде Чезаре, первое, о чем заговорил Александр VI, едва придя в сознание, это о том, здесь ли Лукреция. Теперь она вместе с Санчей и Алонсо постоянно находилась у постели больного и не покидала Ватикана.

Оратор Феррары, нанеся визит главе Церкви, констатировал, что тот чувствует себя чудесно, ничто не способно пошатнуть его здоровье. Посла Венеции, пришедшего следом, папа также уверил, что его состояние вполне удовлетворительно. Наконец, чтобы отблагодарить Богоматерь, чье заступничество представлялось ему очевидным, он велел отслужить 5 июля мессу в ее честь.

Теперь Чезаре выжидал. Постоянное присутствие этого арагонского трио казалось ему дурным предзнаменованием, страх, который он испытал 29 июня, еще не прошел, его личная власть еще не имела крепкого фундамента, а могущество зависело от жизни его отца. Паоло Капелло напомнил ему об этом, произнеся жестокие слова: «Без папы ваши притязания улетучились бы в два счета» — предостережение, которое подчеркивало шаткость его положения и которое служило еще одним доказательством тому, что его недавние завоевания в Романье могли обратиться в дым; один лишь Людовик XII мог поддержать его территориальные притязания. Более чем когда-либо необходимо было положить конец родственным связям Александра VI с арагонцами.

Участь Алонсо была решена.

## Глава X

### Несчастнейшая из женщин

Теперь тактика Чезаре состояла в том, чтобы с каждым днем все больше изолировать от мира своего отца. Едва только ему казалось, что какой-либо родственник или придворный пользуется милостью понтифика, как он становился чернее тучи. Александр VI, впрочем, во всем ему потакал, будучи в восторге от сына, целью которого стало превращение Папской области в державу Борджа. Ради этой цели Валентинуа было недостаточно стремления укрепить свою политику, сохраняя верность Франции, ему было необходимо загодя устранить в своей семье препятствие, способное помешать его планам... В случае смерти короля Федерико Неаполитанского герцог Бишелье, внебрачный, но признанный сын короля Альфонсо II и супруг дочери главы римской Церкви, имел все шансы взойти на трон Арагонской династии. Такая перспектива не нравилась Людовику XII и особенно Чезаре, зависевшему от французов. Так и возникла мысль о необходимости избавиться от зятя.

«Вечером 15 июля, — сообщает Франческо Капелло, секретарь Алонсо, — когда день уже угас и было около десяти часов, герцог Бишелье попрощался со своей супругой, которая еще присматривала за своим отцом, покинул Ватикан и направился в свой дворец. С ним были его камергер Томазо Альбанезе и конюший».

В тот юбилейный год множество паломников, не имевших жилья, воспользовавшись теплой погодой, располагались на ночлег на площади, прямо на мостовой. Неожиданно по короткому сигналу пятеро из них вскакивают и нападают на Алонсо и его слуг, которые пытаются спрятаться в базилике. Алонсо, оказавшись окруженным, защищается, но это только разжигает ярость нападающих. Он ранен в голову, плечи и ноги, падает на землю, одежда его разодрана в клочья и покрыта пятнами крови. Нападающие собираются бросить его в Тибр. Однако двум его спутникам, тоже жестоко избитым, удается освободиться и вырвать у убийц тело господина, которое конюший взваливает себе на плечи, а Томазо Альбанезе шпагой прикрывает их отход. Шум и крики в конце концов привлекают внимание ватиканской гвардии. Едва слышав скрип открываемых дверей, бандиты, уверенные в том, что довели свое дело до конца, бегут вниз по

деревянной лестнице, где их ждут сорок всадников, чтобы улизнуть вместе с ними к воротам Портезе. «Все свидетельствует о том, что речь идет не о простых преступниках», — пишет Бурхард. Операция, осуществленная такими значительными силами, могла быть только делом рук Чезаре.

Неподвижное тело жертвы, поддерживаемое его приближенными, было перенесено в частные апартаменты Его Святейшества, который беседовал с младшим сыном, дочерью и Санчей. Когда Лукреция увидела своего окровавленного мужа и тень смерти на его лице, она упала без сознания и так больно ударилась об пол, что сразу пришла в себя. У нее не было времени проявлять слабость: кардинал Лопес, епископ Капуанский, причащал Алонсо. Однако врачи не считали его состояние безнадежным. Его молодость — ему было всего девятнадцать лет — и великолепное здоровье позволяли им предполагать, что раненый поправится за несколько недель.

Ободренная этим прогнозом, Лукреция сумела преодолеть испуг. Из соображений безопасности она начала настаивать, чтобы отец позволил ей устроить мужа в комнате Сивилл, где легче было вести наблюдение. По всей вероятности, не хуже Лукреции зная, кто стоял за этим покушением, Александр VI согласился, выделив для охраны зятя шестнадцать оруженосцев, которые должны были защищать вход. Затем, опасаясь предательства со стороны римских врачей, Лукреция потребовала присутствия хирургов короля Федерико, а именно Галиано де Анна и Клементе Гактула.

В ожидании их приезда Лукреция, ее личный врач и Санча ухаживали за раненым. Алонсо находился между жизнью и смертью около недели. И несмотря на свое состояние, «он рассказал обеим женщинам, — сообщает Санудо, — кем он был ранен». Чтобы защитить его от новых опасностей, о которых уже поговаривали в народе, дамы усилили наблюдение за апартаментами. Флорентиец Франческо Капелло осторожно сообщал 17 июля: «Никто не говорит о том, кто именно ранил герцога, и не похоже даже, чтобы было проведено основательное расследование. Однако по городу распространился слух, что это семейное дело Борджа, поскольку во дворце так много давних и новых поводов для ненависти, столько зависти и ревности в делах государственных и личных, что неизбежно случаются скандалы подобного рода». Другие комментаторы высказывались с большей определенностью. Так, поэт Винченцо Кальмета, описывая герцогине Урбинской это убийство, в заключение сообщает: «В Риме все уверены в том, что удар этот был направлен герцогом де Валентинуа». Два дня спустя посол Венеции писал членам Синьории: «Неизвестно, кто

поразил герцога Бишелье, однако говорят, что это тот же человек, что убил герцога Гандийского и бросил его в Тибр». В своем зашифрованном послании оратор Флоренции утверждал: «О папе и герцоге Валентинуа рассказывают дурное».

Даже в комнате Алонсо можно было почувствовать, что ему грозит самое худшее. Лукреция одинаково опасалась и яда, и кинжала. Поэтому она решилась просить убежища у короля Федерико, как только состояние здоровья ее супруга это позволит. Пока что он продолжал бредить, стонать, у него по-прежнему не спадал жар. Фанатично преданные ему Санча и Лукреция, отдыхая по очереди, помогали недавно прибывшим неаполитанским медикам. Опасаясь отравления, даже воду давали пробовать двум слугам. Они готовили пищу на походной плите — так велика была их боязнь, что «он может быть отравлен и что подозрительное блюдо довершит то, что не удалось сделать шпагам».

На седьмой день Алонсо был вне опасности. После того, как он обливался потом, как страдал от галлюцинаций и кошмаров, было видно, что он чувствует себя родившимся заново. Теперь с каждым днем вера в свои силы возвращалась к нему. Он изумлялся тому, что по его венам снова течет кровь, и тому, как в нем просыпается сила Арагонов. Лукреция пыталась как-то умерить эту слишком рано пробудившуюся энергию. Единственное, чего она желала, — это состариться вместе с Алонсо и дожить с ним до ста лет.

Алонсо начал ходить. Сидя на лоджии, возвышавшейся над ватиканскими садами, он ждал того дня, когда сможет сесть в седло. Более реалистично настроенная Лукреция верила, что он будет совершенно здоров только в тот день, когда они оба окажутся в Неаполе. Здесь нужно было считаться с ее отцом и ее братом. Впрочем, казалось, что Александр VI забыл про них. Алонсо стал для него предметом раздражения. Ведь он сообщил послу Венеции, что если его сын и подготовил это убийство, «то герцог Бишелье вполне его заслужил».

А Чезаре не строил никаких иллюзий: араговец не согнетса, больше не согнетса. Он дал знать сестре, что желал бы навестить раненого; Лукреция позволила, полагая, что присутствие посла Светлейшей Венецианской республики и Александра VI предотвратит какое бы то ни было насилие. Пока шла беседа, Лукреция сохраняла спокойствие, понтифик ронял общие фразы, а его сын мрачно констатировал, что больной поправляется на глазах, и сладким голосом отвечал на колкости Алонсо. Прощаясь, он сказал ему очень громко, так, чтобы слышали папа и посланник Венеции: «То, что не произошло за обедом, может произойти за ужином». Этот

«жестокий шутник», как называет его Макиавелли, в тот же день опубликовал эдикт, запрещающий ношение оружия в Ватикане.

Лукреция знала, что надо срочно ехать в Неаполь, если ее муж хочет ускользнуть от преступной руки, уже однажды поразившей его. К Алонсо возвращались не только физические силы, он понимал всю трагичность своего положения. На следующий день после визита Алонсо якобы встал с постели, подошел к окну и, увидев, как Чезаре пересекает двор Бельведера, сорвал со стены находившийся поблизости арбалет и пустил в него стрелу, но не попал. Так, по крайней мере, сообщает 18 августа Капелло в своем отчете Светлейшей республике. Однако его слова кажутся абсурдными, так как Рафаэлло Брандолини, наставник принца, и его врачи утверждали, что Алонсо не мог совершить ничего подобного, так как был слишком слаб. Но этого было достаточно для возникновения слуха, позволившего Чезаре требовать для себя защиты по закону. «E meglio che noi li facciamo a lui che lui a noi»<sup>[35]</sup>.

В дневнике Бурхарда нет указаний на убийцу, однако его последняя, хоть и осторожная фраза позволяет отгадать имя виновного: «18 дня сего месяца августа Светлейший Алонсо Арагонский, герцог Бишелье, который вечером 15 июля был тяжело ранен и после покушения перенесен в новую башню, в большом саду Святого Петра, где за ним заботливо присматривали, и который, по всей вероятности, не собирался умирать от последствия ран, был удушен в своей постели». Каэтани, посол Мантуи, прямо указывает на убийцу: «Чтобы осмелиться сотворить такое в таком месте, да еще с особой королевской крови и зятем папы, нужно быть лицом еще более могущественным, чем сам папа в тот момент».

Существуют различные версии того, что на самом деле тогда произошло. Невероятные рассказы Франческо Капелло, посланника Флоренции в Риме, Паоло Капелло, посла Венеции, и Рафаэлло Брандолини сходны между собой, за исключением некоторых ужасных подробностей.

Брандолини сообщает, что к девяти часам вечера герцог Валентинуа спускается по лестницам дворца к комнате Сивилл. Он послал впереди себя наемных убийц под предводительством Микелетто Корелла с приказанием задерживать всех присутствующих под предлогом заговора против папы, якобы организованного при поддержке семейства Колонна.

Посол Неаполя, два врача короля Федерико связаны, связан и он сам, так как находился там вместе с другими посетителями. Только Санча и Лукреция, как это ни странно, ускользают от преследователей и бегут к апартаментам папы просить помощи. Как только они исчезают, Микелетто выходит вперед и быстрым движением при помощи шнура душит Алонсо

в присутствии Чезаре. Когда молодые женщины возвращаются с помощью, дверь закрыта и перегорожена подручным Чезаре, последний заявляет, что в результате падения у герцога случилось кровотечение, приведшее к смерти. Обе никогда больше не увидят Алонсо. Они не смогут даже присутствовать на похоронах.

Сообщение Антонио Грумелли еще более трагично. По его словам, Чезаре в сопровождении Кореллы внезапно появился в комнате Сивилл, где находилась Лукреция, спавшая рядом со своим мужем, и отдал приказ исполнителю убить Алонсо прямо на постели, где лежали супруги. Опытный палач удавил его руками, почти не встретив сопротивления, «даже не помяв ему сорочку». Жертва лежала теперь с выпученными глазами, синим лицом и выпавшим языком. Это было последнее, что увидела герцогиня Бишелье, прежде чем потеряла сознание.

Что касается посла Флоренции, то он писал 22 августа Совету Десяти: «Герцог Бишелье умер 15 числа, и эта весть неожиданная, поскольку говорили, что он поправился и что врачи позволили ему вставать, хоть и оставаясь в своей комнате. Известно также, что в тот день Валентинуа направил вооруженных людей в комнату, занимаемую раненым в Ватикане».

Во всех отчетах сообщается, что Лукреция была привезена без сознания к себе во дворец, а Александр VI потребовал от своих приближенных молчать об обстоятельствах преступления. Он возложил на архиепископа Козенцы, который лишь несколькими месяцами ранее крестил маленького Родриго, организовать погребение праха своего зятя без мессы и отпевания в скромной церкви Notre-Dame-des-Rievres. При свете двадцати факелов в первом часу ночи несколько монахов под предводительством дона Франческо Борджа, папского казначея, тихо вынесли и захоронили тело второго мужа Лукреции Борджа <sup>[71]</sup>.

Уже на следующий день Чезаре не только не считает нужным скрывать свое преступление, но даже похваляется им. «Он хотел убить меня, — повторяет он своим близким, — он стрелял в меня однажды в садах Ватикана, а теперь больше не сможет». Однако, чтобы успокоить общественное мнение, в замке Святого Ангела заключены под стражу наставник Брандолини, врачи и шут принца, ставшие свидетелями убийства. Затем, поскольку судебное расследование не нашло улик против них, они были освобождены. «Они были невиновны, и те, на кого была возложена миссия арестовать их, прекрасно об этом знали», — заключает Бурхард. Эта нелепая инсценировка никого не обманула. «Весь Рим

говорит об этом, но никто не осмеливается сказать об этом открыто», — пишет Капелло.

Поведение Лукреции еще больше убеждает римлян в том, что речь идет о преступлении. В течение трех дней после трагедии вдова Алонсо, чье здоровье уже было подорвано четырьмя неделями непрерывной тревоги, лежит в постели в сильнейшей лихорадке, сопровождающейся бредом и обмороками, вероятно, вызванными тахикардией. Она не может ничего есть, кажется, ничто больше не привязывает ее к жизни. «Я считаю себя мертвой, что со мной сделают, мне безразлично», — говорит она служанкам. Ее подавленное состояние, судя по всему, могло затянуться надолго, и это беспокоило Александра VI, поскольку дочь его представляла собой бесценный политический капитал. Пытаясь вернуть ей вкус к жизни и напомнить о материнских обязанностях, он велит нянькам ежедневно приносить ей Родриго, которому тогда было девять месяцев. И как ни странно, но ее выходу из летаргии, кроме сына, способствует и Чезаре. Возможно, желая ее спровоцировать, брат появился в ее комнате в сопровождении воинов, с алебардами, объясняя это желанием обеспечить ее безопасность, он поинтересовался, как она поживает. В ответ сестра лишь бросила ему фразу Горация, указывающую на него как на убийцу: «Тебе ничем меня не удивить».

Молодая вдова не пыталась скрыть свою печаль. Римляне иногда видели, как она блуждает одна или вместе с сыном в окрестностях города, всегда в сопровождении нескольких верных слуг, зорко следивших за ней издали и боявшихся, как бы она не наложила на себя руки. Ее отчаяние даже начинало компрометировать понтифика. Феррарские послы писали герцогу Эркуле: «После смерти мужа она одиноко гуляет по виноградникам близ города, ища там покоя и утешения печали».

Современники отмечают, что Лукреция выглядела изможденной. Два месяца назад она была стройной, а теперь стала очень худой. Ее лицо, еще хранившее детскую округлость, теперь осунулось. Цвет лица, прежде имевший легкий розоватый оттенок, стал тусклым, а под запавшими глазами появились сиреневые круги. Ни от ее воздушной походки, ни от грациозных жестов ничего не осталось. Ее пышная золотистая шевелюра поблекла и поредела. Во время первой встречи после трагедии с отцом Лукреция обвинила его в том, что хоть он и не сам приказал совершить убийство, но способствовал этому, заставляя Алонсо вернуться в Рим, несмотря на угрозы Чезаре, и она порицала его за то, что он не наказал преступника. «Папа в смятении, — пишет Каттанеи, — возможно, из-за отчаяния дочери, но также и оттого, что ее проклятия, ежедневно

разносящиеся по всему Ватикану, довели его до исступления, тем более что она стала для него живым укором».

Действительно, в старике самовлюбленность господствовала над всеми остальными чувствами. Неизбывное горе Лукреции, ее длинные черные одежды, покрасневшие глаза — все это мешало ему развлекаться, смеяться и наслаждаться жизнью. Он не мог себе представить, как она может так горевать, если у нее, по сравнению с ним, впереди вся жизнь. Однако Алонсо был первой настоящей любовью Лукреции.

Месяц спустя после убийства Паоло Капелло отмечает, сколь быстротечны печали главы Церкви: «Он молодеет день ото дня, тревоги его рассеиваются за одну ночь, у него спокойный характер и делает он лишь то, что идет ему на пользу. Мысли его заняты исключительно тем, как сделать из своих детей великих людей, и ни о чем ином он не заботится». Поэтому-то он и забыл принца Арагонского, составившего счастье его дочери и сделавшего его дедом, его смерть занимала папу не больше, чем смерть конюха. Он велел выпроводить гонцов короля Федерико, повторяя каждому из них: «Что сделано, то сделано, и уже слишком поздно пытаться что-либо поправить».

Что касается Чезаре, то тот продолжал по-прежнему держать под своей охраной дворец Санта-Мария-ин-Портику, якобы для того, чтобы защитить сестру, а на самом деле — чтобы следить за ней и расстроить возможные планы мести. У Лукреции, более не выносившей ни вида Ватикана, где был убит ее муж, ни церкви, где по-нищенски был захоронен прах ее супруга, осталось только одно желание — уехать из Рима. Она оказалась в той же ситуации, что и ее золовка донна Мария после убийства герцога Гандийского, с той лишь разницей, что та жила в безопасности вместе с сыном в Испании, тогда как Лукреции некуда было податься и она не могла ничего сделать без отцовского позволения. Александр VI быстро дал ей разрешение отправиться в ее владение Непи, которое он подарил ей годом ранее.

Томазо Томази, современник Лукреции, так описывает ее отъезд: «Убийство герцога Бишелье было малоприятно герцогине, хотя она очень была приучена менять мужа в зависимости от капризов и интересов своих родных, и этот был уже третьим<sup>[36]</sup>. Однако столь жестокий и зловещий способ сделать ее вдовой глубоко ее потряс. Вот почему, совершенно не намереваясь скрывать свое горе, она открыто проявляла свою враждебность всему двору и укрылась в Непи, пока время, единственное лекарство от страстей, вернет ее к более приятным мыслям».

Лукреция, смирившись, готовилась к новой жизни в уединенном

месте, в обществе маленького Родриго, тогда как ее отец и ее брат уже подыскивали ей мужа, который мог быть им полезен.

На следующий день после приезда в Непи, 31 августа, Лукреция увидела древний этрусский город и замок с двумя колоссальными башнями в совершенно ином свете. Унылая природа, вулканы, мрачные крутые склоны из черного или красноватого туфа, обширные пустынные плато, блеянье овец и жалобные звуки пастушеских свирелей придавали пейзажу скорбный вид, созвучный ее отчаянию. Непи был местом, где можно было плакать, не докучая окружающим. Суровость Непи отвечала ее желанию побыть в одиночестве. Она велела обить несколько комнат тканями темных цветов. Только в детской стены по-прежнему были обтянуты голубой кожей, на полу лежали расписные ковры, сверкали золотые и серебряные предметы, предназначенные для потомка принцев Арагонских. Теперь она не носила драгоценности. Оставаясь верной испанским обычаям, она заказала в Риме туалеты, подходящие обстоятельствам, так что от окружающих ее можно было отличить только по светлым волосам.

Церковные службы, на которые она ходила ежедневно, проходили в полной тишине. Серебряная посуда была отправлена в Рим. И не было ни одного человека среди ее прислуги, кого не трогало бы ее горе и кто противился бы такому суровому образу жизни.

Отныне ей предстояло познать, чего стоит быть красивой, вызывать всеобщую зависть, обладать богатством и приходиться сестрой будущему Цезарю-Августу. Чтобы как-то выразить протест своей семье и увековечить свою любовь, Лукреция велела высечь на городских воротах Непи барельеф, изображающий герб арагонцев, и герб Борджа, которые венчает герцогская корона.

Окружавший ее пейзаж, казалось, вторил ее состоянию: гора Сократо, воспетая Горацием в «Одах» и Вергилием в «Энеиде», которые декламировал ей Алонсо, походила теперь на одинокого часового, всматривающегося в Сабинские горы, ощетинившиеся крепостями; в голубоватой дали возникал пригород Капраролы, владения семьи Фарнезе, а у подножия ее замка текла речка Фалеско, и тихий звон ее струй заглушало порой кваканье лягушек. Каждый вечер Лукреция смотрела, как знойный ветер поднимает облако пыли, похожей на саван, окутывающий прошлое, делающий неразличимыми цвета и формы. Ничто лучше этого однообразия и этой тишины не успокаивало израненную душу.

До Алонсо она ничего не знала о том, что может дать и получить женщина в любовном сражении, теперь же она должна была навсегда отказаться от того, к чему только прикоснулась. Ей казалось, что ее лишили

части ее самой и приговорили жить только ради сына. Чтобы побороть бессонницу, ей часто приходилось приказывать оседлать лошадь на заре и подолгу мчаться верхом по полям, доводя себя до полного изнеможения: ведь загоняя свою лошадь, она хотела загнать саму себя, то было единственным лекарством от разочарования. В сопровождении своей двоюродной сестры Анджелы Борджа она возвращалась лишь вечером, когда туман покрывает землю и из его пелены возникают сумрачные кипарисы, напоминающие веретена Парок. Одиночество, которого искала Лукреция, было еще более полным, чем в монастыре Сан-Систо, поскольку здесь она острее ощущала оторванность от мирской жизни.

Чтение Петрарки приносило дочери папы облегчение. Его намеки на то, что время летит, что жизнь — это не что иное, как стремительный бег к смерти, волновали ее, как и сонеты, написанные им после смерти возлюбленной:

Ты красок лик невиданный лишила,  
Ты погасила, Смерть, прекрасный взгляд,  
И опустел прекраснейший наряд,  
Где благородная душа гостила.

Исчезло все, что мне отрадно было,  
Уста сладкоречивые молчат,  
И взор мой больше ничему не рад,  
И слуху моему ничто не мило<sup>[37]</sup>.

Тем не менее юная вдова занималась будущим своих детей — римского инфанта и Родриго. Благодаря дару отца она смогла приобрести в апостолической палате конфискованное имущество Каттанеи, заплатив 80 тысяч дукатов наличными. В числе приобретенных таким образом владений были Сермонета, Бассиано, Нинфа, Сан-Феличе и Сан-Донато (в 1504 году Юлий II вернет эти земли бывшим владельцам). К тому же она вела обширную переписку с друзьями, которые разделяли ее скорбь, и некоторыми родственниками, подписывая свои послания «*Infelicissima*» или же «бесконечно несчастная княгиня Салернская», в память о титуле, который носил Алонсо до их брака.

В первых письмах, сохранившихся в архивах Модены и адресованных Винченцо Джордано, ее управляющему, речь идет о домашних делах или о заказе теплых вещей для маленького Родриго. В другом письме она

рекомендует одного из своих гонцов, Джованни из Прато, своему крестному отцу Горджо Коста, кардиналу Лиссабонскому. Однако большинство посланий, написанных ее рукой или продиктованных ею секретарю Кристофоро, посвящены одной теме: чтобы молились за покойного во всех монастырях, во всех церквях Рима. Ее дядя Франческо Борджа, кардинал Козенца, подает в этом пример, а Лукреция без конца спрашивает его о том, как часто проходят службы. Для того чтобы замкнутый мирок Рима не забывал герцога Бишелье, Лукреция шлет новые и новые указания своему управляющему:

*Винченцо, поскольку мы решили отслужить поминальную службу по душе моего супруга — да пребудет она во славе святых, — ты отправишься с этим к почтеннейшему кардиналу Козенца, коего обременили мы этой заботой, и сделаешь то, что тебе прикажет его милость; это касается и полагающейся оплаты за службу, а также выполнения предписаний, которые будут тебе даны. Ты можешь тратить деньги по своему усмотрению, учитывая, что у тебя есть пятьсот дукатов, а если будет в том нужда, я распоряжусь, и ты получишь недостающее<sup>{72}</sup>.*

Чезаре, которому было известно абсолютно все о поведении сестры, жестоко обидел ее, напросившись к ней на прием вместе со своим штабом. Так, 4 октября 1500 года, гневно сверкая очами, Лукреция сидела во главе стола на ужине, поданном в квадратной башне крепости, в зале, задрапированном черной тканью. На стенах были вывешены гербы Арагонской династии и Борджа. Герцогиня Бишелье, не проронившая ни слова, едва притронулась к кушаньям и не ответила ни на один вопрос, заданный братом или его офицерами. Со двора доносились бряцание оружия, ржание лошадей и грохот колес новых французских пушек.

Осень с ее дождями и сыростью, пропитавшей комнаты, ослабила подорванное здоровье Лукреции. Личный врач предписал ей незамедлительно уехать в Рим. Понимая, что силы ее убывают, она записала в своем молитвеннике следующую фразу Якопо Саннадзаро: «Вместе со слезами плоть моя истекает капля за каплей». Infelicissima попросила отца о разрешении вернуться в Вечный город. Как следует из этого письма, адресованного ее управляющему, Александр VI медлил с ответом:

*Я настолько раздосадована и огорчена тем, что касается моего возвращения в Рим, что даже не могу писать, мне не остается ничего иного, как плакать. И все эти дни мы видим, что Фарина, который мог бы все устроить к лучшему, этого не сделал. Я посмотрю, смогу ли я отправить к нему Роббле. Ничего другого не остается. Еще раз говорю тебе, будь осторожен и ни за что на свете не показывай это письмо Реха<sup>{73}</sup>.*

Намеренные неясности этого послания, вымышленные имена, ключ к которым есть только у адресата, свидетельствуют о тревоге Лукреции. Этот Фарина, по всей вероятности, кардинал Фарнезе, должно быть, защищавший ее перед Реха, то есть Александром VI, а Роббле может означать Родриго, которому только что исполнился год и чей хрупкий организм плохо переносил нездоровые испарения, выделявшиеся из расщелин скал, окружавших замок. В конце того же месяца Винченцо сообщал в своем послании Лукреции, что он поговорил с папой и что последний разрешает ей вернуться в ее дом в Санта-Мария-ин-Портику.

По возвращении Лукреция ни на минуту не забывала об умершем супруге. Прислуге было велено разложить в гардеробе вещи покойного, словно их вот-вот будут надевать. Все здесь казалось окаменевшим, серебряная кифара лежала на партитуре Жоскена Дебре, рядом со свитком пергамента, на котором Алонсо начертил генеалогическое древо Арагонской династии. Там фигурировали его имя и имя Лукреции, однако он не успел вписать туда имя Родриго. В этом дворце, превращенном в мемориал, она без устали бродила мимо завешенных зеркал. Ее приближенные порой слышали, как она смеется и разговаривает с «возлюбленной тенью», и это беспокоило их, как и слухи в народе о том, что с самого августа призрак герцога Бишелье часто посещает башню Борджа. Легенда эта жива и по сей день.

В свою очередь Чезаре покинул Рим, чтобы продолжить завоевание Романьи. В его отсутствие Александр VI употребил все свои силы, чтобы снова завоевать сердце Лукреции. Он снова окружил ее нежным вниманием, теперь он обращался с ней, как старый семидесятилетний отец с двадцатилетней дочерью, которую надо вновь научить жить. Современник, некий Себастьяно ди Бранки Таделли в своем «Римском дневнике» пишет, что «папа настолько любил герцогиню Бишелье, что появлялся у окна вместе с ней, дабы всякий, кто захочет, мог их увидеть». Хвастовство родителя, гордого своим потомством, дало повод некоторым

авторам выдвинуть гипотезу, что Лукреция стала или вновь стала любовницей своего отца. Бурхард, видевший их ежедневно, сообщает, что понтифик называл свою дочь «figliola carissima» или «amatissima»<sup>[38]</sup>, однако те современники, что были далеко от Рима, как, например, Джованни Понтано, основатель Неаполитанской академии, или Саннадзаро, прозванный «христианским Вергилием», оба преданные арагонцам, подхватили слова Джованни Сфорца и опубликовали по поводу этого тройного «инцеста» колкие и легко запоминающиеся эпиграммы, как, например, следующий дистих:

Ergo te semper cuoiet, Lucretia, Sextus?  
J fatum numinis! Nie pater est!<sup>[39]</sup>

Чтобы не упоминать Александра VI, автор намекает на изнасилование Лукреции Сикстом Тарквинием:

Hoc jacet in tumulo Lucretia nomine, sed re Thais,  
Alexandri Filia, sponsa nurus<sup>[40]</sup>.

так как она дочь, жена и невестка Александра).

В дистихе Саннадзаро слово «невестка» используется, чтобы показать, какие отношения существовали между Лукрецией и ее братьями — Цезаре и Хуаном. Если папа не придавал никакого значения этим выпадам, то Лукрецию мучили эти злобные и клеветнические сочинения. Ее манера держать боль при себе, не рассказывая о ней никому, шокировала римское общество, лишенное таким образом возможности посочувствовать, как обычно делалось при всяком несчастье. За исключением близких Алонсо, с которыми она продолжала видаться, все ее знакомые литераторы и художники уже начинали подумывать, что ее желание страдать в одиночестве было с ее стороны дерзким вызовом.

Хотя она отгородилась от мира, но даже до нее долетела молва: бегство Джованни Сфорца в Мантую к Франческо Гонзага, триумфальный въезд ее брата в Пезаро, его растущая популярность во всей Романье, где народ приветствовал его, а исконные владельцы земель боялись и сдавались один за другим. Однако до Рима доходили и менее приятные слухи, например о похищении красавицы Доротеи Караччоло, вызвавшем возмущение Людовика XII и послов Венеции. Она будет возвращена мужу только

четыре года спустя (возможно, жертву так долго держали в заточении не без ее согласия). Казалось, все покорились Чезаре, все спешили поступить к нему на службу, даже Леонардо да Винчи, в отчаянии от падения Лодовико Моро, искал места и стал советником герцога Валентинуа в военном искусстве.

Однако в Риме и в особенности в Ватикане атмосфера была напряженной. Известие о том, что графиня Форли заключена в замок Святого Ангела, было не по вкусу королю Франции. Он предъявил Александру VI требование освободить ее, хотя Чезаре не послушал его, по-прежнему опасаясь, что Катарина Сфорца, «у которой полно тайных сторонников и любовников по всей Италии и которая соблазнила бы самого дьявола, лишь бы вернуть свои владения, будет мстить». Однако теперь им приходится уступить, и «эта дочь гибели и беззакония», внезапно превратившаяся в «благородную даму Катарину Сфорца, нашу возлюбленную дочь во Христе», была милостиво выпущена на свободу в марте 1501 года. Из дворца своего племянника кардинала Риарио она вскорости сбежала, чтобы морем добраться до земель Медичи.

Чезаре тяжело пережил это поражение, сделавшее его всеобщим посмешищем.

Зато капитуляция Фаэнцы 25 апреля 1501 года на некоторое время успокоила его ярость. Сеньор Фаэнцы, Асторе Манфреди, был знаком с Лукрецией. Он приезжал в Рим несколькими годами ранее по приглашению кардинала Фарнезе, который хотел выдать за него свою сестру Джулию, хотя она уже была помолвлена с Орсо Орсини. Разве могла Лукреция забыть этого юношу с ангельским лицом, о трагическом детстве и благородстве характера которого ей рассказывал Александр Фарнезе? Поддерживаемый любовью своего народа и защищенный стенами самой мощной из крепостей, он вот уже несколько месяцев сопротивлялся герцогу Валентинуа. Каждый из горожан вручил своему принцу жизнь и состояние, однако голод и огонь пушек сломили их сопротивление, и ради спасения своих подданных Асторе сдался Чезаре и последовал за ним в Рим, чтобы возвращение полководца в Вечный город 15 июня 1501 года стало подлинным триумфом.

Александр VI уважал Асторе за его мужество, и пленник сначала жил в Ватикане, окруженный любовью и восхищением римлян. Все искали его общества; даже Лукреция, тронутая несчастьями, выпавшими на долю изгнанника, нарушила свое затворничество и приняла его в своем дворце. Своей красотой и очарованием он напоминал ей Алонсо. Однако уже через двенадцать дней из-за страха перед сыном папа предает своего гостя и

велит заключить его в замок Святого Ангела.

Та, которая именovala себя «несчастной принцессой Салернской», занимала слишком высокое положение и потому очень хорошо знала, как дорого приходится платить за то, чтобы быть символом законности, иметь огромное влияние и заслужить преданность и верность своего народа. Алонсо мог бы стать таким правителем в Неаполе, Асторе стал им в Фаэнце, где мнение о нем было единодушным, а это крайне редко бывало в городах, где культивировалось соперничество. Как и герцог Бишелье, сеньор Фаэнцы представлял реальную опасность для Борджа. Лукреции были слишком хорошо известны принципы ее брата: «Чтобы удержать недавно завоеванное государство, для начала необходимо позаботиться о том, чтобы полностью уничтожить семью прежнего правителя».

Почти год об Асторе ничего не будет слышно, пока однажды Бурхард не упомянет коротко о том, что труп пленника был выловлен в реке, к шее его было привязано ядро для баллисты. Надгробная речь Макиавелли дополняет эту информацию: «У победителя нет иного выхода, как ласкать свои жертвы или же предавать их смерти».

Чтобы спасти себя от резких изменений ватиканской политики, дважды заставившей ее страдать, Лукреция решила, что ей следует искать супруга за пределами Рима, чтобы его будущее не было связано с будущим ее брата. Знатные семейства полуострова хоть и поносили всех Борджа, однако искали союза с ними, надеясь таким образом защитить себя от Чезаре, чья жажда завоеваний, казалось, была неутолимой. Хотя было известно, что союз с дочерью папы не сулит спокойной жизни, находилось достаточно и мужественных, и беспринципных претендентов.

Месяц спустя после убийства Алонсо Людовик де Линь, двоюродный брат короля Франции, попросил руки Лукреции, требуя колоссального приданого. Не что-нибудь, а Сиену, откуда папа должен изгнать Петруччи, тиранов города.

«Французы, — отмечает Каттаней, — готовы на что угодно, лишь чтобы получить кардинальское звание или хорошие деньги». Следующим кандидатом стал Оттавиано Колонна, к нему тут же присоединился его соперник Франческо Орсини, герцог Гравины. В Ватикане шансы последнего оценивали очень высоко. Этот вдовец имел двух сыновей и готовил их к духовной карьере, так что дети, рожденные в новом браке, должны были унаследовать титулы и герцогство. Лукреция, вызванная святым отцом в покои Попугая по поводу этих переговоров, была осведомлена о предложении Гравины. К великому изумлению Санудо,

который описывает эту сцену, она оставила свою обычную сдержанность и заявила, что не желает более выходить замуж. «Отчего же?» — спросил ее отец. «Чтобы иметь возможность полностью посвятить себя моему сыну», — ответила она. Аргумент не показался Его Святейшеству достаточно веским, и он продолжал настаивать. Его дочь, обычно такая мягкая и терпеливая, на этот раз вспыхнула. Венецианский летописец добавляет, что дочь папы сказала, что она устала приносить мужчинам несчастья, и «покинула залу сильно разгневанная». В действительности Александр VI желал, чтобы претендентов было много, вероятно для того, чтобы больше выторговать за согласие Лукреции и развязать себе руки во время переговоров.

До сих пор ни один из претендентов не обладал достаточным весом, чтобы содействовать успеху Борджа. Могущество Чезаре, с тех пор как пала Фаэнца, возросло, все правители полуострова боялись его и хотели заключить с ним союз, чтобы сохранить собственные привилегии. Лишь один особенно долгожданный соискатель, потомок древнего рода, семья которого правила государством, вызывавшим всеобщую зависть не только в Италии, но и во всей Европе, ничего не предпринимал и ни о чем не просил.

## Глава XI

### Наместница папы

Чтобы уберечь себя от происков родственников, Лукреция твердо решила покинуть семейный ад Борджа и уехать из дворца, напоминавшего ей о трагических событиях. Поэтому, когда в конце мая 1501 года отец заговорил с ней о возможности союза с Альфонсо д'Эсте, она не колебалась ни минуты. Прежде всего, Феррара находилась далеко от Рима, там она чувствовала бы себя в безопасности, и потом, она уже встречала раньше этого принца, двоюродного брата Алонсо Бишелье по линии матери, Элеоноры Арагонской. Он был также родственником Джованни Сфорца благодаря браку с Анной Сфорца. Наконец — и это главное, — наследник Феррарского герцогства был сильной личностью, что также говорило в его пользу: он сможет стать для Лукреции надежной защитой от амбиций отца и брата и обеспечить ей спокойствие. С таким зятем Чезаре пришлось бы либо договариваться, либо перед ним капитулировать.

Лукреция поняла, что отец наконец-то решительно настроился выбрать ей могущественного супруга, способного защитить ее от интриг и угроз брата, и когда он описал ей открывающиеся перспективы, она одобрила этот союз.

Эти маневры Борджа сначала были восприняты семейством д'Эсте весьма настороженно. При феррарском дворе, как при дворе мантуанском, коим правила дочь Эркуле д'Эсте, Изабелла Гонзага, об этих римских испанцах судили довольно сурово, не проявляли ни малейшей снисходительности. Род д'Эсте был известен с X века, поэтому Лукреция и ее семья казались этому семейству выскочками. Да и витавшие вокруг них слухи о скандалах не облегчали ход предварительных переговоров. Поэтому кардинал Джамбаттиста Феррари столкнулся со многими трудностями. Этот прелат, преданный и Эсте, и Борджа, должен был информировать Эркуле о намерениях святого отца. На предложение папы герцог Феррарский ответил вначале, что уже ведет переговоры о браке своего старшего сына с Луизой, герцогиней Ангулемской, и что вести параллельно другие переговоры было бы бесчестьем для него и оскорблением для короля Франции. Луизе Савойской, вдове Шарля Ангулемского и матери двух малолетних детей, было тогда двадцать пять лет. Говорили, что у нее прескверный характер. Алчная, властная, злобная,

мстительная и готовая всем пожертвовать, лишь бы возвести сына на престол, она сплела ради этого целую сеть интриг, например, с Жаном де Шабанном, братом маршала, бывшим к тому же одним из ее любовников. Это бросало тень на идиллический образ невесты.

Однако Лукреции было отлично известно, что ее положение дочери папы римского, как и ее репутация, представляло серьезное препятствие этому браку. Ведь Джованни Сфорца, ее первый муж, обвинил ее в инцесте. И хотя он сразу же от этого отрекся, клевета — и она об этом знала — уже делала свое дело. К тому же нельзя забывать о ее связи с камерарием Перотто и о тайных родах и, наконец, о гибели отца ребенка от руки Чезаре. Вот эти-то события и обсуждались весьма активно послами, аккредитованными в Риме. И если все воздерживались от суждений, то многие сомневались, хватит ли у этой компании наглости породниться с семейством, до сих пор вступавшим в союзы исключительно с семьями могущественных владык. Ныне властвующий герцог сочетался законным браком с дочерью короля Ферранте Элеонорой Арагонской, умершей в 1493 году; Альфонсо остался вдовцом после смерти Анны Сфорца, сестра которой Бьянка вышла замуж за императора Максимилиана, а брат, погибший в октябре 1494 года, был миланским герцогом.

Итак, развернулась дипломатическая баталия, и Лукреция намеревалась в ней участвовать. Впервые интересы ее семьи совпадали с ее собственными. Что касается Чезаре, то пакт с Феррарой был для него важнее всего, поскольку там были не только войска, но и грозная артиллерия, способная оградить герцога Валентинуа от притязаний венецианцев на недавно захваченные им земли. Этот союз упрочил бы его завоевания на севере Романьи, укрепил бы его престиж, равно как и престиж Александра VI, и несколько улучшил бы репутацию семьи Борджа, небезосновательно слывших авантюристами.

Чезаре, выходец из испанской семьи, перебравшейся в Италию и не имевшей там глубоких корней, должен был опасаться, что окажется в изоляции после смерти главы Церкви. Сегодня, находясь на вершине славы, он лучше чем когда бы то ни было осознавал, что счастливая возможность стать шурином Альфонсо больше не представится никогда. Пока что Александру VI удалось при помощи сына свести на нет робкие попытки мелких правителей края сохранить независимость, а также он сумел подчинить знатные римские семьи Орсини и Колонна. И только д'Эсте сохраняли относительную свободу. «Когда-то, — говорит Макиавелли, — даже самые мелкие землевладельцы считали своим долгом презирать папскую власть, а сегодня ее почитает даже король Франции».

Итак, нужно было прийти к заключению союза с Феррарой, и папа римский понял, что ключ к проблеме находится в Блуа. Делая вид, что ему неизвестно о планах касательно Луизы Савойской, он прямо обратился к Людовику XII, попросив его приложить усилия, чтобы склонить Эркуле в пользу Лукреции. Первая реакция короля была негативной. Она отразилась в письме от 26 мая, направленном герцогу д'Эсте, где король советовал ему отделаться от Александра VI, предложив папе младшего сына с синьорией Пьомбино в придачу. Однако, к счастью для Лукреции, позиция французского государя резко изменилась. Людовик с Фердинандом Католическим решили завладеть Неаполитанским королевством, но для успеха предприятия ему требовалось разрешение папы пройти по территории его государства. Французскому королю пришлось обратиться с этой просьбой к святому отцу, а тот в ответ потребовал от него одобрить брак Лукреции и Альфонсо. И Франция уступила. Бартоломео Кавальери, посол Феррары из Лиона, где в то время находился французский двор, в депеше от 22 июня сообщает своему господину, что Людовик XII теперь отказывает герцогу в руке Луизы Савойской и требует принять предложение Александра VI, советуя тем не менее потребовать приданое в 200 тысяч дукатов, снижение для Феррары ежегодного ценза и значительных церковных бенефициев для членов семьи д'Эсте.

Эркуле не оставалось ничего иного, как подчиниться. Отказать — означало оттолкнуть от себя Ватикан, Чезаре и Францию. Приняв это предложение, он получал возможность ускорить установление мира в северной Италии. Кроме того, внешние приличия были соблюдены: он мог создать видимость, что решается на этот союз исключительно чтобы сделать приятное французам. Итак, он спешно отправляет в Рим своего советника Этторе Беллингджери с поручением изложить папе условия, уточненные королем Франции, касающиеся суммы приданого, снижения ежегодного ценза, передачи городов Ченто и Пьеве, не говоря уже о различных обычных милостях для семьи д'Эсте. Римский папа понял, что теперь речь идет уже только о финансовой стороне сделки. Он обрадовался. Обещания, сдержит он их или нет, не дорого ему обойдутся.

25 июня 1501 года прибыла французская армия — это был ее последний переход перед вторжением в Неаполитанское королевство; она разбила лагерь на севере Рима. Трубы, рожки, барабаны издавали оглушительные звуки, как и шествие «парадным строем» тринадцати тысяч солдат и двух тысяч всадников, сопровождаемых длинной вереницей мулов, запряженных в повозки, и тридцатью шестью пушками, «французской гордостью», которые катились со страшным грохотом.

Лукреции казалось, что по вине этих захватчиков Алонсо Бишелье умирает во второй раз. Из замка Святого Ангела ее отец благословлял войска, спешившие обрушиться на земли Федерико II. Не пройдет и месяца, как резня в Капуе откроет армии Людовика XII дорогу в Неаполь, это будет стоить жизни сорока тысячам человек. В один июльский день французы зарезали, изнасиловали, расстреляли из аркебуз женщин, мужчин, детей, стариков. «Вдоль стен широкими ручьями текла кровь, жители лишились всего, чем владели, мужчин и женщин продавали, как рабов», — писал Жан д'Отон в «Хронике царствования Людовика XII».

В Петров день Александр VI издал буллу, заготовленную неделей раньше, официально объявившую о свержении короля Неаполя, обвиняемого в том, как заявлял папа, что он обращался за помощью к туркам. Какая насмешка! Когда Лукреции было семнадцать лет, ее отец попросил султана помочь защитить Неаполь от Карла VIII и выдал свою дочь за герцога Бишелье. Теперь Федерико, дядя покойного мужа Лукреции, укрылся в Искии и отрекся от престола в пользу Людовика XII.

В отсутствие Чезаре, занятого завоеванием Неаполя, Александр VI возглавил армию, чтобы подчинить баронов Лацио. Его политика консолидации церковных земель была направлена на то, чтобы маленькие города, цитадели и укрепленные поселения, окружавшие Рим, попали в зависимость от папского престола и сделали самого папу хозяином имений Колонна, Савелли, Эстутвилей и других.

Прежде чем начать эту экспедицию и покинуть Рим, папа решил доверить управление Церковью Лукреции. Ей придавался высокий политический статус, и это должно было доказать Эркуле д'Эсте, что она способна принести огромную пользу, управляя городом, и, следовательно, достойна стать герцогиней Феррарской.

Распорядитель церемоний Бурхард ограничивается тем, что просто упоминает об этом временном правлении, никак его не оценивая, 27 июля он пишет:

*Наш господин, прежде чем удалиться из города, доверил весь дворец и заботу о делах синьоре Лукреции. Его Святейшество предоставил своей дочери полную свободу вскрывать приходящие письма. В чрезвычайных обстоятельствах она будет просить совета у кардинала Лиссабонского.*

В таком назначении по тем временам не было ничего удивительного. Так, Катарина Сфорца, после того как был убит ее муж, была регентшей в течение одиннадцати лет и защитила права своего сына. Изабелла д'Эсте и

Элизабетта Урбинская управляли своими государствами подчас лучше своих супругов. Во Франции Людовик XI передал власть своей дочери Анне де Боже, чтобы установить регентство до совершеннолетия Карла VIII. Оно продлилось с 1483 по 1491 год.

Двумя годами ранее сама Лукреция выполняла подобные обязанности в Сполето, и довольно успешно.

Так, Александр VI, зная, что она весьма разумна, присвоил ей титул наместницы, такой же, какой в X веке получили Теодора и Мариза. Эти две римлянки, боровшиеся с немцами, утверждали назначение по меньшей мере восьми пап и действительно правили Церковью.

Чтобы по-настоящему утвердиться в новой роли, Лукреция поселилась в апартаментах папы. Если в ее распоряжении не было папской печати — духовная область оставалась за пределами ее полномочий, — то все гражданские и мирские вопросы приходилось решать ей: устраивать текущие дела, изучать почту и прошения, а также изучать документы, составленные на латыни, что не составляло для нее труда. Байяр сообщает: «Лукреция говорила на испанском, греческом, итальянском, французском языках, на очень хорошей латыни и могла писать на всех этих языках». В трудных случаях с ней делился своими познаниями Горджо Коста, кардинал Лиссабонский, чья репутация человека порядочного, умного и, главное, независимого ставила его выше всякой критики. Между этим восьмидесятипятилетним священнослужителем и молодой женщиной завязалась дружба, которая в будущем выдержит множество испытаний.

О доверительности и искренности этих отношений свидетельствует случай, описанный Бурхардом:

*Синьора Лукреция обратилась за помощью к кардиналу Лиссабонскому, тот ей ответил: «Каждый раз, когда Святой Отец, которого вы замещаете, передает дело консистории, вице-канцлер записывает мнение консультантов, поэтому я думаю, что кто-нибудь должен бы записать дискуссию». Синьора Лукреция ответила, что она прекрасно умеет писать, на что восьмидесятипятилетний кардинал, который не мог удержаться, чтобы не сострить, спросил ее: «Ubi est penna vestra?»<sup>[41]</sup> Она поняла смелый намек, и кардиналы слышали ее смех, который разнесся по всему дворцу.*

Если бы дочь папы обиделась, то это означало бы, что ей не хватает ума и воспитания. В начале XVI века Кастильоне и Бембо проповедовали весьма свободную манеру общения: «Придворная дама, ежели желает

прослыть доброй и порядочной, не должна ни гнушаться, ни брезговать произносимыми в обществе речами, даже если они нескромны, и если она покидает собравшихся, то можно подумать, что она нарочно напускает на себя суровость».

В своих депешах послы единодушны, они одобрительно высказываются о Лукреции. Что касается феррарцев, присланных в Рим в качестве наблюдателей, то они, говорят, были изумлены при виде «этой принцессы Церкви, усыпанной золотом и драгоценными камнями, управляющей кардиналами». Они не скрыли от своего господина восхищения этой молодой женщиной, наделенной достоинствами, столь редкими для ее возраста.

Альфонсо д'Эсте это не казалось таким уж убедительным. Его сдержанное отношение к Лукреции объяснялось не столько ее незаконным происхождением, сколько бурными событиями ее жизни: дважды невеста, дважды жена и один раз вдова. Враги семейства Борджа напоминали ему: «Одной распутной женщины оказалось достаточно, чтобы испортить кровь Гераклидов и Эакидов, чтобы прервать эту прекрасную цепь поколений героев». Соппротивление Альфонсо было таково, что отец изъявил готовность самолично жениться на дочери папы. Такая перспектива показалась Альфонсо еще хуже, чем иметь ее в качестве собственной жены. Он подчинился, рассматривая этот союз как сделку исключительно политического характера, и он решил продать свое согласие по самой высокой цене.

Вероятность брака с правящим герцогом, о которой рассказал Лукреции Франческо Борджа, кардинал Козенца, польстила ей и испугала одновременно. Судя по тому, что о нем говорили, великий кондотьер не отличался мягкостью. Хотя он очень любил искусство и был меценатом, он не отличался душевной тонкостью и был знаменит во всей Италии своей страстью к наживе и, следовательно, скорее интересовался приданым своей будущей невестки, нежели ее репутацией. Узнав еще 15 марта 1499 года от Джованни Альберто делла Пинья о слухах касательно родов Лукреции, теперь он рассчитывал использовать эту дурную славу, чтобы повысить свои финансовые требования.

В Рим возвратился святой отец. Бесконечные объяснения с семьей д'Эсте продолжались, однако решающие торги развернулись в Лионе при французском дворе. Бартоломео Кавальери, посол Феррары при Людовике XII, адресовал своему господину следующее письмо, позволяющее понять, в каком климате недоверия происходили переговоры:

*Сиятельный сеньор, посол Его Святейшества сказал мне вчера, что Ваша Светлость отправила уполномоченного к Александру VI, чтобы истребовать у него 200 тысяч дукатов, отмену годового ценза, уступку права опеки над епископством Феррарским, утвержденную решением консистории, и много другого. Он сказал мне, что папа предложил 100 тысяч дукатов. Что касается остального, Вашей Светлости остается положиться на него, поскольку он намеревается вскоре выполнить свои обязательства и таким образом принести благо семейству д'Эсте, столь уважаемому, что каждый должен высоко ценить дружбу с ним. Посол сказал мне также, что ему поручено просить Его Величество написать Его Сиятельству кардиналу, чтобы тот убедил Вашу Светлость удовлетвориться этим. Как ваш покорный слуга, я призываю вас, если этому браку суждено совершиться, не заключать его, пока не будут получены надежные гарантии, чтобы позже вам не пришлось с огорчением заключить, что обещаний вам дали много, но немногие из них сдержали. В другом письме я сообщил Вашей Светлости о том, что было сказано Его Величеством королем, а именно что он превыше всего желает, чтобы это дело, если оно сладится, принесло вам самую большую выгоду, а Его Величество по-прежнему не против отдать дону Альфонсо даму, которую Ваша Светлость желала получить для него во Франции (7 августа 1501)<sup>[74]</sup>.*

Поведение Людовика XII могло показаться двусмысленным, поскольку он снова предлагал феррарскому герцогу руку Луизы Савойской. В действительности он давал герцогу д'Эсте веский аргумент для торгов с папой, хотя французский король был единственным государем, поддерживавшим этот брак, которого Александр VI добивался с такой настойчивостью. Европейские государства по-настоящему опасались мощного союза Феррары и Ватикана. Для Флоренции альянс семьи д'Эсте с Папским престолом означал установление железного кольца вокруг ее территории. Венеция окончательно теряла надежду присоединить Феррару, становившуюся неприкосновенной и способной дать отпор Светлейшей республике. Даже родственники самого Эркуле, в частности его зять Франческо Мантуанский, видели в планируемом Римом пакте возвышение герцогства Романьи и последующее безоговорочное подчинение Церкви всех правителей региона, коим грозила опасность лишиться своих феодалов и отправиться в изгнание. Император Максимилиан, супруг Бьянки Сфорца, большая часть семьи которой — все враги Чезаре и Александра VI — жила

при его дворе, насторожился, видя, как Феррара начинает играть такую же важную роль, как Флоренция во времена Лоренцо Великолепного, и опасаясь, что французское господство может усиливаться благодаря тройному союзу французского двора, Ватикана, Феррарского герцогства. Связи с д'Эсте были для него слишком ценными, и потому он сделал все от него зависящее, чтобы помешать заключению этого союза. Для Эркуле же это стало лишь новым предлогом, чтобы настаивать на своих требованиях к папе.

Лукреция, в свою очередь, знала, что вступает в брак по расчету.

## Глава XII

### Приданое века

С первых дней августа 1501 года Лукреция Борджа ведет себя скорее как Лукреция д'Эсте: ее отец вынужден был согласиться на сокращение ежегодного ценза, который Феррара должна была выплачивать Ватикану (он будет уменьшен с четырех тысяч дукатов до 100), передать одну из высших церковных должностей ее будущей семье, а также взять на себя обязательство передать замки Ченто и Пьеве — общей стоимостью в 100 тысяч дукатов — будущим наследникам мужского пола.

26 августа послы обеих сторон подписали в покоях Попугая брачный контракт, составленный Бенеимбене. По распоряжению Александра VI кардинал Феррари в сопровождении дона Рамиро Рамолини на следующий день выехал в Феррару, чтобы доставить туда документы. Брак *ad verba*<sup>[42]</sup> был заключен в замке Бельфьоре 1 сентября. В тот же день Эркуле д'Эсте, понимая, какую помощь оказала ему невестка, пишет ей письмо, в котором выражает свое восхищение и уточняет, что если до сих пор он любил ее за добродетели и из почтительности к Его Святейшеству, то теперь он питает к ней отеческую нежность. К письму он присоединил весьма любезное послание, адресованное папе, где он выражает ему благодарность за милости, оказанные его младшему сыну.

На следующий день Эркуле д'Эсте попытался объяснить свое решение членам семьи. Теперь он высказывался в совершенно ином духе, к примеру, в письме к своему зятю Франческо Гонзага, маркизу Мантуанскому, супругу Изабеллы д'Эсте: Эркуле просит извинения за то, что был вынужден подчиниться совместным требованиям главы Церкви и короля Франции.

*Дражайший брат, — писал он, — как мы вам сообщали, на днях под давлением интриг, жертвой коих мы стали, мы решили дать согласие на брачный союз, предложенный нам Его Святейшеством, а именно взять в супруги для нашего старшего сына Альфонсо сиятельную даму Лукрецию Борджа, сестру светлейшего герцога Романьи и Валентинуа, прежде всего потому, что на этом весьма упорно настаивал Его Величество. Затем последовали переговоры об этом, Его Святейшество и мы пришли к согласию, а Его Величество король беспрестанно торопил нас с*

заключением этого союза. Вследствие чего во имя Бога и при посредничестве французского посла и присутствующих здесь уполномоченных Его Святейшества сегодня утром было оглашено это решение<sup>[75]</sup>.

Александр VI, отныне уверенный в удачном ходе переговоров, начал хлопотать об обеспечении будущего для ребенка Лукреции и Перотто, юного Джованни Борджа. 1 сентября он подписал две буллы, которыми он узаконил того, кого весь город называл не иначе как римским инфантом. Текст первой был предан огласке в самый день утверждения, вторая оставалась в тайне вплоть до 1506 года, послужив почвой для различных измышлений, бросавших тень на Борджа. Так, в 1913 году Джузеппе Портильотти утверждал, не приводя никаких доказательств, что Лукреция потребовала издать эти две буллы, поскольку не знала, кто из ее предполагаемых любовников — Чезаре или Александр VI — был отцом ее сына. На деле ловкость и изворотливость папы в юридических вопросах обернется против него и его дочери.

В первой из этих булл глава Церкви объявлял римского инфанта внебрачным сыном Чезаре и некой замужней дамы. Вот самый важный фрагмент из нее:

*Ты, кого мы, полагаясь на свидетельства, заслуживающие доверия, считаем ребенком нашего дорогого сына Чезаре Борджа Французского, герцога Романьи и Валентинуа, полководца нашей армии и армии Святой Церкви, гонфалоньером коей он является, ты, кому сейчас приблизительно три года от роду, с течением лет полностью искупишь своей честной жизнью, своей добродетелью и порядочностью то, что ты появился на свет в предосудительных обстоятельствах. Исключительно по нашей воле, исходя из точных сведений и в силу нашей верховной власти мы желаем, чтобы ты стал наследником городов, имений, герцогств, графств, замков, деревень, дворцов, собственности и прочих благ герцога Чезаре, его брата и его сестры, а также всех своих родных, чтобы ты наследовал их права, все титулы, судейские звания и должности, которыми они обладают, и выполнял их обязанности, и все это в силу твоего происхождения от вышеупомянутого Чезаре. Властью Святого престола и в знак особенной милости мы узакониваем тебя, давая тебе все преимущества благородного рождения<sup>[76]</sup>.*

Однако во второй булле, которая, напоминаем, должна была оставаться в тайне, Александр VI утверждал, что ребенок был рожден от него и женщины, живущей врозь с мужем, «saluta mulier». Здесь мы читаем:

*Александр — дорогому сыну, благородному Джованни Борджа.*

*Актом от сего дня мы постановили, что несмотря на особенность твоего рождения, будучи сыном благородного Чезаре Борджа Французского, герцога Романьи и Валенсии, нашего гонфалоньера, ты сможешь наследовать во всех правах и привилегиях все, что принадлежит вышеупомянутому герцогу, и мы объявляем тебя законным, наделяя тебя всеми правами и преимуществами особы благородного происхождения. Однако поскольку ты страдаешь не по вине вышеупомянутого герцога, а по вине нашей и женщины, освобожденной от брачных уз, об этом из лучших побуждений мы не хотели говорить в вышеназванных письмах из опасения, что тебя будут притеснять в дальнейшем. Данной нам властью, настоящим посланием приказываем, чтобы все привилегии, дарованные тебе и оговоренные в предыдущих письмах, сохраняли свою силу. Это касается как наследования, так и всего остального* <sup>[77]</sup>.

Кажущееся противоречие между двумя актами позволяло папе постепенно заложить фундамент, который он считал нерушимым, для признания римского инфанта.

Поскольку канонические законы запрещали главе Церкви признать ребенка, рожденного во время его правления, и передать ему свое имущество, Александр VI преодолел это препятствие, заявив, что Джованни Борджа был сыном Чезаре. Обосновав узаконение, он получал возможность на втором этапе заявить, что отцом был он. К чему тогда эта двойная ложь и чрезмерные предосторожности? Всего лишь для того, чтобы обеспечить римскому инфанту часть наследства Борджа и притом не открывать, кто были настоящие родители Джованни. В тот момент, когда Лукреция готовилась выйти замуж за Альфонсо д'Эсте, она не могла признать публично, что у нее есть внебрачный ребенок.

Поскольку Александр VI не мог дать мальчику мать, он измыслил отца, таким образом обеспечив будущее только что узаконенному ребенку. Обе буллы Лукреция взяла с собой в Феррару; сейчас они хранятся в Модене. Разве стала бы она обременять себя тяжелыми пергаменатами, если бы они не дали возможности в один прекрасный день защитить ее сына и не позволили бы Альфонсо сослаться на официальные документы, чтобы

спустя несколько лет принять юношу в Ферраре? Впрочем, никто из д'Эсте и не думал упрекать Лукрецию в проступке, столь распространенном в ту эпоху. Свидетельство подобной снисходительности мы находим в произведениях Лудовико Ариосто, в которых рекомендуется женщинам не столько заводить любовников, сколько выбирать их среди мужчин подходящего возраста; в этом же сочинении прославляются красота Лукреции, ее ум, любезность и чистота.

Три дня спустя после подписания булл гонец принес в Ватикан весть о подтверждении брака *ad verba* в Ферраре, в присутствии герцога Эркуле и Альфонсо. В Риме удачный исход дела был воспринят как самая большая победа Борджа. Бомбарды и кулеврины замка Святого Ангела грохотали без перерыва от полудня до полуночи; вечером дворцы, церкви и Ватиканский дворец были освещены «необычайным количеством факелов, — замечает Томази, — а фейерверк был такой, словно отмечали избрание папы». Чтобы увенчать свой успех, Александр VI простым декретом подарил римлянам карнавал протяженностью в четыре месяца. Особым указом им разрешалось ходить в масках и костюмах. «И все это, — ворчит Бурхард, — чтобы отпраздновать то, чего на самом деле надобно стыдиться».

В сопровождении трехсот всадников, двухсот дам, четырех епископов, послов Франции и Испании Лукреция, одетая в платье из парчи, гофрированное и расшитое золотом, отправилась в Санта-Мария-дель-Пополо, чтобы отслужить благодарственный молебен и произнести слова признательности Пресвятой Деве за ее доброту. Искреннее преклонение перед Девой Марией передалось ей от отца: он считал, что Богородица ему покровительствует, его письма непременно заканчивались следующей фразой: «Будь здорова и почитай нашу Всемиловитейшую Богородицу».

Возвращение во дворец Санта-Мария-ин-Портику в сумерках, пламеневших цветом шафрана, оказалось еще более триумфальным, чем отъезд из него. Звонили во все колокола, но слышнее всех был голос большого колокола Капитолия. Пестрая, дружелюбная толпа приветствовала «святейшую герцогиню Феррарскую». Вечером, желая выразить свою радость, Лукреция отдала свое платье стоимостью в 300 дукатов одному из шутов, который помчался по улицам Рима, размахивая дорогим туалетом, словно трофеем, и крича: «Да здравствует наша сиятельная дама и ее святой отец — наш святой отец Александр VI!»

Не мешкая папа собрал консисторию, а Священная коллегия огласила высокопарное похвальное слово Эркуле Феррарскому, «величайшему и мудрейшему из государей», и Альфонсо, «более прекрасному и более могущественному, чем сам Чезаре Борджа». Последний дифирамб,

вероятно, был обязан своим появлением тому факту, что первая жена Альфонсо была свояченицей императора Максимилиана, что приближало Лукрецию к королю римлян. Как бы там ни было, даже если эти преувеличения вызывали улыбку, счастье старого понтифика трогало присутствующих.

Затем стороны перешли к делам. Эркуле д'Эсте направил в Рим двух юристов и дипломатов, Этторе Беллинджери и Джерардо Сарачени. Лукреция встретила их «мягкими и мудрыми речами». Они прибыли сюда, чтобы заставить папу в кратчайшие сроки выполнить обещанное, поскольку герцог д'Эсте решил не высылать эскорт за невестой до тех пор, пока не будет выплачено приданое, издана булла об инвеституре для будущего потомства и, наконец, пока не состоится передача Ченто и Пьеве.

Невеста, предоставившая свой дворец в распоряжение феррарских посланников, сама устроилась в Ватикане на все время переговоров. Каждый день посланцы видели ее: она сидела возле трона, принимала участие в обсуждении брачных договоров и в этой роли проявила себя как лучшая союзница своей новой семьи, поддерживая ее так усердно и настолько тонко, что Сарачени написал своему господину: «Сиятельная герцогиня уже стала замечательной ферраркой». В связи с переговорами между герцогом и его невесткой завязалась переписка, и по ней можно понять, как постоянно росло уважение Эркуле к уму Лукреции, ясности ее мысли и взвешенности суждений.

Феррарские посланники, покоренные Лукрецией, от души встали на ее защиту. Когда они узнали, что отвергнутый супруг Джованни Сфорца намеревается прибыть в Феррару во время свадьбы, они написали Эркуле:

*Поскольку Его Святейшество папа беспокоится о том, что могло бы вызвать неудовольствие Вашей Светлости и сеньора Альфонсо, равно как и герцогини, он уполномочил нас просить вас проследить за тем, чтобы синьор Джованни Сфорца из Пезаро, находящийся нынче в Мантуе, не оказался в Ферраре во время бракосочетания. Хотя развод герцогини был осуществлен по закону и имел справедливые основания, все еще сохраняется вероятность того, что его до сих пор втайне терзает злоба. Следовательно, если он окажется там, где мог бы встретить герцогиню, она будет вынуждена скрыться, чтобы избавить себя от воспоминаний о прошлом. Его Святейшество просит Вашу Светлость со свойственной вам обычной осторожностью принять меры против такой случайности* <sup>[78]</sup>.

В конце сентября Эркуле д'Эсте стал проявлять заботу о своей невестке с таким богатым приданым и отправил лично римскому папе список лиц, достойных занять место в свадебном кортеже, подчеркивая, однако, что выезд зависит от завершения переговоров.

*Сегодня, 6 числа, — писал Джерарди, — мы были у папы с письмами Вашей Милости, а также со списком приглашенных на бракосочетание. Его Святейшество счел, что все они — люди достойные и блестящие. Ваша Светлость, как известно мне из надежных источников, сумел превзойти все его ожидания. Когда мы побеседовали немного с Его Святейшеством, он велел позвать герцога Романьи и кардинала Орсини и попросил, чтобы список был зачитан еще раз; его одобрили снова, в особенности герцог, который заявил, что знает некоторых лиц, чьи имена включены туда.*

*Мы приложили все усилия к тому, чтобы получить список лиц, которые должны сопровождать герцогиню, однако он еще не готов. Его Святейшество говорит, что дам в нем немного, поскольку римлянки по натуре необщительны и не очень ловки в верховой езде. В настоящий момент при герцогине состоят пять или шесть молодых дворянок, четыре совсем юные девочки и три пожилые дамы, и они пока останутся при Ее Милости. Возможно, некоторые приедут вместе с ней. Мы сумели быстро отговорить ее, сказав, что в Ферраре она сможет выбрать себе любых придворных дам из великого множества. Герцогиня Урбино сообщила, что она прибудет с пятьюдесятью лошадьми. Свиты, предоставляемой Вашей Милостью, будет вполне достаточно, тем более что по обычаю большой кортеж отправляет жених, тогда как невеста прибывает лишь в сопровождении нескольких человек. Тем не менее я полагаю, что с ней будет не менее двухсот человек верхом. Когда в ходе нашей беседы папа узнал о том, что мы не могли добиться аудиенции у герцога Романьи, он выразил большое недовольство и сказал нам, что посланники Римини пробыли здесь два месяца и так и не смогли с ним поговорить, что он превратил ночь в день, а день — в ночь. Он весьма сожалеет, что сын ведет подобный образ жизни, и сомневается, что так он сможет удержать то, что приобрел. И напротив, он весьма похвально отозвался о сиятельной герцогине, сказав, что она осмотрительна, охотно дает аудиенции и умеет быть любезной, когда это необходимо. Он превозносит ее и уверяет, что она правила герцогством в Сполето ко всеобщему*

удовлетворению<sup>{79}</sup>.

В этой депеше отмечается странное поведение Чезаре, превратившего ночь в день, а день — в ночь. Прототип государя Макиавелли всегда любил сбивать с толку своих приближенных, однако в данном случае его поведение, вероятно, было не просто провокацией, а скорее всего следствием серьезных проблем. Для Чезаре пробил час подведения итогов и открытия истины. В то время как Лукреция благодаря замужеству приобретала официальный статус, он оставался обычным авантюристом, коему будут угождать только покуда жив его отец. Подчеркнутая холодность сестры после убийства Алонсо Бишелье не предвещала ничего хорошего, и, по иронии судьбы, будущего супруга для нее выбрал не кто иной, как он сам. От него не просто ускользала Лукреция, герцоги д'Эсте могли не поддержать его политику и отказать ему в помощи в случае агрессии со стороны Венеции.

В середине октября Лукреция одержала двойную победу. Речь шла, как мы помним, об уменьшении ежегодного ценза для Феррары с четырех тысяч дукатов до 100, чему активно сопротивлялись некоторые члены Священной коллегии. Однако герцог основал множество монастырей и церквей и, главное, построил в городе оборонительные сооружения, ставшие настоящим заслоном для Папского государства. Наконец, некоторые кардиналы, а именно кардинал Козенцы и кардинал Неаполитанский напомнили о том, что Лукреция в роли правительницы сумела проявить незаурядные деловые качества. Итак, документ Ватиканом был оформлен, действие его распространялось на период правления Эркуле и его потомков до третьего поколения. Еще один успех Лукреции заключался в том, что под ее влиянием отец подтвердил права семьи д'Эсте на владение Романте, переходящее к их будущим детям.

Оставались 100 тысяч дукатов приданого, которые должны были быть переданы «до осуществления брака» и которые осторожный Александр VI не желал переводить, не получив окончательное подтверждение тому, что его дочь принята семейством д'Эсте. Лукреция беспокоилась о том, какие речи будут произнесены во время торжеств. Кроме того, герцог д'Эсте уполномочил своих ораторов в Риме навести справки о доме Борджа. Ему был прислан следующий ответ:

*Мы не пожалели ни сил, ни времени, чтобы разыскать всевозможные документы, касающиеся сиятельного дома Борджа.*

*Хотя в итоге мы обнаружили, что в испанском краю род этот очень благороден и очень древен, мы, тем не менее, не обнаружили, чтобы предки его совершили какие-либо привлекавшие внимание поступки, поскольку в Испании и особенно в Валенсии семья эта ведет жизнь благопристойную и утонченную. Лишь начиная с Каликста и по сей день об этом роде встречаются особенные упоминания, в частности, в актах Каликста. Однако о деяниях папы знают все. Если кто-либо желает сделать это предметом обсуждения, перед ним открывается обширное поле! Словом, мы не открыли ничего такого, что не было бы уже известно {80}.*

Этот лаконичный и не слишком дипломатичный в своей откровенности ответ не лишен выразительности. По всей очевидности, сведения феррарцев исходили не от приближенных римского папы. Кто-нибудь из Поркари, к примеру, вполне мог бы дерзнуть изобразить генеалогическое древо Борджа таким образом, что арагонские короли оказались бы их прямыми предками.

Чтобы развлечь своих гостей, святой отец каждый вечер устраивал бал, и огромной его радостью было наблюдать, как дочь его танцует мавританские или итальянские танцы. Она обожала танцы и могла танцевать до изнеможения.

«Сиятельная дама еще нездорова и очень устала», — сообщают феррарцы.

«Несмотря на это, не принимая никаких лекарств, она по-прежнему занимается делами и дает аудиенции, как обычно. Между тем недомогание ее серьезно. Когда Его Святейшество будет в отсутствии, Ее Милость наконец сможет отдохнуть, что пойдет ей на пользу. Ведь по сей день каждый раз, когда она отправляется к папе, ночь проходит в танцах и играх, которые длятся до двух или трех часов, и это весьма вредит ей...» {81}

Точнее будет сказать, весьма идет ей на пользу: теперь она вновь обретала свойственное ей стремление к счастью. После убийства ее мужа, Алонсо Арагонского, она говорила, что раз Господь захотел, чтобы страдал Его Сын, значит, Ему нужно и ее страдание. Однако отныне перспектива освободиться от своей семьи и стать супругой человека, о коем у нее заранее сложилось наилучшее мнение, вызывала у нее прилив веселья, помогая избавиться от излишней набожности.

Увеселения в Ватикане не всегда были невинными. Одно из них на долгое время оказалось связано с именем Борджа.

Авторов исторических хроник того времени оно, по-видимому, ничуть не шокировало, однако со временем оно возмутит многих историков. Речь идет о бале каштанов, состоявшемся 31 октября. Праздник был организован Чезаре, который по-своему хотел устроить в честь Лукреции вечер по средиземноморским свадебным обычаям, нечто вроде шумного французского праздника. Бурхард, не получивший приглашения, описывает это увеселение с чужих слов:

*В нем приняли участие полсотни веселых девиц, вполне благовоспитанных, из тех, кого называют куртизанками и кто не принадлежит к отребью. После ужина они танцевали вместе со слугами и прочими лицами, там находившимися. Сначала они были в платьях, затем разделись донага. После окончания трапезы находившиеся на столах подсвечники с зажженными свечами были переставлены на пол, и между подсвечниками все стали бросать каштаны, которые на четвереньках собирали обнаженные куртизанки. Папа, герцог и Лукреция были там и смотрели. Наконец, были выставлены шелковые плащи, несколько пар туфель, заколки для волос и другие предметы, которые были обещаны тем, кто быстрее других сможет плотски познать как можно больше вышеупомянутых куртизанок, коих и отделявали здесь же в зале, у всех на виду. Гости, выступавшие в качестве судей, дали призы тем, кого признали победителями.*

Долгое время недотроги и святоши издавали вопли, читая этот рассказ, а панегиристы Лукреции отказываются верить в то, что она присутствовала на оргии. Они, однако, забывают о том, что подобные развлечения были вполне в духе эпохи Возрождения. Да и позднее, в XVIII веке, «Адамовы праздники», что устраивались в малом Люксембургском дворце в эпоху регентства, не так уж отличались от «бала каштанов». Лукреция, воспитанная отцом, далеким от предрассудков, к тому времени уже дважды побывавшая замужем, не была ни целомудренной молодой девушкой, ни ханжой; как и большинство ее современников, она любила прекрасное и, наверное, наслаждалась при виде резвящихся прекрасных созданий. Какие у нее были основания оскорбляться, если даже целомудренная Изабелла Гонзага, ее будущая золовка, приняла посвящение «Трактата о любви» Эквиолы, сочинения весьма скабрёзного, если Маргарита Наваррская написала не слишком пристойный «Гептамерон», а монахи и монахини читали в монастырях новеллы Боккаччо?

В начале XVI века о стыдливости и благопристойности не ведали. С

первых теплых дней горожане вставали и одевались при открытых окнах, показывая соседям интимные стороны своей частной жизни. В Германии в те же годы мужчины и женщины самого различного возраста вместе мылись в общественных банях, играя там в шахматы или утоляя голод за плавающими столами. «Каландро» кардинала Биббиены и, несколько лет спустя, «Мандрагора» Макиавелли, под которой он не осмелился поставить свое имя, *comedia sine nomine*<sup>[43]</sup>, равно как комедии Аретино, отличались фривольностью, и тем не менее прелаты, важные персоны и весьма респектабельные дамы посещали представления и сидели на них бок о бок с куртизанками.

Несколько дней спустя папа, который простудился и потихоньку выздоравливал в обществе Лукреции, находясь в несколько меланхолическом настроении, предложил дочери развлечение, распространенное в княжеских дворцах и сохранившееся до наших дней на конных заводах. Бурхард так передает эту сцену:

*В четверг 11 ноября один крестьянин вошел в город через ворота Verger Frutteto<sup>[44]</sup>, ведя двух кобыл, груженых дровами. Как только животные оказались на площади Святого Петра, примчались слуги папы, перерезали упряжь, сбросили вьюки и привели кобыл на небольшую площадь внутри дворца. После чего выпустили четырех жеребцов, на которых не было узды. Те помчались к кобылам и, толкаясь, кусаясь и лягаясь, издавая громкое ржание, вскочили на них, покрыли их, потоптали и поранили. Папа стоял в окне своей комнаты, расположенной над входом во дворец, а синьора Лукреция была рядом с ним. Оба наблюдали это зрелище, громко смеясь, они были очень довольны.*

«Cum magno risu et delectatione»<sup>[45]</sup> — эти слова еще больше приукрасили легенду о Борджа и вызовут возмущение некоторых авторов, уверявших, что, наблюдая, как жеребцы естественным образом «покрывают» кобыл, мужчины и женщины того времени испытывали неуместное возбуждение. Они были влюблены в совершенство во всех его проявлениях и потому придавали большее значение движениям великолепных жеребцов, освобожденных от сбруи.

Посланники Феррары, которым было известно об участии их будущей герцогини в этих развлечениях, сообщают герцогу следующее: «Чем больше мы изучаем синьору Лукрецию, чем внимательнее мы наблюдаем за ее делами во всех деталях, тем больше нам раскрываются ее доброта,

благопристойность, скромность и благоразумие».

Несмотря на хвалебные отклики о его невестке, задержка с переводом приданого сильно раздражала герцога Эркуле. Он поручил своим послам проверить содержимое сундуков, которое должно было равняться по стоимости приданому. Феррарцы составили точный список: драгоценности, мебель, серебряная и золотая посуда, одежда, фландрские ковры, коралловые шкатулки и т. д. Оратор Мантуи, присутствовавший на инспекции, сообщает Гонзага следующие подробности:

*Приданое состоит из следующих частей: сто тысяч дукатов наличными (выплачиваются Ферраре), серебряных изделий более чем на три тысячи дукатов, украшения, тонкое белье, драгоценные украшения для мулов и лошадей общей стоимостью еще на 100 тысяч дукатов. Среди прочего у нее всевозможных нарядов более чем на 15 тысяч дукатов и 200 сорочек, некоторые из них стоят по 100 дукатов каждая, рукав в отдельности стоит 30 дукатов — он отделан золотой бахромой и прочими украшениями в том же духе<sup>[82]</sup>.*

Хотя вся эта роскошь значительно превосходила то, что принесли в приданое Диана Сфорца, Валентина Миланская, Элизабетта Висконти или Бьянка Сфорца, когда выходила замуж за императора Максимилиана, обещанная сумма, однако, не была собрана, и каждый оставался при своем. Александр VI желал передать в руки Лукреции ее состояние, как только она прибудет к месту назначения, однако его условия были не по вкусу Эркуле, и взаимное недоверие не рассеивалось. С одной стороны, приготовления к свадебным торжествам зашли слишком далеко, чтобы отменить церемонию, с другой — герцог Феррарский заявил о своей готовности потребовать, чтобы его родные вернулись без невесты, если деньги не будут переведены до отъезда из Рима. Александр VI вспылil, порицая главу дома д'Эсте. Зная, что вспышка гнева может оказаться весьма кстати, он назвал его мошенником в присутствии послов.

Лукреция в свою очередь продолжала вести себя с необыкновенным тактом: она сумела убедить свекра в честности намерений ее отца и добилась от Ватикана, чтобы герцогской семье было пожаловано несколько епископств, в частности епископство Реджо, а также был выделен дворец в Риме для послов феррарских герцогов.

Переписка Эркуле с его ораторами показывает, как менялось его отношение к невестке, по мере того как ему становилось ясно, насколько

она сметлива и проницательна. Лукреция все так же очаровывала окружающих.

*Похоже, что герцогиня весьма осмотрительна и скорее станет заниматься текущими делами, чем развлекаться... Я нашел в ней любезную синьору, рассуждающую необыкновенно здраво. Обычно она ведет образ жизни весьма уединенный, хотя нрава она веселого и очень приветливого*<sup>[83]</sup>.

Однако и у Лукреции были основания волноваться. Эскорт, который должен был прибыть за ней, все не появлялся. Задержка эта на самом деле была делом рук императора Максимилиана, который отправил в Феррару Агостино Семенца с требованием к герцогу д'Эсте, чтобы тот не давал разрешения на отъезд в Рим феррарской свиты. Эркуле поставил в известность папу римского об императорском ультиматуме, ставшем еще одним козырем для того, чтобы добиться от Александра VI соблюдения данных им обещаний. Тогда как раз речь шла о подтверждении его герцогского титула, который Сикст IV признал за его предшественником Борсо д'Эсте, продлении прав на владение землями, полученными от Церкви, о передаче Ченто и Пьеве, ранее отданных папе кардиналом делла Ровере, кардинальском сане для советника герцога Джанлукки Кастеллини и аббатстве для дона Джулио д'Эсте.

Когда наконец все было согласовано, герцог поставил последний деликатный вопрос: кому перейдут украшения Лукреции? Во время первого замужества она получила множество прекрасных украшений, к которым добавились драгоценности, подаренные ей отцом. Подписанный в августе контракт предусматривал, что Лукреция привозит их с собой полностью и, чтобы соблюсти равновесие, она получит фамильные драгоценности д'Эсте. Теперь же Эркуле настойчиво уточнял, что если с супругой «что-нибудь случится», украшения д'Эсте и Борджа останутся в Ферраре. Употребленное им слово «marriage» тогда переводилось как «умереть», однако юристы могли приписать ему и другое значение — «совершить ошибку». Пребывая в безмятежном состоянии духа и будучи уверенным в добродетели своей дочери, Александр VI согласился добавить этот пункт к контракту.

Лукрецию больше тревожило будущее ее детей. Римский инфант, получивший всего предостаточно — папа пожаловал ему десять замков, тридцать шесть деревень и титул герцога Непи, — вызывал у нее меньше

беспокойства, чем Родриго Бишелье, который, будучи внуком короля, мог внушать опасения семейству д'Эсте, и потому вряд ли разрешат ей взять его с собой в Феррару. Если бы он жил там, в один прекрасный день у него могли появиться сторонники, что создало бы опасность для герцогства. Кроме того, у него не было права жить там, откуда происходил его род, поскольку король Федерико Неаполитанский, лишенный владений Александром VI, 25 июня 1501 года был вынужден уступить свое королевство в обмен на герцогство Менское, земли в Анжу и Нормандии, пенсион в 30 тысяч ливров и изгнание в Тур, где ему суждено было умереть в 1504 году. Иными словами, маленький принц Арагонский волей-неволей должен был оставаться в Риме под опекой Франческо Борджа, кардинала Козенцы, того самого, что держал его над купелью во время крестин. На будущее Александр VI записал за ним герцогство Сермонетта — одну из конфискованных у Каттанеи земель, перекупленную Лукрецией за 80 тысяч, к этому добавлялась ежегодная рента в 15 тысяч экю. В свою очередь 7 января 1502 года Изабелла Католическая должна была наделить полномочиями посла Испании Франсиско Рохаса, чтобы тот передал во владение Родриго герцогство Бишелье и город Куадрата. Отныне его будут звать дон Родриго Арагонский, герцог Бишелье и Сермонетты, сеньор ди Куадрата.

Лукреция считала, что многочисленные юридические предосторожности, коими она окружила свою семью, надежно защищают ее от опасности, однако она не подумала о противниках ее замужества, которые готовились пустить в ход последнее оружие. В дело вновь пошла разнузданная клевета — она содержалась в анонимном письме, датированном 25 ноября 1501 года и якобы отправленном из лагеря Гонсальво де Кордова, державшего в осаде в городе Таранто сына Федерико Неаполитанского. Предполагаемым адресатом был некий барон по имени Савелли, изгнанный из Рима и принятый при дворе Максимилиана. По мнению Бурхарда, «письмо к Савелли» было подготовлено в Германии, и автором его, вероятно, был один из Колонна. Некоторые историки узнали в нем руку императора Максимилиана. Последний действительно не сложил оружия, так как союз Эсте-Борджа был для него совершенно неприемлем. Ему нечему было бы поучиться даже у самого Макиавелли, настолько искусно он использовал хитрость, ловушки и ложь, которые обычно ставят в упрек «пурпураносной семье». В этом памфлете, отличавшемся крайней язвительностью, автор собрал всю грязь, что годами копилась вокруг имени Борджа, не пренебрегая ни инсинуациями, ни клеветой, ни наветом или оскорблениями. Бурхард

воспроизвел его год спустя в своем «Diarum». Вот наиболее примечательные места:

все, что во власти папы римского, сегодня продается: саны, почести, брачные союзы, разводы и т. д.;

Ватикан является прибежищем преступлений, убийств и грабежей. Нет никого в Риме, кто не опасался бы за свою жизнь и за жизнь близких;

чудовищный разврат поселился в городе Господа, сыновья и дочери папы погрязли в грязном разврате, инцесте и непристойностях;

подать, собираемая во всех христианских храмах для борьбы с турками, идет лишь на то, чтобы усыпать Лукрецию с головы до ног золотом и драгоценностями и собрать ей приданое;

папа разрушил часть Папского государства, чтобы дать своему сыну Чезаре возможность грабить, убивать и заниматься мародерством;

отец и сын утоляют голод преступлениями, а жажду кровью;

государи должны как можно быстрее поддержать слабеющую религию и вернуть всем справедливость и покой.

Первым автор вовлек в дело кардинала Джамбаттиста Феррари, епископа Модены, — ему первому был прислан экземпляр памфлета, и он уведомил о нем Александра VI. Папа, ничуть не беспокоившись и удостоверившись, что дочь его ни в чем не обвиняют, и не думал наказывать виновных. Чезаре был менее снисходителен. По его приказу был осужден Иеронимо Манчани, неаполитанец, распространявший пасквиль в Риме, ему отрезали кисти рук и вырвали язык. В течение двух дней он был привязан к позорному столбу, его руки были прибиты возле головы, а вырванный язык привязан к мизинцу. Месяц спустя некий венецианец Лоренцо, который переводил письмо и намеревался отправить его в Венецию, был схвачен, удушен и брошен в Тибр.

Папа порицал подобное насилие. Он сообщил Бельтрандо Костабили, оратору Феррары: «Герцог Валентинуа очень добр, однако не умеет переносить оскорбления; я неоднократно говорил ему, что Рим — свободный город, где каждый волен писать и говорить, что ему вздумается. Обо мне говорят много дурного, мне это безразлично, однако герцог в гневе ответил мне, что он хочет научить этих людей вежливости». Терпимость не исключала осторожности, и папа римский увеличил ватиканскую гвардию на восемьсот человек.

Тем не менее он никогда не придавал значения оскорблениям, он был выше их, однако это порочило его репутацию. Говоря о роли Асканио Сфорца во время вторжения Карла VIII, он заявил послу Феррары: «Я мог бы предать смерти вице-канцлера <sup>[46]</sup> и кардинала Джулиано делла Ровере,

однако я никому не хотел причинять зла и простил четырнадцать высокопоставленных лиц».

Пять дней спустя после обнародования «Письма к Савелли» Эркуле д'Эсте уведомил императорского оратора о том, что не намеревается откладывать отъезд свадебного кортежа. Тем самым он продемонстрировал, что последняя клеветническая кампания не повлияла на его решение. Его поведение было продиктовано главным образом непрерывными успехами Чезаре, который в ближайшем будущем мог стать повелителем всей Италии. Политическая мудрость и осторожность окончательно склонили герцога к союзу с Ватиканом. Врагам Борджа не оставалось ничего иного, как подчиниться.

Глава Церкви хотел, чтобы победа была более блестящей, ведь ее добивались с таким упорством. Поэтому он распорядился, чтобы феррарцев приняли с таким великолепием, какого никто и никогда прежде не видел, — всех нужно ослепить. Если Рим славился роскошью, то феррарцы считали себя людьми со вкусом, однако на этот раз следовало проявить такую расточительность, чтобы ни у кого не возникло мысли, будто хотя бы один из вступающих в брак делает это по расчету.

Герцог Эркуле поручил руководить эскортом своему младшему сыну, кардиналу Ипполито, весьма искусному в делах. В восьмилетнем возрасте он был объявлен своим дядей королем Матиашем Корвином примасом Венгрии и отправился к месту назначения вместе с королевой Беатриче Арагонской и принцем Федерико (будущим королем Неаполя), сестрой и братом его матери Элеоноры Арагонской. До пятнадцати лет он делил свое время между охотой и чтением рыцарских романов и комедий Плавта, потом он вернулся в Италию. Так Эркуле д'Эсте вновь обрел своего необычайно красивого и одаренного сына.

Ранним утром 9 декабря 1501 года феррарская кавалькада тронулась в путь под предводительством кардинала Ипполито, которому в ту пору было двадцать пять лет. Его сопровождали четыре члена герцогского дома: его братья дон Ферранте и дон Сиджизмондо, двоюродные братья Николо Мария д'Эсте, епископ Адрии, и Мелиадуччо д'Эсте, епископ Комаккьо. Самые знатные сеньоры Эмилии, офицеры, приближенные и пятьсот всадников присоединились к свите, среди них — Джанлукка Кастеллини, рассудительный советник Эркуле, Николо Корреджо — воин, поэт и гуманист, Угуччоне деи Контрари — первый барон герцогства, супруг Дианы д'Эсте, двоюродной сестры Альфонсо, поэт Эркуле Строцци и, наконец, далеко не последний человек казначей Банькавалло, хранитель драгоценностей рода д'Эсте.

Сеньоры, укутанные в одежды, подбитые мехом, выставляли напоказ массивные золотые цепи. Они сидели на великолепных лошадях, перед ними ехали тринадцать трубачей, возвещавших о их въезде в города, что должно было способствовать поддержанию порядка при движении. Тринадцать дней спустя кортеж, вымокший под зимними дождями, выпачканный в дорожной грязи, заледеневший под порывами ветра, едва дотащился до замка Монтероси, расположенного у виа Касена в тридцати километрах от Рима. Кардинал Ипполито отправил гонца к Александру VI, чтобы попросить у него дальнейших указаний, и по приказу папы кавалькада вновь тронулась в путь. Когда они доехали до моста Молле, им был подан легкий завтрак — в ожидании ватиканских церемониймейстеров, которые, будучи людьми весьма преклонного возраста, прибыли с опозданием на два часа. Общество направилось к воротам дель Пополо, где их, словно это был королевский кортеж, встретили выстроенные по обе стороны дороги четыре тысячи всадников герцога Валентинуа, одетых в красные и желтые камзолы, с вышитыми перевязями и в портупях с чеканными пряжками, со шпагами с эфесами, украшенными эмалью. У каждого из них на груди были серебряные буквы, составлявшие имя их господина. Прodelав половину пути, феррарцы были встречены сыном папы в окружении восьмидесяти воинов, вооруженных алебардами. Их одежда была только двух цветов — черного и желтого, цветов, принадлежащих папе римскому. Возле Чезаре находился посол Франции, поскольку брак заключался под покровительством его государя.

Чезаре, украшенный орденом Святого Михаила, был одет во французский костюм, сбруя его белой кобылы стоила 10 тысяч дукатов: она сплошь состояла из жемчужин, шелка и золота. Брат Лукреции и кардинал Ипполито спешили, чтобы обняться, после чего каждый продолжил путь верхом в сопровождении герцогской семьи. Ораторы Венеции и Испании, правители Рима и гости направились к Санта-Мария-дель-Пополо, где девятнадцать кардиналов в пурпурных мантиях, сидевших на традиционных мулах, поприветствовали «брата Ипполито от имени Его Святейшества». Официальные представления и речи продолжались более двух часов. Затем кавалькада тронулась в путь. Огромная толпа зевак рассыпалась по улицам, чтобы появиться вновь, сначала на Кампо деи Фьори, затем вокруг замка Святого Ангела. Горожане разместились на крышах и деревьях. Крепостные пушки гремели с высоты башен, шум и грохот взрывов был так силен, что испуганные лошади вставали на дыбы, и всадникам трудно было въехать на мост.

Александр VI, как обычно, устроился в Ватиканской лоджии, чтобы

полюбоваться своим триумфом — прибытием кортежа, символизировавшего честолюбивые устремления его семьи. Едва завидев своего сына и кардинала Ипполито, он вернулся на трон, тогда как камерарии встречали феррарцев перед базиликой. Все поднялись по шести внешним ступеням, и принцы д'Эсте были приглашены в покои *Paragallo*. Кардинал Ипполито встал на колени и поцеловал туфлю святого отца, тот поднял его и горячо расцеловал. Дон Ферранте и дон Сиджизмондо удостоились той же чести. После чего всей свите было позволено засвидетельствовать почтение папе. Толкотня была такая, что личный советник Эркуле, Джанлукка Кастеллини, был оттеснен; заметив это, секретарь папы восстановил порядок и освободил ему дорогу.

Свидетели отмечали, что Александр VI светился счастьем, казался помолодевшим, его бледное лицо временами розовело от волнения. Прибытие феррарцев, как и его коронация, состоявшаяся за девять лет до этого, останутся самыми блестящими торжествами за все время его правления. Его личный триумф стал триумфом Рима. Он говорил, пленяя и очаровывая посланников герцога Эркуле, затем благословил их и отправил к своей дочери.

Лукреция шла им навстречу по парадной лестнице под руку с Педро де Гильеном Ланколем, супругом донны Хуаны Борджа, аскетического вида стариком с пышными седыми волосами, одетым во все черное с одним-единственным украшением — цепью бургундского ордена Золотого руна. На дочери папы было платье из белой парчи с шелковыми рукавами и болеро из коричневого с фиолетовым отливом атласа, расшитого золотом, подбитое соболем на плечах; сетка, в которую были вплетены драгоценные камни, поддерживала ее прическу, на шее сверкало ожерелье из жемчужин и рубинов.

Появление этих двух столь несхожих особ: она — в наряде, излучающем свет, он — во всем темном, она — утренняя заря, он — вечерний сумрак — потрясло феррарцев. Вместо ожидаемой ими надменной злыдни перед ними предстала ангельского вида молодая женщина. Даже у кардинала Ипполито, познавшего как небо, так и ад, «глаза выскочили из орбит», как писал Иль Прете<sup>[47]</sup> Изабелле Мантуанской.

Лукреция не стала обнимать братьев мужа, а склонилась перед ними в поклоне, по французской моде. После поклонов, приветственных речей и *bellissima colazione*<sup>[48]</sup> новая родственница преподнесла им подарки: чаши, кувшины для воды, серебряные тарелки и украшения. Любезная и

сдержанная с советниками герцога и веселая с братьями Альфонсо, она чудесным образом нашла нужный тон с каждым из них. Успех «грациозной дамы» был полным. Однако протоколом был определен час их возвращения в те дворцы, где они были размещены. Д'Эсте покинули Лукрецию с сожалением: одни направились в Ватикан, другие — в Санта-Мария-ин-Портику или в Бельведер, дворяне пониже рангом разошлись по домам епископов и служащих папского двора.

В ту же ночь феррарцы отправили отчеты тем, кто их делегировал в Рим. Все воздавали должное достойному поведению Лукреции, столь естественно сочетававшемуся с ее приветливостью. Что касается кардинала Ипполито, то он написал своей сестре Изабелле Мантуанской, дав ей понять, что у нее появится опасная соперница — «бесконечно очаровательная и исполненная необыкновенной грации». Наиболее точным отчетом является свидетельство Джанлукки Кастеллини, написанное им собственноручно для герцога д'Эсте:

*Сегодня после ужина я направился к сиятельнейшей синьоре Лукреции, чтобы поклониться ей от имени Вашей Светлости и Его Милости донна Альфонсо. В связи с этим мы имели длительную беседу о различных предметах. Она проявила себя очень мудрой и очень любезной, выказала добрый нрав и почтительную преданность Вашей Светлости и дону Альфонсо. Кроме того, во всем она наделена совершенной грацией наряду со скромностью, любезностью и благопристойностью. Также она является ревностной христианкой. Завтра она идет к исповеди, а на Рождество собирается причаститься. Красота ее неоспорима, а благодаря приятным манерам и грациозности она сияет еще ярче. Словом, достоинства ее таковы, что ничего зловещего в ней нельзя заподозрить <sup>{84}</sup>.*

Это послание личного секретаря Эркуле д'Эсте исключительно важно. Отец и сын ждали его. Если бы его отзыв был неблагоприятным, они изобрели бы какой угодно предлог, чтобы разорвать соглашение. Становится совершенно ясно, что д'Эсте не доверяли Борджа до последней минуты. Что касается той фразы, где их доверенное лицо берет на себя смелость утверждать, что в поведении молодой женщины нет ничего зловещего, то она доказывает, как велики были их опасения. Два дня спустя советник Поцци и юрист Сарачени в свою очередь писали: «Чем больше мы изучаем синьору Лукрецию, тем больше нас очаровывает ее доброта,

благопристойность, скромность, тактичность. Образ жизни, который она ведет у себя дома, — это образ жизни не просто христианки, а души набожной». Необходимо также процитировать агента Феррары Бартоломео Брешани. «У нас, — писал он, — достаточно оснований, чтобы быть удовлетворенными этой сиятельной дамой, чьи нрав и манеры совершенны, а христианское милосердие побуждает ее оказывать поддержку одной кающейся грешнице, уже восемь лет живущей в Ватикане»<sup>[85]</sup>.

Сообщения от разных людей произвели на Эркуле должное впечатление, и потому он отправил эскорт в Витербо, чтобы привезти оттуда пятнадцать монахинь, одна из которых, сестра Колумба да Риети, творила чудеса и слыла святой. Герцог д'Эсте лично сопровождал их в монастырь, специально для них приготовленный, и в течение нескольких дней молился вместе с ними.

В Риме Александр VI отслужил рождественскую мессу, помогали ему принцы д'Эсте, и посол Феррары описал своему господину, что «в храме папа держался весьма величественно, словно превосходный актер, вышедший на сцену». На следующий день дочь святого отца дала прием и по окончании его веселый праздник, который она открыла под звуки флейт и скрипок вместе с доном Ферранте, своим будущим деверем.

Изабелла Мантуанская поручила Иль Прете, своему «доброму охотничьему псу», шпионить за Лукрецией, а в случае необходимости подкупить ее служанок, чтобы проникнуть в ее личные апартаменты и составить представление об убранстве ее жилища, о том, каковы ее одежды и украшения. Она получила от своего агента послание, датированное 29 декабря: «Я буду следовать за синьорой Лукрецией как тень, и там, где не увидят глаза, я буду полагаться на нюх». Однако ничего предосудительного информатор не обнаружил:

*Сиятельная госпожа бывает на людях мало, поскольку занята своим отъездом. В воскресенье вечером, в день святого Евфимия (26 декабря), я спешно направился в ее жилище. Она сидела возле постели; в углу комнаты стояло десятка два римлянок, одетых «на римский манер», с обычными покрывалами на голове. Здесь же были десять ее придворных дам. Один дворянин из Валенсии и придворная дама по имени Николь открыли танцы. После чего госпожа очень хорошо и очень изящно танцевала вместе с доном Ферранте. На ней был наряд из черного бархата с золотыми галунами и черными рукавами. Грудь ее до самой шеи прикрывала вуаль с золотыми полосами. На ней было жемчужное ожерелье, на голове —*

*зеленый головной убор и сетка, униженная рубинами. Вчера вечером кардинал ходил вместе с герцогом Чезаре и доном Ферранте прогуляться в масках по городу. В Риме с утра до вечера только и видишь что придворных в масках, поскольку после полуночи им не позволено появляться вне дома, иначе это дало бы повод к гнусным делам* <sup>[86]</sup>.

Агент Изабеллы скромно умолчал о том, сколько молодых сердец разбил здесь ее брат кардинал Ипполито: римлянки никем так не восторгались, как им. Обожая их, он обещал им вечную любовь на два дня и держал слово, так как боялся скуки. После чего Иль Прете заключает свое письмо следующим дерзким советом: «Дочь нашего папы — дама очень умная, в ее присутствии вам понадобится немалая изобретательность. По правде говоря, я считаю ее личностью замечательной».

Роскошь празднеств, элегантность и богатство нарядов превратили свадьбу Лукреции в одно из наиболее блестящих событий эпохи Возрождения. Хотя по доверенности брак был заключен четырьмя месяцами ранее, Александр VI придавал большое значение тому, чтобы этот формальный акт был повторен в Риме — с произнесением слов «Vis volo» <sup>[49]</sup> и обменом кольцами. 30 декабря вечером феррарцы прибыли к своей будущей государыне, чтобы отправиться вместе с ней в Ватикан. Молодая женщина вышла в сопровождении дона Ферранте и дона Сиджизмондо, которые держали ее за руки, в то время как дети несли ее шлейф, а за ними следовали шестнадцать придворных дам и пятьдесят римлянок с гирляндами из мирта, символизирующего любовь и славу, и, наконец, сто пажей, одетых в сукно, расшитое золотом, и размахивавших двусторонним знаменем д'Эсте-Борджа.

При свете факелов Лукреция появилась в соборе Святого Петра, где хор музыкантов запел свадебный гимн. Ее платье из ярко-красного атласа затмило наряды, в которых выходили замуж Изабелла д'Эсте и Бьянка Сфорца. Ее волосы, перевитые золотыми нитями, стянутые черной лентой, жемчуг с изумрудным кулоном на шее еще больше подчеркивали ее совершенное очарование Bellissima <sup>[50]</sup>. Римский народ, собравшийся поприветствовать ее на всем пути следования процессии, был готов поверить, что перед ним видение. Два гиганта, ее девери, шли рядом с ней, словно ангелы-хранители. Кортёж прибыл в зал Salle Pantine, где его ждал Александр VI с Чезаре в окружении тринадцати кардиналов, представителей итальянских государств и всех иностранных послов, за

исключением оратора Германии. Как только они прибыли, Николо д'Эсте, епископ Адрии, завел такую длинную речь, что папа попросил сократить ее и произнести обычную формулу: «Сиятельная дама Лукреция, дон Альфонсо по доброй воле шлет вам обручальное кольцо, которое я предлагаю вам от его имени». — «Я принимаю его по доброй воле». Дон Ферранте взял кольцо и надел его на палец своей невестке, пока нотариус оформлял акт, а вперед продвигался Ипполито, высокий и статный, с блестящими длинными волосами, затянутый в пурпурное одеяние, более вычурное, чем полагалось кардиналу. За ним шел Джованни Дзилио, несший свадебные подарки жениха. Кардинал взял слово, избегая какого бы то ни было намека на подарки, и вручил их с таким изяществом, что Александр VI это высоко оценил.

Когда была открыта шкатулка, драгоценности перешли из рук казначея в руки папы, а затем в руки Лукреции. Кардинал Антониотто Паллавичини определил на глаз их стоимость — около 70 тысяч дукатов: головной убор в форме берета, украшенный шестнадцатью бриллиантами, шестнадцатью рубинами и ста пятьюдесятью жемчужинами, четыре кольца из драгоценных камней, ранее принадлежавшие Элеоноре Арагонской, восемь золотых цепочек самой тонкой работы, четыре пары четок и еще одна шапочка, усыпанная драгоценностями. Наступил черед Лукреции (благодарить. Она выразила свое удовлетворение «тем, как отделаны и с каким мастерством оправлены камни», отметив тем самым, что она восхищалась сокровищами скорее как произведениями искусства, чем как дорогими вещами. Кардиналы и послы вручили свои подарки: одни с удовольствием, другие — из страха перед Чезаре. В списке подарков следует отметить, что кое-что принесли слуги и служанки Лукреции — деталь, свидетельствующая о той симпатии, которую вызывала дочь папы у людей, находившихся у нее на службе.

Все направились в покои Попугая, где папа занял место на троне, по левую руку от него находились д'Эсте, по правую — его дочь, сидевшая на подушке. «Он попросил синьору Лукрецию, — пишет Иль Прете, — потанцевать с молодой дамой из Валенсии, что она сделала с превеликим очарованием, и в разгар веселья ее волосы выбились из-под сетки и заструились по плечам».

На следующий день карнавалом отметили начало 1502 года. Кортёж из тринадцати колесниц, символизировавших тринадцать кварталов города, перед которым несли флаги Рима, шли хористы и музыканты, тронулся с площади Навона, направляясь в Ватикан. К герцогу Феррарскому было деликатно проявлено внимание: на первой из колесниц изображалось

прославление Геркулеса и напоминалось о Геркулесе Капитолийском. Александру VI, как и всем римским папам эпохи Возрождения, явно были по душе торжества, позволявшие ему купаться в лучах славы Римской империи и античных мифологических героев.

Шествие продлилось четыре часа. После полудня начались празднества, участники свадебного шествия и гости вручали призы победителям в беге. На следующий день наступила очередь испанцев устроить корриду на площади Святого Петра, где был сооружен амфитеатр. Чезаре вышел на арену в платье из золотистого сукна в сопровождении восьми матадоров, вооруженных пиками. С необыкновенным мастерством он воткнул в шею быка бандерильи, затем поразил его одним ударом шпаги. Затем он велел привести для себя еще одного быка, выдержал его яростный натиск и сумел нанести ему смертельный удар. После чего он уступил арену матадорам.

Вечером в апартаментах папы актеры сыграли «Менехмов» Плавта, произведение, которое уже ставилось по случаю первого брака Лукреции с сеньором Пезаро. Оплошности, путаница, недоразумения, вольные речи, игривая и чувственная мимика актеров заставили публику смеяться до слез. Вечер окончился представлением «Сетований Ромула и Рема», где показывалось, какой ущерб причинял им Александр-Юпитер, отбирая у них синьору Лукрецию, чтобы отдать ее в Феррару.

Начиная с 31 декабря казначеи Эркуле готовились пересчитывать деньги, которые должны были передать им казначеи Ватикана. Кастеллини наблюдал за операциями. Возможно, по забывчивости, случайной или намеренной, не было уточнено, что в Ферраре имели хождение монеты *larghi*<sup>[51]</sup>, а не те, что были подготовлены для приданого; поскольку вес их не был одинаковым, стоимость их значительно различалась. Во всяком случае, Александр VI не признал этого различия и отказался выплатить пеню. Разразилась ссора. И это еще раз доказывает, что папа и герцог преследовали лишь собственные интересы и что единственной их заботой было сделать этот союз максимально выгодным, прикрываясь показной дружбой. Даже находя, что Лукреция великолепна, феррарцы все равно приняли бы ее только с королевским приданым. В конце концов под давлением Кастеллини Александр VI пообещал навести порядок, однако доверенное лицо Эркуле пришлось к заключению: «Я полагаю, что он не заплатит в дукатах *larghi*!»

Так, пока комедии, балеты, мавританские танцы сменяли друг друга в ярко освещенных дворцах, 1 января в присутствии свидетелей, выбранных

обеими сторонами, казначеи начали строить колонны из монет, переходивших из римских сундуков в сундуки феррарские. Неожиданно один из казначеев, вытащив монету «плохого веса», резко прервал передачу. Недоверие еще больше усилилось. Счетоводы дома д'Эсте решили впредь работать не спеша и при дневном свете, а не при свете факелов в подвалах Ватикана. Выплата приданого, как видим, в конце концов определила ход сделки. В самом деле, только после подведения итогов Лукреция сможет наконец отправиться к мужу. 5 января вечером феррарцы заперли сундуки и опечатали их.

День 6 января 1502 года был окутан мглой. После продержавшейся несколько недель мягкой погоды неожиданно подул северный ветер и начался снегопад, к счастью, не настолько сильный, чтобы откладывать отъезд. На заре Лукреция в последний раз позавтракала в обществе Родриго. Затем вместе с сыном и прибывшим за ней доном Ферранте она отправилась в Ватикан на мессу, которую служил папа. По окончании службы Александр VI и его дочь направились в покои Попугая, где камерарии закрыли за ними двери, оставив наедине. По истечении часа в покои пригласили кардинала Ипполито, дона Ферранте, дона Сиджизмондо и знатных особ. Папа громко обратился к дочери по-итальянски, чтобы все его поняли: «Отправляйтесь с миром, свободно обращайтесь ко мне с просьбами, я сделаю для вас гораздо больше, когда вы будете в Ферраре, чем когда вы находились в Риме»<sup>[87]</sup>. Эти уверения в том, что он не оставит ее без своего покровительства, весьма напоминали предостережение, адресованное семье д'Эсте. В минуту расставания со слезами на глазах, в порыве нежности, еще более глубокой от предчувствия, что жить ему остается недолго, Александр VI попросил Джанлукку Каstellини, чтобы тот посоветовал Альфонсо окружать свою супругу лишь безупречными дамами и кавалерами. Возможно, то был язвительный намек на Ипполито, который во время своего пребывания в Риме вместе с Чезаре проводил все ночи у куртизанок.

В полдень Лукреция получила отцовское благословение и, охваченная волнением, прижала к сердцу маленького Родриго, с трудом поворачивавшегося в своей сбруе: чтобы у детей не было искривления костей, многим из них привязывали нечто вроде подпорки, заставлявшей их держаться прямо.

Эскорт, насчитывавший более тысячи человек, продрогший под порывами северного ветра, молча ожидал их. Небо было свинцовым, конюхам пришлось зажечь факелы, трещавшие под налетающими

снежными хлопьями, из лошадиных ноздрей шел влажный пар. В сером январском свете показалась Лукреция в сопровождении дона Ферранте, дона Сиджизмондо и кардинала-легата Франческо Борджа.

Подобно яркому пламени ее восхитительные волосы, выбивавшиеся из-под шляпы с перьями, рассыпались сверкающими локонами по плащу из красного шелка, подбитому горностаем, ее появление на ступеньках храма Святого Петра сопровождалось грохотом барабанов и звоном металлических тарелок. Двести всадников, несущих изображения герба Борджа, орла д'Эсте и ватиканских ключей, окружили молодую женщину, за ними последовали представители Людовика XII и Ива д'Алегра, послы и епископы (папа потребовал от каждого из них предоставить для процессии по две лошади и два мула, которые потом не были им возвращены), четыре представителя Рима, уполномоченных присутствовать в Ферраре на торжествах, — Стефано дель Буфало, Антонио Паолуццо, Джакомо Франджипане, Доменико Массини, — и, наконец, представители римской знати — Франческо Колонна да Палестрина и Джулиано, граф д'Ангуиллара, а также капитан дон Джулиано Раймондо Борджа и еще восемь сеньоров. К ним добавились сто восемьдесят человек, состоящих при Лукреции, в том числе Анджела Борджа, «*damigella elegantissima*»<sup>[52]</sup>, чью благосклонность уже оспаривали три брата Альфонсо, донна Иеронима, ее сестра, супруга Фабио Орсини, и Адриана, вновь выступавшая в роли дуэньи. Вслед за группой музыкантов, обязанностью которых было развлекать общество, шествие замыкала интендантская служба — она должна была следить за ста пятьюдесятью крытыми повозками, запряженными мулами в бархатных попонах цветов Ватикана, и за великолепными носилками, сделанными по французской моде, подаренными папой. В них должны были разместиться его дочь и герцогиня Урбинская во время встречи.

Тридцать трубачей дали сигнал к отъезду. Лукреция опустила на колени, чтобы получить последнее благословение, данное ей с Ватиканской лоджии. Паж помог ей взобраться на белого иноходца с золотой уздечкой. С высоты галереи глава Церкви наблюдал, как удаляется герцогиня д'Эсте, крохотная красная точка исчезала за дымкой снегопада. Кавалькаду также скрыла белая пелена. Папа, стоя неподвижно и вслушиваясь, различал лишь приглушенный шум удаляющегося кортежа. На берегах Тибра, от площади Пополо до моста Мульвия, Чезаре выстроил своих людей. На виа Фламиния собрались кардиналы, послы и магистраты Рима, чтобы попрощаться с той, что была для них не только очарованием и украшением ватиканских празднеств, но и жертвой политических игр отца и брата.

Хрупкость, грация и ум Лукреции долгое время служили величию дома Борджа. «Рим был моей темницей», — скажет она впоследствии. Чезаре был ее тюремщиком. Это время прошло.

## Глава XIII

### Долгое путешествие в неизвестность

Едва городские ворота остались позади, как туман рассеялся. Несмотря на холод, сияло солнце, и под его лучами деревья сверкали, как хрустальные.

На протяжении всего путешествия слышались лишь приветственные и восхищенные возгласы, горожане, как и крестьяне, отталкивали друг друга, лишь бы увидеть героиню дня. В центре яркого шествия выделялась блистательная Лукреция. Перед столь фантастической картиной самые очерствелые души приходили в волнение. Наступал вечер, и в очередном городе, где останавливался кортеж, зажигались триумфальные арки.

К концу первого дня, проехав двадцать пять километров, путешественники увидели вдали возвышавшиеся на холме крепостные стены и башни Каstell Нувово ди Порто. Здесь они остановились, чтобы на следующий день продолжить путь в сторону Непи. 28 декабря Александр VI направил приорам этого города папскую грамоту с безапелляционными требованиями: «Благородная дама синьора Лукреция Борджа должна выехать в ближайший понедельник, направляясь к дорожному старшему сыну герцога Феррары, благородному Альфонсо, своему супругу, в сопровождении большого кортежа из особ знатного сословия; к вам направляются двести всадников, и во избежание нашего недовольства мы предписываем вам достойно принять их на день и две ночи, и пусть они проведут у вас время так, чтобы благодаря вашему рвению о вас осталась хорошая память, и мы за то заслуженно вас вознаградим»<sup>{88}</sup>.

В течение почти месяца каждый вечер Лукреция будет совершать один и тот же ритуал у камина своего нового очередного пристанища: раздеваться, быстро приводить себя в порядок, надевать парадное платье, выбирать драгоценности в зависимости от значимости города или поселения, выслушивать комплименты и пожелания, отвечать на них и в благодарность раздавать подарки. Каждую ночь в новой постели она будет погружаться в тяжелую полудрему и каждое утро представлять перед своим окружением с безмятежным лицом.

Миновав Непи, кавалькада пересекает плато, окруженное лощинами, огибает белеющую под снегом гору Сократа, воспетую Горацием и Вергилием, и входит в Чивитакастеллану, откуда направляется в Сполето.

Холод ли тому причиной или спартанский рацион, только все чаще слышатся резкие голоса и вспыхивают перепалки между римлянами, феррарцами и испанцами. Сельские пейзажи, возвышенности Нарни, засаженные оливковыми рощами, и прозрачная Нера, протекающая у их ног, не способствуют их умиротворению. За ужином Джанлука Каstellини пытается отвлечь внимание, рассказывая о том, что древнее умбрийское поселение Нарни было родиной императора Нервы и что в Терни, в тринадцати километрах от него, родился Тацит. Надменность римлян, чувство интеллектуального превосходства феррарцев и мрачное мировосприятие испанцев сталкиваются, начинаются ссоры. Кардинал Франческо Борджа вынужден просить Лукрецию прийти и утихомирить всех. Своей очаровательной невозмутимостью она обезоруживает смутьянов и словно всех околдовывает.

С приездом в Сполето установился покой. Местные жители, помнящие о том, как Лукреция, тогда еще герцогиня Бишелье, успешно управляла их городом и была к ним добра, стремились выразить ей свою признательность. Почетная гостья вновь поселилась в своем прежнем дворце, Рокка, и ее окружили воспоминания о счастливых часах, проведенных здесь с Алонсо. Она осталась в своей комнате, тогда как дамы из ее свиты отправились танцевать до зари. В эти холодные ночи жарко пылали сердца и тела. Начинали бродить всевозможные слухи: говорили, что Иеронима Борджа, супруга Фабио Орсини, поражена неаполитанской болезнью, утверждали, что ее пятнадцатилетней сестре Анджели, как и Катарине Валенсийской, прохода не дают братья д'Эсте — дон Ферранте и дон Сиджизмондо. В конце концов Лукреция собрала своих придворных дам и настойчиво попросила их как можно решительнее отвергать знаки внимания кавалеров и брать пример с Катеринеллы, ее молоденькой негритянки, «столь же приветливой, сколь добродетельной», о которой Иль Прете сказал, что она «редкая, самая волнующая птичка из когда-либо виденных».

Усталые путешественники продолжали движение в направлении Фолиньо. Повозки были плохо приспособлены к тряске на разбитых дорогах, несколько осей уже сломалось. А Лукреция, несмотря на опоздание, отказывалась ехать быстрее. Зная о своем хрупком здоровье и решив предстать перед супругом во всем великолепии, она сильно беспокоилась о свежести своего лица и красоте кожи. Сразу же по прибытии в Фолиньо, во дворец Тринчи, ее служанки занялись ее лицом и волосами. По словам донна Ферранте, результат был превосходным. Он писал Изабелле Мантуанской:

Вчера мы — она и я — открыли праздник, и я никогда еще не видел ее столь красивой. Волосы ее еще сильнее отливали золотом, чем обычно. Похоже, следует мыть их очень часто, чтобы сохранить их цвет, их необыкновенный светлый цвет. В платье из черного бархата она казалась еще более тоненькой, еще более очаровательной. На голове у нее была маленькая золотая шапочка, которую с трудом можно было различить на ее золотых волосах. На лбу ее блистал огромный сапфир, подходивший к цвету ее глаз. Ее испанские карлики — существа весьма забавные. Они танцуют вместе с ней, повсюду за ней следуют, что еще больше привлекает внимание к ее красоте. Они тщеславны и любят разгуливать в богатых одеждах, гармонирующих с одеждой их хозяйки. Они позволяют себе непристойные жесты и грубые шутки, в том числе и по отношению к ней. Никого это не возмущает. Римские нравы не схожи с мантуанскими. Что бы ты сказала, если бы твои карлики не давали тебе покоя своими насмешками в танцевальном зале? Лукреция переносит эти шутки, сохраняя прекрасное чувство юмора. Кроме того, она повеселела с тех пор, как мы покинули Сполето, где она казалась мрачной<sup>[89]</sup>.

На следующий день папский легат показал дочери папы первые произведения, напечатанные в Фолиньо тридцать два года тому назад: «De bello italico adversus Gothos»<sup>[53]</sup> Леонардо Аретино и первое издание «Божественной комедии». На рассвете кортеж вновь отправился в путь, проехал Ночеру, Ульбрию и Гвальдо Тадино, покинул пределы Папского государства и въехал на территорию Урбинского герцогства. В этом маленьком городке, над которым возвышалась Рокка Флеа, построенная императором Фридрихом III, кардинал Козенцы расстался со своей племянницей. Он должен был вернуться в Рим, где его ждали два сына Лукреции. В минуту расставания она не смогла сдержать слез. В последний раз она видела прекрасное и мудрое лицо этого человека, всегда проявлявшего к ней сострадание и оказывавшего поддержку.

На следующий день Лукреции предстояло испытание: встреча с первой дамой Италии Элизабеттой Гонзага, герцогиней Урбинской, дочерью маркиза Мантуанского Федерико Гонзага. Ее муж Гвидубальдо Монтефельтро, третий герцог Урбино, был сыном Федерико Монтефельтро и Баттисты Сфорца, чьи великолепные портреты кисти Пьеро делла Франческа по сей день можно увидеть в Уффици во Флоренции. Бок о бок со своим супругом Элизабетта управляла герцогством с необыкновенной

мудростью. Гармоничный союз, царивший между домами Гонзага и Монтефельтро, избавил их от применения насилия. Владыки Мантуи и Урбино — редчайший факт для той эпохи — не были причастны к тайным убийствам.

Папа не скрыл от своей дочери, какое тяжкое оскорбление он нанес Гвидубальдо, мужу Элизабетты, вынудив его служить самому несведущему и тщеславному из Борджа — Хуану Гандийскому. Подчинившийся папе против своей воли, герцог Урбинский был ранен и попал в руки Орсини, которые заключили его в сырую и мрачную темницу. Элизабетта немедленно попросила папу заплатить выкуп, однако, встретив отказ, была вынуждена влезть в огромные долги, чтобы добиться его освобождения. Когда муж вернулся, она его не узнала: он состарился раньше времени и потерял здоровье.

Лукреция знала, что Элизабетта никогда не простит этого Борджа, что она должна добиться если не дружбы, то хотя бы снисходительного отношения к себе урбинских правителей. Лукреции предстояла встреча с женщиной, чьи ум и доброта были гордостью эпохи. Ситуацию осложняло то, что у Элизабетты была сестра Магдалена, умершая в родах, которая была первой женой Джованни Сфорца.

16 января, когда путешественники приблизились к Губио, Лукреция увидела, что навстречу им движется процессия. Элизабетта Урбинская в сопровождении своей родственницы Эмилии Пиа, вдовы Антонио Монтефельтро, близкого родственника Гвидубальдо, подъехала к ней, «они пожали друг другу руки и расцеловались», — констатирует Иль Прете. «Как только их милости засвидетельствовали друг другу взаимное расположение», — рассказывает Джанлукка Каstellини, кортеж тронулся в путь, поднялся по склонам горы Иниго, где святой Франциск Ассизский приручил легендарного волка, наводившего страх на всю округу, и въехал в небольшой укрепленный городок Губио. По крутым улочкам Элизабетта и ее гостя добрались до герцогского дворца, построенного в 1479 году предшествовавшим герцогом и напоминавшего урбинский дворец. Было ли то знаком внимания или же политической уловкой, но «чтобы предоставить место герцогине Феррарской», Элизабетта и ее свита провели ночь на загородной вилле. Как бы там ни было, Элизабетта надеялась положить конец агрессивным выпадам Чезаре Борджа, которому не терпелось выкроить себе королевство между Романьей и Папским государством, с Урбинским герцогством в центре.

Утром 17 января Лукреция пригласила хозяйку в свои золоченые «французские» носилки, приготовленные ее отцом для перехода между

Губио и Урбино. Заботясь о их удобстве, Александр VI стремился к тому, чтобы, удалившись от официальности в этом переносном алькове, они захотели побеседовать на личные или литературные темы, что могло бы положить начало их взаимопониманию. У обеих женщин были общие друзья — поэты и гуманисты, такие, как недавно умерший Серафино Аквилано, Винченцо Кальмета или Бернардино Акколти. Расчет папы отчасти оказался верным, поскольку Элизабетта поделилась со своей невесткой Изабеллой Мантуанской изумлением, охватившим ее при виде поэтической красоты Лукреции, которая «кажется, сошла с миниатюры и излучает особый свет, присущий людям, познавшим глубокое страдание и сумевшим возвыситься над ним».

К концу дня по крутой горной дороге свадебный кортеж с трудом добрался до города Кальи. Радость простого народа заставила римлян и феррарцев позабыть о суровости края. На следующий день Лукрецию приветствовали деревенские жители, они пропели ей утреннюю серенаду под окнами крепостной башни. Затем кавалькада отправилась в путь, и на исходе дня, когда до Урбино оставалось не более двух километров, Гвидубальдо выехал им навстречу. Лукреция встречала его раньше в Риме, еще до страшного похода ее брата, герцога Гандийского, на Орсини, однако теперь было не до прошлого, и после взаимных приветствий кавалькада въехала в «город садов» с мощеными улицами, которые вели к одному из самых прекрасных дворцов Италии — не по величине и не по роскоши, а по совершенству архитектурных форм.

И снова Элизабетта и ее супруг, предоставив дом своей гостье, сами перебрались во дворец Урбании. Лукреция занимала их апартаменты, где три лоджии были украшены элегантными карнизами, а залы, украшенные античными статуями, соседствовали с помещениями, где были размещены произведения крупнейших современных художников: Пьеро делла Франческа, Мелоццо да Форли, Паоло Учелло. На столах лежали музыкальные инструменты, манускрипты в переплетах, окантованных золотом и серебром. Дом и его хозяева так подходили друг другу, а обмен мыслями с Элизабеттой и ее приближенными в наступившей ночи оказался таким приятным, что Лукреция была в восхищении.

*Я не думаю, — говорит Кастильоне, — что где-либо еще можно вкушать сладость общения с такими возвышенными душами; казалось, что всех нас связывает друг с другом цепь любви, и связывает так крепко, что даже между братьями нет большего согласия и сердечной привязанности, что существуют между нами. Так же и с дамами:*

общение с ними было необыкновенно свободно и совершенно пристойно, поскольку каждый волен был подсаживаться к кому хотел, и говорить, смеяться, шутить с тем, с кем ему было угодно. Однако именно то, что мы были свободны, само по себе сдерживало нас, так велико было уважение к герцогине. Для каждого самой большой радостью в мире было понравиться ей и самым большим несчастьем — вызвать у нее неприязнь <sup>{90}</sup>.

На дочь Александра VI произвели такое впечатление «музыка и веселье, царившие в этом доме, который можно было назвать прибежищем радости», что впоследствии она задалась целью воссоздать в Ферраре ту же картину повседневной жизни и ввести в обиход тот же непринужденный и жизнерадостный, всегда благожелательный тон общения, какой был в Урбино. До сих пор Лукреция не встречала таких людей. Эти двое — натуры исключительные, они закалились в жизненных испытаниях и были необыкновенно внимательны друг к другу.

Когда в 1488 году в семнадцать лет Гвидубальдо женился на Элизабетте, он правил настоящей Аркадией. Казалось, жизнь улыбается молодой, красивой и благородной паре, однако девять лет спустя после его возвращения из плена все рухнуло. Герцог страдал импотенцией и был поражен подагрой, которая не только изуродовала «одно из самых прекрасных тел в мире», но и парализовала его. Это вынудило Гвидубальдо оставить пост кондотьера и постоянно жить возле супруги, начавшей собирать при их дворе круг гуманистов.

20 января путешественники тронулись в путь к Пезаро. Герцогиня Феррарская испытывала определенные опасения, вступая на территорию своего первого королевства. Она знала, что Джованни Сфорца по-прежнему кипел при одном воспоминании о ней и о Чезаре, его изгнавшем. Сидя в закрытых парчово-золотых носилках, она старалась скрыть свои чувства, как того требовали обстоятельства. Однако когда возле городских ворот сотня ребятишек в одежде цветов Валентинуа, размахивая оливковыми ветвями, закричала: «Duchessa, duchessa!»<sup>[54]</sup>, она не смогла удержать улыбку. В эту ночь она не показывалась на публике. Ее разумное поведение было продиктовано стремлением соблюсти приличия и избежать кривотолков, и вот что Поцци сообщает герцогу Эркуле 22 января: «Она все время находилась в своей комнате, чтобы заняться уходом за своим лицом и из естественной склонности к уединению и покою».

На следующий день по живописной дороге, протянувшейся вдоль

Адриатического моря, кавалькада направилась к Римини, городу, лишь недавно подчинившемуся Чезаре. Его последний правитель Пандольфо Малатеста, презиравший своими подданными и свергнутый с престола герцогом Валентинуа, трижды тщетно пытался его отвоевать. Лукрецию с ее свитой разместили во дворце Сиджизмондо Малатесты, где в ее честь были устроены торжества. Феррарцы, знавшие толк в элегантности, отметили ее платье из черного бархата, с вышивкой в форме стрел, составлявших буквы Х. Под грудью платье было повязано поясом из белого шелка. В своей депеше, адресованной сестре Изабелле, дон Ферранте посвящает этому изысканному туалету лирический комментарий. Даже шуты в тот вечер танцевали бранль с криками: «Восхищайтесь благородной дамой, как она красива, как она дивно танцует, любуйтесь величием Борджа!»

Но вскоре до маленького странствующего двора донесли очень тревожные слухи. Говорили, что Джанбаттиста Караччоло, капитан Венецианской республики, хочет отомстить Чезаре за то, что тот похитил его супругу Доротею. Он намеревается, в свою очередь, похитить сестру виновника его бед. Горожане, в окружении солдат гарнизона, запасаются оружием и направляются проверить порты Червиа и Католика. Они не замечают ничего необычного, все вокруг кажется спокойным. Однако, несмотря на то, что люди Чезаре железной рукой наводят порядок в Романье, известно, что дороги наводнены бандами разбойников. Поэтому 23 января дон Ферранте уточняет в письме к своему отцу, что отныне под видом почетного эскорта герцогиню д'Эсте будут сопровождать тысяча пехотинцев и сто пятьдесят всадников.

Два дня спустя кортеж прибыл в Форли по старинной виа Эмилия, затем — в Фаэнцу и Имолу. По договоренности с герцогиней Урбинской Лукреция решила провести там один день, чтобы «не приехать в Феррару разбитой и усталой, чтобы вымыть голову, чего она не могла сделать уже целую неделю», — сообщает Ферранте герцогу Эркуле.

Заверяя свекра в своей покорности, Лукреция объясняет ему причины остановки и говорит, что перенос ее торжественного въезда на 2 февраля — праздник Сретения Господня — позволит ей начать новую жизнь под покровительством Пресвятой Девы. Эркуле д'Эсте остается лишь согласиться с такими доводами.

Несмотря на бесконечные снегопады, постоянно затрудняющие передвижение, кавалькада вновь трогается с места и направляется в сторону Болоньи. Для рода Бентивольо, здешних правителей, которые имели неосторожность присоединиться к противникам Ватикана, альянс

Борджа и д'Эсте — суровое предостережение. Далеко идущие планы Святого престола и опасные сети, которые Чезаре расставляет в Романье, тревожат их. Однако вслед за Монтефельтро они не жалеют средств, чтобы роскошно и пышно принять Лукрецию. 28 января болонцы держали в руках не аркебузы, а оливковые ветви. У ворот Стефано засвидетельствовал свое почтение герцогине Джованни Бентивольо. Крепостные стены остались позади, и она въехала в город, настоящий лес из башен, символ соперничества аристократических семейств, озабоченных своими престижем и безопасностью.

Джиневра Сфорца, супруга сеньора Бентивольо и двоюродная сестра Джованни Сфорца, ненавидела Борджа, однако политические интересы важнее семейных дел, поэтому она встретила Лукрецию на пороге дворца короля Энцо. Здание, в котором разместили герцогиню Феррарскую, было построено в 1249 году и в свое время служило тюрьмой сыну императора Фридриха II Гогенштауфена, короля-поэта, побежденного гвельфами, в течение четверти века утешавшегося любовью красавицы Лучии Вендаголи — прародительницы Бентивольо.

На следующий день Джованни Бентивольо (его портретом до сих пор можно любоваться на запрестольном образе «Мадонны на троне» в церкви Сан-Джакомо-Маджоре), гордившийся тем, что владеет самым старым в Европе университетом, где уже в XIII веке обучалось около десяти тысяч студентов, показал своей гостье библиотеки и аудитории, где преподавали философию, право, теологию. Самым удивительным было то, что в этом ученом городе преподавали женщины, и среди них Новелла д'Андреа, которая, как рассказывают, читая лекции, пряталась за занавеску, чтобы не отвлекать студентов своей красотой.

Вечером во дворце Бевилаква было устроено пиршество. Семье, три дня тому назад встретившей сестру Чезаре скрепя сердце, теперь не хотелось с ней расставаться.

Едва только рассвело, Каstellини подал сигнал к отъезду, и при свете факелов часть свиты выехала в Феррару, в то время как ограниченный эскорт сопровождал герцогинь. Две молодые женщины, защищенные от влажности и холода длинными атласными плащами на куньем меху, молча ехали в сторону канала и небольшого судна, которое к концу дня должно было доставить их в Domus Iucunditatis <sup>[55]</sup> по водному пути (в то время он связывал Болонью и По); сто человек всю ночь раскалывали лед, чтобы пробить дорогу кораблю.

Вечером Аннибал Бентивольо принимал новую родственницу на самой прекрасной своей вилле, справедливо названной «домом счастья».

Все здесь было розовым, солнечным и небесно-голубым, по стенам струились фрески, изображавшие цветочные гирлянды, чередовавшиеся с семейными гербами и девизами: «Ради любви я готов на любые страдания». Пажи, одетые в лазурные одежды, преподнесли дамам вино, ароматизированное корицей. Тепло очага, где медленно сгорали огромные поленья, постепенно погружало Лукрецию в блаженное состояние. А на следующий день ей предстоял въезд в Феррару.

Стремясь произвести наиболее благоприятное впечатление на князей д'Эсте, она решила лечь спать рано и простилась со своими приближенными. Только Анджела, Иеронима и ее горничная последовали за ней, чтобы совершить обычный ритуал ухода за ее волосами, затем помогли ей устроиться спиной к огню, подложив ей под ноги подушки, распустив по ее плечам, по спинке и подлокотникам кресла светлые пряди, окутывавшие ее подобно золотой мантии и достигающие до земли. Тепло от «горящего вина» и от жарко пылающего очага разлилось по ее телу и погрузило в сон.

Внезапно цоканье подков, возвещавшее о прибытии всадников, заставило вздрогнуть ее родственниц. Послышались крики. Дверь открылась, и появился дон Ферранте в сопровождении еще одного мужчины, который решительным жестом потребовал тишины. Оба медленно направились к камину, в то время как Анджела и Иеронима бросились вперед, готовые защитить двоюродную сестру. Однако незнакомец, хотя манеры выдавали в нем воина, не походил на мстителя.

Его странное поведение, скорее, озадачило их. Сняв шляпу, он несколько раз провел рукою по лбу, словно желая удостовериться, что он не грезит. Он медленно подошел к креслу и с любопытством и восхищением стал разглядывать спящую красавицу, без прикрас и без притворства, ту, с которой ему предстояло разделить жизнь, которая даст ему детей, ту, которая подарит ему счастье.

Альфонсо пренебрег протоколом, ему не терпелось застать молодую жену в тот час, когда она останется одна: ведь до него доходили весьма противоречивые слухи о ней. Посланники его отца пели ей дифирамбы, но все Сфорца, Арагоны и его сестра Изабелла уверяли его в том, что он порочит себя этим союзом. Какой стала юная девушка, с которой он познакомился восемь лет назад, когда она выходила замуж за Джованни Сфорца? Какова теперь эта женщина? Опыт первого брака сделал Альфонсо осмотрительным и оставил в душе горький осадок: Анна Сфорца, его первая супруга, крупная, грубоватая особа, была начисто лишена женственности, одевалась, как мужчина, любила женщин,

отказывала мужу и проводила ночи со своей маленькой черной рабыней.

Полгода он пребывал в тревоге, окончившейся для него так счастливо. Брат Ипполито его не обманул. В потоке золотых волос он сначала различил лицо лилейного цвета, стал разглядывать — лоб слоновой кости, тонкий росчерк бровей, голубоватые веки, нежную, чуть выпуклую линию щек, прямой нос, чуть приоткрытые алые губки, белоснежную шею, маленькую, изящной формы грудь, вытянутые кисти рук с удлинёнными пальцами, словно созданными, чтобы покоиться на подлокотниках кресла.

Когда молодая женщина очнулась ото сна, она удивилась и обрадовалась, увидев окаменевшего Альфонсо. Он опустился на колени и поцеловал обручальное кольцо. Нежно Лукреция прикоснулась к его открытому лбу, к густым бровям, к носу с небольшой горбинкой, прижала свои тонкие руки к его сердцу, чтобы показать свои чувства, склонилась к плечу Альфонсо и поцеловала его. Молодые попросили родственников удалиться из комнаты... Когда два часа спустя Альфонсо попрощался со всеми, приближенные отметили, что он казался удовлетворённым, успокоённым. Хотя Альфонсо и не влюбился страстно в свою жену, он должным образом оценил её чудесную красоту, сочетавшуюся с нежностью, и впоследствии вел себя как сильный мужчина и никогда не отказывал ей во внимании.

Когда в тот вечер Лукреция засыпала, её тревожило лишь одно испытание — встреча с её золовкой Изабеллой д'Эсте, считавшей её соперницей. Ум, красота, обаяние, образованность, состояние — все это позволяло дочери Александра VI претендовать на первенство, до сих пор бессменно принадлежавшее дочери Эркуле.

Нервозность Изабеллы возрастала по мере приближения Лукреции. Братья отправляли ей восторженные письма, они, вероятно, получали особое удовольствие, воспевая новую родственницу и тем самым подвергая пыткам сестру, например, с помощью такой короткой фразы: «Она высокая, тоненькая, и платья, которые она выдумывает, идут ей необыкновенно». Разве можно бороться, не зная всех деталей? А пока что она приняла меры: день и ночь её портнихи подрубали, вышивали, драпировали дорогие ткани. Однако будет ли всего этого достаточно, чтобы затмить «саму Борджа»?!

Изабелла д'Эсте — красивая, умная, но неудовлетворённая жизнью, поскольку муж не слушал её советов и не принимал её помощи в государственных делах, — теперь старалась реализовать своё честолюбие в литературе и изящных искусствах. Целью её было вызывать восхищение

наиболее образованных людей Италии. Так возникла ее регулярная переписка с гуманистами того времени. Хотя Изабелла была образованна, она скорее следовала вкусам своего времени, чем являлась их законодательницей.

Письмо отца, в котором он приглашает ее в Феррару на свадьбу, очень ей не понравилось. Герцог Эркуле действительно желал видеть ее у себя, но отнюдь не зятя: «Из соображений, достойных уважения, нам кажется предпочтительным, чтобы маркиз Мантуанский не приезжал, и, принимая во внимание нынешнюю ситуацию, сам он, будучи человеком осторожным и мудрым, это поймет». Поскольку Изабелла и ее муж приютили врагов Борджа, и среди прочих Джованни Сфорца, герцог Эркуле считал, что ни к чему наносить оскорбление Александру VI и его дочери, принимая Франческо Мантуанского.

Итак, в Малаберго, на своем уже пришвартованном корабле, Изабелла Мантуанская готовилась принять Лукрецию. После того как были совершены необходимые маневры, судна причалили друг к другу, и между ними были переброшены мостки, «дамы поприветствовали друг друга и расцеловались». Так состоялась первая встреча трех самых известных своей красотой и образованностью женщин начала XVI века.

Изабелла напишет мужу: «Я обняла ее, не показывая негодования, но и не притворяясь веселой... На ней золотистое платье тонкой работы, отделанное ярко-красным атласом, рукава с прорезями по кастильской моде, сверху — плащ из такой же ткани, подбитый собольим мехом, он открыт на шее и позволяет видеть сорочку с пышными складками по нынешней моде. На ней кольцо из крупных жемчужин с кулоном из рубинов и жемчужин. На волосах золотая шапочка, но никаких лент»<sup>[91]</sup>. Более объективные свидетели отмечают изумление дочери Эркуле при виде роскошных волос невестки, почти скрывающих ее платье.

Первый обмен любезностями заглушили приветственные песни, их исполняли дети, сидящие в легких лодочках, кружившихся вокруг корабля. Герцогиня Урбинская, прекрасно понимая, что скрывается за этим галантным поединком, старалась найти любезные слова для обеих женщин, подчеркивала общность их вкусов, способную сблизить их, и отмечала, что обе дамы, судя по всему, прекрасно дополняют друг друга. Проделки шутов и карликов до самого Торре делла Фосса приятно разнообразили плавание. Там, где канал соединялся с По, для церемонии встречи был выстроен прямоугольный понтонный мост. По его углам развевались на ветру флаги Борджа, д'Эсте, а также знамена Гонзага и Монтефельтро.

Лукреция, многому научившаяся за долгое путешествие, была готова к въезду в Феррару.

## Глава XIV

### Брак по расчету

Они были там, ожидая прибытия судна: правитель Феррары герцог Эркуле д'Эсте, импозантный, величественный, с чуть грустным взглядом льдисто-голубых глаз, его сын Альфонсо, могучий, гордо, словно родовой герб, несущий свой крупный нос — фамильный нос д'Эсте. Они были там, в окружении важных лиц духовного и светского звания, послов, магистратов и целой свиты придворных вместе с семьюдесятью пятью конными лучниками в красно-белых ливреях, выстроенными вдоль водного пути. Лукреция быстро прошла по мосткам, опустилась на колени и поцеловала руку своему свекру. На этот принятый в Ватикане знак приветствия Эркуле ответил тем, что поднял ее и обнял как родную дочь. Затем он отвел ее на празднично украшенный золотой тканью корабль, чтобы принять там представителей Флоренции, Лукки, Венеции и других государств, а также маленького светловолосого Эрота, одетого в тунику с приделанными к ней большими крыльями и несущего через плечо лук и колчан.

Час спустя в Борго-де-Сан-Лука раздались звук труб, грохот пушек, залпы пищалей. «Навстречу ей, — пишет Изабелла своему супругу, — было послано пять карет, одна из которых была обтянута золотой парчой и запряжена четырьмя пегими лошадьми необыкновенной красоты, и еще трое носилок, украшенных пурпурным атласом, которые везли лошади разной масти». Альберто д'Эсте, один из двадцати незаконнорожденных братьев Эркуле, предоставил свой замок для ночлега.

В течение последующих нескольких недель между самыми знатными семействами герцогства разгорелась настоящая борьба за то, чтобы дочери их вошли в свиту новой герцогини. Помимо того, что этот пост давал многие привилегии и бенефиции, Лукреция еще должна была выдавать своих придворных дам замуж и обеспечивать им приданое. Вышивальщицы работали день и ночь, «женщины соперничают в роскоши, не зная меры», — жаловался один безденежный муж. Чтобы разрешить проблему, Эркуле в сопровождении сына и врача Дзилиола без предупреждения приезжал в феррарские дворцы и устраивал досмотр «молодым девушкам от четырнадцати до восемнадцати лет, здоровым и красивым». За пост экономки велась особенно ожесточенная битва. Из трех кандидаток,

находившихся на службе у предыдущих герцогинь, двум было отказано: Джованне ди Римини — не из-за возраста или внешности, а из-за кокетства, и Беатриче Контрари, находившейся на службе у Изабеллы, женщине мудрой, снисходительной, но и в то же время хитрой. В конце концов Эркуле сделал выбор в пользу Теодоры Анджелини из-за ее преклонного возраста.

На следующий день, день Сретения Господня, Лукреция пережила самые торжественные минуты своей жизни — въезд в Феррару. Блестящий двор, где поощрялись тонкое общение, науки и искусства, в эти дни переживал момент расцвета. Эркуле готовился к празднествам с такой расточительностью, какой от него не ожидали. Неделями наполнялись городские склады и склады замка. Чтобы придать больше блеска торжествам, он превратил Дворец правосудия<sup>[56]</sup> в театр, оборудованный самыми совершенными изобретениями сценической техники, где можно было всячески менять освещение и устраивать фейерверки, полеты ангелов и демонов, чудовищ и богов, устанавливать декорации, изображающие веселые или грустные пейзажи. Тратя деньги направо и налево, герцог хотел предвосхитить возможные упреки в «браке ради денег»: вспомнить хотя бы неделю, проведенную в подвалах Ватикана его казначеями, проверяющими приданое дукат за дукатом. Он хотел пустить пыль в глаза послам, прибывшим со всего полуострова и из Европы, и прежде всего представителю Людовика XII.

Чтобы выразить признательность королю Франции, без помощи которого Чезаре не смог бы завоевать Романью столь быстро, и чтобы отблагодарить его за то, что он воспрепятствовал браку Альфонсо с Луизой Савойской, Александр VI попросил свою дочь следовать французской моде, в особенности при выборе фасона подвенечного платья, стоившего 20 тысяч дукатов. В платье Лукреции полосы атласа цвета тутовой ягоды чередовались с полосами из золотистой гофрированной парчи, рукава были подбиты мехом горностая. Великолепное платье озарялось блеском фамильных украшений д'Эсте, которые надела на Лукрецию синьора Теодора под грустным взглядом маркизы Мантуанской, которая писала своему мужу: «На ней кольцо из рубинов и бриллиантов, принадлежавшее нашей дорогой синьоре Элеоноре, да святится ее память. На голове ее — сеточка, сверкающая драгоценными камнями, посланными ей в подарок нашим господином, моим отцом».

В таком наряде Лукреция спустилась на парадный двор, где ее ждали герцог со свитой. Ораторы, бывавшие в Риме и видевшие, как весела была молодая женщина во время конных прогулок, отметили серьезное

выражение ее лица в тот момент, когда она садилась в седло.

Кортеж отправился в путь в сопровождении восьмидесяти трубачей, двадцати четырех флейтистов и шести музыкантов, трубивших в рог; перед ними ехали семьдесят пять лучников в костюмах цветов герцогской династии и «семьдесят дворян, выставлявших напоказ золотые цепи, каждая стоимостью не менее пятисот дукатов, а многие ценою в восемь, десять и даже двенадцать тысяч дукатов», — отмечает Изабелла Мантуанская.

Альфонсо сидел верхом на «лошади в сбруе из рельефных золотых блях, изготовленных венецианцем Бернардино, сам он был в костюме из серого бархата, расшитого чешуйками из чеканного золота, стоимостью по меньшей мере в шесть тысяч дукатов, — продолжает Изабелла, — и в шляпе, украшенной белыми перьями». Его зять Аннибал Бентивольо находился рядом с ним. Прибыл эскорт невесты: двадцать испанцев, закутанных в шубы и с трудом передвигающих ноги. «Лишь на двенадцати из них были золотые цепи, да и те нельзя сравнить с цепями моих дворян», — уточняет Изабелла<sup>[92]</sup>. Затем появились епископы, послы, литаврщики и два любимых шута Лукреции.

Невеста на сером в яблоках коне, грива которого была заплетена в мелкие косички, а хвост — в толстую косу, увитую золотой канителью, медленно ехала вперед под балдахин, который держали над ней доктора Феррарского университета, преподаватели факультетов права, медицины и математики. По левую сторону от нее гарцевал Филипп де ла Рош, посол Франции. Так Людовик XII хотел подчеркнуть, что он лично ведет дочь Александра VI во дворец д'Эсте. Герцог Эркуле ехал неподалеку от герцогини Урбинской, она была закутана в плащ из черного атласа, расшитого золотыми треугольниками, и сидела верхом на муле, покрытом попоной с серебряным рисунком в виде зодиакальных созвездий<sup>[93]</sup>, за ними ехали донна Иеронима и мадонна Адриана, следом — тринадцать карет с придворными дамами и родственницами. Шествие замыкали родственники д'Эсте. Чуть поодаль восемьдесят шесть запряженных лошадьми телег везли гардероб и ценные вещи Лукреции.

На мосту Кастель Тедалдо лошадь Лукреции, испугавшись артиллерийского залпа, поднялась на дыбы и едва не сбросила ее. Конюшие, бросившиеся было ей на помощь, увидели, как она, легкая, словно птичка, плавно соскользнула с крупа лошади и изящно опустилась на землю. Герцог велел привести другую кобылу — не столь норовистую и не боящуюся канонады. Это происшествие могло поставить Лукрецию в

неловкое положение, однако она с честью из него вышла; ее улыбка пленила всех феррарцев, принимавших участие в церемонии, — священнослужителей, ученых, дипломатов, литераторов, полководцев, а также шутов и скоморохов.

Под непрекращающийся грохот пиццалей кортеж въехал в ворота Капель Тедалдо, оставив позади крепостные стены, и проследовал по улицам, где чередовались триумфальные арки и помосты, где разыгрывались сценки на мифологические сюжеты. Слыша на протяжении всего пути крики «виват!», новая герцогиня поняла, что одержала личную победу. Уже темнело, когда кавалькада наконец достигла дворца Эрколе (ныне — здание мэрии). Две бронзовые статуи, изображавшие Никколо III и Борсо, стояли по обе стороны въезда во двор (они будут разрушены в 1796 году армией Бонапарта). Как только Лукреция спустилась с лошади, лучники Эрколе и Альфонсо по традиции завладели свадебным балдахинном. Считалось, что он приносит счастье. Дети в костюмах ангелов прочли ей эпитафию.

В сопровождении Альфонсо она поднялась по лестнице, на ступеньках которой выстроились законные и внебрачные дети дома д'Эсте, среди которых были Альберто, Никкола, Бьянка ди Сан-Северино, Диана Угуччоне ди Контрари, Пико делла Мирандола, Лукреция Бентивольо, Джулио, Ферранте и Сиджизмондо. В кругу знати в большом зале, завешенном коврами герцогини Элеоноры, Изабелла д'Эсте, одетая в свой знаменитый костюм, «вышитый знаками музыкальных пауз», провела брата и невестку к их тронам. К супругам приблизилась когорта гуманистов, прибывших воздать почести своей государыне: Никколо Марио Паникат вознес Лукрецию выше Елены, «поскольку она — женщина несравненного целомудрия», Челио Кальканьини, друг Эразма, сравнил ее с Венерой, Пеллегрини Пришано уподобил папу святому Петру, наконец, Ариосто, которому тогда было двадцать семь лет, восславил Лукрецию и поздравил Феррару с тем, что она завладела таким сокровищем, «без которого Рим ничего не стоит».

Звуки трубы возвестили об окончании вечера. Эрколе сопровождал невестку и сына в их апартаменты. Альфонсо, отрицательно относившийся к традиционным подшучиваниям у брачного ложа, прогнал сестру, братьев и друзей, угрожая им шпагой. Он самолично закрыл двери и вернулся в брачные покои, готовый выполнить пожелание Александра VI — «спать с синьорой Лукрецией».

На следующий день Изабелла и ее приближенные долго ждали, пока

двери откроются, чтобы совершить «ритуал пробуждения» — обычный предлог для того, чтобы пускаться в самые фривольные рассуждения вокруг брачного ложа. Проходили часы, засовы оставались на месте, и маркиза Мантуанская, любившая, как и ее свита, развлекаться легкомысленными речами, постановила, что «эта свадьба — нерадостная».

Эркуле не разделял ее мнения. 3 февраля он пишет своему послу письмо, предназначенное для святого отца и заканчивающееся так: «Этой ночью дон Альфонсо и донна Лукреция соединились, и мы полагаем, что оба остались этим удовлетворены». Папа и герцог располагали информаторами, уверявшими, что «Альфонсо проявил себя как галантный муж, трижды засвидетельствовав супруге свое почтение». К полудню Лукреция согласилась принять послов, дам и родственников, и все без исключения «пытались отыскать на ее лице следы одержанной мужем победы». Тщетно. Теперь она была уверена, что нравится своему супругу, однако ее деликатная натура не позволяла ей выказывать ни малейшего удовлетворения, и любопытствующей публике осталось лишь созерцать ее персону в ореоле спокойствия.

Филипп де ла Рош, выполнявший роль верного рыцаря на время торжеств, подошел к «крестнице» своего короля, чтобы пригласить ее спуститься в парадные залы. Лукреция была ослепительна в своем платье из ярко-фиолетового бархата, ее роскошные волосы, перевитые лентами, были распущены по плечам; она заняла свое место под балдахином, чтобы руководить празднеством. Однако толпа гостей была столь плотной, что никто не мог танцевать, а некоторые даже упали в обморок. Бонавентура Пистофило, личный секретарь Альфонсо, писал по этому поводу: «Синьора Лукреция красива и внешность имеет приятную, ее любезные манеры всегда приятны, а слова — учтивы». Бернардино Дзамботто проявил большую проницательность: «У нее очень красивое лицо, натура импульсивная, однако стыдливая и целомудренная. Все ей рады, поскольку надеются, что она сделает много хорошего для города благодаря могуществу папы, который очень ее любит»; что касается Каньоли ди Парма, он описывал «ее белую шею, красивую и приятно округлую, ее голубые глаза, совсем как в трактатах о красоте»<sup>[94]</sup>.

Если вся Феррара была благосклонно настроена к Лукреции, то Изабелла д'Эсте и ее окружение не сложили оружия, о чем свидетельствует письмо находившейся у нее на службе маркизы ди Кротоне:

*Красоту новобрачной нельзя назвать совершенной, хотя она*

*грациозна и соблазнительна, но моя госпожа Изабелла, по мнению наших, а также людей из свиты герцогини Феррарской, — по-прежнему самая прекрасная и настолько превосходит красотой молодую, что если бы последняя могла это предвидеть, она совершила бы свой въезд при свете факелов. Безусловно, государыня Мантуанская затмевает всех прочих женщин. Итак, мы одержали победу<sup>[95]</sup>.*

Не будем лишать дам удовольствия съязвить. С позволения Изабеллы Мантуанской будет сказано, что изображения Лукреции на медалях начала XVI века подтверждают те определения — *venusta, gentile, graziosa, amabile*<sup>[57]</sup>, которые давали ей современники. Она волнует, она очаровывает, но не величием и не классической красотой, а переполняющим ее стремлением к счастью.

Она любила повторять: «Никогда не надо ни беспокоиться о завтрашнем дне, ни сосредоточиваться на грустной стороне жизни; надо хранить о прошлом лишь сладостные воспоминания»<sup>[96]</sup>.

Чтобы каждый мог повеселиться вдоволь, Александр VI отложил пост, благодаря чему в Ферраре — одном из самых процветающих городов Европы — целую неделю продолжались празднества. Эркуле не жалел денег. Художникам Фино и Бартоломео Брешани поручили расписать и позолотить кареты, предназначенные для дам, целая армия артистов участвовала в публичных спектаклях, поставленных Панидзато и Пиццибечеари, ступеньки для тысячи зрителей были покрыты зеленым длинноворсовым бархатом. Фоном для торжеств служил Дворец правосудия, где Эркуле при помощи Ариосто, Строцци и Кальканьини велел устроить зрительный зал. Там должны были играть Плавта на латыни: «Эпидик», «Бакхиды», «Хвастун», «Купец», «Казина». Костюмы из шелка стоили 25 тысяч дукатов.

«Мой отец, — рассказывает Изабелла, — продемонстрировал нам костюмы, подготовленные для пяти пьес; он подчеркнул, что одежда эта послужит всего один раз сотне актеров, мужчин и женщин и что, по его мнению, театр составляет славу Феррары».

Первая комедия была сыграна 3 февраля. Лукреция в сопровождении Изабеллы и Элизабетты Урбинской вошла в охваченный нетерпением зал. Здесь было тепло и роскошно. Зеленые, красные, белые ткани покрывали стены, на них выделялись эмблемы Церкви, французского дома, принцев Феррары, Гонзага, Монтефельтро и Борджа; на последней отныне

изображался бык рядом с белыми орлами дома д'Эсте. «Зал и сцену освещало такое количество светильников и канделябров, что отовсюду были видны самые мелкие детали, поэтому комедию играли в полной тишине, и никто не пожаловался на то, что ужинать придется с опозданием», — отмечал летописец. Изменения в планировке позволили расставить свечи вокруг подмостков.

Герцогиня Урбинская и маркиза Мантуанская были рядом с Лукрецией, и ей было ведомо, что все присутствующие ее рассматривают; те, что постарше, сравнивали ее с герцогиней Элеонорой, те, что помоложе, — с герцогиней Анной Сфорца и в особенности с Изабеллой, ее блестящей золовкой. Последняя тем временем не слишком одобрительно отзывалась о совершенстве стихов, об игре актеров, которой, по ее мнению, не хватало непринужденности. Эту даму, склонную высмеивать все и вся, раздражал восторг ее новой родственницы, и она стремилась его поубавить. Эта небольшая перепалка весьма развлекла гостей. В другие вечера нечто подобное повторилось на концерте, когда Альфонсо играл свою партию на виоле в сопровождении ансамбля шести музыкантов, или во время странных развлечений, вроде пантомимы, где пастухи со своими обезьянками-пастушками и пастушки со своими обезьянами-пастухами отплясывали куранту<sup>[58]</sup> и приветствовали друг друга пируэтами, или когда античные боги спускались с небес, или когда устраивали фейерверки или бои драконов...

В последующие дни по утрам Лукреция предавалась лени и вставала в полдень, никого не принимала. Изабелла отмечает, что супруга ее брата по медлительности превосходит все женское население двора, тогда как она, всегда поднимающаяся с постели раньше всех, считала своим долгом принимать дам, пришедших поприветствовать герцогиню и нашедших двери ее апартаментов закрытыми.

Так, мысль взять реванш подтолкнула Изабеллу к тому, чтобы всячески постараться очаровать французского посла. Польщенный знаками ее внимания Филипп де ла Рош, услышав, как Изабелла поет для него кантилену, был пленен ее голосом и поцеловал ей руку, что дало даме предлог снять свою надушенную перчатку и преподнести ему, сопровождая дар «очень нежными и весьма учтивыми словами». Совершенно очарованный, он пообещал «хранить перчатку в своем коврижке».

4 февраля невестка вышла лишь после обеда. «Вчера вечером, — писала маркиза Мантуанская своему супругу, — мы оставались в своих дворцах до пяти часов, поскольку синьора Лукреция пожелала провести все это время за туалетом, чтобы затмить в глазах всех присутствующих

герцогиню Урбинскую и меня... У Вашего Сиятельства не найдется поводов завидовать моему присутствию на этой невеселой свадьбе, и скорее я должна завидовать тем, кто остался в Мантуе»<sup>[97]</sup>.

Следующий день, пятницу, день Венеры, Лукреция посвятила наслаждению. Ее тетка Адриана повторяла ей, что нужно с ним быть поосторожнее, хотя оно и полезно для здоровья. Лукреция любит ухаживать за своей перламутровой кожей при помощи ванн с эссенцией амбры, а Никкола из Сиены составляет ей компанию. Обе в «простых одеяниях, созданных самой природой», опускаются в бассейн, резвятся там, намыливают сначала грудь совершенной круглой формы, как яблоки из садов Гесперид, затем спускаются к золотому руну, способному воскресить не одного Ясона, и, наконец, покрывают пеной ноги, как у борзых, какими их изображали на фресках. Наконец, горничные ополаскивают им волосы настоем шафрана, чтобы сохранить их золотистый цвет. Этот ритуал повторялся довольно часто, так что Альфонсо вскоре познакомился с этим новым развлечением. Здесь его супруга представала в полной наготе, но естество ее при этом не приходило в волнение. Альфонсо не собирался оставаться в стороне от этого смеха и игр, поэтому когда он однажды неожиданно появился в гинекее, высокий, чуть сутуловатый, как всякий, кто долго носил доспехи, наклонился к молодой женщине и начал распускать ее прическу, то Никкола сочла, что уместнее будет удалиться.

Пока Лукреция приглашала супруга изведать новые чувства, Эркуле уводил своих гостей в монастырь Святой Екатерины, чтобы посмотреть на Лучию из Нарни, у которой каждую пятницу появлялись стигматы. По просьбе посла Франции монахиня дала ему сорочку со следами крови, он поблагодарил ее и заверил, что это будет самая ценная его реликвия. Рубища сестры Лучии обладали для галантного кавалера той же ценностью, что и надушенный сувенир маркизы Мантуанской.

В воскресенье в соборе была отслужена торжественная месса, во время которой архиепископ вручил дону Альфонсо меч, благословленный Александром VI. Днем все собирались посмотреть на французские танцы, бывшие в большом почете, «поскольку эта нация начинает диктовать моду другим народам». Однако на этот раз Лукреция, спустившись со своей трибуны, когда испанские и римские дамы начали бить в тамбурины, схватила под руку свою кузину Иерониму и со свойственной Борджа живостью начала исполнять сложные фигуры с вращением. Феррарское общество не слишком привыкло к такой резвости, и Лукреция имела

огромный успех. «Лукреция очаровала не только своей грацией, но четкой и остроумной хореографией сложных элементов танца». Это привело в весьма дурное расположение духа Изабеллу Мантуанскую, которая в тот же вечер во время представления «Купца» выплеснула свое возмущение, назвав это произведение похабным. Калипули, доверенное лицо Гонзага, писал своему хозяину: «Во время представления непристойной комедии на лице вашей супруги было замечено такое недовольство, что каждый восхвалял ее, и я могу поручиться, что она не захотела, чтобы хоть одна из ее фрейлин присутствовала на этой пьесе. Герцогу должно быть стыдно». На следующий день из-за дверей донеслись громкие голоса Изабеллы и ее отца, и стало понятно, что письмо Калипули было перехвачено и передано Эркуле, который обнаружил, что его дочь выступает в новой для нее роли «оскорбленной добродетели».

Решительно все не нравилось дочери Эркуле д'Эсте. Она с горечью констатировала, что эта Борджа заморочила голову ее семье.

Когда карнавал близился к концу, перешли к вручению подарков. Жители Лукки и сиенцы привезли изделия из серебра, флорентийцы — ткани, вышитые золотом. Король Франции вручил герцогу медальон, изображавший святого Франциска. Четки из черного жемчуга, между которым были вставлены полые золотые зернышки, наполненные мускусом, были подарены Лукреции, а золотой щит, большую пластину, украшенную лиможской эмалью и изображавшую Марию Магдалину, и трактат о литье пушек получил Альфонсо. Однако самый запомнившийся подарок был преподнесен послами Венеции, которые, произнеся длинную речь, один по-латыни, другой по-итальянски, сняли свои роскошные плащи из бархата, подбитые мехом (38 метров ткани для первого, 33 метра — для второго), и преподнесли их Лукреции от имени Светлейшей республики, «что вызвало всеобщий смех», — сообщает Изабелла Мантуанская.

В первый день поста послы и сеньоры уехали, одни — в закрытых каретах, другие — на судах по каналам.

Поведение Лукреции с того дня, как она прибыла в Феррару, очень нравилось Эркуле. Он написал Александру VI:

*Еще до того как сиятельная герцогиня, наша общая дочь, прибыла сюда, моим решительным намерением было достойно принять ее, оказать ей почести, каких она заслуживает, чтобы ни при каких обстоятельствах она не испытывала недостатка в нашей любви, однако с тех пор, как Ее Милость живет с нами, я нашел в ней такие добродетели и прекрасные качества, что от этого мое к ней благорасположение не только*

утвердилось, но и значительно возросло. Я могу заверить вас в том, что с этого дня считаю Лукрецию самым дорогим для меня человеком в мире<sup>[98]</sup>.

То ли доброжелательность герцога оказалась заразной, то ли тому способствовало расстояние, отделявшее Мантую от Феррары, но только Изабелла в свою очередь адресует Лукреции длинное письмо, в котором уже видится желание завязать хорошие отношения:

*Мне остается лишь осведомиться о самочувствии Вашей Милости, чтобы возрадоваться, как и полагается по отношению к дорогой сестре. Что ж, мне кажется излишним предлагать вам то, что вам уже принадлежит, хочу только раз и навсегда напомнить вам, что вы можете располагать мною и моими владениями, как своими собственными. Я всегда к вашим услугам и прошу передать то же вашему сиятельному супругу, моему досточтимому брату. Любящая вас сестра<sup>[99]</sup>.*

В ответе Лукреции мы читаем:

*Высокочитимая сестра, хотя моим долгом было первой представить вам уверения в моей дружбе, какие дали мне вы, я, памятуя мою небрежность, все же утешаюсь тем, что теперь считаю себя еще более вам обязанной<sup>[100]</sup>.*

Этими посланиями отмечено начало связи, в течение будущих семнадцати лет превратившейся в настоящую дружбу; ее не разрушит даже любовь, которую будет испытывать Франческо Мантуанский к Лукреции.

Днем и ночью гонцы носились между Ватиканом и Феррарой. Александр VI, удовлетворенный добрым отношением семьи д'Эсте к его дочери, радовался тому, что Альфонсо, судя по всему, любит свою жену. Он поделился с послом Феррары: «Герцог каждую ночь спит с герцогиней и не отправляется искать удовольствий днем, как то делают молодые люди, хотя, — добавил он, вспомнив о собственной юности, — следует признать, что практиковаться в удовольствиях идет им на пользу».

Однако едва прошли праздники, герцога Эркуле начали беспокоить все римлянки, оставшиеся в Ферраре при его невестке.

*Присутствие этих дам, — писал он своему представителю в Риме, — удерживает здесь огромное число лиц обоих полов, что является большой*

нагрузкой и причиной чрезмерных расходов. Поскольку, если еще посчитать персонал свит этих дам, здесь находится около четырехсот пятидесяти человек и триста пятьдесят лошадей<sup>{101}</sup>.

Едва погасли праздничные фонарики, как Эркуле сел за подсчеты. Свадьба обошлась ему более чем в 25 тысяч дукатов, и накопленные было съестные припасы подходили к концу, вследствие чего он попросил папу отозвать римских дам.

После того как развеялся хмель праздников, у Лукреции появилось достаточно времени, чтобы заметить, что скупость вполне может идти бок о бок с разорительной роскошью. Ей пришлось покинуть парадные апартаменты нового замка и переселиться в палаццо Веккио. По сей день сохранилось это массивное четырехугольное сооружение с красноватыми зубчатыми башнями с бойницами. Это мрачное жилище, окруженное замшелыми рвами с водой, покрытой водорослями, напоминало скорее тюрьму, чем дворец. Лукреция, привыкшая с детства к большим светлым помещениям, украшенным фресками и коврами, чувствовала себя здесь неуютно.

Жизнью дворца никто не управлял. Служба снабжения, ответственная за запасы провизии, по небрежности позволила крысам оккупировать хлебохранилище. Из подвалов, заваленных пустыми бочками, разбитыми стаканами и выщербленными бутылками, тянуло запахом плесени и гнили. Облупившиеся стены жилых комнат были пропитаны сыростью. Дворец был сплошь в грязи, ленивые слуги получали мизерное жалованье, коридоры и мраморные лестницы, которые редко подметали и еще реже мыли, были покрыты слоями мусора и экскрементами людей и животных. В узкие окна можно было увидеть дома, построенные герцогом д'Эсте, и вдали бесконечную долину По.

Апартаменты Лукреции на втором этаже вряд ли достойны были так называться. Полог кровати совершенно обветшал, пыльные шторы превратились в лохмотья, из парчовой обивки кресел торчали нитки. Свекровь Лукреции, выйдя замуж за Эркуле в 1473 году, конечно, не раз пыталась навести порядок в этом хаосе. До ее приезда слуги спали на соломе, как работники с фермы, и потом весь день с их одежды и обуви сыпались прилипшие за ночь травинки. Она велела заказать матрасы и купить щетки из пырея. Однако после ее смерти, случившейся семь лет назад, замок вновь вернулся в состояние полной заброшенности.

Теперь пришел черед Лукреции: она обнаружила бельевые шкафы,

откуда сотнями побежали мыши, а в них — дырявые простыни и нестиранное белье. Она решила положить конец этому беспорядку и сумела превратить свою личную резиденцию в настоящий оазис. В своей комнате она велела обшить каменные стены инкрустированными деревянными панелями, изготовленными по образцу урбинских, повесила распятие Якопо Беллини, картину Мантеньи «Богоматерь с сыном в окружении ангелов», подаренную в свое время Франческо Мантуанским ее свекрови, гобелен, изображающий царицу Савскую у Соломона. Кровать со столбиками, стоящая у стены, была украшена большой картиной, на которой стайка маленьких обнаженных амуров играла с львятами. Шелковые подушки и простыни темно-синего цвета оттеняли нежный цвет лица обладательницы покоев; полог служил для защиты от холода. Клавесин, заказанный Лоренцо великому мастеру из Мантуи, занимал центр комнаты; у окна стоял столик с письменным прибором; пол был покрыт ковром с восточным рисунком. Из комнаты можно было прямо пройти в парилку: бронзовая ванна, стальные зеркала и мраморный фонтан, вода из которого стекала в серебряный бассейн.

Апартаменты Альфонсо скорее напоминали охотничий домик. На огромном столе стояли чучела соколов и кречетов, на стенах висело несколько картин, изображавших любимых собак и лошадей. Стены приемного зала были обтянуты кордовской кожей с золочеными арабесками, на них разместились произведения Витторе Пизанелло, чьим покровителем был Леонелло д'Эсте, портреты членов Арагонской династии и герцогов Феррарских. Дюжина стульев стояла вокруг камина. В центре зала Лукреция поставила большой стол, покрытый тканью, чтобы разместить там дорогие ее сердцу предметы. Если, пустив в ход всю свою энергию, она смогла постепенно превратить эту враждебную крепость в защитный кокон, то жилище не стало от этого менее мрачным, в нем жило воспоминание о трагическом исходе любви Уго д'Эсте и мачехи Паризины.

Эти тоскливые стены вызывали в молодой женщине желание бежать, «чтобы насладиться иными пейзажами». Несмотря на снег, ее кареты бороздили дороги, так как она хотела осмотреть местные монастыри, особенно монастырь кларисс Corpus Domini <sup>[59]</sup>, основанный Элеонорой Арагонской для девушек из благородных семейств. Лукреция находила в нем покой и утешение. Сразу после приезда она совершила ошибку, окружив себя только римлянками и испанками и отказавшись от придворных дам, которых нашел для нее герцог д'Эсте. В частности, Теодора Анджелини, которую Лукреция часто отвергала и заменяла Адрианой, жаловалась Изабелле Мантуанской, а та незамедлительно

информировала об этом отца.

Эркуле, раздражавшись при виде слуг, связанных с Борджа, и недовольный Адрианой, которую считал интриганкой, направил папе послание, прося его отозвать в Рим дам и кавалеров, прибывших в Феррару в свите герцогини, и даже не ожидая ответа понтифика, тут же их отправил. В Кастель Веккьо еще оставались Андже́ла Борджа, несколько сеньоров, валенсийка, всем внушавшая неприязнь, неаполитанка, не отличавшаяся красотой, сумасшедшая Деда, преданная, но большая любительница выпить, да рабыня, которую ее хозяйке нравилось наряжать в роскошные одежды.

Авторы хроник отмечают, что поведение Лукреции изменилось: она открыла феррарцам свои двери. В знак исключительной милости Теодора была приглашена к столу, и Лукреция ее приручила, твердя о своем восхищении Изабеллой д'Эсте. Несколько месяцев спустя Лаура Бентивольо сообщила Изабелле о добром расположении герцогини Феррарской:

*Она усадила меня и с очаровательной любезностью осведомилась о Вашей Светлости. Она расспросила меня о ваших нарядах и в особенности о ваших головных уборах. После чего, упомянув о своих испанских платьях, она сказала, что если вы желаете посмотреть или получить какой-нибудь предмет из тех, что она может добыть, она была бы довольна угодить вам, поскольку она хлопочет о том, чтобы понравиться Вашей Светлости. Она выразила желание, чтобы вы как-нибудь написали ей, и с меньшей официальностью <sup>[102]</sup>.*

Несмотря на восхищение Эркуле Лукрецией, одно серьезное разногласие привело их к столкновению. Вопрос касался денег. Герцог Эркуле установил ей годовое содержание в 8 тысяч дукатов, и эта сумма должна была покрывать ее личные расходы и расходы на содержание ее двора, включая еду, одежду, лошадей, кареты, приемы и подарки, подобающие ей по рангу. Дочь Александра VI, которой никогда раньше не приходилось распоряжаться бюджетом, с первого дня пребывания в Ферраре тратила деньги с королевской расточительностью. Ее приданое позволяло ей, как она полагала, требовать 12 тысяч дукатов. Разгневавшись, она попросила папу вмешаться, утверждая, что она поставлена в безвыходное положение и ей пришлось отдать в залог ее драгоценности, чтобы устраивать пиры и возместить убытки людям из ее

свиты, уволенным хозяином Феррары. Это возымело действие, и последний, заботясь о том, чтобы сохранить дружбу папы, в конце концов увеличил сумму до 10 тысяч дукатов. Чтобы не торговаться, Лукреция согласилась, полагая, что весть о ее беременности тронет герцога и сделает его поговорчивее. Однако она забыла о том, что в этом плодовитом семействе подобное событие было совершенно заурядным и что оно ничего не изменит в их финансовых отношениях.

По правде сказать, ни ее свекор, ни ее муж: первый — гуманист, наделенный тонким политическим чутьем, тиран из тиранов, которого боялся его народ и любили его придворные, второй — неустрашимый охотник, проводивший целые дни на болотах, страстно привязанный к своей литейной мастерской, внимательный к своим ремесленникам и почтительно относившийся к их знаниям, что двору казалось излишеством, а у простолюдинов вызывало восхищение, — ничуть не интересовались претензиями Лукреции... Герцог Эркуле, говорят, даже заявил послу Карло Бонвезино делла Карте: «Никогда меня не вынудят уступать Лукреции, если даже вмешается в спор сам Господь Бог». Что касается Александра VI, то он был настолько счастлив брачным поведением Альфонсо, что якобы сказал по поводу денег следующую фразу: «Достаточно, чтобы они любили друг друга».

## Глава XV

### КРУГИ АДА

Уже в первые дни после приезда в Феррару Лукреция почувствовала, что этот мрачный и суровый город не сулит ей легкой жизни. Если бы не ученые и поэты, ей было бы совсем тяжело. К счастью, появились друзья — Тито и Эркуле Строцци<sup>[103]</sup>. Они принадлежали к очень древней флорентийской семье, недавно перебравшейся в Феррару. Первый, уважаемой в герцогстве человек, был членом Верховного суда Двенадцати Судей и очень известным латинистом. Второй — поэт тонкого дарования — станет доверенным лицом Лукреции. Дружба, однако, закончится трагедией.

Сначала два эрудита, как и полагается поэтам, откроют с помощью «Божественной комедии» дочери испанца Борджа бурную и страшную историю правителей Феррары, сделавших главным козырем своего успеха скрытность и жестокость. В песне XII «Ада» Данте пишет:

Вдоль берега, над алым кипятком,  
Вожатый нас повел без прекословии.  
Был страшен крик варившихся живьем.  
Я видел погрузившихся по брови.  
Кентавр сказал: «Здесь не один тиран,  
Который жаждал золота и крови:  
Все, кто насильем осквернил свой сан.  
Здесь Александр и Дионисий лютый,  
Сицилии нанесший много ран;  
Вот этот, с черной шерстью, — пресловутый  
Граф Адзолино; светлый, рядом с ним, —  
Обиццо д'Эсте, тот, что в мире смуты  
Родимым сыном истреблен своим»<sup>[60]</sup>.

Династия д'Эсте, ведущая свое начало с XI века, заставила говорить о себе после отцеубийства, упоминаемого у Данте: Аццо устранил своего отца Обиццо, задушив его собственными руками. Однако положение потомков этого рода стало надежным только в 1329 году, когда папа

провозгласил некоторых членов семьи викариями Церкви, а император Фридрих Красивый назначил их императорскими наместниками Модены и Реджо, двух наиболее важных городов после Феррары.

Альберто, одиннадцатый маркиз Феррары<sup>[104]</sup>, ознаменовал начало своего правления в 1388 году убийством законного наследника, своего племянника Обиццо, и его матери. Позднее, влюбившись в дочь своего слуги, он, не раздумывая, на ней женился, а затем оставил, воспылав страстью к ее матери Маргарите дель Сале, самой красивой женщине того времени. Облачившись в покаянные одежды, он отправился в Рим, где за признание своих грехов и смирение получил от папы Золотую Розу — символ добродетели, а также разрешение основать университет по образцу Болонского и Парижского. Перед возвращением в Феррару он заболел и, опасаясь оказаться во власти Маргариты, велел удушить ее. Лукреция могла полюбоваться этим «святым человеком»: его мраморная фигура в покаянном одеянии красовалась на фасаде Кафедрального собора.

Его сын Николо III, будучи несовершеннолетним в год смерти Альберто в 1393 году, пришел к власти десять лет спустя. По примеру своего предка Обиццо II он первым делом велел убить всех регентов, которые оберегали государство до его совершеннолетия. Горячий в делах военных и любовных, он женился на бесплодной Джилиоле да Каррара в 1396 году. Однако хроники приписывают ему не меньше восьмисот любовниц. В те времена говорили, что все малыши, игравшие на берегах По, были его детьми, благодаря чему он заслужил звание «Отца Отечества». Двадцать семь из них — узаконенных и незаконных — были воспитаны при дворе. В течение восемнадцати лет красивая и любимая в народе Стелла деи Толемеи была его официальной фавориткой. Она подарила ему троих детей: Уго, родившегося в 1405 году, Леонелло — в 1407-м и, наконец, Борсо — в 1413-м.

По советам Стеллы Николо III отправился к Святой земле. Весь пыл души, прежде отдаваемый им войне, теперь он вложил в веру: он проводил ночи в молитвах у гробницы Христа, лежа на полу и скрестив руки на груди. Жажда приключений и стремление к покаянию заставили его пересечь Францию, опустошенную Столетней войной, чтобы исполнить девятидневный молитвенный обет в Мон-Сен-Мишеле.

Овдовев в 1406 году, он, однако, не женился на Стелле, как все надеялись, а двенадцать лет спустя сочетался браком с юной Паризиной Малатеста, дочерью тирана Тимини, которую он обманывал на глазах у всех и от которой имел двух дочерей. Однако Уго, его старший сын от

Стеллы, не забыл оскорбления, нанесенного его матери; его неприязнь к молодой жене отца постепенно превратилась в настоящую ненависть. Чтобы попытаться завоевать его дружбу, Паризина, зная, что он, как и она сама, любит играть на музыкальных инструментах, подарила ему прекрасную арфу. Николо III, радуясь тому, что отношения между его женой и сыном улучшаются, попросил Уго сопровождать мачеху в паломничестве к Лоретской Богоматери. Он не мог предвидеть трагический исход этого путешествия к святым местам. На каждой остановке Паризина, с младенчества знакомая с историей своих предков Франчески и Паоло, читала пасынку посвященную им песнь IV «Божественной комедии». Молодые люди, столь долго избегавшие друг друга, старались видеться днем и ночью и в конце концов потеряли осторожность. Когда Николо III узнал о своем несчастье, он велел заключить свою супругу в башню, сегодня именуемую «башней маркизы», а сына — в так называемую «львиную башню». На следующую ночь Уго мужественно отдался в руки палача, отрубившего ему голову ударом меча, а Паризина, присутствовавшая на казни, сняла украшения и встала на колени перед плахой, с которой еще капала кровь ее любовника. Им было по двадцать лет. Байрон обессмертил их в своей поэме «Паризина».

Маркизу Феррарскому, однако, этого оказалось недостаточно. Он распорядился предать смерти всех женщин, на кого могло бы пасть подозрение в прелюбодеянии, но, поняв, что он сам зачастую был причиной подобных проступков и что выполнение его приказа могло опозорить его самого, отменил его. Шесть лет спустя, в возрасте сорока восьми лет, он женился на Риччарде, дочери маркиза де Салюса. В контракте он велел отметить, что если от этого союза родится сын, то у него не будет никакого права наследовать власть, оно закреплено за Леонелло, младшим братом Уго. Папа Мартин V признал законным происхождение сына Стеллы деи Толемеи и даровал ему инвеституру Феррары, владения Церкви. Однако девять месяцев спустя Риччарда произвела на свет сына, названного Эркуле, будущего свекра Лукреции.

После десяти лет счастливой семейной жизни Николо III умер, и впервые сеньор д'Эсте вошел на престол без убийств, пыток и казней. Однако Леонелло (1407–1450) не мог забыть трагедии, сделавшей его тринадцатым маркизом Феррары. Тени его брата Уго и Паризины, смерть его первой супруги Маргариты Гонзага, которую он боготворил, погрузили его в меланхолию. По политическим соображениям он соединился с Марией Арагонской, внебрачной дочерью Альфонсо Великодушного, короля Неаполя, подарившей ему сына Николо. В отличие от своих

предшественников, обычно принимавших к себе на службу прославленных художников и писателей, придававших их дворам еще больший блеск, он поддерживал никому не известных гуманистов, тем самым показывая широту своих взглядов. Народ чтит своего государя, чья власть не опиралась на преступления. На лицевой стороне медали работы Пизанелло отражена слава Леонелло, на обратной — его политическая мудрость.

Сумев установить мир в герцогстве, как позднее это сделает Лоренцо Медичи в Тоскане, Леонелло угас в 1450 году. Вслед за ним на престол взошел Борсо. Третий сын красавицы Стеллы, напротив, был наделен неутомимой жаждой жизни, у него было умное, волевое лицо, судя по фрескам Скифанойи, с помощью которых он подарил себе бессмертие. Он правил государством, соблюдая видимость справедливости. Император Фридрих III за определенную сумму присвоил ему титул герцога Модены и Реджо, а папа — на тех же условиях — титул герцога Феррары. На гербах д'Эсте, где до сих пор красовались белый орел и французские лилии, пожалованные Карлом VIII, теперь появился черный имперский орел.

Борсо употребил все силы, чтобы превратить феррарские топи в плодородные земли и завладеть несколькими соседними территориями, не прибегая к оружию. Он умел ценить по достоинству верность своих слуг. Так, когда в 1469 году умер его ближайший советник, он пригласил двор и население города на похороны, после чего приказал закрыть на сутки суды и университетские аудитории. Именно тогда впервые народ увидел, как «глава дома д'Эсте присутствует на похоронах своего подданного». Одетый в черное, он следовал за гробом человека простого звания от церкви до монастыря, где должно было состояться погребение.

Не желая выполнять волю Леонелло и тем самым ущемляя права Николо, своего племянника, который жил в Мантуе у своего дяди Лодовико Гонзага, Борсо назначил сорокалетнего Эркуле своим преемником. Эркуле, уже отравивший двадцать три года назад своего двоюродного брата Франческо д'Эсте, внебрачного сына Леонелло, попытался обойтись так же и с Николо, но безуспешно. Только своей супруге Элеоноре Арагонской, дочери короля Ферранте Неаполитанского, он был обязан тем, что сохранил за собой трон: она находилась одна в Ферраре, когда Николо попытался захватить город при поддержке маркиза Мантуанского. Небольшой отряд, приплывший в город на лодке, промчался по городу с криками «*vela, vela!*». Это был призыв переходить на сторону претендента, однако благодаря лояльности солдат, своевременно получавших жалованье, что было в Италии редкостью, и хладнокровию Элеоноры, хозяйки Кастелло, законный сын Леонелло потерпел поражение.

По возвращении Эркуле, верный семейным традициям, свирепо отомстил: двести человек были повешены на башнях Дворца правосудия, а Николо обезглавлен. Затем голову пришили к туловищу, облачили покойника в роскошные одежды, на руки ему надели красные перчатки и положили тело в открытый гроб, чтобы позволить народу полюбоваться милосердием правителя. Под звон колоколов Эркуле, следуя за духовником, в окружении семьи пешком шел вместе с похоронной процессией до последнего пристанища Николо. Герцогиня разрыдалась. Грандиозная и мрачная церемония служила подтверждением величия Эркуле и славы Элеоноры.

От их союза родились Изабелла, Беатриче, Альфонсо, Ипполито, Ферранте и Сиджизмондо. У герцога будет всего двое внебрачных детей: Лукреция и Джулио. Во время его правления, отмеченного больше хозяйственными, нежели военными заботами, Феррара стала столь же процветающей, как и Милан.

Во всей Италии Эркуле считался мудрым правителем земель, где положение устойчиво, а богатство неисчислимо. Так, несмотря на то, что столица все разрасталась — здесь невозможно было снять дом, — Феррара стала первым современным городом Европы. Архитектор Бьяджо Россетти построил там новые кварталы, где здания выглядели гармоничными и пропорциональными, улицы были словно вычерчены по линейке, и здесь охотно селились торговцы, а также зажиточные изгнанники. Дворянство не отстает от придворных герцога и в свою очередь возводит особняки. У семей Тротти, Кастелли, Сакрати есть свои дворцы, старинные графские роды, преданные герцогу, такие, как Контрари, Пиа, Костабили, Боскетти, Раварелла, Мудзарелли и Пендальо, владеют роскошными домами. Каждый вносит свой вклад в возвышение собственного государства и государства Эркуле.

Популярность государя в его герцогстве была велика, но она достигла апогея в тот день, когда он отстранил от должности сборщика налогов, взимавшего непомерные подати, и когда он воздержался от наказания виновных в убийстве одного из его чиновников, перед которым трепетали люди знатные и простые, включая родственников Эркуле. Этот человек, Грегорио Дзампанте, подвергал обвиняемых пытке или же налагал на них штраф, исчислявшийся тысячами дукатов, тогда как иные преступники спокойно гуляли на свободе. Однако поскольку этот «враг Бога и людей» приносил государству значительные суммы, Эркуле оставался в стороне, уверенный в том, что рано или поздно с извергом кто-нибудь расправится. За это взялись двое студентов. Когда дело было сделано, они сели на

лошадей и промчались через весь город с криком: «Люди добрые, выходите, мы убили Дзампанте!» Эркуле ничего против них не предпринял, напротив, позволил народу жечь потешные огни и звонить в колокола.

Феррарцы испытывали к своему государю смешанное чувство страха, преданности и благодарности. Так, когда весной 1502 года из-за плохого урожая горожане стали голодать, Лукреция узнала, что ее свекор велел привезти зерно из других стран и раздал его бесплатно, но это не помешало ему несколько месяцев спустя вместе с семьей обойти город, чтобы получить подарки натурой непосредственно от каждого подданного, в зависимости от размеров его состояния.

Государи уделяли неослабное внимание развитию искусств и словесности. В 1471 году Эркуле выписал к себе француза Андреаса по прозвищу Бельфорте, чтобы открыть первую в Италии типографию. Она должна была укрепить авторитет университета — одного из самых старых и самых известных после Болонского и Падуанского. Он был основан маркизом Альберто в 1391 году, а Леонелло при помощи Гуарино из Вероны еще больше прославил его, собрав коллекцию редких рукописей. В первые годы правления Эркуле в университете преподавали сорок пять профессоров, обучавших студентов астрономии, математике, естественным наукам, медицине, философии, филологии и получавших хорошее жалованье. Герцог, чтобы показать, какое значение он придает университету, подлинному украшению Феррары, отпраздновал годовщину своего восшествия на престол, которую сравнивали с шествием в день праздника Тела Господня: в городе были закрыты лавочки, а принцы д'Эсте, законные и внебрачные, одетые в золотую парчу, шли рядом с магистрами знаний, как с себе равными.

Эркуле уже в десять лет начал вырабатывать в себе качества военного и гуманиста, когда после смерти отца его отправили в Неаполь к королю Альфонсо Великодушному. Это был блестящий и образованный двор, где военное искусство было в почете. Во время тяжелой болезни в руки Эркуле попала история жизни Александра Македонского, написанная Квинтом Курцием, и с тех пор он читал ее ежедневно, очарованный личностью, сверкнувшей и угасшей, словно метеор. В тридцать три года, завоевав Восток, он перевернул мир, считая себя богом. Он был противоречив, как всякий человек, приступы гнева чередовались у него с грустью, за добрыми делами следовали жестокие поступки, за щедростью — мелочность. Вероятно, этим объяснялись печально известные перепады настроения самого Эркуле. Помимо «Жизни Александра» любимыми авторами Эркуле

всегда были Плутарх, Ксенофонт, Еврипид и Сенека. Что касается его страсти к театру, то благодаря ей он перевел на итальянский Плавта и Теренция.

В отличие от своего отца Альфонсо д'Эсте не преклонялся так перед искусством театра, если он и ходил на спектакли, то скорее из чувства долга, чем ради удовольствия, впрочем, другие его интересы с избытком компенсировали этот недостаток. Восхитительный портрет кисти Тициана прекрасно передает выражение силы и решительности, свойственных Альфонсо, его грубоватую манеру держаться, его открытый взгляд и некоторую суровость, появившуюся у него, вероятно, еще в юности, во время войны с Венецией, и связанную с невзгодами, выпавшими на долю его семьи, которая вынуждена была уступить Светлейшей республике плодородные земли в дельте По вместе с их столицей, городом Ровиго. Отныне девизом Альфонсо станет «*Si vis pacem, para bellum*»<sup>[61]</sup>. Войны не было уже при трех правителях, и он знает, что настало время укрепить военную силу. Поэтому он использует изменения, произошедшие в артиллерии, чтобы создать первую литейную мастерскую, и сам становится знатоком в искусстве отливать пушки. Его поездки на учебу в Англию, Нидерланды и во Францию многое дали ему для освоения этого производства и помогли завязать новые знакомства.

Герцог Эркуле почти не узнавал себя в своем сыне, который в возрасте двадцати одного года среди дня мог пробежать голым со шпагой в руке по улицам Феррары. Такое странное поведение напоминало ему о пылком характере его отца Николо III и о бурлящей крови Арагонов, унаследованной им от Элеоноры. Однако на его натуру влияла традиционная для всех д'Эсте любовь к искусству. Альфонсо велел построить роскошный дворец Бельведер на одном из островов По. Его любимые художники Доссо Досси и Джованни Беллини работали над украшением его дворцов; Ариосто был ему другом, а сам Альфонсо замечательно играл на виоле.

У Лукреции, как мы видим, есть все основания чувствовать себя ровней родственникам мужа, даже если ее собственная семья не могла в открытую брать на себя ответственность за совершенное насилие. До сих пор один лишь Чезаре с этой точки зрения пользовался печальной привилегией быть похожим на феррарских правителей. Впрочем, именно в Бельригуардо, замке из трехсот шестидесяти пяти комнат, украшенных фресками Козимо Тура и Эрколе Роберти, Лукреция, измотанная беременностью, узнает о том, что ее брат напал на Урбино и одержал

победу. Предатели из числа придворных Гвидубальдо посоветовали ему, чтобы завоевать расположение папы, предоставить свою артиллерию Чезаре, когда тот будет атаковать Камерино, однако Чезаре быстро повернул пушки против их же владельца.

20 июня герцог Урбинский ужинал в саду французского монастыря, когда ему сообщили о прибытии армии Борджа, ему пришлось спасаться, и он верхом, даже без плаща, с большим трудом добрался до своей жены, находившейся в Мантуе у родственников. «Мне удалось спасти лишь свою жизнь, камзол и рубашку. Это неслыханная доселе неблагодарность и предательство», — писал он 28 июня кардиналу делла Ровере, будущему Юлию II.

Лукреция была возмущена поведением брата. Бернардино де Проспери, находившийся рядом с ней, написал маркизе Мантуанской: «Герцогиня приходит в отчаяние, стоит ей вспомнить о том, как любезно ее приняли, когда она проезжала через Урбино несколько месяцев тому назад». Иль Прете в письме к той же особе подтверждал: «Синьора Лукреция, как мы видим, глубоко опечалена случившимся, она повторяет родным, что охотно отдала бы 25 тысяч дукатов, лишь бы в прошлом не было ее знакомства с герцогиней Элизабеттой, и теперь ей не пришлось бы краснеть» <sup>{105}</sup>.

Герцог Романьи — новый титул, пожалованный понтификом сыну, — водворился на герцогском престоле в Урбино и расправился кинжалом или ядом со всеми оппозиционерами. Его обычный метод — тирания и, если потребуется, убийство. Город был отдан на разграбление. В течение нескольких недель мулов нагружали коврами и гобеленами, статуями, золотой посудой, редкими дорогими книгами. Стоимость награбленного, по мнению Санудо, составила 150 тысяч дукатов. Неожиданно для всех к охоте за добычей присоединилась еще одна особа, чье страстное желание раздобыть предметы античного искусства заставило ее забыть о том, что под ее крышей нашли убежище ограбленные родственники. Печаль по поводу происшедшего не помешала ей вспомнить о том, что во дворце Урбино находились две замечательные мраморные статуи; она попросила своего брата кардинала Ипполито найти их для нее:

*Дорогой и досточтимый брат, у синьора герцога Урбинского, моего свояка, дома имелись небольшая античная Венера из мрамора и Купидон, кои были ему подарены некоторое время тому назад Его Сиятельством герцогом Романьи. Я не описываю вам красоты Венеры, поскольку полагаю,*

что вы ее видели. Что касается Купидона, то ничто из современного искусства не может сравняться с ним. Я уверена в том, что эти предметы искусства должны были попасть в руки указанного герцога вместе со всем, что хранилось во дворце Урбино. Я с большим удовольствием украсила бы античными предметами мой Studiolo<sup>[62]</sup> и потому хотела бы получить эти статуи. Дело это не кажется мне невозможным, поскольку мне сказали, что Чезаре не особенно интересуется античностью. Однако я не настолько знакома с ним, чтобы прямо попросить об этой услуге. Я думаю, что лучше обратиться к вашему посредничеству и умолить вас оказать мне милость, попросив для меня Венеру и Купидона в настойчивом письме через вашего посланника, чтобы дело разрешилось к нашему полному удовольствию<sup>{106}</sup>.

Чезаре, которого, впрочем, она назвала «заурядным убийцей», ответил тем более охотно, что знал от Микеланджело, что Купидон был его работой.

Для Лукреции наступило время разочарования. В замке Павии, куда отправились ее свекор и муж, король Франции Людовик XII вел себя так, словно считал Чезаре своим alter ego<sup>[63]</sup>. Монарх, очарованный этим воином, прилюдно оказывал ему знаки внимания, которые, похоже, ничуть не трогали герцога Романьи.

Коварство Чезаре по отношению к семейству Монтефельтро возмутило одну лишь Лукрецию, ставшую живым укором победителю. Его гонцы, отправленные к ней, вернулись обратно, а печати на письмах остались несломанными. Вместо извинений мрачный победитель обратил всеобщее внимание на недуг Гвидубальдо, который никогда не сможет иметь детей. Он подает идею убедить его принять постриг и стать кардиналом, тогда его брак мог бы быть аннулирован и его бывшая супруга, безусловно, сохранявшая верность Гвидубальдо, сможет выйти замуж за какого-нибудь французского барона, зависимого от герцога Валентинуа. Папа полностью одобряет идею сына и отправляет посланников в Мантую сообщить об этой идее супругам Гонзага, чтобы они, в свою очередь, уведомили о ней своих родственников.

Одновременно из Рима приходит весть, от которой у Лукреции сжалось сердце. Асторе Манфредо, мужественный сеньор Фаэнцы, был обнаружен в Тибре с веревкой на шее «со следами страшного насилия». Как не узнать руку Чезаре в этом двойном преступлении?

Хитрости, предательства, грабежи, подлости, убийства совершенно изводят Лукрецию. Она впадает в меланхолию, сон бежит от нее, а влажная

жара утомляет. Врачи, понимающие, что ее и без того хрупкий организм совсем ослабел из-за беременности, решают отправить ее подальше от сырости Бельригуардо во дворец Бельфьоре, выстроенный недалеко от замка Эсте, где климат считался более здоровым. Однако в середине июля на Феррару обрушивается эпидемия, и Лукреция тоже становится ее жертвой, хотя точный диагноз не установлен. Каждый день посол Бельтрандо Костабили сообщает папе новости о его дочери, однако Александр VI не верит, что недомогание ее сколько-нибудь серьезно, и полагает, что причиной всему — притворство. Лукреция приходит в ярость, узнав о содержании депеши отца: «Болезнь ее вызвана тем, что она не хочет довольствоваться 10 тысячами дукатов, установленными для нее герцогом, и если бы последний добавил ей еще две тысячи, она бы сразу поправилась. Пусть герцог Эркуле так и поступит, поскольку смерть сеньоры Лукреции нас слишком бы опечалила».

Чезаре Борджа идет от победы к победе. Вот-вот падет Камерино, как ясно из следующего письма Чезаре к сестре:

*Дражайшая наша, я уверен, что для того, чтобы вылечить болезнь, которая вас сейчас терзает, нет более действенного целебного средства, чем благие и радостные вести. Только что мы наверное узнали о взятии Камерино. Мы просим вас достойно отметить эту новость вашим выздоровлением, ибо по причине вашего недомогания мы не чувствуем никакой радости по поводу этого события, впрочем, как и чего-либо другого<sup>{107}</sup>.*

Пять дней спустя Камерино действительно капитулировал, все Варано, правители города, за исключением Джанмарины, были убиты.

Триумфатор Чезаре отныне контролирует самую важную часть прежнего Папского государства, и в союзе с Феррарой он может стать полновластным хозяином центральной Италии. Эркуле, хоть он и родственник Варано, считает целесообразным поздравить победителя.

## Глава XVI

### Выбор Лукреции

Здоровье Лукреции, перебравшейся в замок Бельфьоре, вызывает серьезное беспокойство. Однажды утром затишье прерывается внезапным приездом Чезаре. Никакие сведения об этой встрече не просочились, слышали только голос Лукреции, «изъяснявшейся на валенсийском наречии». Однако результатом этого визита становится новое обострение ее болезни, за которым бессильно наблюдает муж. Хворь распространяется и настигает приближенных герцогини. Анджела Борджа, негритянка Катеринелла и Лизабетта Сиенская вынуждены лежать в постели. Сраженный недугом, паж Лукреции Лодовико деи Карри умирает, а Теодора Анджелини, испугавшись ответственности за возможную смерть хозяйки, бежит вместе со своей дочерью из Феррары.

Ночью 5 сентября у Лукреции начинается приступ невыносимой боли в пояснице. Едва придя в себя, она с криками разрешается мертвым семимесячным ребенком. Несколько часов спустя у нее начинается родильная горячка, столь опасная, что врачи думают, что роженица не выживет. Едва придя в сознание, Лукреция смутно видит возле себя Альфонсо, который держит ее за руку, и Чезаре, который держит ее за ступню, откуда ей пускают кровь. «Это было невероятно трудно», — сообщает секретарь Эркуле своему хозяину, находившемуся в тот момент в Реджо, однако, кажется, все закончилось успешно. Чезаре, полагая, что больше не нужно беспокоиться о судьбе сестры, от которой напрямую зависела его участь, уезжает в тот же вечер.

Однако улучшение это кратковременное, и 13 сентября Лукреция просит исповедать и причастить ее. Все думают, что ей уже не спастись, и Бартоломео Картари, феррарский оратор в Венеции, вслух произносит то, о чем все думают, но молчат: «Да возложит Господь длань на ее голову и избавит от страданий, чтобы положить конец здешним пересудам о возможном отравлении». Пять дней спустя, собрав последние силы, Лукреция делает приписку к завещанию, касающуюся ее сына Родриго Бишелье, и, словно успокоившись, впадает в беспамятство под взглядом своего мужа.

Каково же было ее удивление, когда на следующий день, очнувшись от полузабытья, она находит Альфонсо на прежнем месте: он ждал, когда на

ее лице появятся хоть малейшие признаки жизни. Никогда и никто еще не был ей так предан. Герцог признается ей, что дал обет пешком совершить паломничество к Лоретской Богоматери, если Лукреция выздоровеет. Узнав о его намерении, папа написал зятю, что Богоматерь будет довольна и в том случае, если он отправится туда верхом!

За полгода Лукреция совершила чудо: ее супруг теперь любил ее больше ее приданого. Как мы помним, брачный контракт предусматривал, что в случае ее смерти все оставалось семье д'Эсте: территориальные привилегии, титулы, драгоценности и те самые дукаты *larghi*. Отныне Лукреция могла ему довериться. Теперь у нее была любовь мужа, а кроме того, к ней проявляли симпатию ее близкие, двор, магистраты, горожане и крестьяне. Сразу стало ясно, что Лукреция любима народом и от нее ждут наследника.

20 сентября врачи объявляют, что она вне опасности, и разрешают ей вернуться в Кастель Веккьо. Однако поскольку сырость в замке и болотные испарения от рвов с водой могут поставить под угрозу ее выздоровление, она предпочитает удалиться в монастырь Тела Господня. Месяц спустя она вернулась, и Чезаре вновь стал главной причиной ее мучений. Он усилил давление на герцогиню Урбинскую, стараясь заставить ее расстаться с супругом и сторонниками его клана; похоже, сдались Франческо Мантуанский и Изабелла, желающие таким образом завоевать благосклонность Валентинуа. Если Гвидубальдо, испытывая угрызения совести, в конце концов пришел к мысли, что роль кардинала ему подходит больше, чем роль супруга, то герцогиня Урбинская об этом и слышать не хотела, и «пусть бы ей пришлось жить с Гвидубальдо как с братом, она предпочла бы это, нежели отвергнуть его как мужа». Чезаре ответил на этот отказ ультиматумом маркизу Мантуанскому: либо последний прогонит родственника, либо поссорится с Валентинуа. Элизабетта поняла, что жизни герцога Урбинского угрожает серьезная опасность, и вместе с ним спешно уехала в Венецию, убежище всех государей, лишенных владений, и всех жертв тирании.

Если это «братское великодушие четы Монтефельтро» развлекло папу, то у Лукреции оно вызвало уважение и восхищение. Тем временем события развивались. Вскоре в одном из посланий отец просил дочь заложить все ее драгоценности, чтобы помочь брату, вынужденному давать отпор восставшим кондотьерам. Помощь, оказанная Францией «кузену короля», лишила мужества предводителей восстания — Вителоццо Вителли, Оливерто де Фермо, Франческо Орсини и его сына. Поскольку для Чезаре мир делился на две части — на тех, кто ему служил, и тех, кто ему вредил,

он пригласил восставших в Синигалью отужинать и велел всех перерезать. «Самое забавное из его надувательств», — только и замечает Макиавелли.

Герцог Эркуле д'Эсте направил свои поздравления победителю, так же как и его дочь Изабелла, по всей видимости, мало заботившаяся о судьбе своего родственника Гвидубальдо.

*Светлейший герцог Валенсийский!*

*Блестящие успехи Вашего Сиятельства вызвали у нас радость и удовлетворение, ибо нас связывают взаимные чувства дружбы и благожелательности, существующие между Вашим Сиятельством и Сеньором нашим супругом. Будучи уверенной в том, что после трудов и забот, выпавших на вашу долю в ваших славных начинаниях, вы не откажетесь от возможности развлечься, я сочла уместным послать вам с нашим гонцом сотню масок. Нам не составляет труда понять, насколько этот скромный дар мало соответствует величию ваших заслуг; однако пусть он послужит залогом того, что, едва вы пожелаете чего-либо более достойного вас, мы вам это отправим <sup>{108}</sup>.*

В своем ответе герцог Романьи написал:

*Наша подруга и досточтимая сестра. Мы получили подарок — сто масок, что Ваше Сиятельство нам отправили. Они доставили нам большое удовольствие, поскольку весьма разнообразны и исключительно красивы. Нас еще более порадовало то, в какой момент и куда нам их доставили. В тот день мы овладели городом Синигальей и подчиненной ему территорией, равно как и крепостями; мы наложили наказание, коего заслуживало коварное предательство наших врагов, затем мы освободили от тирании города Кастелло, Фермо, Чистерну, Мантую и Перуджу, мы заставили их повиноваться должным образом Его Святейшеству, и посему мы лишили Пандольфо Петруччи тиранической власти, присвоенной им в Сиене. Эти маски доставят нам огромное удовольствие, поскольку они подарены с дружеским и особым расположением, которое вы — в чем мы уверены — испытываете к нам, равно как и ваш супруг <sup>{109}</sup>.*

Лукреция, которая мало интересуется политикой и не понимает, как могли Гонзага ради блага Феррары и Мантуи решиться на помолвку своего сына Федерико с Луизой, законной дочерью Чезаре и Шарлотты д'Альбре.

Молодая герцогиня предпочитает заняться своим двором, где собрались гуманисты, поэты и музыканты. Неожиданная поддержка приходит ей от кардинала Ипполито, вернувшегося из Рима. Он решил положить конец своему бурному роману с Санчей Арагонской, недавно заключенной под стражу в замке Святого Ангела за слишком вольное поведение, и уладить отношения с герцогом Валентинуа, ее любовником. По возвращении в Феррару он устраивает карнавальные празднества и обхаживает Лукрецию с таким рвением, что посол Ватикана пишет в 1503 году святому отцу, что «ночью она принадлежит синьору Альфонсо, но днем — кардиналу».

В апреле Лукреция принимала свою золовку Изабеллу. Необходимо было ее развлечь. Был дан спектакль «Благовещение», сыгранный феррарскими студентами. По поводу этого зрелища, поставленного Бьяджо Россетти, восхищенная маркиза Мантуанская писала своему супругу:

*Я прибыла в Кастелло навестить синьору Лукрецию, которая со мной по-прежнему очень любезна. Обе мы отправились в дом архиепископа, где я встретила с господином моим отцом. Я выразила восхищение красотой деревянного театра, оборудованного специально для нынешних празднеств. Сначала появился юный ангел. Он рассказал содержание пьесы и привел слова пророков, оповестивших о грядущем пришествии Христа. Под портиком, опирающимся на восемь столбов, появилась Мария, прочла несколько стихов, и пока она говорила, небо открылось, и показался Бог Отец в окружении хора ангелов. Никак нельзя было угадать, что служило опорой его ногам и ногам ангелов. Еще шесть серафимов летали по небу. В центре этой группы находился архангел Гавриил, благодаря какому-то чудесному устройству он спустился и остался висеть в воздухе. Внезапно бесчисленное множество огней зажглось у ног ангелов, и их окружил сверкающий ореол. Это было очень любопытное зрелище, все небо сияло. В этот же момент архангел Гавриил спустился; державшая его цепь была незаметна, и казалось, что он возлежит на облаке, пока его ноги не коснулись земли <sup>{110}</sup>.*

Изабелла и Лукреция дополняли друг друга.

Изабелла была строга и величественна, обладала изысканной красотой, реплики ее отличались остроумием, она любила провоцировать собеседника. Поэтам она подсказывала темы произведений, художникам — сюжеты, цвета и даже размер картин. Лукреция же изумляла и пленяла, будучи женщиной, которой довелось любить и страдать, душа и глаза

которой были распахнуты навстречу людям. Она была образована не хуже золовки, однако никогда не стремилась настойчиво это подчеркнуть. Вероятно, у нее не было в этом нужды. Литераторы и художники сами искали ее общества. Бесспорно, и та и другая владели искусством вести беседу с очаровательной легкостью, с захватывающей живостью. Для них беседа была праздником, обрядом, совершаемым в узком кругу, где посвященные прославляли различные формы остроумия днем и ночью, до самого рассвета, когда начинали петь соловьи.

В XVI веке в Европе только итальянские женщины получали такое разностороннее образование. Тосканская поговорка того времени гласит, что «мужчины создают законы, а женщины — нравы». Возрождение сотворили женщины. Лукреция, Элизабетта Урбинская, Изабелла Мантуанская и Екатерина Корнаро, королева Кипра, стали его знаковыми фигурами. Они собирали вокруг себя властителей, прелатов, писателей, художников и даже кондотьеров. Хозяйка дома задавала тон остроумным собраниям, где каждый старался возбудить всеобщее любопытство, разобратся в движениях души. Потребность нравиться придавала особый блеск талантам и обновляла литературу. Вполне естественно, темой ораторских поединков часто оказывалась любовь, собеседники исследовали ее формы и ее последствия. Важно было не только оказаться сведущим, но и уметь разговаривать с прекрасным полом.

Собрания эти проходили на прохладной лоджии, в одном из залов замка или же, как изображено на картинах Лоренцо Коста, в тенистых беседках, где деревянные колонны были украшены обнаженными женскими фигурами, увитыми виноградной лозой. Как в такой обстановке не начать рассуждать о женской красоте? Для всех «красота священна, она дается Богом» и ведет к всеобщему взаимопониманию.

Что такое женщина? Смертная богиня,  
Ангел, несущий спасение на землю,  
Нежное утешение в наших бедах,  
Мир, останавливающий войну,  
Золотое озеро, плененные которым  
Мужчины не хотят вырваться на свободу.  
Море радости, гора добродетели,  
Огонь любви, забвенье ненависти <sup>[111]</sup>.

Здесь любили немудреные шутки, игру слов, остроты и здесь

женщины с присущим им гибким и скорым умом часто брали верх над мужчинами.

Что касается Лукреции, то она умела разговорить молчуна и остановить болтуна. Ее участие в беседе всегда ненавязчиво, высказывания лишены поверхностности, а ум язвительный и острый. Художники, такие, как Бенвенуто Гарафоло или Джироламо Карпи, вдохновленные ею, писали на своих полотнах «ее грациозные формы, открывающие врата рая». Однако, пожалуй, больше всего поражали окружающих ее глаза. Эркуле Строцци говорит, что от ее взгляда человек мог вспылать страстью или окаменеть.

Одним из самых блестящих умов герцогской семьи был в то время Николо да Корреджо, сын Беатриче, внебрачной сестры Эркуле. Его отец умер до его рождения, он был воспитан своим дядей и женился на Кассандре, дочери Бартоломео Коллеоне, знаменитого венецианского кондотьера<sup>{112}</sup>. Уже в ранней юности он восхищался Изабеллой д'Эсте, своей двоюродной сестрой, и называл ее «моя единственная Мадонна». Однако с приездом Лукреции в Феррару титул этот перешел к новой герцогине. Для нее он танцевал, участвовал в беге за кольцами, ломал копья во время турниров, организованных Эркуле.

Другой выдающейся личностью феррарского двора был Эркуле Строцци; ближайший друг и доверенное лицо Лукреции, он первым рассказал ей об удачах и несчастьях рода д'Эсте и ввел ее в круг гуманистов города. Хромой от рождения, он был знаменит своими грустными и изысканными стихами. Лукреции нравились его хвалебные сонеты, и однажды она подарила ему розу, которую поцеловала. Он ответил ей следующим латинским четверостишием<sup>{113}</sup>:

О роза, распутившаяся на дорогой земле,  
Отчего твой алый цвет так лучист,  
Венера ли сделала его таким ярким или губы Лукреции,  
Поцелуй которой украсил тебя чистым багрянцем?

Окруженная поэтами, воспевающими ее красоту, благожелательность и скромность, Лукреция отныне будет покровительствовать искусствам, продолжая тем самым традицию семьи д'Эсте и увековечивая славу Феррары, как и свою собственную. Среди людей, которым она покровительствовала, можно выделить Челио Калканивини — латиниста,

математика, астронома, философа, друга Эразма; Якопо Кавичео — викария феррарского епископства, посвятившего ей свой странный роман «Peregrino»<sup>[64]</sup>; Джиральди — поэта, эрудита, одного из самых больших ученых своего века; Антонио Тебальдео — ученого, получившего образование в Болонье и покинувшего Мантую, чтобы найти приют у кардинала Ипполито и Лукреции, которая обращалась с ним достойным образом, в отличие от Изабеллы, кормившей его испорченным мясом и поившей кислым вином.

Между правящими семьями Мантуи, Флоренции, Неаполя началось своеобразное соперничество. Они старались отобрать друг у друга знаменитых людей. Общаясь с аристократами духа, придворные, по большей части суровые воины, становились тоньше, их ум и вкус развивались, так зарождался новый образ жизни. Некоторые произведения посвящались прославлению женщины, показывали ее превосходство над мужчиной. «Если до сих пор сочинители не были к вам благосклонны, — говорит Ариосто, — они стали такими теперь. Мы восхищаемся вашими добродетелями, и один из нас, желая выразить вам почтение, уже огласил склоны Парнаса и Пинда хвалами вам». Тот же Ариосто при всем своем уважении позволяет себе следующие иронические слова:

Дама утонченная и нежная,  
Вы, довольствующаяся единственной любовью,  
Точно станете — я в том уверен —  
Исключением в этом мире<sup>[114]</sup>.

Доверенным лицом Лукреции, бесспорно, был Эркуле Строцци. Лукреция с обожанием относится к этому ученому-латинисту, чей недуг — он был вынужден пользоваться костылем — еще более обострил его циничный ум. Он волнует Лукрецию, ставшую Галатеей этого нового Пигмалиона. Альфонсо не в восторге от личных качеств своего подданного, однако позволяет ему украшать герцогский двор блеском своего ума. Зато герцог Эркуле покровительствует этому замечательному переводчику комедий и уважает его за порядочность, благодаря которой Строцци избрали председателем феррарского Суда мудрецов.

В любой час дня Эркуле Строцци разрешено входить в апартаменты герцогини. Лукреция наслаждается обществом этого по-женски чувствительного, необыкновенного человека, просит у него совета. Строцци обладал не только неординарным умом, но, как и Лукреция, был

тонким ценителем красивой одежды, изысканных и оригинальных вещей. Именно он откроет для нее богатства Венеции. Для нее он заказывает чеканщику мессину Бернардино колыбель для будущего ребенка, выбирает шелка и муслин цвета лунного света. Поскольку его увечье не позволяет ему воевать, он проводит дни, нанося визиты Ювеналу, Марку Аврелию или Саллюстию, не забывая и о дамах.

## Глава XVII

### Любовь с первого взгляда

Однажды во время пребывания в Венеции Эркуле Строцци приглашает своего друга Пьетро Бембо после смерти Анджело Полициано посетить виллу Остеллато, которую герцог Феррары отдал в распоряжение Строцци. Пьетро, будучи сыном Бернардо, посла Светлейшей республики, получил образование у двух знаменитых ученых — Константина Ласкариса и Леоничео. В феррарском университете, где трудились великие умы того времени, а именно: последователь Цицерона Якопо Садолето, философ Челио Кальканьини, поэты Ариосто и Антонио Тебольдео, а также оба Строцци, радостно встретили Бембо.

Сам Эркуле д'Эсте, обычно очень сдержанный, питал к нему столь большое уважение, что дабы отблагодарить его за бесценное время, растраченное им на беседы при дворе, предложил ему остановиться в замке Бельригуардо, чтобы там он мог продолжить свои занятия Аристотелем.

Именно поэтому пять лет спустя, 15 октября 1502 года, в пригороде Остеллато Эркуле Строцци встретил своего друга, прибывшего из Комаккьо на огромной лодке, нагруженной греческими и латинскими книгами. Оба направились на виллу, построенную Борсо д'Эсте. Этот загородный дом с башней был окружен роскошным садом, смягчавшим суровость строения. Это место было по сердцу приятелям-литераторам. Строцци подправлял элегии Бембо, а Бембо советовал другу писать «на народном языке, чтобы дамы могли читать его стихи». Общение друг с другом доставляло им радость. Их идеалом был Петрарка, возможно поэтому они всегда искали Лауру.

Лукреция, чья интеллектуальная и художественная любознательность никогда не ослабевала, постоянно нуждалась в обществе Строцци, обладавшего уникальным даром находить ответы на все ее вопросы. Вероятно, только он один понял, как грустно этой женщине видеть преступления брата, как тяжело она переживает разлуку со своим сыном Родриго. И это разделенное горе еще больше укрепляло их взаимопонимание. Строцци решил, что общество Пьетро Бембо будет приятно Лукреции и он сможет развеять печаль, омрачавшую жизнь его госпожи.

Итак, венецианец был представлен обществу в доме Дианы д'Эсте.

Лукреция с любопытством оглядела этого покорителя женских сердец, прославленного знатока человеческих душ, которому было всего тридцать два года и о котором любили посудачить все итальянские дворы. Он был знаменит не только как гуманист, но и как красивый мужчина. Он имел благородную внешность, величественную осанку, мог держать в руках оружие, ездить верхом, владел копьем, взгляд его, в зависимости от настроения, бывал то приветливым, то суровым, то дерзким, то скромным, то серьезным. У него был точеный орлиный нос, чувственные губы, стройная фигура. Такое совершенство не могло не затмить в глазах Лукреции испанскую грубоватость ее супруга. В свою очередь Бембо поделился со своим другом удивлением и восхищением этой лучезарной женщиной, которой удалось придать Ферраре блеск, равный блеску первых дворов Италии. Свое восхищение он выразил в «Азоланских беседах» [\[65\]](#), опубликованных тремя годами позже, где он оставил нам следующий портрет дочери папы в начале XVI века:

*Ее прекрасные волосы сверкают, как полированное золото, и спускаются с плеч до самой земли. Вдоль висков на щеки падают похожие на нежные кисточки маленькие волнующиеся пряди, и это кажется каким-то чудом. Гладкость и приятная выпуклость лба свидетельствуют о том, что под ним нашел пристанище дух непоколебимой чистоты. У нее тонкие черные брови, под которыми сверкают и искрятся прекрасные глаза, подобные двум звездам в небе. Щеки ее округлы и нежны, с их свежестью едва ли может сравниться свежий румянец роз, распустившихся на рассвете. Маленький рот украшают рубиновые губки, настолько привлекательные, что в любом мужчине, даже если он холоден от природы или же умерщвлял свою плоть, они вызывают огромное желание их поцеловать.*

Не имея серьезных сердечных привязанностей в Венеции и желая очаровать герцогиню, Бембо пускает в ход всю свою живость, свободный ум и разнообразные таланты. Лукреция чувствует себя, как никогда, одной из Борджа и на некоторое время забывает о суровости д'Эсте и, в частности, Альфонсо, которому подданные дали насмешливое прозвище «*ruvido*» («неотесанный»). Все его силы отданы защите Феррарского государства. Он не дает себе передышки между литьем пушек и изготовлением военных машин, чертежи которых ему присылает Леонардо да Винчи.

Можно понять, что внимание Бембо приятно разнообразило жизнь

Лукреции. В окружении ближайших друзей она принимает его в Кастель Веккьо, где он вскоре становится ее наставником в чтении, суровым наставником, не позволяющим ей читать «Послания Святого Павла», средневековая латынь которых могла бы испортить ее стиль. Латинский язык в ту пору был языком не только эрудитов, но и языком хорошего общества: «порядочные люди» переписываются только по-латыни, а дочь папы принадлежала к числу «majores», великих. На поучения Бембо Лукреция отвечает тонко и просто, вступая с ним в бесконечные дебаты о парадоксальных высказываниях Петрарки, например: «Я лечу в небеса и лежу на земле, и, обнимая ничто, я обнимаю весь мир» или «мне приятны мои страдания, я смеюсь над моими слезами, мне одинаково не хочется ни жить, ни умирать».

Весной Лукреция получает от своего супруга разрешение поехать в Остеллато, куда недавно вернулся Бембо. Все ее ближайшие друзья садятся на герцогский корабль, расписанный тритонами. По реке и каналам гребцы везут их в золотистом тумане, наполненном жужжанием мошкар. Бембо, предупрежденный прислугой, встречает Эркуле Строцци и герцогиню на понтонном мосту. «Мессир Бембо», — окликнул его юный голос Лукреции, которая радостно соскочила на твердую землю. Венецианец и флорентинец зачарованно смотрели на это двадцатидвухлетнее божество, созданное, как им казалось, по самым строгим канонам красоты. Обратимся еще раз к воспоминаниям, оставленным Бембо:

*Когда ты, забавляясь, играешь своей белой ручкой на арфе или цитре, умело и изящно извлекая звуки, достойные самого Феба; когда ты, забавляясь, зачаровываешь близкие воды По, заставляя трепетать речной поток от звуков твоего сладкого голоса; когда ты, забавляясь, вся отдаешься танцу. О, как боюсь я, что случайно какой-нибудь Бог заметит тебя и похитит тебя из замка, вознесет ввысь в легком полете и сделает тебя богиней какой-нибудь новой звезды* <sup>[115]</sup> ...

Становится очевидно, что очарование Бембо подействовало, и Лукреция готова второй раз в жизни отдаться любви. «Она не подвержена никаким суевериям», — скажет Бембо. Именно так, естественно и без притворства, она попросила показать комнату в крепостной башне, где работал поэт-рыцарь. Три стрельчатых окна с небольшими стеклами в свинцовых переплетах освещали огромные столы, заваленные бумажными свитками. Одно окно выходило на Адриатику, всю в пенных барашках, на

облака, плывущие мирно, как лебеди. Из другого был виден пруд, населенный хищными птицами. Из третьего — парк, грустная сказочная страна, царство земли и сонных вод, испещренных пятнами света, в которых дрожали солнечные нити, рассеянные сумерками.

После первого визита Лукреция казалась околдованной хрустальным шаром, который подарил ей Бембо. Подарок этот был не столь невинен, каким казался, поскольку позволял вызывать в памяти и видеть любимое лицо. Он вдохновил Бембо на один из самых прекрасных его сонетов:

Поскольку любовь запретила мне дерзать  
С того дня, как я вступил в ее царство,  
Я не только не мог просить о снисхождении,  
Но даже не смел рассказать о своих страданиях.  
Ах, если бы сердце мое было из хрусталя,  
Мне не пришлось бы доказывать свою искренность,  
И моя Дама увидела бы все, о чем я молчу, —  
Вся моя боль открылась бы ее прекрасным глазам.  
Мне кажется, что ее белоснежный лик  
Затуманивает выражение жалости,  
Той, что часто заставляет бледнеть мое лицо.  
Только этого нет, в этом мне отказано,  
Надеюсь, Господь не желает моей смерти,  
Ведь бороться нет сил, а боль так велика <sup>{116}</sup>.

Лукреция ответила в том же тоне на это пламенное послание:

*Мессир мой Пьетро, что до вашего желания узнать, существует ли связь между вашим хрустальным шаром и моим, я не знаю, что еще сказать, разве только отметить их необычайное сходство, какого, вероятно, никогда прежде не бывало. Довольствуйтесь этим признанием, и пусть оно пребудет с вами всегда, как Евангелие.*

Тем временем в июне, как и каждый год, герцог Альфонсо отправился в поездку по Северной Европе, чтобы узнать об изменениях в политике и в военной науке. Преданные Лукреции гонцы носились между Остеллато и Феррарой. Бембо, оставшийся в Остеллато, писал своему другу Строцци, как тяготят его деревенский отдых и визиты муз, как он желал бы оказаться вместе с другом возле герцогини. Лукреция получила 3 июня следующую

записку:

*Я долго искал одиночества, тени прекрасных деревьев, покоя — всего того, что сейчас мне кажется скучным и непривлекательным. Что это означает? Новую болезнь? Я бы хотел, чтобы Ваше Высочество заглянуло в свою книжечку и узнало, отвечают ли ее чувства моим. Я отдаю свою судьбу на милость Вашего Высочества столько раз, сколько листьев в этом прекрасном саду, которым я люблюсь, облокотясь на подоконник маленького, дорогого мне окна <sup>[117]</sup>.*

Намеки на «дорогое окно», где он написал «книжечку», сборник пророчеств и сентенций, который они читали вместе, свидетельствуют о том, насколько они стали ближе. Лукреция все еще пыталась сопротивляться обаянию поэта, но вскоре она сочла, что не будет ничего дурного, если она снова будет счастлива. Дружеское чувство, которое питал к ней Бембо, переросшее затем в самую нежную привязанность, а затем и в обожание, не оставило ее равнодушной. Мечтать можно и в одиночестве, но любить нужно вдвоем. Чтобы защититься от любопытных глаз, она посоветовала венецианцу называть ее в письмах инициалами «F. F.» от слов «felice Ferrarese» <sup>[66]</sup>.

С наступлением летней жары все уехали из Кастель Веккьо в резиденцию в Меделане, где герцогиня держала свой «сад». Туда допускались лишь самые близкие ее арагонские друзья, ее пажи и оба Строцци. Состязания в ораторском искусстве начинались вечером с наступлением прохлады и продолжались до зари. Тема была одна: «Почему любовь — благо?». Эркуле Строцци, настольной книгой которого был «Пир» Платона, комментировал для Лукреции символ веры жрицы Диотимы: «Вот каким путем нужно идти в любви самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх — от одного прекрасного тела к двум, от двух — ко всем, а затем — от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов — к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь, наконец, что же это — прекрасное» <sup>[67]</sup>.

В эти дни Лукреция нечасто вступала в беседу. Ее чувства были столь глубоки, что она стыдилась их показывать. Тот, кто любит страстно, говорит мало, да и зачем рассуждать, когда тебе созвучна сама природа:

Все лесные твари любят,  
и дельфин в волнах вздыхает.  
А маленькая птичка дрожащим голосом  
нежно поет, и на трепещущих крыльях  
томно перелетает с сосны на мирт.  
Если бы она имела человеческий разум и голос,  
то сказала бы:  
«Я сгораю от любви к нему и из-за него умираю»<sup>{118}</sup>.

Словом, все напоминало Лукреции о том, кого с ней не было, и ее гости не старались нарушить ее молчание. Молодость, пыл и ранимость Алонсо Бишелье, к которому она питала страсть любовницы и любовь матери, не могли сравниться с тем, что она испытывала теперь. Пьетро Бембо был старше ее на десять лет. К его интеллектуальному превосходству присоединялись доброта, спокойствие, возвышенная любовь, какую она всегда мечтала встретить. Что касается Пьетро, то он хотел убедить себя в том, что «любовный экстаз не что иное, как соединение душ», однако прекрасно знал, что отношения с герцогиней, начавшиеся с куртуазной любви, делались более пылкими, превращались в страсть. Отныне они должны были соблюдать осторожность и могли довериться только верным людям: Эркуле Строцци, Анджеле Борджа и придворной даме Полиссене Мальвецци. Мысль о трагической судьбе Уго и Паризины неотступно преследовала их. Поэтому Бембо попросил Лукрецию, чтобы она была в высшей степени бдительна. С середины июня записки, которые она отправляла ему, она писала по-испански. Благодаря этому языку ее вновь охватило смятение первой любви. Пренебрегая всеми мерами предосторожности, она переписала для него стансы Лопеса де Эстунича:

Думаю, если бы жизнь моя подходила к концу и страдания  
постепенно убили бы желание, погибла бы большая,  
возвышенная любовь и в мире больше не осталось бы любви.

На это пылкое послание Бембо ответил следующим четверостишием:

Страдание мое так прекрасно,  
А надежда так давно умерла,  
Что от первого нельзя избавиться,

А со второй невозможно расстаться<sup>{119}</sup>.

В конце июня — месяца Юноны, богини семьи, — Лукреция велела отчеканить медаль, где заказала выгравировать огонь и изречение Платона, предложенное Бембо: «Est animus», что означает: «Только лишь душа подобна огню, рожденному из золота, которое ее пожирает». Чтобы поблагодарить за выбор этого высказывания, она посылает ему прядь волос и в ответ получает следующую записку: «Я в восторге от того, что каждый день вы находите новый способ разжечь мою страсть, как вы это сделали сегодня, прислав мне то, что еще недавно украшало ваше чело». Девять писем Лукреции — два по-испански, семь по-итальянски — хранятся сегодня вместе с той самой прядью в библиотеке Милана. А Байрон, восхитившийся ее волосами, «самыми прекрасными и самыми светлыми, какие только можно представить», ухитрился часть их стащить.

Бембо считал, что ему нечего опасаться страсти, однако и он попал «в сети той, что соединила в себе великолепие неба и земли»<sup>{120}</sup>. Они стали еще более осмотрительными. Отныне письма Бембо были адресованы Лизабетте, придворной даме, которая передавала их герцогине. Под посланиями Лукреции, написанными по-испански или по-итальянски, стояло условленное «F.F.».

Лукреция вскоре засвидетельствовала поэту глубину своих чувств вовсе не в письмах. Несколькоми днями ранее он написал ей: «Я чувствую, что сгораю. Я весь в огне». Возможно, таким галантным способом он спрашивал, испытывала ли Carissima то же самое. Однако на Феррару обрушилась эпидемия чумы, количество погибших все возрастало. У Бембо, который жил в доме Эркуле Строцци, действительно начался такой сильный жар, что он слег; Лукреция с двумя служанками явилась во дворец Строцци. Втроем они устроились у изголовья Пьетро, слушая и ободряя больного, который, окруженный такими знаками внимания, заявил, что «счастлив страдать». На следующий день Бембо отправил герцогине следующую записку:

*Целительное посещение, коим вы меня вчера почтили, чтобы подбодрить, прогнало слабость, обычно следующую за лихорадкой. Внезапно ко мне вернулись силы, словно я отведал божественного эликсира. К этому вы добавили приятные и нежные слова, полные любви и радости, и они вернули меня к жизни... Я целую эту руку, эту нежнейшую*

руку, какую когда-либо целовал мужчина; нет нужды говорить, что эта рука самая прекрасная, ибо ничего прекраснее Вашей Милости не могло появиться на свет <sup>{121}</sup>.

Еще не выздоровев окончательно, поэт вернулся в Остеллато. «Я уезжаю, о милая жизнь моя», — писал он. Несколько дней спустя Лукреция, супруг которой продолжал объезжать новые французские укрепления, поселилась неподалеку, в Меделане, вместе со своими шутами, собаками и дамами. Среди них была и Анджела Борджа, объект страстных ухаживаний сводного брата Альфонсо, незаконного сына герцога Эркуле. Эркуле Строцци, выполняя роль посредника, намеревался сделать так, чтобы достойно увенчать их любовь.

«Нельзя быть уверенным в завтрашнем дне», — написал в свое время Лоренцо Медичи. Понимавшие это Лукреция и Пьетро хотели как можно полнее прожить эти чудесные, неповторимые часы. В саду, пропитанном запахом эвкалиптов, лимонных и гранатовых деревьев, где солнечные лучи, проникая сквозь кроны деревьев, играли в воде фонтанов, казалось, что все настраивало на то, чтобы забыть обо всем, кроме надежды, наслаждения и признательности.

В эти дни влюбленный поэт писал:

*Я страстно желаю только одного: вновь любоваться моей любимой половиной, без которой я не просто нечто несовершенное, я — ничто, она не просто часть меня, она — весь я, и так будет всегда. Именно в этом, по-моему, и заключается самое сладкое человеческое счастье, и я не смог бы найти ничего столь же драгоценного, если бы не решился потерять самого себя, чтобы провести остаток жизни с одним лишь желанием и одной лишь страстью, пылающей до тех пор, пока этого хотят любящие сердца, если только небесам будет угодна их воля <sup>{122}</sup>.*

Лукреция преображалась. Ее тело до сих пор напоминало фигуры боттичеллиевских Венер, едва отмеченных женственностью, подобных девочкам-богородицам Кватроченто; теперь она, как это видно на гравюре с утраченной картины Тициана, обрела цветущие формы, очень ее изменившие.

Когда ее счастье достигло апогея, 5 августа она получила известие о смерти Хуана Борджа, кардинала-архиепископа Монреальского,

племянника Александра VI. Последний с грустью заявил послу Венеции Антонио Джустиниани: «Этот месяц будет неудачным для толстяков» (Каликст умер 6 августа, Сикст — 12-го). В Риме говорили, что когда солнце входит в созвездие Льва (Sol in leone), жара становится невыносимой, а близость болот порождает эпидемии. Вечером 5 августа Александр VI, Чезаре и несколько прелатов отправились ужинать за город к кардиналу Адриано де Корнето, в дом, окруженный топями, что было особенно опасно для здоровья. Нечем было дышать; папа и его свита, разгоряченные верховой ездой, выпили по кубку ледяного вина. Два дня спустя «все важные персоны были больны», сообщает оратор Светлейшей республики, которому Его Святейшество снова сказал в доверительной беседе: «Все эти смерти, что случаются каждый день, пугают нас и заставляют еще больше заботиться о нашей особе».

Бурхард, ватиканский церемониймейстер, сообщает в своем дневнике 12 августа: «В 10 часов вечера у главы Церкви проявились признаки лихорадки». Это случилось неделю спустя после ужина, устроенного кардиналом Корнето, который и сам заболел. Со своей стороны Джустиниани писал дожу, что Александр VI только что перенес кровопускание «от четырнадцати до шестнадцати унций, возможно, правильнее было бы сказать около десяти унций, но и это огромное количество крови для человека семидесяти трех лет»<sup>[123]</sup>. Лихорадка несколько спала, однако не исчезла вовсе. Бельтрандо Костабили отправил следующую депешу герцогу Эркуле Феррарскому:

*Вчера утром мне сообщили, что папу стошнило, что у него жар и ему спустили девять унций крови. В течение дня Его Сиятельство принял нескольких кардиналов, которые играли в карты в то время, как он отдыхал. Ночью он спал хорошо, однако сегодня между шестью и семью часами вечера у него случился такой же приступ, как в субботу, и придворные отказываются давать сведения о его состоянии. Я употребил все возможности, чтобы разведать, что происходит, однако чем больше я упорствую, тем меньше узнаю. Медиков, аптекарей и цирюльников держат поблизости и не позволяют им уходить домой, из чего я могу заключить, что болезнь серьезна*<sup>[124]</sup>.

17 августа Джустиниани писал в Венецию: «Лихорадка продолжает его мучить, и это становится опасным. Мне сообщили, что епископ Венозы сказал, что болезнь папы очень серьезна».

Наконец 18-го числа понтифик сел на своей кровати и в присутствии нескольких кардиналов прослушал мессу. Епископ Венозы вышел из комнаты со слезами на глазах и сообщил, что конец папы близок. На заходе солнца глава Церкви, Александр VI Борджа, отдал Богу душу.

## Глава XVIII

### Падение дома Борджа

Горе Лукреции было так велико, что любые слова утешения были бесполезны.

В своей комнате, завешенной черным, при закрытых окнах, не зажигая свечи или факела, она рыдает, скрывшись от всех. Хотя Александр VI стал причиной ее страданий, согласившись на убийство Алонсо и отдав ее во власть замыслов Чезаре, ее любовь к нему осталась прежней. Ведь это от него она унаследовала любовь к жизни, он следил за тем, как она росла, он вложил столько рвения, столько ума в то, чтобы дать ей образование, воспитать ее, научить всевозможным искусствам. Если сегодня ее поведение так идеально соответствует ее высокому рангу, если она держится как королевская дочь и даже еще лучше, этим она обязана его неусыпным заботам. Она не ест, не надевает украшений и в течение двух дней ее не покидает безысходное отчаяние. Она знает также, что с уходом отца и защитника ее судьба находится под угрозой.

По возвращении герцог Эркуле д'Эсте и Альфонсо приходят к ней, чтобы выразить ей соболезнования. Первым реальную поддержку оказывает ей Бембо:

*Вчера я пришел к Вашей Милости, чтобы сообщить о печали, причиной коей стало ваше горе, чтобы утешить вас, если только это в моих силах, и попросить хоть немного успокоиться, поскольку мне сообщили, что ваши страдания безмерны. Однако мне не удалось ни первое, ни второе. Едва я увидел, что вы уединились в темной комнате и предались отчаянию и слезам, чувства нахлынули на меня с такой силой, что я застыл, не имея сил ни говорить с вами, ни даже разобраться, что я хотел бы сказать. Я сам слишком нуждался в утешении, чтобы утешать другого, и я ушел, потрясенный до глубины души увиденной мною печальной картиной, почти онемев. Возможно, вы не нуждаетесь ни в моих жалобах, ни в моих утешениях, поскольку, зная о моей вам преданности и верности, вы знаете также, какую боль причиняет мне ваша боль, и ваша безмерная мудрость сама способна подсказать вам, почему вам необходимо успокоиться, и нет необходимости ждать, чтобы вам поведал об этом кто-то другой. Тем не менее я досаую на себя за то,*

*что в тот момент меня оставили даже те немногие силы, что у меня еще были. Ни одна из стрел судьбы не ранила так глубоко мою душу, как слезы, текущие из ваших глаз. Что касается моих утешений, то могу вам напомнить лишь одно: время смягчает и облегчает все наши страдания. Это не первый удар судьбы, что вам довелось снести, она неуклонно вас преследует. Прежде вашей душе пришлось вытерпеть столько боли, что теперь она уже довольно закалена против несчастий. Впрочем, нынешние обстоятельства требуют, чтобы вы не дали повода думать, будто вам дороже то положение, что отняла у вас судьба, чем то, которое вы еще занимаете*<sup>[125]</sup>.

На самом деле это достаточно смелое послание содержит ценные советы. Бембо обращает внимание Лукреции на непрочность ее положения: она дочь пожизненного государя. Отныне Лукреция будет скрывать свою печаль от окружающих. «Разбейся, мое сердце, ведь я должна молчать», — пишет она на полях своего молитвенника. Сила и достоинство, проявленные ею в несчастии, снискали ей восхищение и преклонение подданных. Однако могла ли она с уверенностью рассчитывать на привязанность свекра и мужа, которому она еще не дала детей? На самом деле хотя герцог и его сын совершенно не были опечалены, но все же, будучи честными людьми, ни один ни другой не собирались пересматривать условия союза их семьи с дочерью умершего папы. Дочь Александра VI сумела не разочаровать семью д'Эсте, доставить радость своему мужу, превратить Феррару в один из лучших городов Италии и завоевать любовь подданных.

Герцог Эркуле пишет Джан-Джорджо Сереньи, своему послу в Милане, городе, в то время принадлежавшем Франции, для того, чтобы поделиться с ним своими чувствами в связи с окончанием правления Александра VI и о беспокойстве, которое вызывает у него поведение Чезаре Борджа:

*Ежели ты желаешь знать, вызвала ли смерть папы у нас печаль, то сообщаем тебе, что она нас не огорчила. Более того, мы давно уже испытываем желание, чтобы Господь для общего блага христианства дал нам в доброте своей более подходящего и примерного пастыря и освободил бы Церковь от непристойности. Ни от кого из пап не получали мы так мало доказательств его милости, как от этого, даже после заключения брака, объединившего наши семьи. Лишь с большим трудом удалось нам заставить его выполнить свои обязательства. Однако ни в чем, ни в*

*большом, ни в малом, он не был нам приятен. По большей части, полагаем мы, виной тому Чезаре, который, не сумев сделать с нами того, чего он желал, повел себя с нами, как чужой. Он никогда не сообщал нам о своих намерениях, а мы не сообщали ему о наших. В конце концов, поскольку он склонялся к Испании, тогда как мы остаемся добрыми французами, мы не питали надежды ни на какую дружбу ни со стороны папы, ни со стороны его сына. Вот почему указанное событие не вызвало у нас разочарования, поскольку от герцога Романьи нечего ждать, кроме дурного* <sup>[126]</sup>.

Несколько дней спустя кардинал Пикколомини, друг Борджа, был избран папой под именем Пия III; Эркуле д'Эсте тем не менее пишет Чезаре, находившемуся в Риме, самое что ни на есть любезное письмо, даже обещает ему помощь, чтобы он смог сохранить свои владения в Романье.

Колебания в политике ничуть не занимали Лукрецию, для нее была важнее даже самая ничтожная информация, доходившая до Феррары, даже слухи о последних минутах ее отца и его полном одиночестве. Когда папа скончался, прислуга, как и было положено по обычаю, разграбила личные апартаменты покойного и завладела окружавшими его драгоценными предметами.

В этой опустошенной комнате под наблюдением Бурхарда помощник ризничего приступил к посмертному туалету, надел на папу белую сутану и попытался обуть. Однако поскольку золотые кресты с туфель были содраны, он надел на него домашние бархатные туфли, совсем простые и потому никого не прельстившие. Комната была «подчищена» с такой тщательностью, что распорядитель церемоний напрасно пытался найти епископское кольцо, чтобы надеть его на палец понтифика. Человек, так любивший драгоценные камни, украшения и любые предметы, радовавшие глаз, был перенесен в покои Попугая, где лежал без единого кольца, великолепный и нищий. Лишь две свечи горели возле него. Затем его прах был переправлен в храм Святого Петра в окружении ста сорока факельщиков, пятидесяти конюших, а также друзей дома, приживалок и слуг и всего лишь четырех кардиналов.

Небрежность и беспорядок царили на похоронной церемонии: поскольку не было партитур, хор не смог спеть «Non intres in iudicium» <sup>[68]</sup> и взамен исполнил «Libera». Тело целиком не умещалось в слишком маленьком гробу, и «шесть носильщиков смяли митру, покрыли папу куском старого полотна и ударами кулаков затолкали его в похоронный

ящик», — сообщает Бурхард, который, похоже, не слишком возмущен, поскольку слишком хорошо осведомлен о судьбе наследников святого Петра. Хорошими или плохими были они при жизни, после смерти они всегда были заброшены, о них никто не заботился посреди хаоса и грабежей. В полночь гроб покинул базилику, чтобы быть поставленным там, где погребли Алонсо Бишелье.

Вскоре начали распространяться слухи об отравлении папы. В качестве подтверждения ссылались на то, что лицо покойника быстро распухло и, как говорили, потеряло человеческий облик. «Он стал одутловатым и черным до того, что напоминал мавра; из его распухших толстых губ высовывался огромный язык», — сообщает тот же Бурхард. Но это не могло служить доказательством отравления. Однако эти подробности разжигали воображение толпы, которая охотно объясняла внезапные смерти знаменитых особ преступными причинами. Даже некоторые родственники Лукреции верили слухам. Франческо Мантуанский писал 22 сентября своей супруге Изабелле:

*Когда папа был болен, он твердил: «Я иду. Это точно. Подожди еще немного». Знающие его тайну говорят, что во время конклава, собравшегося после смерти Иннокентия VIII, он заключил пакт с дьяволом, купив у него папство в обмен на свою душу. В момент его смерти возле его постели видели семь бесов. Когда он испустил дух, тело его начало разлагаться, а изо рта пошла пена, словно из чугуна на огне. Он был погребен без особенной пышности, поскольку никто не хотел к нему прикасаться. Словом, похороны его были такими жалкими, что похороны горбуны, жены хромого из Мантуи, показались бы более достойными<sup>[127]</sup>.*

Тревога Лукреции возрастала с каждым днем, тем более что ее сын Родриго и его опекун Франческо Борджа, кардинал Козенцы, отныне находились под защитой только одного ее брата. Чезаре, подцепивший лихорадку в тот же день, что и его отец, решительно настроился отстаивать свои интересы в этой драматической ситуации. Прежде всего он велит перевезти ducchetto<sup>[69]</sup> Бишелье, римского инфанта и еще несколько отпрысков Борджа, а также Ваноццу Каттанеи, Санчу Арагонскую и Доротео Карачоло на защищенную крепостной стеной территорию замка Святого Ангела. Затем, все еще больной и не имеющий сил встать, на носилках он перебирается в цитадель Непи, избежав, таким образом, столкновения с кардиналами-врагами его отца.

Джулиано делла Ровере, возвратившийся из долгого изгнания, и Асканио Сфорца, освобожденный французами, прибыли в Рим на конклав, а сеньоры, которых Чезаре изгнал при жизни отца, теперь возвращались в свои владения: Бальони — в Перуджу, Джан-Мария Варано — в Камерино, Гвидубальдо — в Урбино. Жители Урбино устроили настоящий праздник, народ встречал герцога Урбинского приветственными возгласами, дети с оливковыми ветвями кричали ему «Feltro!», высокородные дамы выходили на улицу, старики плакали от радости. «Казалось, что даже камни, — пишет Кастильоне, — радуются и поют от счастья!» Что касается Джованни Сфорца, первого мужа Лукреции, то его не могло не устроить окончание этого правления, он благодарит Франческо Мантуанского за то, что тот его информировал:

*Высокочитимый брат мой, я благодарю за хорошую новость о печальном состоянии, в коем пребывает Валентинуа, которую Ваша Светлость подарили мне. Я получил от этого известия такую радость, что теперь надеюсь положить конец моим несчастьям. Я прошу вас оповестить меня о том, что вам удалось узнать об указанном Валентинуа, особенно не умер ли он. Тем самым вы доставили бы мне необыкновенную радость<sup>{128}</sup>.*

Избрание нового папы, казалось, позволяло заключить перемирие. Оно давало возможность Чезаре вернуться в Рим с эскортом из двухсот пятидесяти всадников и трехсот пехотинцев. Затишье оказалось коротким, поскольку 18 октября новый глава Церкви отдал Богу душу. Людовик XII тогда бросил своего «кузена» и предложил князьям д'Эсте свою поддержку, чтобы добиться развода с Лукрецией, которая, утверждал он, на самом деле не является женой Альфонсо, поскольку брак этот был ему навязан (хотя сам король Франции способствовал его заключению). Д'Эсте отказались от этого предложения по двум причинам. Во-первых, Чезаре по-прежнему был могущественным, во-вторых, Эркуле и Альфонсо, как и прежде, были по-настоящему привязаны к дочери Александра VI.

Испытания сделали молодую герцогиню Феррарскую более прозорливой. Избрание Юлия II, заклятого врага ее отца, не предвещало спокойствия. Она знала, как ненавидит он их семью и что злоба его не станет меньше от того, что сейчас он оказался на вершине славы. Лучше ей поддержать брата, несмотря на то, что он заставил ее страдать, тем более что он фактически оставался единственным надежным защитником двух ее

сыновей, Родриго и римского инфанта. Кроме того, чтобы помочь ему удержать государства, еще хранившие ему верность, она воспользовалась своими личными средствами и сумела завербовать тысячу пехотинцев и сто пятьдесят лучников под командованием испанца Педро Рамиреса. Необходимо было защитить Чезену и Имолу, которым угрожали солдаты Светлейшей республики. В свою очередь, предпочитая видеть Романию в руках Борджа, нежели в руках венецианцев, Эркуле д'Эсте по просьбе Лукреции отправил Пандольфо Колленуччо, чтобы он призвал население хранить верность Чезаре, к великому раздражению Большого Совета и дожа Леонардо Лоредана. Чезаре по-прежнему терроризировал сеньоров этих земель и хотел влиять на них через д'Эсте, чтобы держать в почтении Венецию.

Если в свое время Чезаре считался самым красивым мужчиной своего времени, то теперь это был просто мускулистый хищник с волосатым телом, его лицо было обезображено красными пятнами и прыщами. Таков был результат лечения, предписанного врачом Торелла, который, чтобы сбить температуру, обернул его еще трепещущими внутренностями мула, а затем окунул в чан с ледяной водой.

Несчастья, постигшие ее брата, и избрание Юлия II, о ком римляне говорили: «У нас есть папа лишь до полудня, после этого часа Его Святейшество пребывает в виноградниках Господа», — не предвещали ничего утешительного в будущем для детей Лукреции. После смерти Александра VI семейство Гаэтани вновь овладело Сермонетой, а Асканио Сфорца отвоевал Непи. Маленький герцог Бишелье, благодаря этому титулу находившийся под защитой Испании, не был уверен в своей безопасности. Знатные римские семейства вооружали свои войска, а испанцы, которым в свое время покровительствовал папа Борджа, опасаясь репрессий, покидали свои дворцы. Двери тюрем открывались, выпуская на свободу политических узников, равно как и обычных заключенных. На улицах каждый день находили и подбирали дюжины трупов. Ватикан был окружен баррикадами.

Лукреции хотелось бы, чтобы ей в Феррару привезли Родриго. 8 сентября Костабили, казалось, утвердил этот план: «Сегодня утром я говорил с наставником сеньора Родриго, он сказал мне, что тот еще не совсем выздоровел от четырехдневной лихорадки, но ему гораздо лучше, и как только он будет в безопасности, наставник привезет его в Феррару». Это означало самообольщаться. Но все-таки Лукреции пришлось отказаться от присутствия столь дорогого ее сердцу сына в Ферраре по многим причинам. Прежде всего потому, что многочисленные выкидыши

еще не позволили ей дать наследника своему супругу, затем из опасения, что в Ферраре этот молодой принц в один прекрасный день может нарушить порядок наследования герцогской короны, наконец, потому, что она осознавала уязвимость Борджа после того, как от них отвернулись Священная коллегия, знать и народ. Амбициозный замысел ее отца расширить Папскую область, чтобы превратить ее в сильнейшую державу полуострова, рухнул. От этого блестящего проекта остались лишь пепел и дым.

Учитывая серьезность обстоятельств, кардинал Козенцы, опекун Родриго, предложил Лукреции отвезти ребенка в Испанию, и ее свекор Эркуле в своем учтивом, но решительном письме недвусмысленно подтвердил, что он одобряет этот план, и вынудил ее принять его.

*Нам представляется, — писал он ей, — что Ваша Милость может и должна согласиться с тем, что предлагает сделать кардинал Козенцы. Мне кажется, что вы многим ему обязаны за то, что он не раз доказывал, как он привязан к вам и к вашему сыну, тем более что последний обязан ему жизнью, и это не вызывает сомнений. Действительно, дон Родриго сейчас далеко от вас, однако лучше, если он будет далеко, но под защитой, чем близко, но в опасности. Хочу добавить, что разделяющее вас расстояние не может стать причиной охлаждения ваших взаимных нежных чувств. Когда он станет взрослым, он сможет, в зависимости от того, какие к тому времени сложатся обстоятельства, либо вернуться в Италию, либо остаться за границей. Я считаю разумными меры предосторожности, предложенные кардиналом, а именно: продать движимое имущество герцога, чтобы обеспечить его нужды и увеличить доходы. Учитывая то, что я сказал, я полагаю, нужно согласиться с этим планом. Тем не менее если вы, обладая достаточной мудростью, будете придерживаться иного мнения, мы оставляем все на ваше усмотрение. Будьте здоровы <sup>{129}</sup>.*

Чтобы своей грустью не портить настроение приближенным, Лукреция снова уединяется в Меделане. Ежедневные послания из Остеллато от Бембо действовали на нее, как бальзам. «Я поступила правильно, — писала она ему, — когда вручила вам свою душу. В вас соединилось все то, что находит отклик в сердце, и то, что пленяет, и я всегда буду нежно любить вас как в радости, так и в несчастьи». Однако венецианец не мог долго оставаться почтительным утешителем. Страсть

вскоре вновь овладевает им. «Выпавшие на вашу долю невзгоды, — писал он ей, — не только не поколебали и не охладили мою страсть, но укрепили меня в моих мыслях и побуждают меня быть вам еще более полезным каждый день». Поэт уверял ее в своей верности в счастье, как и в несчастье, и воспевал «ту связь, что открывает путь душам, влекомым друг к другу желанием, и телам, тающим в объятиях друг друга».

Альфонсо, однако, в конце концов заподозрил нечто неладное в особенных отношениях своей жены с этим любезным и остроумным кавалером, чьи достоинства ничем не походили на его воинскую суровость. Однако то, что поэт находился подле Лукреции, укрепляло славу Феррары, и все же внешние приличия должны были соблюдаться. Герцог Эркуле, его сын и двор прибыли на сезон охоты в Остеллато, на ту самую виллу, которую герцогская семья отдала семье Строцци. Бембо увидел в этом своего рода предупреждение и под предлогом поездки в свои владения в Венето покинул дом три дня спустя. Однако в конце октября, больше не в силах выдерживать разлуку, он появился вновь. Этот короткий визит не укрылся от внимания Альфонсо, который в присутствии гостей и сокольничих продемонстрировал холодность незваному гостю. Бембо тем не менее не перестал уверять возлюбленную в своем постоянстве:

*Моя судьба, благодаря пламени, зажженному во мне F.F., будет самой возвышенной и самой светлой, чему доказательством сегодня служит любящее сердце<sup>{130}</sup>.*

Вынужденное возвращение к супружеской жизни заставило Лукрецию еще больше волноваться о Родриго, до сих пор он находился в заключении в замке Святого Ангела. Идея отправить его в Испанию под покровительство Изабеллы Кастильской с каждым днем нравилась ей все меньше. Его отъезд означал бы разлуку на несколько лет. Почему бы не попросить помощи у своей невестки Санчи? Принцесса Арагонская, неверная в любви, но верная в дружбе, ответила на этот призыв о помощи. Расставшись со своим супругом Гоффредо, она теперь жила в Неаполе на широкую ногу с любовником, представителем испанских государей Гонсальво де Кордова, вице-королем Неаполя. Поначалу она предложила Лукреции приютить своего племянника Родриго, однако, заботясь о своей независимости или же отдавая себе отчет в переменчивости своей личной жизни, которая послужила бы не слишком хорошим примером для ребенка, она посоветовала отвезти его в Бари к Изабелле Арагонской, ее

двоюродной сестре, вдове герцога Миланского.

Так в апреле 1504 года Родриго в сопровождении кардинала Козенцы прибыл в Неаполь, где Санча взяла его под свое покровительство на четыре месяца, после чего отправила его в Бари, здесь он был принят Изабеллой Арагонской, руководившей чем-то вроде школы для молодых людей благородного происхождения. Сын Лукреции должен был получить там испанское воспитание. Отныне он сохранит титул герцога Бишелье. В счетных книгах его матери с течением времени образовался целый список подарков, которые она отправляла всем тем, кто окружал Родриго: Sbemia и вышитые сорочки для герцогини, игральные карты для ее тринадцатилетней дочери, шпаги из позолоченного дерева для пажей *ducchetto*, снаряжение борзых для ловчих, ответственных за охоту, книги для Бальдассаре Бонфильо, наставника мальчугана.

Из Рима до Лукреции доходили также вести о Ваночце. Будучи женщиной предусмотрительной, она употребляла все силы, чтобы спасти свое состояние. После смерти Александра VI она завещала церкви Санта-Мария-дель-Пополо часовню, принадлежавшую ее семье, и свой дом на площади Пиццо ди Мерло. В благодарность августинцы пообещали ей каждый год служить заупокойную службу по двум ее покойным мужьям и по ней самой, когда придет время. Именно она сообщила Лукреции, что ее брат Чезаре — конченный человек, что он находится в тюрьме в Остии. Имущество его было конфисковано Юлием II, чтобы возместить ущерб его жертвам. Гвидубальдо Монтефельтро, герцог Урбинский, желая вернуть себе библиотеку и ковры, велел выпустить Чезаре из тюрьмы, и, как сообщает Уголини, «тот, кто заставлял трепетать тиранов, дважды склонился в глубоком поклоне, обвиняя во всем свою молодость и опасные советы, полученные им от отца, и обещал все вернуть». Лукреция не могла понять, как можно так унижаться и отказываться от своей семьи.

Вместе с тем до нее доходили слухи о празднествах, устроенных в те дни в Урбино. Все, кому пришлось испытать на себе ненасытную жадность Чезаре, намеревались теперь наверстать упущенное. Так, сразу же по возвращении в город, откуда ее изгнал Валентинуа, Элизабетта Монтефельтро первым делом поставила в своем театре спектакль о превратностях судьбы ее семьи, а именно о приеме, оказанном Лукреции во время ее путешествия к жениху, предательстве Валентинуа, обстоятельствах бегства государя и о взятии города. В последующие вечера актеры сыграли представление о ловушке для кондотьеров Синигалье, смерти Александра VI и, наконец, о триумфальном возвращении Гвидубальдо. Лукреция слишком хорошо знала, как переменчива бывает

судьба, чтобы не согласиться с тем, что после стольких страданий Элизабетта мечтает лишь о том, чтобы вернуться вместе с супругом к прежней жизни на своих землях. Разве сама она после смерти отца не обрела счастье рядом с Бембо? «Хотим мы или не хотим, нам придется жить до последнего дня, значит, нужно жить весело».

Однако она постоянно думала о Чезаре. Посол Феррары сообщил ей, что, поскольку ему нечего было больше ожидать от его «кузена» Людовика XII, он торжественно отрекся от захваченных территорий, покинул тюрьму в Остии и 26 апреля отплыл на корабле в Неаполь. Два дня спустя Гонсальво де Кордова принимал его в Кагель Нуово. Это означало броситься в объятия Испании и Арагонской династии, которую в свое время Борджа принесли в жертву ради своих целей, и прежде всего он отдавался в руки Санчи, которая, судя по всему, была не слишком расположена забыть убийство своего брата Алонсо Бишелье. Гонсальво де Кордова в свою очередь полагал, что власть, которую еще сохранил Чезаре в некоторых городах, враждебных Флоренции, например в Сиене или Пизе, а также несколько подчинявшихся ему верных полков могли сделать из него союзника. Изабелла Кастильская была иного мнения.

После того как Нуно де Окампо заключил Чезаре в тюрьму в Кагель Нуово, Изабелла назначила пленнику особо суровые условия содержания.

*Мы с большим прискорбием узнали о том, что в Неаполь прибыл герцог Романьи. Мы руководствуемся не только политическими причинами, поскольку, как вам известно, тяжесть совершенных им преступлений ужасна, и мы ни в коем случае не желаем, чтобы думали, что так дискредитировавший себя человек может находиться у нас на службе, даже если бы он дал нам крепости, людей и деньги... Мы написали герцогу Террановы (Гонсальво де Кордова), чтобы он прислал нам герцога под охраной двух галер, дабы он не устроил побега<sup>[131]</sup>.*

Этот переезд наделал много шума на всем Апеннинском полуострове. Под постоянным присмотром Просперо Колонна в сентябре 1504 года Чезаре прибыл в свой город Валенсию, которого никогда не видел да и сейчас не успел рассмотреть, поскольку его немедленно перевезли в крепость Шиншилла, находящуюся на высоте 700 футов.

Тотчас Лукреция при посредничестве испанских кардиналов и ораторов Феррары начинает предпринимать шаги для его освобождения. В депеше Костабили, датированной 27 октября 1504 года, содержались

первые сведения:

*Дела герцога Валентинуа не кажутся столь безнадежными, как говорили. Его мажордом говорил с королем, прося выпустить герцога на свободу. Тот ответил ему, что не отдавал приказа заключать его под стражу, но хотел держать его в своем распоряжении, так как Гонсальво выдвинул против него некоторые обвинения. Если эти обвинения ложные, он велит выпустить его из-под стражи <sup>[132]</sup>.*

После этой относительно обнадеживающей новости герцогиня Феррарская привлекла на свою сторону золовку, Изабеллу Мантуанскую, которая убеждала своего мужа Франческо помочь родственнице. Когда 26 ноября 1504 года скончалась королева Изабелла Кастильская, Лукреция сочла, что ей есть еще на что надеяться. Король Испании был настроен к Чезаре менее враждебно, чем его супруга, но у него были другие заботы. Его беспокоила проблема наследования права на престол своей супруги, так как из-за этого под угрозой было объединение двух корон — Кастильской и Арагонской. Итак, за исключением сестры, никто больше не интересовался судьбой Чезаре.

Разве могла Лукреция обрести покой? Ее бывший муж Джованни Сфорца, уничтоженный популярностью своего соперника в своем же городе и вынужденный бежать в Венецию, теперь вернулся в Пезаро, где яростно мстил тем, кто не выступил с оружием в руках против герцога Романьи. Он бросал их в тюрьму, вешал на окнах своих замков или же лишал их имущества. Что касается гуманиста Пандольфо Колленуччо, ставленника феррарских князей, Джованни приговорил его к смерти за то, что тот передал победившему Чезаре предложение о союзнчестве от лица Эркуле д'Эсте.

А теперь настал черед грустить и Пьетро Бембо. После смерти младшего брата поэта Лукрецию и Пьетро объединило горе. Вновь завязалась страстная переписка. «Будьте уверены в том, — писал он ей, — что здесь и повсюду, в печали и в радости я буду всегда вашим верным гелиотропом, а вы — моим солнцем». Вместе с посланием он отправил святой образок *Agnus Dei* <sup>[70]</sup>, что носил на своей груди, умоляя ее надеть его себе на шею из любви к нему, «чтобы маленький кружок, так долго касавшийся моего сердца, мог теперь прикоснуться к нежному алтарю вашего драгоценного сердца». Ожидая возможности увидеться с ней, он сообщает, что в начале следующего года пришлет ей свою книгу

«Азолианские беседы» — впоследствии ставшую знаменитой, — которая была посвящена ей. Фоном для этих великолепных диалогов служит замок в Азоло, при дворе Екатерины Корнаро, королевы Кипра. Там в течение трех дней три венецианских дворянина и три благородные дамы беседуют о любви. Первый, Пероттино, видит в ней источник страданий, так как из-за нее случаются конфликты и несчастья; второй, Джизмондо, напротив, восхваляет искренность любовных чувств, побуждающих людей превосходить самих себя; третий, Лавинелло, прославляет платоническое наслаждение, соединяющее чистые сердца. Дамы соглашались с ними или нет, в зависимости от своих наклонностей. Едва заметные изменения тона этих бесед, легкость и живость речей удивительно точно воспроизводят изящество и тонкость, столь свойственные образованным людям эпохи Возрождения.

Подтекст этой беседы о переменчивости чувств Бембо чаще всего адресует Лукреции. Обращаясь к ней с хвалебными речами и напоминая о том, как они дополняли друг друга, он из осторожности прибегает к множественному числу: «Вы не являетесь чем-то целостным, как и мы; мы и вы — только половинки друг друга». Он воспекает красоту ее тела, равно как и красоту ее души, а также ее превосходство над многими, которое он объясняет насыщенностью ее внутренней жизни.

Очевидно, что чувства их развиваются в сторону духовности. Будущее подтвердит это стремление к мистике, поскольку он в конце концов примет кардинальский сан, а она — монашеский обет.

Внешне успокоенный тем, что венецианца не было рядом с женой, Альфонсо д'Эсте отправился в свое ежегодное путешествие за пределы своего государства, сначала к Людовику XII, затем к правителю Фландрии и, наконец, к Генриху VIII. В декабре, находясь при английском дворе, он узнает, что его отец, чье здоровье ухудшалось в течение последних трех месяцев, тяжело болен.

Герцог Эркуле велел отнести себя в носилках в храм Святого Благовещения, особенно почитаемый флорентийцами, однако это паломничество не вернуло ему силы. В отсутствие старшего брата кардинал Ипполито предложил своей невестке стать регентшей герцогства «на тот случай, если герцог скончается». По возвращении в Феррару Альфонсо поблагодарил Ипполито за его безупречное поведение по отношению к Лукреции.

Это случилось 21 января 1505 года. В сопровождении супруги Альфонсо направился в комнату умирающего, лицо которого преобразилось при виде старшего сына. Альфонсо подошел к кровати,

встал на колени и попросил отца благословить его. Не беспокоясь более о будущем герцогства, отныне находившемся в надежных руках, умирающий попросил Лукрецию созвать музыкантов. Так в присутствии невестки и сыновей под звуки «Magnificat»<sup>[71]</sup> в исполнении Винченцо Монденезе и его хора герцог Эркуле д'Эсте покинул своих родных.

Городские колокола оповестили о кончине герцога, члены Совета мудрецов должны были собраться, чтобы официально признать кончину герцога и утвердить его наследника.

Только после этого могли начаться коронационные празднества, не дожидаясь, пока останки Эркуле д'Эсте будут перенесены в его последний приют, а цвета праздника уступят место цвету траура.

Вскоре всех оповестили о подготовке к церемонии передачи власти. Альфонсо одели в парадный костюм, украшенный шитьем, плюмажем и драгоценностями. Прежде чем он покинул замок и направился в герцогский дворец, придворные облачили его в плащ из белого узорчатого шелка, подбитого беличьим мехом, и водрузили ему на голову шляпу французского фасона.

В сопровождении своего брата Ипполито, сверкающего своей пурпурной мантией, и правителя Венеции герцог отправился в так называемый Большой каминный зал, где Тито Строщи, дуайен Совета Двенадцати Судей и Совета мудрецов, вручил ему шпагу и золотой скипетр. Знатные дамы под предводительством Джиневры да Корреджо пришли поприветствовать Лукрецию. Повинуясь указаниям епископа Адрии, она направилась к балкону, выходившему на собор, чтобы проводить триумфальную кавалькаду. В это время медные и бронзовые колокола оглушительно звонили. Когда, объехав город, кавалькада вернулась во дворец и пока затихал трезвон колоколов, Лукреция спустилась на парадный двор и поцеловала руку своему супругу в знак повиновения. Она шла, почти не касаясь земли, и вокруг нее падали на землю молочно-белые хлопья снега. Из-под ее горностаевой накидки виднелось пурпурное платье, а в волосах, сверкающих на солнце, поблескивали хрустальные искорки. Феррарцам эта картина показалась чудом. Новые правители вместе поднялись по ступеням, накрытым черным бархатом, они держали в руках большие флаги с гербами своего герцога. Рука об руку герцогская чета прошла под триумфальной аркой, в верхней части которой выделялись богиня судьбы и изречение «Regno, regnam, regnabo»<sup>[72]</sup>, напоминание о том, что богатство и власть государей должны быть освящены Богом.

Когда закончилась торжественная месса, когда гудел большой колокол, а толпа ликовала, между двумя львами, поддерживавшими столбы романского портала, показалась высокая фигура Альфонсо, а следом — хрупкая фигура Лукреции.

На следующий день праздничные одежды сменили на траурные и состоялись похороны усопшего: была отслужена месса, которую Жоскен Дебре посвятил своему покровителю. Под сводами Сан-Горджо хористы запели Купе Eleison<sup>[73]</sup> под аккомпанемент одних только труб — военных инструментов, игравших на герцогских похоронах. В течение целого года Лукреция носила траур по свекру. Черной была не только одежда. Парадные комнаты были затянуты черным, черные драпировки были и на каретах; придворные дамы были одеты в траурные платья и, как и их госпожа, они закрывали лица вуалью на болонский манер.

Общественная жизнь герцогини д'Эсте началась сразу же, поскольку Альфонсо поручил ей рассматривать прошения. У нее уже имелся опыт регентства в Риме и Сполето, и она превосходно справлялась с делами. В отношениях с иностранными государствами она зарекомендовала себя как лучший из послов: она согласилась стать крестной матерью внука одного из первых лиц Венеции, организовывала концерты духовной музыки для монсеньора де ла Палис и состоявших при нем французов. Политическая ситуация вокруг герцогства действительно была непростой: Венеция уже овладела Романьей и теперь имела виды на Феррару, а Юлий II, уже готовый подчинить себе Болонью, намеревался присоединить к Папской области также Феррарское государство. Новому герцогу были необходимы энергия и мудрость. Его астролог, некий Пьетро Боно, предрек, что правление его будет бурным, но славным.

Одним из первых было его решение устроить внутренний переход из парадных залов в личные покои Лукреции. Эркуле Строцци дал понять молодой женщине, что лучшее средство сохранить доверие Альфонсо — это распрощаться с некоторыми испанками и римлянками из ее свиты и окружить себя одними феррарками.

Осознавая, какие усилия прилагает его супруга, чтобы достойно играть свою роль, Альфонсо склонился к мысли о необходимости дать приют первому ребенку Лукреции, римскому инфанту, но не в Ферраре, а в Карпи близ Модены, у Альберто Пио. Последний племянник знаменитого Пико делла Мирандола, обвиненный в том, что оказал гостеприимство Джулио, и по этой причине изгнанный, желал вернуть милость своих государей. Поэтому он принял у себя «мнимого сына Валентинуа».

Любовь Лукреции к Бембо пострадала от ее восшествия на престол,

несмотря на то, что поэт писал ей: «Помните о том, что кроме вас я не думаю ни о чем, никем не восхищаюсь и ни перед кем не преклоняюсь. И если после смерти мой дух мог бы витать подле вас, я не хотел бы больше жить. Я должен пробыть месяц в Риме, а потом я приеду в Феррару». Бенедетто Калипули сообщает Франческо Мантуанскому, что 6 апреля мессир Пьетро Бембо покинул Венецию и направился в Ватикан, чтобы обсудить там судьбу городов Романьи, которые находятся под защитой Светлейшей республики после изгнания Чезаре Борджа, но на них претендует также святой отец. Итак, Бембо должен был отчитаться о своей миссии Совету Десяти, прежде чем вернуться в Феррару, где с первого дня Альфонсо установил за ним пристальное наблюдение. Лукреция не могла найти ни минуты, чтобы увидеться с Бембо наедине. Любовники поняли, что теперь их страсти суждено постепенно превращаться в нежность. Отныне в их письмах уже не будет букв «F.F.».

Помимо обязанностей, связанных с ее общественным положением, две заботы тяготили Лукрецию: ребенок, который должен был родиться в сентябре, а также — отныне и впредь — Чезаре.

Находясь в заключении в крепости Шиншилла, он попытался сбросить с башни своего стражника Габриэля Гусмана, и его перевели в Медина дель Кампо — одну из самых страшных крепостей. Там умерла Изабелла Кастильская, а ее дочь Хуана Безумная, супруга Филиппа Красивого, обитавшая там же, с каждым днем все больше погружалась в меланхолию. Что касается Чезаре Борджа, то его охватило безумие другого рода. Он превратился в живого мертвеца, но мечтающего, сидя в тюремном застенке, отвоевать свою свободу. Фаусто Эванджелизо писал: «Он сказал: «Я стану Цезарем или ничем». Он стал и тем и другим». Ему вторил Саннадзаро: «Ты побеждал все и вся, ты надеялся получить все, у тебя нет ничего: ты начинаешь превращаться в ничто».

В это время на Феррару обрушились два бедствия: землетрясение и эпидемия чумы. Четыре тысячи жителей вынуждены были бежать из города. Тито Веспасиано (ему было около девяноста лет) пострадал одним из первых. Что касается Лукреции, то она удалилась в Реджо, где придворные дамы нашли ее «потухшей и печальной».

19 сентября 1505 года Лукреция рождает сына, который получит имя своего деда Александра VI, но вскоре на нее вновь обрушится горе: ребенок умрет месяц спустя. Новый удар судьбы приводит Лукрецию в отчаяние, и даже трогательное послание Бембо не может ее успокоить; она решает покинуть Реджо и уехать в Бельригуардо, в городок Боргофорте, который принадлежит маркизу Мантуанскому. Судно причаливает в

маленькой бухте, украшенной флагами с гербами д'Эсте и Борджа. Так Франческо Гонзага напомнил о том, что десятью годами ранее Александр VI вручил ему Золотую Розу и велел дочери принять в своем дворце того, кого после битвы при Форни называли «освободителем Италии». В Боргофорте Лукреция стала, как прежде, скромной и деликатной. Ее тронуло то, что хозяин поинтересовался судьбой Цезаре. Ведь он предложил ей отправить лучшего из своих послов к испанскому двору. Обещание свое маркиз сдержал и в награду получил письмо, датированное 6 ноября, где каждое слово выражало искреннюю признательность. Так они провели два дня наедине, пока правила этикета не заставили их расстаться. Лукреция получила приглашение поехать в Мантую к Изабелле. «Хотя единственное мое желание — увидеться с вами, — писала Лукреция Альфонсо, — я завтра отправлюсь с визитом к светлейшей маркизе, поскольку, несмотря на мои возражения, мне следует подчиниться».

Красота Мантуи очаровала Лукрецию, все вокруг напоминало ей о Вергилии, родившемся в одной из соседних деревушек. Изабелла в Мантуе, она принимает Лукрецию в герцогском дворце и показывает ей знаменитые *camerini*<sup>[74]</sup>, украшенные картинами, фресками, античными статуями и эмблемами семейства семьи Гонзага, свою *camera del Sol*<sup>[75]</sup>, *camera degli Sposi*<sup>[76]</sup>, расписанную Мантеньей, а также свой легендарный потайной сад *la Grotta*, уединенное место вдали от мирской суеты, где, окруженная близкими людьми, Изабелла наслаждается работами Рафаэля и Мантеньи, которые прославляют ее в облике Венеры, царицы любви. Склонная к самолюбованию, маркиза Мантуанская любит роскошь и мечтает сделать свой город таким же прекрасным, каким Лоренцо Медичи сделал Флоренцию.

Когда несколько дней спустя Лукреция покидает гостеприимных хозяев, чтобы отправиться дальше, она еще не знает, что этот мирный дом скоро станет ареной братоубийственной войны.

## Глава XIX

### Время убийц

Словно в подтверждение того, что насилие существовало на итальянской земле испокон веков, 16 января 1506 года крестьяне извлекли из земли в одном римском винограднике, неподалеку от Золотого дома Нерона, скульптурную группу из мрамора, созданную в эпоху правления Августа и изображавшую историю Лаокоона, отговаривавшего троянцев вносить в их город деревянного коня и приговоренного богами к смерти: он был задушен двумя змеями. Сразу же с нее были сделаны многочисленные бронзовые копии, они появились во многих дворцах, в том числе и в Ферраре, которая, в свою очередь, готовилась пережить трагедию, достойную античности.

Высокомерием и жестокостью, надменностью и доблестью и в особенности преступлениями младшие сыновья Эркуле д'Эсте вполне могли соперничать с Атридами. Самым ужасающим из них представляется Ипполито; воспитанный как духовное лицо и блестяще образованный, он обладал воинственным характером, плохо сочетавшимся с его обязанностями. Находясь в тени, он довольствовался тайной властью, которую дополняло его распутство. Этот Янус-разрушитель любил охотиться на дичь, как, впрочем, и на людей, но своему другу Бальдассаре Кастильоне он казался совсем иным. Тот писал о нем:

*Посмотрите на сеньора Ипполито д'Эсте, кардинала Феррары, родившегося под такой счастливой звездой, что его личные качества, внешность, речь и поведение исполнены совершенной гармонии и грации и что в кругу старейших прелатов, несмотря на свою молодость, он пользуется столь великим авторитетом, что, похоже, ему более подобает учить, нежели слушать наставления.*

Видя перед собой этого достойного соперника Макиавелли, остальные братья остерегались заявлять о своих претензиях. Помимо Альфонсо, старшего брата и наследника, были еще Сиджизмондо, преисполненный благочестия и ничего не требующий, а также Джулио и Ферранте, его слабые копии, не обладающие ни его красотой, ни его умом, ни его ироничностью. Из всей семьи лишь Изабелла д'Эсте, маркиза

Мантуанская, по достоинству ценила очарование Джулио, внебрачного сына герцога Эркуле и Изабеллы Ардуино. На самом деле он был элегантной куклой, до смешного самовлюбленной. «Я был до того хорош в моем маскарадном костюме во время прошлого карнавала, — говорил он, — что никто в этом году не мог со мной сравниться, и я думаю, не сможет со мной сравниться в будущем... Все дамы только того и желали, чтобы я <sup>[133]</sup> соблаговолил потанцевать с ними» .

Альфонсо, Сиджизмондо и даже Ипполито приняли опеку отца, Джулио и Ферранте ее отвергли. Популярность Джулио у куртизанок была такова, что позволяла ему надеяться в один прекрасный день сложить с себя духовный сан. После смерти Эркуле Альфонсо и Ипполито обманули ожидания братьев. Альфонсо ограничился тем, что увеличил содержание Ферранте и подарил дворец своему сводному брату Джулио. Это вызвало прилив высокомерия у одного и вспышку гнева у другого. Опасаясь, что его действия вызовут раздражение у Ипполито, Альфонсо попросил Лукрецию отправить Джулио в замок Брешелло под надзор местного управляющего.

В этой, мягко говоря, напряженной обстановке в Ферраре появляется Анджела Борджа, двоюродная сестра Лукреции. Александр VI дал ей в женихи Франческо делла Ровере, однако после смерти папы помолвка была расторгнута, и после избрания Юлия II Изабелла Гонзага предложила вместо Анджелы свою дочь Элеонору, на которой Франческо, племянник нового папы римского, и женился пять лет спустя. Чтобы смягчить досаду Анджелы, Лукреция оставила ее у себя на службе. Анджела, восемнадцатилетняя очаровательная девушка, преисполненная жизненной силы и необыкновенно шаловливая, презиравшая правила этикета, решившая наслаждаться жизнью, напоминала Санчу Арагонскую. Возможно, именно поэтому Ипполито, питавший пристрастие к определенному типу женщин, стал за ней ухаживать. Видя, что девушка вдруг потеряла привычную живость, Лукреция потребовала у нее объяснений. Так она узнала, что Анджелу соблазнил дон Джулио и что он обещал, что добьется разрешения сложить с себя церковный сан.

1 ноября 1505 года Джулио в сопровождении нескольких всадников прибыл в Бельригардо якобы для того, чтобы засвидетельствовать почтение герцогине. Она, по причинам, нам уже известным, попросила его не задерживаться и вернуться в Феррару как можно скорее. Однако в тот же вечер Ипполито явился к Анджеле, которую усердно обхаживал. Но она призналась, что любит Джулио, и, выведенная из себя настойчивостью Ипполито, добавила: «Вы не стоите даже глаза вашего брата». Этого

оказалось достаточно для того, чтобы брат убил брата. Это произошло 3 ноября. Вместе с наемными убийцами Ипполито устроил засаду на дороге, там, где должен был проехать его сводный брат. Когда тот появился, люди Ипполито его разоружили, повалили на спину и острием своих шпаг выкололи ему глаза. Потом они бросили его, словно хлам, посреди дороги, неподалеку от замка.

Слуги отнесли раненого, которого обнаружил управляющий виноградниками, к лекарю. Этот бесчеловечный поступок напомнил Лукреции о судьбе Перотто, исколотого кинжалом у ног Александра VI. Решительно д'Эсте были из той же породы, что и Борджа. Ипполито и Чезаре стоили друг друга: оба были одинаково жестоки и высокомерны.

Врачи предприняли попытку спасти левый глаз жертвы, и к Джулио частично вернулось зрение, однако раны обезобразили его лицо. Отныне месть станет единственной целью Джулио.

Необходимо было наказать обидчика. Альфонсо, вынужденный считаться с кардинальским саном Ипполито и понимавший, что за скандалом последуют новые жестокие выходки, ограничился тем, что приговорил виновного к месяцу изгнания. Юлий II, ненавидевший д'Эсте, также мог воспользоваться случившимся, чтобы нанести роковой удар Феррарскому государству. Чтобы не навлечь на себя немилость папы или, еще хуже, чтобы не было начато расследование, от которого пострадали бы все его близкие и само герцогство, Альфонсо потребовал от своего несчастного брата, чтобы тот не только оставил всякую мысль о мести, но и простил Ипполито.

Вечером 23 декабря состоялось примирение. При свете факелов бедняга Джулио предстал перед окружающими с изуродованным лицом, и вернувшийся из изгнания Ипполито безразличным голосом выразил свои сожаления и обещал впредь вести себя, как подобает брату. Тогда Джулио, повернувшись к герцогу, схватил факел, поднял его перед собой и заставил кардинала посмотреть на его раны. Помолчав с минуту, показавшуюся собравшимся вечностью, он прошептал: «Что сделано, то сделано, но я прощаю его во имя любви к Ферраре».

Можно было надеяться, что за примирительными речами успокоятся и души. Но разве мог Джулио вынести мысль о том, что на празднике, где еще вчера перед ним преклонялись все, теперь он сможет вызывать одну только жалость, а его палач появится там, выставляя напоказ свою ярко-красную мантию, безупречную красоту и наглость? Тем временем празднества в Ферраре следовали одно за другим: то отмечали примирение братьев, то герцогиня устраивала маскарады или представления, то без

конца ездили на увеселительные прогулки верхом, разрешенные до поста.

Кроме того, следовало подумать о будущем Анджелы, которая родила мальчика, и, по странному стечению обстоятельств, ее сын Джиберто впоследствии женится на внебрачной дочери кардинала Ипполито, Изабелле. К счастью, бенефиции без труда убедили графа Алессандро Пио, сеньора Сассуоло, согласиться взять в жены Анджелу. Не считая себя виновной в случившемся, эта капризная и взбалмошная особа потребовала королевской свадьбы. Лукреция, будучи неисправимой Борджа, уступила ей.

В эти драматические дни Джулия Фарнезе, которая за год до того потеряла мужа и совсем недавно сестру, убитую ее пасынком, вернулась в Рим, во дворец Орсини, чтобы устроить бракосочетание своей дочери — самый блестящий союз, поскольку в брачном свидетельстве, составленном в Ватикане в ноябре 1505 года, было записано, что Юлий II согласен на брак своего племянника Николо делла Ровере с Лаурой Орсини, чьим отцом ошибочно считался Александр VI. Для Джулии эта церемония в присутствии Юлия II и кардинала Фарнезе представлялась апофеозом ее жизни, триумфом над врагом Александра VI.

Когда в апреле этого же года Альфонсо на время уехал из своего герцогства, он доверил управление им своей супруге. Альдо Мануций, посвящая ей книгу стихотворений Эркуле Строцци, недавно напечатанную им в Венеции, прославлял мудрость Лукреции, ее серьезность и доброту. Первыми этому правлению обрадовались евреи, с которыми в Ферраре доселе обращались плохо и которых она, достойная дочь Александра VI, защитила эдиктом от 28 мая 1506 года.

*В отсутствие нашего сиятельного сеньора нам из ваших писем стало известно об оскорблениях, кои наносят евреям некие жалкие особы. Наш ответ таков: мы высоко ценим ваши добрые услуги, в ваших действиях вы всегда проявляли твердость, пресекая нахальные выходы этих гнусных личностей.*

*Вы должны обвинять и наказывать кого угодно, кто наносит ущерб евреям нашего герцогства, и вы будете действовать в этих случаях так, как вы поступили бы, если бы речь шла о недобрых поступках одних христиан по отношению к другим. Такова наша воля. Настоящий эдикт должен применяться как в пользу евреев, так и христиан, так как мы считаем несправедливым оскорблять евреев. Вследствие этого без колебаний наказывайте злоумышленников и будьте уверены в том, что мы*

*всегда будем вас поддерживать до тех пор, пока не исчезнут эти негодяи.*

*Что касается уставов, если в некоторых случаях вам кажется, что они недостаточно действенны, мы приказываем вам осведомить нас о том, в чем именно они неполны, и сказать нам, как их надлежащим образом исправить или дополнить. После чего на вас будет возложена обязанность применять их <sup>{134}</sup>.*

Если за пределами дворца царит спокойствие, то внутри «в воздухе чувствуется что-то зловещее», как сообщает Проспери герцогине Мантуанской, а затем уточняет: «В отношениях между доном Джулио и кардиналом добра ждать не приходится». На самом деле если никто не сомневается в том, что Джулио готов покарать Ипполито, то никто еще не догадывается о том, что жертва затаила злобу против Альфонсо, обвиняя его в чрезмерной мягкости, и что Джулио предпримет попытку захватить власть вместе с Ферранте и другими людьми, полагавшими, что герцог и кардинал обошлись с ними несправедливо. Среди них были дворяне, например, граф Альберто Боскетти ди Сан-Чезарио, его зять Герардо де Роберти и нечистые на руку слуги, такие, как Джан Канторе из Гаскони. Последнего высоченного толстого блондина по прозвищу Джованни-певчий высоко ценил герцог за его красивый голос, а также как способного посредника.

Первая попытка убийства предпринимается в тот момент, когда герцог, решив развлечься, отправился к одной куртизанке, а та, якобы желая сделать более пикантными любовные игры, привязала его к постели... Придя в себя, герцог увидел, что его руки и ноги привязаны к стойкам кровати, а возле нее стоит Джованни-певчий, готовый перерезать ему горло, и он закричал. И этот головорез кинжалом разрезал путы и раздумал убивать его.

Провал этот мог бы обескуражить заговорщиков. Но не тут-то было, они задумали сначала избавиться от Ипполито при помощи яда, а затем убить Альфонсо во время бала-маскарада. Тем самым Джулио был бы отомщен, а Ферранте, законный сын, получил бы власть и стал правящим герцогом. Что касается Лукреции, ее предполагали сослать в монастырь.

Однако у Ипполито были свои шпионы. Он сообщил невестке об угрожающей им опасности и с ее согласия отправил двух наиболее преданных гонцов в Абруцци, где герцог, к великому неудовольствию Венеции, только что изучил главные порты на Адриатике. Деша застаёт его в замке, построенном Фридрихом Гогенштауфеном.

2 июля Альфонсо прибывает в Феррару, и на лице своего сеньора заговорщики читают свой смертный приговор.

Джулио тут же бежит в Мантую, к сестре Изабелле, Джованни-певчий добирается до Рима. Зато дон Ферранте, тоже пытавшийся скрыться, терпит неудачу. Его приводят к брату, и он на коленях молит о прощении. Вместо ответа Альфонсо острием шпаги выкалывает ему правый глаз. Несколько дней спустя Франческо Мантуанский, отказавший в убежище Джулио, выдает его герцогу, потребовав от Альфонсо обещание сохранить брату жизнь. На тех же условиях папа передает герцогу Джана Канторе из Гаскони. По приказу Альфонсо последнего заключают в клетку, подвешенную на Львиной башне. По прошествии недели пленнику удается удавиться. Его истерзанный труп волокут по улицам города, затем привязывают к концу шеста над По, куда постепенно падают, разлагаясь, части его тела. Другие заговорщики — граф Боскетти и его зять — арестованы неподалеку от города, закованы в цепи и обезглавлены перед Дворцом правосудия. Их головы насажены на пики, а четвертованные тела подвешены к воротам замка. Чтобы оставить потомкам память об этих показательных казнях, герцог д'Эсте, как говорят, пожелал, чтобы сестра прислала ему Мантенью, однако семидесятипятилетний художник не смог выехать из Мантуи, где ему суждено было умереть несколько месяцев спустя.

Жажда мести д'Эсте еще не была утолена. Оставалось казнить Джулио и Ферранте. 12 августа во дворе замка в присутствии государя, именитых граждан и магистратов два одноглазых брата, закованных в цепи, были доставлены к подножию эшафота. Однако, вопреки ожиданиям, Альфонсо подал знак и милостиво простил виновных, выбрав им иное наказание: пожизненное заключение в темницах Кастель Веккьо. С этих пор, кажется, никто из членов семьи больше не волновался о их судьбе. Спустя несколько недель после процесса, не беспокоясь о том, что поблизости находится Львиная башня, где томятся ее братья, Изабелла Мантуанская приезжает в Феррару, чтобы танцевать, петь, играть комедию, в которой речь идет о нежной и робкой любви.

Тридцать четыре года спустя смерть принесла освобождение Ферранте. Что касается Джулио, то он был освобожден в 1559 году, пробыв в заключении более пятидесяти трех лет. И освободил его внук Лукреции, Альфонсо II, по просьбе своей матери Рене Французской. Когда он вышел из тюрьмы, феррарцев больше всего изумило то, как он был одет. Одежда на нем была с того времени, когда его заключили в тюрьму. Все увидели, что за пол века под влиянием Карла V и испанцев итальянская мода сильно

изменилась.

Приговор, вынесенный двум братьям, не положил конец трагедиям и насилию. Юлий II, придя к власти, нападал на феодалов, которым удалось ускользнуть от Чезаре Борджа. В качестве вассала Церкви Альфонсо д'Эсте должен был оказать понтифику поддержку своими войсками. Он не сделал этого, в отличие от Гвидубальдо Урбинского и Франческо Мантуанского, связанных с семьей делла Ровере. 13 сентября Бальони сдались без битвы и вручили ключи от Перуджи Юлию II, который два месяца спустя триумфально вошел в Болонью. Людовик XII заверил его в своей покорности и предложил ему войска и пушки, чтобы покорить город. Так Бентивольо-Джованни, его жена Джиневра и их дети были изгнаны, и д'Эсте, вынужденные теперь войти в Папскую Лигу, не могли, под угрозой отлучения от Церкви, проявлять теплые чувства к изгнанному семейству. Альфонсо пришлось отказать в гостеприимстве своей сестре Лукреции д'Эсте Бентивольо и ее пяти дочерям. То, что болонцы охотно приняли папу, тревожило феррарских правителей, тем более что это еще больше укрепляло позиции Юлия II в его захватнических планах, к несчастью, весьма похожих на планы Чезаре Борджа четырехлетней давности.

26 ноября Лукреция узнала о побеге герцога Романьи. Двумя месяцами ранее умер король Кастилии Филипп Красивый, зять Изабеллы. Чезаре считал, что момент выдался благоприятный, и при помощи графа Бенаvente, главы партии сторонников Филиппа Красивого, он смог бежать из своего заточения, воспользовавшись канатом. В конце ноября он уехал в Памплону, столицу Наварры, где правил брат его супруги Шарлотты. Согласно хроникам, он «примчался туда, как демон». Сразу по приезде он начал писать Франческо Гонзага, еще сохранившему остатки верности семье Борджа, чтобы уведомить его о своем побеге. В послании, отправленном со вторым гонцом, он давал Ипполито, хранителю его собственности и движимого имущества, поручение собрать то, что еще оставалось от его состояния. 28 декабря Лукреция, в свою очередь, приняла посланника Чезаре, однако тот был арестован по приказу Юлия II. Тщетно уверяла она, что гонец прибыл лишь для того, чтобы сообщить ей новости об освобождении брата, и что он ничего не собирался предпринимать против святого отца, но тот был убежден в обратном. Вне стен Медина дель Кампо Валентинуа его тревожил, находясь в Наварре, он был опасен. Народ Романьи, похоже, предпочитал его тиранию тирании Церкви.

Между тем герцогиня Феррарская решила поддержать изгнанника. Она обратилась к Франческо Мантуанскому:

Сиятельный сеньор, мой родственник, мне стало известно, что Федерико, хранитель печати моего брата, был арестован в Болонье по приказу Его Святейшества. Я уверена в том, что он не совершил ничего предосудительного, поскольку прибыл не для того, чтобы сделать что-либо, что могло бы не понравиться или нанести ущерб Его Сиятельству. Кроме того, если бы на него было возложено подобное поручение, он прежде всего поставил бы меня об этом в известность, и я никогда не потерпела бы, если бы он дал хоть малейший повод к подозрениям, поскольку я остаюсь, как и сиятельный сеньор, мой супруг, самой преданной и самой верной слугой Его Святейшества. Я настоятельно прошу Вашу Светлость, если вы дружески ко мне расположены, посодействовать, чтобы Его Святейшество незамедлительно велел <sup>[135]</sup> освободить его .

В то время Чезаре был всего лишь тридцать один год, и он с трудом переносил бедность короля Наварры. Он передал Людовику XII просьбу разрешить ему вернуться на службу во Францию и вновь появиться при его дворе. На это монарх ответил, что отказывается принять того, кто бежал из темницы католического короля, и отдать ему одну из своих провинций.

В Ферраре начался карнавал, все шумно развлекались, чтобы затем, запершись, совершать покаяние в дни поста. Потом вновь последовали празднества, теперь уже Пасхальные, и герцог вновь отправился изучать литейное дело на Север Европы.

В этот момент и пришла весть о смерти Валентинуа. В отсутствие Альфонсо Ипполито сказал невестке лишь то, что брат ее был ранен в каком-то сражении. Он надеялся таким образом подготовить ее к роковой новости. 20 апреля правительница занималась текущими делами в большом зале Совета, как вдруг со двора донеслись звуки голосов. Всадник, весь серый от дорожной пыли, говорил с кардиналом. Несколько минут спустя прибыл Ипполито в сопровождении Хуанито Гарсия, пажа Чезаре Борджа. Молодой испанец сообщил Лукреции, что брат ее умер недалеко от Вианы. Лукреция совладала с собой — сестра уступила место герцогине — и произнесла странные и благородные слова: «Чем больше я стараюсь жить в согласии с законами Божьими, тем чаще он посылает мне весть. Я благодарю Бога и заявляю, что довольна всем тем, что угодно ему». Эти слова, простые и безысходно смиренные, и стали надгробной речью Лукреции.

Вечером, пока над городом медленно разносился погребальный звон,

Лукреция удалилась в монастырь Тела Господня, чтобы молиться в окружении монахинь.

Постепенно до Феррары стали доходить подробности об окутанных тайной последних часах жизни этого полубога, державшего в страхе большую часть Италии. Король Наварры поручил Валентинуа разгромить Луи де Бомона, постоянно угрожавшего правителю Памплоны. Сражение произошло ночью. Бомон, внимательно за всем наблюдавший, отдал приказ заманить герцога в овраг. Охрана находилась от Чезаре на расстоянии арбалетного выстрела; один против всех, он дрался как герой. Сначала его ранили в подмышку, затем выбили из седла, после чего противники пронзили его пиками, похитили его блестящие доспехи, а самого бросили в ров, где он был найден лишь несколько дней спустя. Такова была суть сообщения, переданного по поручению короля Наварры Альфонсо д'Эсте.

От Эркуле Строцци, своего наперсника, Лукреция не стала скрывать своего горя. Чезаре до последней минуты вел себя как солдат, однако этот горький конец странным образом напоминал самоубийство. Можно ли поверить, что сильный, ловкий, осторожный воин сгинул в один миг? Герцог Романьи бросил вызов судьбе, выгравировав на своей шпаге «Aut Ceasar, aut nihil». Ответ Фортуны был суров. Он был изнурен годами сражений, жестоко изувечен во время побега из цитадели Медина дель Кампо, отвергнут миром, ничтожный король Наварры обращался с ним, как с низшим, а Людовик XII принес его в жертву. Покрытый двадцатью тремя ранами, лишенный доспехов и одежды, совершенно голый, он закончил свою бурную жизнь на заснеженной земле Испании.

Поэт Эркуле Строцци внимательно слушал «Lamento»<sup>[77]</sup> сестры погибшего и восхищался тем, что она совершенно не помнила зла, помнила лишь то добро, что сделал ей брат, поставив ее во главе самого стабильного итальянского государства. Как доказательство сострадания, Строцци написал великолепную песнь, посвященную Diva Lucretia<sup>[78]</sup>, нечто вроде поэтического ответа на «Государя» Макиавелли: Чезаре, посланный Провидением, чтобы объединить Италию и восстановить славу античного Рима, — рука, Александр VI — ум. Произведение заканчивается похвалой светилу, музе, вдохновительнице, Антигоне, преданной брату.

У Чезаре Борджа осталось несколько детей, из которых лишь один ребенок был законным — Луиза. Ее после смерти матери приютила у себя Луиза Савойская, мать Франциска I, который взял на себя хлопоты о ее замужестве и выдал ее за Луи де ла Тремуя, а после его смерти — за Филиппа Бурбона, виконта де Бюссе<sup>[136]</sup>. Лукреция позаботилась о двух

внебрачных детях своего брата: Джироламо женился на девушке благородного происхождения из Феррары, а Камилия, имевшая, как и ее тетка, склонность к изящной словесности и искусствам, постриглась в монахини под именем сестры Лукреции.

Что касается состояния Чезаре, то д'Эсте намеревались завладеть им. Прежде чем отправиться на корабле в Испанию, Чезаре попросил Ипполито получить в Ферраре наиболее ценное его имущество, доверенное Франческо Рамолино, кардиналу Сорренто. Этот прелат сохранил движимое имущество и попытался отправить кардиналу д'Эсте драгоценности, ценные доспехи и произведения искусства, однако флорентийцы завладели частью обоза и потребовали выкуп за возвращение этих сокровищ. После смерти кардинала Сорренто в мае 1507 года Юлий II велел конфисковать богатство покойного, а именно то, что у него хранилось, то есть двенадцать сундуков и восемьдесят четыре тюка с восточными коврами, фландрскими гобеленами, а также ткани и мебель. Что касается сокровищ, похищенных у Церкви сразу после смерти Александра VI и «удержанных» Бентивольо, то они были возвращены Ипполито д'Эсте, то есть Лукреции.

Чезаре ни в чем не был посредственностью: ни в пороках, ни в добродетелях, ни в страстях, ни в преступлениях. Он всегда жил, пренебрегая правилами, и проявил постоянство только в своей необузданности. Он ни в чем не знал меры, и это наложило отпечаток на его личность, чем и объясняется его неспособность быть счастливым. Герой, сын папы римского, ставший кардиналом в семнадцать лет, готовый вступить на королевский трон, способный блистать на громаднейших сценах, погиб в неизвестной глуши в Наварре, а эпитафией ему в Санта-Мария-де-Виана стали следующие строки Сориа:

Здесь покоится под слоем праха  
Тот, кого все боялись,  
Тот, кто в своих руках  
Держал мир и войну.  
О ты, что идешь в поисках  
Предмета восхваления,  
Если хочешь восславить достойнейшего —  
Здесь конец твоего пути <sup>{137}</sup>.

Лукреция наконец была свободна от этой угнетавшей ее тени. Телу ее

и душе стало легче, она намеревалась сохранить свою новую беременность до положенного срока и дать Ферраре долгожданного наследника.

## Глава XX

### Последняя любовь

К Альфонсо возвращалась надежда. Своей супруге, отяжелевшей от беременности, он подарил котел, топившийся дровами, чтобы упростить ежедневные купания. Он велел расширить ее покои, привел в порядок сводчатую комнату в башне, расписанную Гарафоло. Как и в Ватикане, где Лукреция жила среди персонажей Пинтуриккьо, в Ферраре ее глаз наслаждался живописью, украшавшей стены и потолок, изображавшей д'Эсте в окружении их придворных, сцены охоты, сельские пейзажи. Мастерами здесь были Эркуле Бонакоссو, Лудовико Мадзолино и Бартоломео Венециано.

В углу комнаты рядом с гигантским камином был устроен шатер из красного атласа с белыми полосами, напоминающий дарохранильницу и предназначенный для защиты от холода ребенка, рождения которого ожидали. Там поместили колыбель работы резчика Бернардино Венециано, она была окружена четырьмя стойками, образовавшими беседку: от самой кровати вверх поднимались золотые цветы и листья. Изнутри она была обита атласом и устлана простынями и подушками из тончайшего батиста.

3 апреля, когда роды были совсем близки, герцог Альфонсо покинул Феррару, не сказав ни слова жене. Своему ближайшему окружению, удивленному этим отъездом, он сообщил, что отправляется в Венецию на переговоры с Советом Десяти. На самом же деле он просто хотел уехать. Однако Фрассина, акушерка, неотлучно была на месте. Она подтвердила свою отменную репутацию, и утром 4 апреля родился крупный мальчик, довольно некрасивый, с приплюснутым носом. Его назвали Эркуле в память о деде. Альфонсо, примчавшийся в Феррару во весь опор, увидел, что сын его хоть и не красавец, зато, похоже, проявляет волю к жизни. Этого было достаточно. В приливе гордости он показал его, совсем голенького, послам, пришедшим с поздравлениями, чтобы они убедились в том, что «он здоров и все, что надо, у него на месте».

Все осужденные были амнистированы, за исключением дона Ферранте и дона Джулио, погребенных в подземных камерах Кастель Веккьо. Епископ-поэт Октавьян де Сен-Желе, отец великого Меллена, гость Эркуле Строцци, воспел в небольшой оде рождение законного принца. Он воздал

должное красотам двора:

В кроватке был младенец  
Прекрасный на диво: ни плача, ни испуга,  
В ярком одеянии с разрезами,  
Прекраснее и величественнее  
Всех на свете. Это был сын короля.  
Возле него — чинная,  
Красивая и грациозная кормилица,  
Хорошо и аккуратно одетая  
В зеленый бархат с длинным ворсом,  
И бесчисленные дамы с ангельскими лицами,  
Богато одетые в золотистое сукно и атлас.

Странный поворот истории: сын, который станет преемником своего отца Альфонсо под именем Эркуле II, позднее женившись на дочери Людовика XII, получит титулы герцога Шартра и Монтаржи.

После крестин Альфонсо отправился во Францию. Ему предстояло отговорить короля от вступления в лигу, которая формировалась для борьбы с Венецией. Он опасался, что его вынудят войти в нее, поскольку географическое положение Феррары неизбежно подставляло его герцогство под первый же удар в случае конфликта. Лукреция, как обычно, приняла бразды правления и готовилась воспользоваться относительной свободой, чтобы принять своего верного поклонника Франческо Гонзага.

Когда она была еще увлечена Бембо, маркиз Мантуанский инстинктивно выбрал верную манеру поведения: он мягко и уверенно убеждал Лукрецию, что можно смягчить участь Чезаре, находящегося в испанской тюрьме, а д'Эсте считали, что герцога Валентинуа уже ничто не спасет.

Полагаясь на свое умение вести переговоры и сильно переоценивая свои возможности, он даже подумывал о его освобождении. Лукреция убедилась в его преданности, и ее чувство благодарности переросло в нежность. Мавританская внешность Франческо напоминала внешность Альфонсо. Его выразительная некрасивость очаровала Лукрецию: его густая грива, черная и курчавая, его курносый нос и мясистые губы, роскошная борода, миндалевидные глаза и африканский профиль выдавали в нем человека чувственного, верного и по-детски жизнерадостного. Свой невысокий рост и приземистую фигуру он компенсировал кошачьей силой

и ловкостью. Превосходный наездник, он брал лошадей только из своей конюшни, славившейся по всей Европе. Он мог нравиться или нет, однако его невозможно было забыть, о чем свидетельствуют скульптура из терракоты, выполненная Кавалли, которую сегодня можно видеть в Мантуе, или же «Богоматерь Победы», находящаяся в Лувре, где Мантенья изобразил его коленопреклоненным перед Марией, равно как и его портрет, приписываемый Бонсиньори.

Тем не менее Франческо приходилось терпеть пренебрежение Изабеллы, считавшей себя идеальной супругой и решительно настроенной выполнить свой супружеский долг. Она была с ним нежна только когда куда-то уезжала. Если во время своих поездок в Милан к сестре Беатриче она писала ему, что вдали от него скучает до смерти, то вернувшись, она пренебрегала им, и порой доходило до того, что сама доставляла ему хорошеньких девушек, чтобы еще больше держать его в подчинении. Тициан написал ее великолепный портрет, передав не только надменное выражение ее лица, но и черствость.

Подавленный высокомерием своей супруги, ее хвастливо демонстрируемыми талантами и любовью к лести, Франческо обнаружил, что Лукреция — это ее приятная противоположность. В отличие от своей золовки она была снисходительна и добра, всегда приходила на помощь в случае беды, несправедливости или страдания. Ее простота и естественность не могли не волновать. Но на этот раз сама Лукреция с состраданием отнеслась к тому, чью внутреннюю драму она почувствовала. Между ними быстро установилось настоящее взаимопонимание, так что придворные дамы герцогини заметили это уже в 1506 году, и среди них Полиссена Мальвецци, написавшая маркизу Мантуанскому после его отъезда из Феррары: «Нам кажется, что из нас ушла жизнь, когда мы лишились вашего благотворного, сердечного, божественного общества... Пирь не развлекают более нашу госпожу, радостный смех придворных и нарядных и веселых дам не может прогнать тоску и заменить Вашу Светлость».

Первое время они встречались в дворцовых садах, она — в сопровождении своих дам, он — своих придворных, словно случай вел их навстречу друг другу. Он приветствовал ее, преподносил ей розу и утверждал, что цветы эти являются частью ее самой.

После смерти Чезаре между ними завязалась активная переписка. Лукреция подписывалась вымышленным именем Барбара, Франческо или Гвидо. Что касается доверенного лица, Эркуле Строцци, то он подписывался Цилио. «Уверяю Вас, — писал он галантному кавалеру, —

что Барбара Вас любит. Она сожалеет о том, что Вы не проявляете к ней интерес, однако Ваша скромность ей нравится... Я не знаю, как выразить охватившую ее страсть, как можно скорее приезжайте к ней. Она любит Вас гораздо больше, чем Вы думаете, Вам следует проявлять больше пылкости, чем сейчас, и если Вы не добьетесь того, чего желаете, я разрешаю Вам выразить мне неудовольствие. Так что покажите, что Вы нежно ее любите, ничего другого она от Вас не ждет. Она попросила меня не спешить с этим письмом, потому что хотела написать Вам сама, однако глаза ее еще слабы после родов. Она вверяет свою судьбу в Ваши руки и говорит, что Камилло [Альфонсо] перед отъездом сказал ей, что ему доставит удовольствие помириться с вами, она желает, чтобы вы попытались это сделать, поскольку тогда вы тотчас сможете приехать к ней»<sup>[138]</sup>.

Роль Эркуле Строцци в жизни Лукреции была поистине удивительной, тем более что Альфонсо не скрывал, что враждебно относится к нему. Когда тремя годами ранее, после смерти отца Эркуле, Тито Веспасиано, Альфонсо лишил его поста верховного судьи в Совете Двенадцати, Лукреция взяла его под защиту. Став незаменимым, этот наделенный интуицией и сложным характером человек умел поддерживать довольно неопределенные чувства Лукреции к мужу и ее склонность противиться опеке д'Эсте. Он с увлечением следил за тем, как росла ее возвышенная любовь к Бембо, затем грел чувство своей государыни к Франческо Мантуанскому, зная, что сильно рискует, действуя таким образом. Он писал Франческо: «Я по тысяче раз за час подвергаю свою жизнь опасности». Что он надеялся получить в ответ? Он владел виллами, дворцами, был знаменитым и уважаемым, деньги интересовали его мало, даже если иногда он и просил у Лукреции финансовой помощи. Для него главным было стать властителем ее дум.

Судьба распорядилась по-своему. Они поменялись ролями: Строцци любил Барбару Торелли, жену Эркуле Бентивольо, примитивного человека, которого образованность и утонченность супруги выводили из себя. Напрасно он оскорблял ее, казалось, что ничто не может ее унижить. Дошло до того, что в один прекрасный день он предложил своему другу епископу взять его жену на месяц за тысячу дукатов и пригрозил ей, что если она не согласится на сделку, он обвинит ее в том, что она пыталась отравить его.

На этот раз чаша терпения переполнилась. Барбара бежала сначала в Урбино к Элизабетте Гонзага, своей родственнице, затем в 1502 году — в Феррарское герцогство к монахиням Сан-Рокко. Добровольное заточение

вызвало к ней симпатию окружающих, однако положение ее оставалось опасным, и «эта очень красивая и очень мудрая дама» попросила у герцога Альфонсо разрешения остаться в его герцогстве. Тронутый ее мужеством, он официально признал ее права, заверил ее в своем покровительстве, несмотря на родственные связи между д'Эсте и Бентивольо, и представил ее Лукреции. Та приняла ее к своему двору и попыталась помочь ей вернуть приданое, на, несмотря на раздельное проживание, признанное церковью, Бентивольо не дал ей ни дуката.

Больше всех волновался Эркуле Строцци. Очарование и достойное поведение Барбары потрясли его, он влюбился в нее и женился на ней. Возле Пармы, в замке Монтекьяргуло, в родных местах Торелли, до сих пор можно прочесть высеченную на камне надпись, датированную 10 октября 1491 года: «Великолепная Барбара Торелли, жена Эркуле Бентивольо, уехала отсюда в Пизу, чтобы выйти замуж. Радостное начало не предвещало дальнейшей грустной судьбы. Муж, отвергнув ее в 1503 году, отказался вернуть ей приданое в 1000 дукатов. Оставшись вдовой и одолеваемая своими родственниками Бентивольо, она ненадолго обрела покой в обществе двух своих дочерей, Констанцы и Джиневры, и повторно вышла замуж в декабре 1507 года за поэта Эркуле Строцци, вызывавшего всеобщее восхищение». В этой надписи следует отметить две ошибки: с одной стороны, Барбара могла бежать лишь с одной дочерью, младшей, тогда как старшая, посаженная отцом под замок, осталась в Болонье; с другой стороны, Эркуле Бентивольо, как мы увидим, на несчастье Эркуле Строцци, в 1508 году находился в полном здравии.

Став женой человека утонченного, увечье которого трогало ее, Барбара почувствовала, как она возвращается к жизни. Она подарила поэту дочь, а восемнадцать дней спустя его не стало.

6 июня на заре у дворца Парески, ближайшего к дворцу семьи Строцци, и недалеко от укрепленной стены дома Ромеи было обнаружено тело Эркуле Строцци. Он был завернут в свой плащ, лицо его было изуродовано двадцатью двумя ранами, волосы вырваны. Странно, что возле тела не было следов крови. Близкие догадывались, что преступление было совершено далеко отсюда и убийцы сознательно захотели устроить эту мрачную инсценировку, положив костыль возле жертвы и разложив вокруг его головы несколько его золотистых прядей.

На следующий день, когда новость облетела город, все встревожились. Строцци был знаменит в Италии как самый остроумный поэт своего времени, друг Бембо и Ариосто, которому покровительствовала герцогиня. И вот он уходит во цвете лет, ему едва исполнилось двадцать семь. Никто

не осмелился открыто выдвинуть гипотезу о том, кто совершил преступление, «чтобы не украсить своей головой крепостные стены», — писал Просперо Изабелле Мантуанской. Франческо Гонзага предложил награду в 500 дукатов тому, кто сообщит сведения об убийцах, однако никто не явился. Правосудие Феррары, обычно столь скорое, на сей раз вело себя удивительно сдержанно, особенно если учесть, что жертва была членом суда Совета Двенадцати. Что касается герцога Альфонсо, то он ограничился заявлением, что «случившееся — злосчастное происшествие».

Разумеется, Эркуле Строцци имел право на пышные похороны, однако никто из д'Эсте на них не присутствовал. Одни лишь гуманисты проводили своего друга. Челио Кальканьини под сводами кафедрального собора в своей надгробной речи воздал должное герцогине: «...Как велик труд, проделанный им за эти годы. Столь блестящее дарование объясняет, почему его так уважала супруга государя, Лукреция Борджа, которой он всегда был благоговейно предан». Напоминание о покровительстве, которое герцогиня оказывала Строцци, свидетельствует об отваге Кальканьини, поскольку ходили самые странные слухи. Одни говорили, что герцог страстно влюбился в Барбару и велел избавиться от докучливого Строцци, чтобы добиться своего. Другие утверждали, что Лукреция, влюбившись в своего наперсника, была против его женитьбы. В 1916 году историк Луцио, найдя письма Лукреции к маркизу Мантуанскому, счел, что можно предположить, что Альфонсо пришел в ярость, обнаружив, какую роль играл Строцци, способствовавший нежным чувствам его супруги к маркизу Мантуанскому, приглашенному в Феррару в его отсутствие.

На самом деле Лукреция и ее муж не имели отношения к этому преступлению. Письмо вдовы позволяет с гораздо большей степенью вероятности обвинить в этой смерти семью Бентивольо, поскольку поэт, даже знаменитый, ничего не значил по сравнению с тираном Болоньи. Лукреция, чьей защиты могло оказаться недостаточно, посоветовала Барбаре укрыться в городе дождей и из своих личных средств оказала существенную помощь молодой женщине. В Венеции, хотя жадные Бентивольо не оставляли ее в покое, Барбара сумела дать маленькой Джулии воспитание и образование.

Ее дочь Джиневра вышла замуж за Лоренцо Строцци, младшего брата Эркуле, и больше не была на ее попечении.

Естественно, Барбара заняла свое место среди венецианских гуманистов и эрудитов. Несколько лет она чтит память покойного, заказывая поминальные службы, после чего нашла утешение в объятиях сеньора Фолегино, доверенного лица Гонзага в Венеции. «Он отважно

занимается любовью с той, что была супругой мессира Эркуле Строцци», — сообщает оратор Феррары в Светлейшей республике.

Эта трагедия, гибель родной для нее души, повергла Лукрецию в смятение. Это убийство напомнило ей о прочих убийствах, оставшихся безнаказанными, таких, как, к примеру, совершенное одиннадцать лет назад убийство герцога Гандийского и еще более зверское, совершенное через два года после этого, убийство Алонсо Бишелье.

По распоряжению Лукреции в память об Эркуле Строцци дом Ромеи был превращен в монастырь Святого Бернардина. Когда, проведя неделю взаперти, Лукреция вновь появилась при дворе, окружающие заметили, что она изменилась, стала более боязливой, хрупкой, угрюмой и молчаливой. Она, обычно всегда готовая рассмеяться, замкнулась в своей печали. Альфонсо, чувствовавший, какая пустота образовалась после смерти поэта, стал более внимательным к Лукреции. Отныне каждый вечер он ужинал вместе с ней.

Смерть эта стала поворотным моментом в личной жизни Лукреции. Летом 1506 года из-за жары она направилась в Реджо, где в то время находился Бернардо Аккольти, прозванный Аретино. Для нее это был подарок богов. В свое время она оказала ему покровительство в Риме, вновь осыпала милостями в Ферраре, и эта встреча после разлуки показалась ей счастливым предзнаменованием.

По возвращении в Кастель Веккьо она встретила Эразма, приехавшего из Венеции, где его друг Альдо Мануций недавно опубликовал его «Пословицы». Феррара и ее университет сочли для себя долгом чести принять гуманиста из Роттердама. Лукреция посещала его лекции и удержала бы его в городе, если бы эрудит в конце концов не решил окончательно обосноваться в Сиене, которой в меньшей степени угрожали готовившиеся войны.

Усиление могущества Светлейшей республики тревожило итальянских государей, которые 10 декабря 1509 года собрались на заседание Камбрейской лиги, где было принято соглашение, и его подписали император Максимилиан, Людовик XII, Фердинанд Католический, Альфонсо Феррарский, требовавший Полезину и область Ровиго, а также и маркиз Мантуанский, желавший получить обратно прилегающие к его владениям территории, в частности озеро Гарда. Приблизительно четыре месяца спустя Юлий II, тщетно требовавший возврата городов и крепостей Романьи, в свою очередь присоединился к лиге. «Я подрежу когти льву Святого Марка», — заявил он Горджио Пизани, приближенному дожа

Леонардо Лоредана, а тот ему ответил: «Мы сделаем Ваше Святейшество деревенским священником». После такого обмена вежливостями папа наложил интердикт на Венецию, однако Республика объявила отлучение от Церкви недействительным.

Чтобы привлечь к себе на службу феррарскую артиллерию, превосходившую артиллерию всех прочих государств Италии, папа провозгласил герцога Феррары гонфалоньером Церкви, выбрав своим посланцем Костабили, чтобы он передал государю Золотую Розу и ватиканское знамя. Альфонсо и Лукреция, которым были известны амбиции папы, охотно обошлись бы без этой почести. Однако Альфонсо, будучи вассалом церкви, был вынужден ее принять. Во главе 1500 солдат он отправился укреплять армию Его Святейшества и французские войска. Армии Людовика XII и герцога д'Эсте соединились сначала на берегах Адды, куда военачальник Светлейшей республики Альвиано тут же бросил своих бойцов «спешно и верхом, чтобы застигнуть противника в его лагере и его убежище». Знакомство с феррарской артиллерией стоило Альвиано больших потерь, недаром ее прозвали «дрожь земли». Она повергла в беспорядочное бегство его солдат, ей помог отважный авангард Байяра. После четырех дней противостояния 14 мая 1509 года венецианцы были разгромлены в Аньяделе. Поражение это показалось современникам столь же катастрофическим событием, что и битва при Каннах, когда в 216 году до Рождества Христова возле Барлетты Ганнибал разбил вдребезги римскую армию, а 50 тысяч воинов погибли. «В один день, — писал Макиавелли, — венецианцы потеряли то, что тяжелым трудом они собирали в течение восьмисот лет». Ее правительство было обязано вернуть завоеванные земли в Романье, города на материке, крепости Вероны, Виченцы и Падуи.

Лукреция, естественно, была в восторге от успехов, несмотря на то, что Изабелла сообщила ей о преступлениях французских войск, стоявших лагерем на территории Мантуи. Ее хорошее настроение омрачилось, когда воины Светлейшей республики вновь овладели Падуей, в особенности когда она узнала о том, что Франческо Мантуанский, отважно выдвинувшийся вперед со своим отрядом 9 августа, был захвачен врасплох на вражеской территории. В Изола делла Скала на Адидже его взяли в плен, заковали в цепи, привезли в Венецию и выставили на центральной площади.

Лукреция заказала молебны и велела своим дамам также молиться за него, она ухитрилась доставить ему в заточение послания и лекарства. Никто из феррарцев не упомянул об этой помощи, однако сам Франческо

позднее рассказал о ней. Лукреция умела действовать, соблюдая полную тайну. В противоположность скромной деловитости феррарской герцогини Изабелла Мантуанская в данной ситуации видела лишь возможность наконец сыграть свою роль на политической арене, и даже венецианцы будут утверждать, что, дабы утолить свою жажду власти, она не сделает ни единого шага ради освобождения супруга, во всяком случае, в начале переговоров.

Восьмая беременность Лукреции подходила к концу. Ее сыну Эркуле теперь было шестнадцать месяцев, «он нежный и красивый, белый, как кислое молоко». Ее младший сын родился 25 августа и получил имя своего дяди, сладострастного кардинала Ипполито. Он был наделен удивительно светлым умом и в один прекрасный день сам стал кардиналом.

22 декабря одна из венецианских эскадр продвинулась по реке По вплоть до Полезеллы. Пушка Альфонсо, «Здоровяк», орудие огромных размеров, выстрелила по кораблям Светлейшей республики, в то время как Ипполито, оставив пурпурную мантию ради лат и шпаги, находясь на левом фланге феррарской армии, продемонстрировал не только свои воинские способности, но и талант полководца. В перерыве между двумя штурмами он отправил Лукреции следующую записку: «Еще до наступления вечера венецианская армия будет разбита вдребезги, да поможет нам Господь». Победа действительно была полной. Среди трофеев насчитывалось восемнадцать галер, пять кораблей, двадцать восемь артиллерийских орудий, сто сорок мортир, здесь были оружие, знамена и многочисленные пленники. На главном корабле, поднимавшемся вверх по реке По, к Ферраре, восемьдесят четыре воина почетного караула размахивали стягами со знаками отличия гонфалоньера Церкви и орлами династии д'Эсте. Город ликовал.

Несколько дней спустя Лукреция узнала любопытную новость. Двор в Блуа и вдова Чезаре Борджа сообщили ей о желании Анны Бретанской приехать в Феррару. Этот лестный для герцогини план не слишком ее обрадовал, так как она понимала, что средства нужны прежде всего на вооружение, а не на празднества. Сам того не ведая, Людовик XII облегчил ее задачу.

*Король, будучи весьма рассудительным, — писал Якопо д'Атри Лукреции, — честно предупредил ее о том, что она увидит, как велик контраст между нею и нашими дамами, что ей придется приложить немало усилий, чтобы сравняться с вами, что Ваша Светлость, маркиза Мантуанская и герцогиня Урбинская будут опасными соперницами. После*

*этого сообщения мудрая королева склонилась к тому, что она не может соперничать с итальянскими принцессами*<sup>{139}</sup>.

Теперь Юлия II беспокоили амбиции Франции. Венеция только что передала ему города в Романье, он отменил отлучение от Церкви, коему он подверг Светлейшую республику, и заявил о прекращении военных действий, приглашая Альфонсо поступить так же. Феррарский герцог, верный своему слову, отказался выходить из Камбрейской лиги. Новая политика папы римского по отношению к французам была по меньшей мере удивительной. «Вон отсюда, варвары!» — прокричал он послу Людовика XII. Однако «варвары» вели себя как добропорядочные католики, немедленно ответив на призыв понтифика, и могли теперь только возмутиться при виде подобной неблагодарности. Поэт Гренгуар написал пьесу, где персонажами были Франция и Церковь, ее играли в те времена в Париже. Она позволяет хорошо понять позицию Франции:

**Франция, обращаясь к Церкви:**

— Говорят, у вас не осталось стыда  
И вы нарушили данное слово,  
Вы исполнены неблагодарности,  
Обещания свои вы в грош не ставите,  
Совсем как денежные мешки из Венеции!

**Церковь:**

— Мой лекарь-еврей заявляет,  
Что я порочна и что это хорошо.  
Как только я перестану  
Быть порочной, я умру.  
Так предсказано.

**Франция:**

Куда же подевалась честность?

**Церковь:**

Больше ее не держу.  
Нынче с ней не считаются.

**Франция:**

Как же, я видела, прежде  
Ее тут изображали, справедливую и верную.

**Церковь:**

Честность — старая песня.

**Франция:**

Наш сын, принц дураков (король Франции),  
От всего сердца вас чтит и уважает.

**Церковь:**

Я хочу, чтобы все и всегда говорили,  
Дабы я стяжала славу и богатство,  
Что я — мать Святая Церковь.  
Ведь я же, сидя на престоле,  
День и ночь отдыхаю и сплю.

**Франция:**

Опасайтесь, как бы вас не выставили вон! <sup>{140}</sup>

## Глава XXI

### Слава и отлучение от церкви

Юлий II ненавидел и Лукрецию Борджа, и всех д'Эсте. Он будет неотступно преследовать их, словно преступников. Сначала — Ипполито, который после смерти кардинала Чезарини устроил так, что бенедиктинские монахи выбрали его аббатом Нонантоло в Модене. Как только папа обрел право назначать на подобный пост, он потребовал, чтобы Ипполито приехал в Рим и публично покался. Кардинал уже находился на пути к прощению, когда во Франции он весьма кстати упал с лошади и оказался на некоторое время прикованным к постели. Затем последовало дело о солеварнях в Комаккьо, недавно возвращенных Венецией Ферраре и составлявших опасную конкуренцию папским солеварням в Червио. Папа велел закрыть солеварни д'Эсте. Альфонсо отказался подчиниться, ссылаясь на то, что это владение досталось ему от императора Максимилиана, а не от Ватикана. Тогда глава Церкви аннулировал пакт, заключенный в 1501 году между Эркуле д'Эсте и отцом Лукреции, и теперь годовой ценз, сниженный тогда с четырех тысяч до 100 дукатов, возрастал до 3500 дукатов недоимок и 100 тысяч дукатов на расходы на вооружение. Альфонсо не ответил. Такое проявление независимости могло лишь еще больше вывести из себя римского папу, который в конце концов направил против феррарского государя свою армию вместе с венецианскими войсками под предводительством нового герцога Урбинского Франческо делла Ровере. Сначала они овладели городами Ченто и Пьеве, которые Александр VI даровал Эркуле д'Эсте по случаю бракосочетания Лукреции, а также соседними землями к югу от озер Комаккьо. Города капитулировали, но крепости защищались, и Альфонсо удалось отвоевать города, в то время как венецианцы получили обратно Полезину.

Юлию II нужно было найти иное средство, чтобы уничтожить Феррару, и он воспользовался Франческо Гонзага. Он посоветовал дожу освободить маркиза Мантуанского, до сих пор находившегося в плену у венецианцев, с тем чтобы уничтожить всех французов и устроить вторую Сицилийскую вечерню, при условии, что наследный принц Мантуи, сын Изабеллы д'Эсте, будет отправлен в Рим в качестве заложника и ответит за поведение своих родителей. Изабелла была встревожена. Юлий II, судя по слухам, предавался «национальному пороку Греции» с молоденькими

мальчиками. Тем не менее мальчика привезли в Ватикан в начале лета, и Франческо Мантуанский был освобожден. Тотчас папа лишил Альфонсо д'Эсте поста гонфалоньера в пользу его зятя Франческо Мантуанского, возложив на последнего обязанность организовать защиту от агрессии французов, и отлучил от Церкви герцога Феррарского, дав ему шесть дней, чтобы опомниться и подчиниться. Альфонсо отказался повиноваться, ссылаясь на то, что анафема может быть оправдана лишь религиозными мотивами и что заставляя духовную власть служить светской — это безусловное злоупотребление. Тем не менее папа покарал герцогство. Юлий II, как говорят, кичливо заявил: «Феррара, я покорю тебя с помощью святого причастия или умру как собака».

Отлучение от Церкви прославило навеки феррарских государей, но они должны были помочь народу, который начинал уставать от тяжкого бремени войны. К материальным лишениям добавились тревоги, связанные с интердиктом: церкви закрывались, а для верующих не было ничего ужаснее этого. Чтобы облегчить страдания народа, герцогиня в очередной раз заложила свою серебряную посуду и поручила Изабелле найти того, кто бы дал ей ссуду под ее драгоценности. Она велела также, чтобы на ее столе стояла только глиняная посуда, сделанная в мастерской Альфонсо.

Что касается Ипполито, то, возвратившись из Флоренции, он обратился к видным горожанам и заговорил о войне как о неизбежности, с которой следует смириться. Феррарцы в порыве воодушевления поклялись, что скорее погибнут под руинами города, чем допустят гибель своих государей.

В Ферраре герцогиню называли «матерью народа». Даже Пауль Иове, враг Борджа, не мог не восхититься тем, что она отреклась от роскоши и сделала так, чтобы у ее подданных были больницы, школы и религиозные учреждения.

Став против своей воли гонфалоньером Церкви и полководцем венецианской армии, Франческо Гонзага тем самым превратился в главного врага Феррары. Юлий II поручил ему руководить осадой города. Естественно, чувства, которые до сих пор Лукреция испытывала к маркизу Мантуанскому, охладели. Зато она сблизилась с Изабеллой, а последняя была не слишком расположена участвовать в разорении своей семьи. Обе женщины организовали специальные пункты, где можно было сменить лошадей или пересечь на паромы, работавшие и днем и ночью, чтобы обозы с людьми и оружием могли пересекать каналы и По. Их деятельность не осталась незамеченной ни Венецией, ни папой.

Теперь, когда Камбрейская лига развалилась, Юлий II предложил

Альфонсо мир, но тот, естественно, отказался. Современник Лукреции историк Гвиччардини не ошибся в том, какие цели преследовал папа римский.

*Папа объявил, — писал он, — войну герцогу Альфонсо для того, чтобы лишить его Феррары, которую он хотел присоединить к Папскому государству. В сложившихся обстоятельствах он усмотрел возможность овладеть Моденой и оставить ее себе, заявив, что этот город и другие укрепленные города вплоть до реки По должны принадлежать Святому престолу, поскольку они являются частью экзархата Равенны (зависевшего от Византии и переданного Церкви в 754 году), однако некоторое время спустя, опасаясь, что городом завладеет Франция, он передал его в руки императора Максимилиана. Тем не менее он продолжил войну против Альфонсо, отняв у него также и Реджо. Он принял решение присоединить к Святому престолу все то, что, как говорили, когда-то принадлежало Церкви. Кроме того, он смертельно ненавидел Альфонсо д'Эсте, которому ставил в упрек то, что тот предпочел дружбу с французами дружбе с ним. Наконец, он только к тому и стремился, чтобы дать ему почувствовать ту непримиримую ненависть, которую он питал к Александру VI и членам его семьи*<sup>[141]</sup>.

Итак, Юлий II поручил своему племяннику, герцогу Урбинскому, осадить Мирандолу, одну из ключевых цитаделей герцогства д'Эсте. И войска Людовика XII и Альфонсо вот уже десять дней обороняли крепость, этим союзник герцога д'Эсте вызвал приступ гнева у архипастыря. «Вот увидите, — говорил он, — смелостью я не уступаю королю Франции!» В доказательство своих слов, надев на голову шлем, под снегом и ветром папа римский «с дьявольской отвагой» бросился в атаку и одержал победу. Франческо Мантуанский поубавил восторг армии, проследив за тем, чтобы армия не разграбила город. Тем не менее с падением Мирандолы Феррара оказалась на краю гибели.

Лукреция не тронулась с места. Этой ужасной зимой она велела поставить в залах, где разместилась дворцовая стража, большие жаровни, к которым жители могли приходить греться и питаться. Она распорядилась привезти дрова из государственных лесов, чтобы топить ими очаги. Из заповедных герцогских прудов доставлялась рыба, а на личные средства герцогини покупали у французов недостающее продовольствие. Что касается отлучения от Церкви, в результате которого Феррара лишилась

общественных богослужений, погребений в освященной земле и различных таинств, то Лукреция поручила священникам объяснить верующим, что для того, чтобы навлечь на себя анафему, необходимо совершить грех, указанный в канонах, а в данном случае приговор не может быть таким строгим и смысл его совсем иной.

Несчастье сплотило герцогскую чету. Альфонсо в присутствии придворных начал расточать супруге похвалы, хотя обычно был на них скуп. В свою очередь Лукреция заявила о том, что гордится своим супругом и его безупречным поведением по отношению к Людовику XII. Серьезность переживаемых ими событий, казалось, изменила их отношения, ставшие более доверительными и спокойными. Лукреция была потрясена силой характера герцога д'Эсте и разочарована поведением маркиза Мантуанского. Ведь маркиз заверил посланника Юлия II, что если Альфонсо д'Эсте ступит на мантуанскую территорию, он выдаст его святому отцу. В то же время он попросил, чтобы Лукрецию пощадили. Она не могла не возмутиться, поскольку, как истинная Борджа, не желала иметь ничего общего с марионеткой, погрязшей в вероломстве. Он пишет папе: «Поскольку доказательства привязанности и верности, представленные ею, когда мы находились в плену в Венеции, обязывают нас теперь доказать нашу благодарность, и если Ваше Святейшество, наш ангел-хранитель, не поможет нам в этом, то никто более не сможет проявить сострадание по отношению к этой бедняжке»<sup>{142}</sup>.

11 февраля 1511 года Юлий II осадил Бастиде ди Фосса Джениоло — укрепленную крепость, возвышавшуюся над руслом По, жизненно важную для Феррары. При помощи шевалье Байяра и французов Альфонсо ответил мощным успешным ударом. Верный слуга так рассказывает об этой битве:

*Герцог Феррарский и французы устроили там великолепную бойню, там погибло четыре или пять тысяч человек, а более чем триста лошадей были захвачены вместе с их поклажей и артиллерией, и не было никого, кто не бросал бы часть добычи, поскольку всю было не увезти. Я не знаю, что говорится в хрониках об этой прекрасной битве при Бастиде, однако уже целую сотню лет не было боя лучше. Все-таки следовало действовать, иначе герцогу и французам пришел бы конец, а так они победоносно и блистательно вернулись в город Феррару, где каждый восхвалял их*<sup>{143}</sup>.

Итак, Байяр был назначен полководцем французских сил, служивших

Альфонсо. Итальянцы восхищались им безмерно. После роковой битвы при Рапалло в 1494 году они привыкли к тому, что швейцарцы, французы, немцы сжигали их города и поля, насиловали их женщин. Теперь они удивлялись тому, что этот военачальник держит свое слово, платит за корм для лошадей, за снабжение войск продуктами, наказывает мародеров и убийц.

Чтобы оказать почести французам, Лукреция принялась воссоздавать в Ферраре пышность, царившую в Ватикане во время понтификата Александра VI. Ее двор стал первым в Италии. Слава его была такова, что некоторые испанцы, союзники Юлия II, тщетно просили герцога д'Эсте разрешить им приехать на карнавал в Феррару. Пиршества, концерты, французские, испанские и итальянские танцы длились до зари. Так, в романском аббатстве Помпоза общество наслаждалось «куртуазной беседой». Сотрапезникам казалось, что они находятся при дворе короля Артура. Они мечтали о рыцарской любви и героизме.

Людовик XII, который в 1501 году говорил, что «сеньора Лукреция — не та женщина, что нужна дону Альфонсо», признал свою ошибку и даже сравнил ее с королевой Анной. Французы, жившие в ту пору в Италии, как и Бембо, признавали ее «прекрасной, прекраснее Европы, дочери царя Агенора, прекраснее Елены Спартанской, похищенной троянцем Парисом, поскольку она не позволяет своей красоте подавить свои таланты». Теперь это была зрелая женщина, чье влияние было заметно и в политике, и в искусстве, в словесности и в вопросах религии — влияние, которое лишь укрепляло то глубокое уважение, которое питал к ней сам Альфонсо. Среди французов было не счесть ее поклонников. Прежде всего — Гастон де Фуа, герцог Немурский, сын Марии Орлеанской, сестры Людовика XII, питавший к ней столь же неистовую, сколь и невинную страсть, а также капитан де Фондрай и многие другие. Самый знаменитый из всех, Байяр, говорил о феррарской правительнице:

*Всем французам добрая герцогиня, ценнейшая в мире жемчужина, оказала необычайно пышный прием и каждый день устраивала им пиры и застолья, как принято у итальянцев. Осмелюсь сказать, что ни в ее время, ни много раньше не было более блистательной государыни, поскольку она была красива, добра, нежна и любезна со всеми. Ее муж был мудрым и отважным правителем, вышеупомянутая дама благодаря своей доброжелательности сослужила ему хорошую и верную службу* <sup>[144]</sup>.

В Ватикане ненависть Юлия II к роду Борджа пылала по-прежнему. Для него все средства были хороши. Так, он набросился на римского инфанта и маленького герцога Бишелье, которых лишил имущества. Кардинал Козенцы, Франческо Борджа, их двоюродный дедушка, предупредивший об этом Лукрецию, был за это посажен в тюрьму. Однако старому прелату удалось бежать и встретиться в Пизе с кардиналами Филиппом Люксембургским, Ипполито д'Эсте, Карло дель Каррето, Гийомом Брисоннэ, Адриано ди Корнето и Сан-Северино. И тогда Отцы Церкви решили поднять бунт и созвать в этом городе церковный собор, настаивая, чтобы на нем присутствовал понтифик, а также запретить, до того как все соберутся, назначать новых кардиналов и распоряжаться имуществом Церкви.

Поскольку кардиналы пригласили иностранных послов и прелатов, в течение недели об этом узнала вся Европа. В ответ Юлий II прибег к своему излюбленному оружию — отлучению от Церкви. Франческо Борджа и Ипполито д'Эсте были лишены своего кардинальского сана. Ответным ударом стало усиление позиций Альфонсо: Людовик XII по-прежнему был его союзником, а император Максимилиан также присоединился к нему в борьбе против Рима. Последствия не заставили себя ждать: Жан-Жак Тривульций, находившийся на службе у Франции, одержал победу над армией герцога Урбинского, на самом деле — над армией Юлия II, и овладел Болоньей. Бентивольо с триумфом вернулись туда и разрушили все, что напоминало о ватиканской оккупации, и, в частности, статую Юлия II работы Микеланджело. Толпа свалила ее с пьедестала, и она была подарена герцогу Феррарскому, который расплавил ее и отлил из этой бронзы пушку, прозванную «Giulia»<sup>[79]</sup>. Уцелела лишь одна голова, ее поставили в зале аудиенций герцогского дворца.

Разгневавшись, воин в митре по сто раз на день повторял: «Ferrara, Ferrara, corpo di Dio, t'avio»<sup>[80]</sup>. В порыве гнева он хотел осадить город, однако его племянник, герцог Урбинский, разубедил его, поскольку город на самом деле защищал «доблестный рыцарь, с которым никто не может сравниться». Тогда папа прибег к хитрости и попытался отравить Альфонсо, но тщетно. В это время фаворита Юлия II, кардинала Алидози, заколол кинжалом герцог Урбинский, обвинивший его в том, что тот отдал Болонью французам.

Весной 1512 года началось страшное время. Королевские и герцогские войска отправились на юг навстречу испанским и ватиканским армиям, двигавшимся на север. Они сошлись в день Пасхи неподалеку от Равенны.

«То была, — писал флорентийский посол, — самая кровавая, самая жестокая битва нашего времени, равная величайшим битвам античности». Альфонсо, командовавший авангардом французской армии, доказал высокую эффективность своих кулеврин и пушек, среди которых была и «Giulia». «Ужасно видеть, — сообщал Якопо Гвиччардини, — как с каждым выстрелом образуется брешь во вражеских рядах, видеть, как отлетают шлемы с головами внутри, ноги и куски человеческих тел»<sup>[145]</sup>. Кардинал Джованни Медичи, будущий Лев X, был свидетелем этого сражения. Он сидел в церковном облачении верхом на белой лошади (Рафаэль изобразит его так на фреске «Отступление Аттилы»). После восьми часов боя на земле лежали десять тысяч трупов, и среди них — тело Гастона де Фуа, влюбленного в Лукрецию, павшего в разгар битвы.

Взятие Равенны стало победой, однако у нее не было будущего. Новый главнокомандующий, Жак де Шабани, сеньор де ла Палис, не сумел ни завоевать авторитет, ни сохранить коалицию. Распри между войсками Максимилиана и герцога д'Эсте вылились в массовые грабежи, пожары, насилие. Однако если Феррарское герцогство наемники пощадили, то вся Северная Италия вынуждена была восстать против французов, «новых варваров», которые решили обчистить страну и пересечь Альпы, увозя с собой фугоны, груженные награбленным добром.

После победы при Равенне Альфонсо оказался у Юлия II. Под влиянием Лукреции он решил направиться в Ватикан, чтобы просить папу об отпущении грехов. В Ватикане он мог рассчитывать на помощь Фабрицио Колонна, которого Альфонсо захватил в плен во время битвы при Равенне, затем отпустил, не потребовав выкупа, и Федерико Гонзага, сына Изабеллы, окруженного нежными заботами папы (его облик, по просьбе Юлия II, запечатлен на большой фреске «Афинская школа», в группе слева, позади философа Аверроэса). В то же время Лукреция настойчиво просила Изабеллу вмешаться, чтобы добиться у Юлия II разрешения для Альфонсо направиться в Рим для отпущения грехов. Хотя глава Церкви, несмотря на присутствие в Ватикане юного Федерико, считал Изабеллу своим заклятым врагом, он дал охранное свидетельство, о котором она просила.

Освободив всех военнопленных и доверив управление государством своей супруге, Альфонсо, облачившись в покаянные одежды, 24 июня выехал в сопровождении Марио Эквиколы, преподававшего латынь Изабелле. По виа Фламиния они приехали в Рим в первых числах июля и поселились во дворце кардинала Сиджизмондо Гонзага. Племянник-заложник пришел поприветствовать дядю и принес обладеживающее

послание от папы. С разрешения Его Святейшества Федерико провел Альфонсо в новую капеллу, где работал Микеланджело, и оба с разрешения художника взобрались на леса.

*Герцог, — пишет Гроссино, — поднялся наверх вместе с несколькими дворянами из своей свиты, чтобы рассмотреть свод. Один за другим они спустились вниз, за исключением герцога, продолжавшего любоваться росписью. Он долго беседовал с Микеланджело и просил написать для него картину, за которую предлагал значительную сумму. Художник пообещал, что сделает это. В это время Федерико повел дворян из его свиты осматривать комнаты папы, где тогда работал над росписями Рафаэль из Урбино. Герцог отказался пойти из почтения к Его Святейшеству, чтобы не беспокоить его в его покаях<sup>[146]</sup>.*

Несмотря на то, что все началось благополучно, Колонна, знавшие, как переменчиво настроение папы, внимательно следили за безопасностью своего протеже, и, чтобы отблагодарить его за великодушное отношение к Фабрицио, они прислали в его дом сотню вооруженных людей, чтобы предотвратить всевозможные инциденты.

Итак, 9 июля Альфонсо отправился на консисторию. Любопытствующая толпа ожидала у ворот Святого Петра грозного владыку, пришедшего покаяться в грехах, как когда-то в старину Барбаросса, припавший к стопам архипастыря. Его сердечно приняли, даровали отпущение грехов, дали распоряжение посетить четыре главные церкви города и отменили эдикт об отлучении от Церкви герцогства и его семьи, что вызвало слезы признательности у «грешника». Церемония закончилась, оставалось только узнать, какие условия выдвигает папа. Ждать пришлось недолго, и феррарцы быстро разочаровались. Внешнее благодушие папы было обманом. Его требования были жесткими: Альфонсо должен был не только отказаться от верховной власти над Феррарой, но и отречься от престола, отказаться от всех своих прав и прав своих наследников в пользу Ватикана, переселиться вместе с семьей в маленький город Асти в Ломбардии и жить там до самой смерти. В ожидании его ответа Юлий II, решивший ни в чем не уступать и уничтожить этот род, заключил его в тюрьму.

Герцог д'Эсте знал, что он может рассчитывать на семью Колонна. Действительно, Фабрицио сделал все возможное, чтобы устроить побег, и сумел вывезти его под охраной, выдав за повара Просперо Колонна. После

того как он, не медля ни секунды, выехал за пределы Папской области, его покровитель предоставил ему убежище, крепость в Марино.

Гонец Колонна сообщил Лукреции, что Альфонсо находится в безопасности. Тем не менее она оставалась женой изгнанника, одна, с двумя детьми (Эркуле недавно исполнилось четыре года, Ипполито — три), во главе государства, обескровленного войной, население которого после событий в Риме не было уверено в своем будущем. Кроме того, казна вновь была пуста.

Первой заботой правительницы стало приведение в порядок описи оставшихся драгоценностей. После того как был составлен список, она передала большую часть вещей ростовщикам и полученные деньги пустила на нужды раненных в битве при Равенне. Их было множество, некоторые искалеченные были не в состоянии заботиться о пропитании своих семей. В больницах она велела устроить отдельные кровати для жертв войны, тогда как раньше их клали по два, по три на одно и то же убогое ложе. Наконец, она выделила средства нескольким монастырям для того, чтобы они содержали сирот, брошенных детей и стариков. В любой час дня и ночи, одевшись в серое и черное, скрыв свои густые светлые волосы под темным покрывалом, она принимала посетителей, и каждый мог рассказать ей о государственных или личных проблемах. Благодаря ей постепенно к ее подданным начала возвращаться надежда. Все это происходило на глазах у Ипполито, питавшего к ней уважение, близкое к благоговению, весьма возвышенное чувство, которого неверующий кардинал никогда прежде не испытывал.

В то время как Лукреция пребывала в тревоге за жизнь своего мужа, в конце июля ей пришло письмо от агента Мантуи в Риме: «Мы получили точную новость о том, что герцог Бишелье, сын сеньоры герцогини Феррарской и герцога Алонсо Арагонского, умер в Бари, где он находился при герцогине Бари»<sup>{147}</sup>. Жестокая весть потрясла Лукрецию, и она отправила короткую записку маркизе Мантуанской: «Я погружена в печаль и слезы по причине смерти герцога Бишелье, моего дражайшего сына». Одна лишь Изабелла могла понять ее отчаяние, поскольку ее сын Федерико был всего на несколько месяцев младше Родриго...

В тот же вечер Лукреция постучалась в ворота монастыря Сан-Бернардино, где сестра Лаура Бойярдо попыталась дать ей христианское утешение, однако ее скорбь оказалась безграничной<sup>{148}</sup>. Многие историки ставили ей в упрек, что она не оставила Родриго при себе. Не стоит забывать, что ни Чезаре, ни Александр VI, ни Альфонсо, ни Эркуле д'Эсте

не хотели держать ребенка у себя, тогда как Арагоны требовали отдать его им. Как известно, внук короля не мог приехать в Феррару, поскольку тогда Лукреция еще не дала наследника династии д'Эсте, а после рождения маленького Эркуле герцогство переживало ужасы войны.

Лукреция всегда страдала от этой разлуки, обусловленной политическими мотивами. Родриго был ребенком любви, плодом ее единственной супружеской страсти, тогда как маленькие принцы д'Эсте были детьми долга. Документы, сохранившиеся в архивах Модены и Феррары, свидетельствуют о постоянных заботах, которые она проявляла по отношению к герцогу Бишелье: в больших реестрах ее рукой записаны размеры и характеристики имений, равно как имена различных управляющих, за которыми она внимательно и неустанно следила. Однако известно, что еще больше внимания она уделяла воспитанию своего сына. Когда ребенку было девять лет и он перешел из рук нянек в руки наставников, она, посоветовавшись с Изабеллой Арагонской, остановила свой выбор на Бальдассаре Бонфильо, которому она отправила два сундука с недавно изданными книгами. С преждевременной смертью сына исчез страх, беспрестанно преследовавший Лукрецию, что в один прекрасный день Родриго спросит, как умер его отец, и что она будет вынуждена назвать ему имя убийцы.

Гонец, выехавший из Марино 20 сентября, месяц спустя сообщал правительнице, что ее супруг в сопровождении армии Просперо Колонна, двоюродного брата Фабрицио, достиг рубежей Тосканы, куда ему навстречу должен был выехать Ариосто с несколькими дворянами. Так началось эпическое странствование по проселочным дорогам враждебного края. Ночами поэта охватывала тоска, а крепкий герцог д'Эсте крепко спал, демонстрируя необычайную физическую и моральную выносливость. Несколько раз ускользнув от солдат Юлия II, они сумели выехать из Тосканы и добраться до Феррары.

Достигнув стен города в одних лохмотьях, правитель и его спутники переоделись. Однако слухи о их приезде уже бродили по городу, и зазвонили колокола. Под приветственные возгласы подданных Альфонсо торжественно сопровождали на большую площадь, откуда он прошел во дворец, где его ждали супруга, дети, брат и приближенные. Наступил волнующий момент, никто не пытался скрывать своих чувств: ни такой скептик, как кардинал Ипполито, ни такой закаленный в испытаниях человек, как герцог Альфонсо. Лукреция словно родилась заново. Она слишком долго жила в Ватикане, чтобы не знать, что представляют собой камеры в замке Святого Ангела, где навсегда исчезали враги римских пап и

где, если бы не помощь Колонна, ее муж гнил бы и по сей день.

Тем не менее Альфонсо был решительно настроен воевать с папой, и военные действия возобновились. Ипполито, озабоченный тем, чтобы сохранить свой кардинальский сан, предпочитал создавать видимость нейтралитета. Он решил вернуться в свое епископство Агрия в Венгрии, и едва он приехал в свой епископский дворец, ему пришло послание от сестры Изабеллы, она писала: «Юлий II обвиняет нас в том, что мы дали приют феррарцам, он заявляет, что пойдет войной на наши государства, причем его угрозы сопровождаются всяческими оскорблениями». Это свидетельствует о том, что Изабелла оказалась более мужественной, чем ее супруг Франческо, который обещал римскому папе выдать первого из д'Эсте, кто ступит на его территорию, в то время как его жена предупреждала Ипполито.

Для Феррары ситуация становилась все более и более непростой. Поскольку средства были на исходе, Лукреция оказалась перед печальной необходимостью потребовать у Изабеллы Арагонской наследство своего старшего сына Родриго Бишелье, достигавшее нескольких миллионов дукатов. Она была непреклонна относительно сроков платежей, что явно ранило ее родственницу. Свидетельство тому письмо, написанное Изабеллой бывшему воспитателю Родриго:

*Мы просим вас обязать подданных Корато выплатить доходы сиятельного герцога Бишелье, причитающиеся нашему блаженной памяти племяннику, поскольку недавно было получено требование от светлейшей герцогини Феррарской. Если деньги, о которых идет речь, не будут собраны, то на нас будет наложена тяжелая повинность. Займитесь этим и заставьте их подчиниться, с тем чтобы для нас не последовали неприятности. Подписано Изабеллой Арагонской, герцогиней Миланской, горе которой ни с чьим нельзя сравнить <sup>[149]</sup>.*

Столь несвойственное для Лукреции поведение приводит всех в недоумение. Иными словами, в драматическом контексте 1512 года для благодарности больше нет места. Как по-другому можно было противостоять Юлию II, его двадцати тысячам швейцарцев, императору Максимилиану, недавно вышедшему из Камбрейской лиги?

В то время как в Феррару прибывает первая гравюра Дюрера «Всадник, смерть и дьявол», Юлий II готовится послать против Альфонсо армию молодого герцога Урбинского, Франческо делла Ровере.

Главногокомандующий войсками Церкви, племянник папы и зять Изабеллы Гонзага, он ответил согласием на просьбу своей тещи и, несмотря на четкие распоряжения папы, тянул время, готовя наступление, вынуждая тем самым главу Церкви приостановить поход до весны.

Для Феррары начало 1513 года выдалось тревожным. Ни праздников, ни карнавалов. Каждое утро Лукреция просыпалась под звук военных труб, грохот пушек, цоканье копыт. Город готовился к осаде, и герцогиня щипала корпию для раненых, торопила цех столяров с поставкой кроватей для больниц, приказывала доставить из ее замков посуду, простыни и одеяла. После смерти ее сына она каждый день ходила к мессе и каждую неделю, прежде чем причаститься, исповедовалась. Она вступила в Третий орден святого Франциска и уговаривала Франческо Гонзага поступить так же, убеждая его в том, что там он найдет избавление от мук. «Не менее, чем собственного спасения, — писала она ему, — я желаю наконец узнать о том, что Ваша Милость возрождается как добрый сын святого Франциска, к чему я, недостойная, прилагаю всяческие усилия»<sup>{150}</sup>.

Еще не наступила весна, но со стороны Венеции феррарцам уже засиял теплый луч надежды. Венецианцы, поддерживавшие то одну, то другую из соперничавших сторон, на сей раз откликнулись на предложения французов о заключении союза, изложенные Людовиком XII. На радость феррарцам умер Юлий II в ночь на 21 февраля. В Ферраре началось такое ликование, что государь был вынужден, забыв о личных чувствах, запретить зажигать иллюминацию. Сама герцогиня, видевшая в этом волю Господа, бегала в сопровождении своих придворных дам из одной церкви в другую, благодаря Бога за «освобождение мира от этого Олоферна».

Несколько дней спустя все возликовало еще больше, когда папой стал Лев X. Лукреция познакомилась с ним во времена папы Иннокентия VIII, когда он выдавал замуж свою сестру Маддалену Медичи. Мы помним, как восхищалась невестой дочь кардинала Борджа и как та рассказала ей, что когда ее мать готовилась произвести на свет своего второго сына, ей приснилось, что она рождает во флорентийском соборе льва гигантских размеров, но необычайно ласкового. Так тридцать восемь лет спустя кардинал Медичи осуществил мечту Клариссы и принял имя Лев.

То, что Лев X испытывал отвращение к войне, познав ее на поле битвы при Равенне, позволяло надеяться на начало мирной эры, которая принесет пользу Ферраре. Во время понтификата Юлия II междоусобные войны беспрестанно опустошали самую процветающую страну мира. Торговля и промышленность полуострова были парализованы, банки Аугсбурга, равно как богатейшие люди из Антверпена, Лондона и Лиона, поживились за счет

итальянцев. Макиавелли говорил о Европе так:

*У нас есть Папа (Лев X) — мудрый, серьезный и почитаемый, император — легкомысленный и изменчивый, король Франции — раздражительный и боязливый, король Испании — бестолковый и скупой, король Англии — богатый, отважный и тщеславный, у нас есть швейцарцы — грубые, заносчивые и нахальные, а что касается нас, итальянцев, то мы — бедные, честолубивые и приниженные* <sup>[151]</sup>.

Хотя новый глава Церкви до сих пор поддерживал с Феррарой довольно хорошие отношения, он не спешил отменить отлучение Альфонсо от Церкви и интердикт, удручавший жителей герцогства.

На самом деле Бембо, недавно провозглашенный кардиналом и никогда не прерывавший переписки с Лукрецией, оказал д'Эсте неоценимую поддержку: Лев X не только согласился представить маленького Эркуле во время его конфирмации, но и пригласил Альфонсо на свою коронацию. Лукреция осталась в Ферраре исполнять обязанности правительницы. Сообщения о церемонии, которые она получала, говорили ей о том, что в Ватикане ничего не изменилось, что смесь язычества и христианства, знакомая ей еще с юности, царит всюду, как и прежде. Так, Агостино Киджи, бывший протеже Чезаре, велел написать на фронтоне триумфальной арки: «Правила Венеры, за ней Марс, теперь Паллада хранит Империю». Возможно, эта странная троица символизировала Александра VI, Юлия II и Льва X.

Маркиза Мантуанская описала в письме к невестке кортеж, заказанный папой. Последний явно желал превзойти своих предшественников в великолепии. Чтобы открыть кавалькаду, Якопо Нарди изготовил шесть колесниц, расписанных Понтормо и украшенных скульптурами Баччо Бандинелло. За ними следовали скакуны, покрытые львиными и тигриными шкурами, буйволы, символично представляющие слонов, лошади, наряженные под крылатых грифонов, и, чтобы воскресить дух античности, жрецы в тогах, ликторы и всадники, гордо несшие фасции и трофеи. Вся римская элита, одетая в развевающиеся хламиды, шла перед колесницей, на которой возвышалась живая пирамида, на вершине которой стоял голый ребенок, облокотившийся на лавровое дерево, что символизировало наступление золотого века. Для Изабеллы апогеем этого дня стал почет, оказанный ее брату. Он шел сразу за высшими представителями Церкви, его платье из бархата и парчи выделялось на

фоне пурпурных мантий кардиналов, его величественная фигура и серьезное выражение лица вызвали всеобщее восхищение. Для Лукреции, как и для Изабеллы, особая милость святого отца к Альфонсо позволяла надеяться на то, что д'Эсте более не будут в опале. Также папа отличил и герцога Урбинского, супруга Элеоноры Гонзага, носившего траур по своему дяде Юлию II и державшего во время церемонии поводья лошади Льва X.

В Ферраре вновь воцарилось веселье. То собиралось большое общество, которым руководил Ариосто — «высокий бородач со светлыми волосами», то давали концерты в герцогском дворце. На великолепных клавикордах, доставленных учителем Лоренцо Павиа, Лукреция исполняла оды о любви. Ее пристрастие к красивым голосам и танцам было неистребимо. Ничто не приводило ее в большее волнение, чем голос знаменитого Тромбончино, певшего о муках сердца, и ничто не доставляло ей большего наслаждения, чем смотреть, как Никкола Сиенская и Катарина Валенсийская исполняют гальярду<sup>[81]</sup>. В такие вечера на стол ставили табурет, на него поднимался карлик Сантино и рассказывал басни, такие, как, например, «Волк, проповедовавший овцам». Дослушав ночные проповеди шута, Лукреция шла слушать иные проповеди в монастырь Святого Бернардина, где внебрачная дочь Чезаре, сестра Лукреция, учила ее тому, что главное в жизни — это не то, какие события происходят с нами, а то, как мы их принимаем.

## Глава XXII

### Муза Ариосто и Тициана

С наступлением весны Лукреция порой ускользала из Феррары, чтобы отправиться со свитой в Бельригуардо. За крепостной стеной возникал гигантский портал с гербом д'Эсте наверху, за ним открывался передний двор; окружавшие его готические здания были украшены окнами с импостами, выходящими на большую арку и виднеющуюся за ней аллею из кипарисов, напоминающих зеленые веретена. Дальше простирался огромный парк, подчинившийся рукам садовников; ровные лужайки, кустики букса, подстриженные в форме конуса, пирамиды или шара, вечнозеленый лабиринт и фонтаны, украшенные статуями мифологических героев, — все это располагало к тому, чтобы еще раз перечитать «Азоланские беседы», и побуждало «стремиться к чему-нибудь веселому, чтобы не умереть от скуки». Просперо Прозери и Баттисто Стабеллино рассказали о способности Лукреции восхищаться: она не только обладала ею сама, но и умела передать ее своему окружению, словно внутри нее жило некое жизнерадостное божество, не позволявшее ей стареть. Можно было сказать, что время лишь ласково коснулось ее, подобно тому как солнце золотит плоды летом. Иногда вместе с двумя или тремя дамами она отправлялась по дороге в Кастеллину, возведенную на развалинах крепости. Там, вдали от любопытствующих взоров, она купалась в подземном гроте, где герцог Эрколе I повелел выложить мрамором бассейн, питаемый водами По.

Лукреции исполнилось тридцать шесть лет, настало время воспоминаний. Однажды на одном из пиров во дворце Костабили появился кардинал Фарнезе, герцогиня не сразу узнала брата Джулии, в свое время столь равнодушного к дамскому обществу. Да и сам он, будущий Павел III, изумился, увидев дочь Александра VI не строптивой и игривой, а серьезной и спокойной. За очарованием этой встречи последовало грустное событие: кончина Альдо Мануция причинила ей настоящую боль. Не кто иной, как Бембо показал ей истинное значение работы этого ученого мэтра над изданием произведений Горация или Ювенала, украшенных яркими буквица́ми. Он использовал для переплетов самую красивую козью или телячью кожу и самые роскошные шрифты. Лукреция испытывала наслаждение от шедевров Альдо Мануция и разделяла его с Изабеллой

Мантуанской. С годами их отношения изменились. Изабелла призывала Лукрецию на помощь, если нужно было успокоить ее больного мужа, с которым случался приступ за приступом. Победитель битвы при Форну теперь был всего лишь человеком, озлобленным тем, что столь посредственно закончил военную карьеру. Он чувствовал себя одиноким и сомневался в своем выздоровлении.

Что касается Льва X, то, создавая видимость добрых отношений, он угрожал и Мантуе, и Ферраре. В июне текущего 1515 года он отобрал жезл гонфалоньера у зятя Изабеллы Франческо делла Ровере, чтобы передать его своему племяннику Лоренцо Медичи. Двумиличие нового понтифика ничем не отличалось от двумиличия Юлия II. У семьи д'Эсте было достаточно оснований беспокоиться о том, сможет ли Бембо их защитить.

В середине сентября Лукреция несколько ободрилась. Франциск I только что одержал блестящую победу при Мариньяне над миланским герцогом Максимилианом Сфорца. «Битва гигантов», развернувшаяся 14 и 15 сентября, открыла королю Франции двери в Италию. Хотя Альфонсо не участвовал в сражении, молодой государь не забыл ни о своих друзьях, ни о том, что Лев X имел виды на Феррару. Поэтому, когда три месяца спустя глава Церкви принимал победителя, последний напомнил ему, что Феррарское герцогство находится под его защитой, и добился возвращения Модены и Реджо. Этот понтифик не любил французов, ведь Людовик XII взял его в плен в Равенне, привез в Милан и отправил бы во Францию, если бы будущему папе не удалось сбежать. Д'Эсте, будучи союзниками с «варварами», никогда не смогли бы добиться его милости.

Теперь Феррара была в безопасности, и, словно в дополнение к этому, к Лукреции приходит слава. В том же 1515 году был опубликован «Неистовый Роланд», который благодаря Ариосто обессмертил герцогиню. В Пантеоне, воздвигнутом для восьми самых знаменитых женщин своего времени, куда попадает рыцарь Ринальдо, Ариосто оставляет первое место Лукреции Борджа, а второе — Изабелле Мантуанской. Этот мечтатель, ставший чиновником по воле Альфонсо д'Эсте, своего дальнего родственника, бежал от действительности, делая фантастические переводы Плавта и Теренция. Начиная с 1507 года его считают «одним из наиболее знаменитых своими знаниями людей, какого только можно встретить в Италии». Он перешел на службу к Ипполито, поскольку его положение было ему не по душе, и если кардинал и держал его при себе, то скорее из желания оправдать свою репутацию мецената, чем из уважения к писателю. Эркуле Строщи, который когда-то был его другом, описывал «его большие глаза, полные мечтательности, грусти и доброты».

Поддержка, которую Ариосто оказал герцогу д'Эсте во время интердикта, наложенного Юлием II на Феррару, вызвала у Лукреции чувство благодарности. Кроме того, поэт и его государыня обнаружили сходство между собой, поскольку оба многое пережили, оба познали любовь и страдание. Она постоянно оказывала ему всяческие знаки внимания, что помогало ему переносить спесь Ипполито, который, прочитав «Неистового Роланда», воскликнул: «Мессир Лодовико, откуда вы набрали столько глупостей?» Поклонник поэта президент де Бросс скажет три века спустя: «Ариосто для меня — источник вечного наслаждения. Чем больше я его читаю, тем больше он мне нравится, ради него одного стоит выучить итальянский, чтобы читать его творения».

Когда Тициан прибыл в Феррару 13 февраля 1516 года, Лукреция была к нему очень внимательна. Разместив его в Кастель Веккьо вместе с двумя его спутниками, герцогиня, как можно прочесть в расходных книгах двора, следила за тем, чтобы они не испытывали недостатка в свечах и чтобы специально выделенные для этого слуги поддерживали огонь. Она попросила венецианского мэтра расписать герцогский дворец. Он нарисовал там горы Кадоро, своей родины, изобразив человека на фоне пейзажа в ультрамариновых тонах, сияние которым придавала ляпис-лазурь. Затем Альфонсо предложил Тициану проиллюстрировать произведение Филострата Лемносского, написанное в III веке нашей эры. Два сюжета привлекли внимание художника: «Вакханалия» и «Празднество Венеры». По возвращении в Венецию он отправил наброски в Феррару, сопроводив их следующим посланием: «**Я** полностью к вашим услугам, в случае если какой-либо из рисунков вас не удовлетворит, я готов прислать вам другие, поскольку я отдал тело и душу Вашим Сиятельствам. Нет такого удовольствия, какое я счел бы большим, чем быть достойным того, чтобы служить вам всегда и повсюду»<sup>[152]</sup>.

Двумя годами позже «Празднество Венеры» было закончено, к большому удовольствию заказчиков, изумленных верностью художника тексту Филострата: множество амуров толпятся вокруг Венеры, охраняемой двумя нимфами. В следующем году Джакомо Тебальди, посол Феррары в Светлейшей республике, сообщил своему господину, что Тициан прибывает из Венеции на корабле вместе с «Вакханалией», предназначенной для camerino<sup>[82]</sup>. Это произведение представляет прибытие Диониса на остров Андрос, где его ожидают, хмелея, жители острова. Д'Эсте пришли в такой восторг, что заказали художнику и другие произведения, в частности ныне находящуюся в Прадо картину

«Богоматерь с младенцем, святой Доротеей и святым Антонием». Лукреция позировала для образа святой, также она была изображена (шестой персонаж слева) на полотне «Пир богов» Беллини, которое Тициан закончил после смерти художника<sup>{153}</sup>.

Родоканаки отмечает, что манера Тициана изменилась после его пребывания в Ферраре. Его аллегория «Любовь земная и небесная», подсказанная поэзией Бембо, прямо восхваляет Лукрецию, дважды его вдохновившую. Справа «amor celestis»<sup>[83]</sup>, чуждая земному тщеславию, держит в руке светоч, зажженный божественной любовью. Светловолосая Венера слева, богато одетая, с украшением на поясе, с цветами на коленях, символизирует любовь земную.

Будучи просвещенной правительницей, Лукреция основала музей древностей, после чего попросила Марио Эквиолу сочинить историю, чтобы ее сюжет лег в основу росписей замков Бельригуардо и Бельфьоре и вдохновил самых лучших художников, таких, как Досси. Друг Ариосто выполнил для кафедрального собора в Ферраре и церкви Святого Франциска эскизы гобеленов, изображающие великие деяния государей. Его товарищ Бенвенуто Гарафоло, на два года его младше, в свою очередь писал полотна на религиозные и мифологические сюжеты при помощи своего ученика Джироламо Карпи. Лоренцо Коста, старше их лет на двадцать, работал по закрашенной поверхности под руководством Франческо Косса, большого мастера, создавшего грандиозные эзотерические росписи в любимом жилище Борсо д'Эсте в Скифанойе, где можно до сих пор любоваться «Триумфом Венеры»: чуть поодаль от богини, расположившейся на переднем плане в окружении кроликов, можно видеть восемь музыкантов с их очаровательными спутницами, готовых бросить флейты и виолы, чтобы предаться любовным утехам.

Несмотря на слабое здоровье, Лукреция родила 4 июля 1515 года Элеонору и 1 ноября следующего года — Франческо, получившего титул маркиза Масса Ломбарда. Герцог д'Эсте был доволен: теперь у него было четыре законных наследника.

Отныне все внимание герцогини д'Эсте было сосредоточено на ее детях, на их образовании, на выборе наставников и воспитателей. Частые беременности ослабили ее, и маркиз Мантуанский, отправивший ей послание с пожеланиями выздоровления, получил следующий благочестивый ответ, не лишенный, однако, доли озорства:

*Я искренне желаю того, чтобы вы вступили на путь службы Господу*

и святому Франциску, как это делаю я. Возможно, вы посмеетесь надо мною и моими проповедями, причиною всему — сестра Лаура, которая наперекор всему свету хочет, чтобы я стала проповедницей и мученицей... Слишком земные слова, кои вы употребляете, по-рыцарски служа мне, меня удручают, ибо не кажутся мне уместными, когда речь идет об отношениях брата и сестры<sup>{154}</sup>.

Единственное родство, которое могло связать ее с Франческо, было родство духовное. Бембо в «Азоланских беседах» писал: «Истинная любовь ищет не ту красоту, что видима и телесна, а красоту божественную», а в «Придворном» мы находим хвалебную песнь Бембо, посвященную герцогине:

*О пресвятая Любовь, кто из смертных сможет достойно воспеть тебя? Ты бесконечно прекрасна, бесконечно добра, бесконечно мудра, ты ведешь свое начало от союза доброты и божественной мудрости, ты пребываешь в ней и через нее возвращаешься к ней, словно завершая круг. Ты, нежнейшей нитью связующая весь мир, средоточие небесного и земного, ты — начало и конец всякого добра...*

*Прими наши души, сожги их в огне, что пожирает всякое уродство, и пусть, освободившись от самих себя, мы найдем свое воплощение в том, кого любим, чтобы затем, придя на пиршество ангелов и вкусив там нектара и амброзии, мы достигли лучезарной и животворящей смерти, словно патриархи древности, чьи души наконец соединились с Господом.*

Кастильоне, продолжая свой рассказ, подчеркивает, что, отдавая должное Лукреции, Бембо, казалось, находился в экстатическом состоянии и словно не понимал, где он и что с ним, и что Эмилия Пиа, подергав его за полу, вернула его к реальности, сказав: «Берегитесь, мессир Бембо, а то как бы вслед за вашими мыслями не отлетела и ваша душа». «Синьора, — ответил Бембо, — это не было бы первым чудом, что любовь сотворила со мной».

На самом же деле, возможно, Кастильоне, поддавшись лирическому настроению, несколько увлекся. Хотя Бембо всегда преклонялся перед Лукрецией, его кардинальская мантия не мешала ему иметь весьма земные связи с хорошенькими римлянками, выведенными под вымышленными именами Топазы, Авроры или Морозины, причем последняя родила ему троих детей, но Лукреция по-прежнему оставалась его самой прекрасной

любовью.

Будучи уверенным в верности своей супруги, герцог д'Эсте не опасался больше, что ее может прельстить другой мужчина, даже платонической любовью, и уговаривал ее писать в Рим. Кто лучше нее мог бы склонить Бембо ходатайствовать о деле государей Феррары перед новым папой? Письма Лукреции всегда начинаются обращением «Carissimo Messer Pietro Bembo»<sup>[84]</sup>, позволяющим ей немного пококетничать, как в следующей короткой записке:

*Дорогой мессир Пьетро, зная, что ожидание — самая большая часть удовлетворения тем, что ожидаешь, поскольку надежда обладать разжигает желание и редко представляет нам желаемое таким, какое оно есть, но гораздо более прекрасным, я сочла полезным отложить мой ответ до нынешнего момента, чтобы, ожидая награды за ваши чудесные письма, вы сами стали для себя источником удовлетворения и тем, кто платит, и тем, кому платят*<sup>{155}</sup>.

Они расстались двенадцать лет назад, и обоим достало рассудительности, чтобы не искать новых встреч. Хотя Альфонсо приглашал поэта к своему двору, тот счел благоразумным остаться в Риме, и отказ этот не только не задел Лукрецию, но даже польстил ей. Она угадала причину. Лучше сохранить воспоминания, не подвергать их опасности.

Из четырех детей Ваноццы и Александра VI к 1517 году в живых осталась только Лукреция. Гоффредо недавно умер в своем замке Скуиллаче недалеко от Неаполя. После смерти Санчи он сочетался браком с Марией де Мила, которая подарила ему несколько детей. Со смертью Гоффредо, которого Лукреция любила больше, чем тщеславного Хуана и даже Чезаре, безвозвратно ушла ее молодость.

В то же время римский инфант напомнил своей матери о себе. Он покинул своих учителей в Карпи и направился в Неаполь, чтобы там погулять и повеселиться, однако из-за смерти Гоффредо он уже не мог надеяться на гостеприимство. Тогда он направился в Феррару. После появления законных наследников у Альфонсо больше не было оснований отказывать Лукреции в том, чтобы к ней приехал Джованни Борджа. Тем не менее, чтобы соблюсти приличия, Джованни был принят как брат герцогини. Вместе с экономом он должен был заниматься домом. На

гуманиста Бартоломео Гротто была возложена обязанность следить за его образованием, однако этот юноша, которому только вредили здоровье и привлекательная внешность, оказался весьма грубым, задиристым и своенравным. По расходной книге Лукреции видно, как дукаты утекали у него между пальцами, он ничуть не заботился ни о своей одежде, ни о книгах, и все его ссоры перерастали в стычки. Лукреция не чувствовала никакой материнской любви к ребенку, которого отняли у нее сразу после его рождения. Вот почему Альфонсо, отдавая себе отчет в двусмысленности положения молодого человека, предлагает взять его с собой во Францию, чтобы представить королевской семье. Для сопровождения Джованни Лукреция выбирает двух феррарцев — Сакратто и Тротти, их миссия заключалась в том, чтобы помочь ему войти в новую жизнь. Лукреция передает с ним для королевы Клод два золотых браслета, украшенных ажурными шарами, внутри которых находились ароматические зерна (это изысканное украшение сблизило Франциска I с его супругой, «так как ее ночная рубашка пахнет столь приятно, когда она ложится в постель»), а Маргарите Наваррской, с наслаждением занимавшейся искусством и литературой, она послала произведения латинского поэта Стация, изданные Альдо Мануцием, а также «Ахиллеаду», где описывается жизнь Ахилла до взятия Трои.

Итак, герцог д'Эсте прибыл в Париж в обществе Джованни Борджа. Но проходили дни, и отношение к ним начало ухудшаться, потому что римский инфант в этом шумном блестящем обществе, где царила невиданная доселе роскошь, казался дикарем. Его вялость, страсть к потасовкам и невоспитанность произвели ужасное впечатление. Послы Карало Корреджо и Пистофило Бонавентура, равно как и знатные феррарцы, его сопровождавшие, попытались было сдержать инфанта, однако Джованни ничего не хотел слышать. Альфонсо уже вернулся в Феррару, когда король Франции, потеряв терпение, отправил юношу в Рим, где ему предстояло закончить жизнь чиновником папской курии и умереть через двадцать семь лет после своей матери.

Следом за Джованни к Лукреции прибыл один из внебрачных сыновей Гоффредо, десятилетний мальчик, который после смерти отца жил в доме Ванотцы. В письме она просит Лукрецию взять его к себе: «Вы могли бы воспитать его как пажа Вашего славного дома». В реестре Лукреции мы читаем: «Иеронимо Борджа, паж». Этот мальчик в отличие от Джованни очаровал Лукрецию и, что самое поразительное, очаровал и Альфонсо. Его живой ум, его физические и умственные способности в сочетании с жизнерадостным характером Борджа позволили ему войти в дом герцогов

д'Эсте и стать другом Эркуле, его ровесника, и Лукреция смогла успокоить Ваночцу относительно будущего ее внука.

Ваночца, несмотря на некоторую беспомощность, которую она ощущала после смерти Александра VI, посвятила себя благотворительности. Ее драгоценности, отныне не представлявшие для нее никакого интереса, были использованы для изготовления дарохранильницы церкви Сан-Джованни-ин-Латерано. Так, жемчуга, бриллианты, золото и серебро, с таким великолепием сиявшие прежде на фаворитке папы, теперь переливались всеми огнями в глубине алтаря. Нотариус Ваночцы Андреа Карози составил 15 января 1517 года документ о передаче различных домов и постоянных дворов больницам Сан-Сальваторе-ин-Латерано, Сан-Лоренцо-ин-Дамазо и ордена Пресвятой Девы. Она завещала также служить мессы за упокой души ее и двух ее супругов. Пауль Йове, который познакомился с ней на закате ее дней, считал ее *donna dabbene*<sup>[85]</sup>; он превозносил ее набожность, ее смирение, ее такт. Скромность не позволяла ей просить чего-либо для себя у герцогини Феррарской, но иногда она рекомендовала ей своих протекже, и в зависимости от полученного результата ее благодарственные письма заканчивались либо словами «ваша счастливая мать», либо «ваша мать».

26 декабря 1518 года, как положено по обычаю, глашатай объявил на улицах Рима о кончине матери Лукреции, ей было семьдесят семь лет. Новость дошла до ее дочери на следующий день. Поскольку Лукреция была в Ферраре одна, она не смогла отправиться на похороны, однако укрылась в монастыре Святого Бернардина и велела, чтобы никто не говорил с ней о ее горе. Поскольку ее придворные не были знакомы с покойной, соболезнования, принесенные только из приличия, своей банальностью могли лишь усилить ее горе.

Одна лишь ее двоюродная сестра Андже́ла, приехавшая поддержать Лукрецию, могла понять, сколько воспоминаний вызвала эта утрата: детство цвета небес в Субиако, маленькие водопады, дышащие свежестью, залиvistый смех Ваночцы, ее поцелуи с запахом ванили, игры в воде с братьями, беготня вокруг Пьяцца Пиццо ди Мерло, отец, который брал ее на руки, а она обнимала его за шею, пахнущую ладаном; потом день, когда его пурпурную мантию сменила белая риза триумфатора: Родриго Борджа стал Александром VI под лучами августовского солнца; еще были сеансы позирования для работы Пинтуриккьо, звон серебряных колокольчиков Хуана Гандийского, холод его смерти, торжество Чезаре-брatоубийцы; а за окном звонили к молитве Богородице, и этот звон был эхом былого величия семьи Борджа.

Через несколько дней состоялись похороны. Марино Санудо пишет: «Ей были устроены похороны в Санта-Мария-дель-Пополо, столь же грандиозные, какие устраивают кардиналам». Действительно, Лев X отправил на ее похороны своих камерариев и многих своих придворных. Эти почести, обычно оказываемые лишь высшему духовенству, подчеркивали, что Ваночцу уважали как вдову Александра VI или, по крайней мере, как мать герцогини Феррарской.

Восемь лет спустя Марко Антонио Альфьери, хранитель ордена гонфалоньеров, почитает ее память в свидетельстве, которое находится в архивах ордена:

*Мы должны помнить о благотворительных заведениях, основанных досточтимой сеньорой Ваночцей. Желая одарить братство мирскими благами, она оставила ему драгоценности, стоимость коих весьма велика, и добавила к тому другие благодеяния, они позволили братству в несколько лет освободиться от некоторых долгов. Она оставила нам столько всего, что от этого мы получаем годовой доход в четыреста дукатов, чтобы кормить обездоленных и больных, а их — увы — великое множество. В благодарность за ее благочестивое и доброе к нам отношение, а также за достойные и милосердные благодеяния в пользу нуждающихся наше братство решило почитать усопшую, установив на ее могиле величественное и роскошное надгробие. Братство приняло единодушное решение отмечать в церкви дель Пополо, где она погребена, каждую годовщину ее похорон, служа мессу и устраивая многолюдные шествия с факелами и свечами, как для того, чтобы просить Бога о спасении ее души, так и для того, чтобы всем доказать, сколь чужда нам неблагодарность <sup>{156}</sup>.*

Целых два века священники Санта-Мария-дель-Пополо будут служить мессы по Ваночце, затем церковные власти их отменят.

## Глава XXIII

### Амарант

Из Борджа в живых осталась только Лукреция, не считая римского инфанта Джованни. Эркуле было десять лет, Ипполито — девять, Элеоноре — три и Франческо — два. Старшие были гордостью своего отца. Наследный принц переводил «Энеиду», его брат разбирал с листа «Записки о Галльской войне», поэтому Лукреция попросила Бембо найти им наставника. «Наши сыновья, — писала она, — проявляют необычайную охоту к учению, особенно нас восхищает то, что они любят беседовать с просвещенными людьми. Мы желаем, чтобы вы порекомендовали нам достойного человека, способного развить их склонности».

Младшие также требовали ее забот. Если Элеонора уже щебетала, то Франческо не мог еще похвастать такими же успехами, поэтому «следовало учить его говорить перед зеркалом, потому что так он будет думать, что разговаривает с мальчиком его возраста». Что касается их одежды, то она стала источником конфликтов с воспитательницами. Едва выйдя из пеленок, маленькие принцы уже облачались в александрийский бархат или золотую парчу, шелковые одежды, подбитые мехом, драгоценности. Под любым предлогом на детей надевали украшения. Считалось, что изумруд на шее отгоняет сглаз и укрепляет мозг. В те времена Джиральди жаловался, что «теперь уже грудных младенцев одевают в костюмы, больше подходящие женатым людям».

Лукреция хотела приучить детей к более простой и более подходящей для их занятий одежде. Она говорила, что ей хочется, «чтобы они хохотали до упаду, развлекались, не чувствуя себя скованными, бегали, устраивали всяческие шалости, как положено в их юном возрасте». Она желала, чтобы учитель отправлял их играть после окончания урока и при необходимости помогал им, «поскольку ребенок всегда должен быть в движении и возбуждении, он никогда не должен сидеть сложа руки, и игра остается лучшим способом высвободить излишек его энергии».

Горячая привязанность и преданность ее придворных успокаивали ее относительно будущего ее потомства и позволяли привести в порядок личные дела. Силы Лукреции шли на убыль, врачей тревожила ее новая беременность. По этой причине она велела Эркуле Фидели ди Сасо и его сыну составить опись ее драгоценностей. Эти два ювелира работали для

нее еще в Риме и последовали за ней в Феррару. Им понадобятся сотни страниц, чтобы описать 3770 изделий, распределенных по 435 группам, зарисовать их, указать их вес и размер, кратко изложить их историю. Например, номер 65 был связан с ее детством, это был «кусоч золотой ткани, с одной стороны которого находилась жемчужная корона, а с другой — изображение быка и девиз»; номер 91 описывает браслет в форме змеи, где выгравированы первые стихи Бембо; номер 103 вновь напоминает о поэте — «золотая медаль с рисунком в виде пламени из красной эмали в окружении пальмовых листьев», где выгравированы следующие слова: «Оно пожирает душу». В этом списке перечислены и отсутствующие предметы, во избежание обвинений в краже. Например, номер 124 уточняет, что 29 марта 1517 года Мария Энрикес, вдова герцога Гандийского, получила четки из белого коралла, где каждые пять зерен были отделены от пяти следующих пятнадцатью сердоликами и украшены семью кусками желтого янтаря. Эта опись, достойная королей, объясняет доверие ростовщиков к Лукреции в 1512 году.

Чтобы удалиться от суеты жизни, Лукреция, руководимая Лодовико делла Торре, в 1518 году произнесла обеты Третьего ордена францисканского братства. Она все слабела, все ее усилия были направлены на благо ее детей и супруга. Последний только что вернулся в герцогство после визита в Блуа, где Франциск I подтвердил, что Феррара находится под его королевской защитой. Лев X, идя по стопам Александра VI, пытался передать трон своему племяннику Лоренцо Медичи, принцу слабому и ненадежному (он умер во Флоренции 4 мая 1520 года несколько дней спустя после смерти своей жены, Мадлен де ла Тур д'Овернь; их дочь прославится под именем Екатерины Медичи, королевы Франции). Отнятое у законных наследников Урбинское герцогство было первым этапом в осуществлении замыслов Льва X, и вследствие этого положение Феррарского герцогства становилось неопределенным. И Альфонсо понимал, что однажды он может остаться без помощи Лукреции, так необходимой ему. Ей было тридцать девять лет, и она была беременна в одиннадцатый раз. Ее худоба, заострившиеся черты лица, бледность и круги под глазами, казалось, возвещали о близком конце. Ее слабость в конце концов вынудила ее лечь в постель, и Альфонсо, сидя у ее изголовья и стараясь ее ободрить, рассказывал ей о том, каким авторитетом она пользуется при французском дворе. Действительно, военные послы, художники и ученые мужи не переставали восхвалять ее и без конца превозносили «добрую герцогиню Феррарскую, жемчужину этого мира». Так брак, поначалу вызывавший у Альфонсо чувство неловкости, стал для

него чем-то гораздо большим, чем брак по любви.

29 марта умер Франческо Гонзага, которого, как было известно, подточила «неаполитанская болезнь». 31 марта Лукреция писала своей золовке Изабелле;

*Жестокая утрата, которую вы понесли вследствие смерти вашего светлейшего супруга, причинила мне такую боль и так меня опечалила, что теперь я сама нуждаюсь в утешении, чтобы дать его другим, в особенности Вашей Светлости, чья огромная утрата, должно быть, вызвала сильнейшие страдания. Я соболезную вам в этом несчастье и не могу выразить, насколько оно меня печалит. Но это свершилось, Господу было угодно призвать его к Себе, поэтому мы должны покориться его воле, и я прошу и умоляю Вашу Светлость перенести этот удар с твердостью, как и подобает вашей мудрости. Я верю, что вы сможете смириться<sup>{157}</sup>.*

В этом письме, соответствующем обстоятельствам, покорность Богу не мешает Лукреции проявлять твердость. По мнению герцогини, смерть способна избавить Франческо от разочарований, тогда как Изабелле она представляется долгожданной возможностью взять власть, что позволит ей изгнать советника мужа, ненавистного Толомео Спаньоли. Эйфория вдовы продлится недолго: ее сын Федерико, новый маркиз Мантуанский, вскоре захочет править самостоятельно.

Роды, ожидаемые в конце июня, обещали быть трудными, и Лукрецию даже мучил вопрос, не навлекли ли проклятие на ее голову распри Феррарского герцогства со Святым престолом. Поэтому она написала Никколо Мария д'Эсте, епископу Адрии и двоюродному брату Альфонсо, чтобы он выхлопотал для нее благословение папы. Последний, немедленно вняв просьбе, ответил: «Ах, она беременна, да хранит ее Господь». Лукреция немного повеселела, но ее физическое состояние оставалось прежним. С приближением родов боли все усиливались, и она больше не покидала постели.

Ее врачи, Пальмарино и Боначчоло, чтобы облегчить ей страдания, намеревались ускорить течение родов. Однако схватки начались внезапно, и 14 июня родилась слабенькая девочка, которую не удавалось накормить и которая, казалось, не желала жить. Ее окрестили в ту же ночь. Едва приняв причастие, девочка умерла, а у Лукреции началась родильная горячка. Толстые стены не могли защитить комнату от летней жары, отчего еще больше усиливалась головная боль. Тяжелые длинные волосы причиняли

Лукреции страдания, и пришлось их обрезать.

День и ночь Альфонсо сидел у ее постели под изумленными взглядами придворных, и, поскольку состояние его жены ухудшалось, он велел всем молиться и устроил крестный ход. «Его Светлость в жестокой печали, — писал оратор Мантуи Изабелле, — несколько дней он был очень болен, но, несмотря на лихорадку, последовал за священниками, что доказывает, сколь сильную любовь он питает к герцогине». Население Феррары стекалось в церкви молиться о ее выздоровлении.

Врачи не скрывали от Лукреции, что конец ее близок. 22 июня она продиктовала епископу Адрии следующее письмо к Льву X:

*Ваше Святейшество, с низжайшим почтением целую ваши ноги и смиренно веряю мою судьбу вашей милости. Испытав в течение более чем двух месяцев огромные страдания, вызванные мучительной беременностью, я родила дочь и надеялась, что, освободившись от плода, я почувствую облегчение, однако случилось обратное, и я должна заплатить дань природе. И столь велика милость, кою дарует мне милосерднейший Создатель, что я осознаю, что конец мой близок, и отдаю себе отчет в том, что через несколько часов я умру, успев заранее принять Святое причастие. Достигнув этого рубежа, хоть и будучи грешницей, осмелилась просить Ваше Святейшество, чтобы вы в доброте своей дали мне частицу ваших духовных сокровищ и принесли облегчение моей душе вашим святым благословением. Я благоговейно умоляю Ваше Святейшество и поручаю вам судьбу моего супруга и моих детей, ибо все они — верные слуги Вашего Святейшества <sup>[158]</sup>.*

В присутствии герцога, с тревогой наблюдавшего за ней, она подписала завещание, в котором говорилось о многочисленных дарах церквям и монастырям, затем ее соборовали. Была ли то необычайная деликатность или кокетство, однако она не призвала к себе детей. Зачем, говорила она, заставлять их смотреть на лицо матери, изможденное страданием? Тонкая кожа обтягивала ее кости, глаза потускнели и ввалились, из носа шла кровь, рот сотрясали нервные конвульсии, пришлось решиться обрить ее наголо. У нее была еще последняя просьба: она умоляла Альфонсо следить за тем, чтобы садовники заботились о ее цветнике из амарантов, которые она выращивала в память о Родриго и Алонсо Бишелье. Этот цветок, который она нежно любила за его бархатистый алый цвет, у древних был символом бессмертия, поскольку он

никогда не увядал.

Вечером Лукреция выпила бульон, и казалось, что он придал ей сил, однако очень скоро ее слова, последние произнесенные ею слова, развеяли эту надежду: «Я навсегда принадлежу Богу». Больная перестала видеть, и паралич сковал ее члены. Она не отвечала на вопросы, полагали, что она уже не слышала. День 23 июня прошел без изменений. Утром 24-го она была спокойна и, возможно, без сознания. Теперь смерть была для нее избавлением. Вечером, когда зажигали первые огни, празднуя Иванов день, она заснула навсегда. Ее уход напоминал те роскошные летние дни, что сгорают в багряном пламени заходящего солнца. Вся любовь, пылавшая в ней в ее земной жизни, теперь устремилась в вечность.

Альфонсо, по-прежнему стоявший на коленях у ее изголовья, раздавленный горем, судорожно сжимал ее руку, которая в течение семнадцати лет делала ему только добро. В пятом часу утра он поднялся и написал своему племяннику Федерико Гонзага:

*Господу Богу было угодно призвать к себе в этот час душу моей дражайшей супруги; моя обязанность уведомить в этом Вашу Светлость в силу нашей взаимной дружбы, которая позволяет мне верить, что счастье и несчастье одного не оставляют равнодушным другого. Я пишу эти строки не в силах удержаться от слез. Это невыносимо для меня оказаться без столь дорогой и столь нежной спутницы, поскольку таковой она была для меня вследствие превосходного ее поведения и нежной любви, что существовала между нами.*

Весь город был погружен в печаль. Если литераторы, поэты и художники Феррары были безутешны, потеряв свою Unica<sup>[86]</sup>, то «бедные повсюду кричали, что лишились матери». Без конца все говорили и повторяли добрые слова о «славной госпоже».

Лукреция попросила, чтобы ее похоронили в ее францисканском платье. Венок из бессмертника покоился на четырех опорах катафалка, охапки амарантов обнимали гроб, как живые руки. Тело ее было погребено в ее любимом месте — монастыре Тела Господня, возле ее свекрови герцогини Элеоноры. Позднее там окажется и герцог, ее супруг, равно как и их сын Эркуле II. «Смерть герцогини вызвала большую печаль, — писал Джованни Гонзага своему племяннику Федерико Мантуанскому, который отправил его в качестве своего представителя на похороны, — и его герцогское Высочество был особенно объят горем. Здесь все поют ей хвалы».

Со смертью Лукреции закончился один из самых блестящих периодов Истории. Рафаэль умер вскорости после нее, а еще через несколько месяцев последовала смерть Леонардо да Винчи.

Более года Альфонсо был безутешен. Затем с течением времени грусть его превратилась в воспоминание, одиночество стало тягостным, и красавица Лаура Дианти, чей великолепный портрет написал Тициан, стала его любовницей.

## Глава XXIV

### Дети солнца

Лукреция Борджа, словно плодовитый лавр, оставила память о себе. Младшим детям, Элеоноре и Франческо, она передала свою радостную способность верить, что касается старших, Эркуле II и Ипполито, то им в полной мере достался в наследство горячий нрав Борджа.

Эркуле II должен был стать преемником отца и, как награды за верность, удостоиться чести соединить кровь Эсте-Борджа с королевской кровью. Он женился на некрасивой, но умной Рене Французской, дочери Людовика XII. Эта принцесса будет приводить в негодование своего мужа и своих подданных, поддерживая движение Реформации, борясь против церкви, во главе которой стояли Борджа, Ровере и Медичи, и оказав гостеприимство Кальвину и Маро. Как и полагается, герцог д'Эсте заключил ее в монастырь Святого Франциска, где, как отмечают со свойственной им простотой ее современники, «она пребывала некоторое время в одиночестве». После смерти Эркуле II она удалилась в замок Монтаржи в окружении своих друзей гугенотов.

От этого союза родилось пятеро детей. Старшая Анна вышла замуж за Франсуа I Лотарингского, второго герцога Гиза, она передала своему потомству золотые локоны и очарование Лукреции. Ее супруг погиб от руки Польтро де Мере. Их сын Генрих I Лотарингский, третий герцог Гиз, прозванный Меченым, был главой Католической лиги. «Франция, — сообщает летописец, — бредила этим человеком, сказать любила его значит не сказать ничего». Он едва не лишил трона Генриха III и был убит в Блуа по приказу короля. Так труп правнука Лукреции Борджа вдохновил последнего из Валуа на знаменитую фразу: «Мертвый — он величественнее живого».

Сын Эркуле II, Альфонсо II, в свою очередь должен был взойти на трон. Подобно тому как Ариосто прославил его бабушку Лукрецию в своем «Неистовом Роланде», так Тассо обессмертил его, ее внука, посвятив ему «Освобожденный Иерусалим». Вдохновением и фантазией отмечены эти эпопеи двух величайших поэтов Италии. И, вероятно, неслучайно, что оба они оказались на службе у правителей Феррары.

«Иерусалим» оказался лебединой песней дома д'Эсте. Законная ветвь, угаснув в 1597 году со смертью Альфонсо II, осталась без продвижения<sup>[87]</sup>.

Третий ребенок Эркуле II, Лукреция, сочеталась законным браком с Франческо Мария делла Ровере. Четвертая, Элеонора, была знаменита тем, что любила Тассо, прозванного феррарцами «razzo per amore»<sup>[88]</sup>. Страсть эта разгорелась в Ферраре, где Элеонора и ее сестра Лукреция вместе с несколькими подругами танцевали. «Я увидел, — писал поэт, — очаровательных богинь и нимф, без покрывал, без облаков. Мне казалось, что меня вдохновляют сами музы». Последний сын Эркуле II, Луиджи, по семейной традиции облачился в пурпурную мантию.

Из всех д'Эсте один более всех походил на Борджа; это сын Лукреции, Ипполито. Этот меценат, большой ценитель роскоши, прелат и дипломат, известный во Франции под именем кардинала Феррарского, близкий друг Франциска I, затем Генриха II, получил архиепископства Миланское, Лионское и Нарбоннское. В течение двух лет он правил герцогством Парма от имени Франции и участвовал во встрече в Пуасси, имевшей важное значение для окончания религиозных войн. Между делом он велел построить виллу д'Эсте, до сих пор остающуюся одним из самых замечательных памятников Возрождения. В ее волшебном саду террасы гармонируют с мозаичными гротами, из которых струится вода, густые грабовые аллеи окружают фонтаны, украшенные фигурами богов и богинь; но самое любопытное — это Рометта, античный Рим с воспроизведенными в миниатюре руинами. Вилла была построена в 1459 году Пирро Лигорио. Подобно тому, как дед прелата Александр VI использовал труды Пинтуриккьо, Ипполито поручил роспись здания братьям Дзуккари. Их кисти расцветили стены ликующими фресками, не поддающимися бегу времени. Просвещенный человек, страстный поклонник древнего искусства, он до самой смерти любил наслаждаться всеми красотами мира, никогда не забывал возвеличивать свою семью.

## Глава XXV

### Сера и фимиам

В том, что Александр VI использовал все три брака Лукреции для достижения своих целей, нет никакого сомнения. Однако в отличие от предшественников целью его было восстановить авторитет Римской церкви и распространить земное могущество Святого престола на весь Апеннинский полуостров, объединив его, о чем мечтали также Фридрих Гогенштауфен, Данте и Петрарка.

Один человек, находившийся на особом положении и наблюдавший за всем, что происходило в Ватикане, — его мы неоднократно и помногу цитировали — заслуживает нашего внимания. Уроженец окрестностей Страсбурга, Бурхард прибыл в Рим в 1481 году, где он купил пост распорядителя церемоний. Он был педантичным знатоком всего, что касалось этикета и церемоний. Все знали, что он впадал в гнев, когда обнаруживал отклонения от правил. Он был свидетелем, который записывал в своем дневнике с придирчивой беспристрастностью все важные или незначительные события. Близкая дружба со святым отцом превратила этого человека в повседневного свидетеля политики Александра VI, а также жизни Ватикана с его изнасилованиями, жестокостью и трагедиями, раздиравшими семью Борджа. Приводя всегда общепризнанные и подтвержденные факты, он не облегчил задачу хулителям Лукреции, поскольку ничего предосудительного на ее счет в его дневнике мы не находим, в то же время он не щадит ни Чезаре, ни Александра VI.

Так, мы можем быть уверенными в том, что обвинения в разврате, зачастую часто высказываемые с бесстыдным цинизмом некоторыми врагами «пурпурного семейства», не имеют под собой оснований и являются ничем иным, как клеветой. Зная о том, как усердно следили и шпионили за дочерью понтифика агенты иностранных государей и итальянских князей, которые крутились вокруг нее, и каким недоброжелательным вниманием она была окружена, можно лишь восхищаться мудростью Лукреции, никогда не дававшей ни малейшего повода для скандальных разговоров.

И все же клевета не обошла ее. Если Лукреция античная послужила во славу своему полу, то Лукреция из Рима XVI века в глазах врагов Борджа

стала его позором — любовница отца и братьев!

Чудовищность предполагаемых извращений сама по себе позволяет усомниться в правдивости таких заявлений. Разве можно представить себе, чтобы женщина, погрязшая в распутстве, бесчестии и преступлениях, вдруг стала бы образцом мудрости и добродетели для интеллектуальной элиты своего времени? История не дает нам ни одного примера столь мгновенной метаморфозы. Так, анализируя более внимательно выдвинутые в адрес Лукреции обвинения, мы видим, что впервые они были высказаны Джованни Сфорца, их брак был аннулирован в 1497 году под тем предлогом, что муж и жена не вступили в супружеские отношения. Тогда отвергнутый супруг обвинил своего тестя в инцесте, и этот крик мести, о котором он, впрочем, позднее сожалел, эхом отзывался в течение нескольких веков далеко за пределами Италии.

Однако клевета эта, вероятно, не дошла бы до будущих поколений, питая большое воображение и создавая вокруг Лукреции скандальный ореол, если бы Гвиччардини в своей «Истории Италии» через пятнадцать лет после смерти герцогини Феррарской не написал следующие слова: «Александр VI был человеком весьма чувственным, он содержал женщин на виду у всех и превосходил всякую меру до такой степени, что общественное мнение сочло, что он познал и сеньору Лукрецию, свою родную дочь, к которой он питал нежную и безграничную любовь. Ходили слухи, что ее любовниками были и три ее брата». Этот же автор доходит до того, что утверждает, будто «внимание, которое папа оказывал своему внуку, служит доказательством того, что он дорожил этим ребенком ради постыдных связей».

Три столетия спустя Вольтер яростно восстал против этих утверждений. «Я позволю себе заявить Гвиччардини, — писал он, — что Европа была обманута вами, тогда как вы были введены в заблуждение вашими чувствами. Вы поверили собственной ненависти». Если человек из Ферне не позволил себя одурачить, то два его английских современника оказались в ином положении: Александр Гордон, протестант, решительно настроенный защищать Реформацию, и Эдвард Гиббон, недавно обращенный в католицизм. Виктор Гюго, как мы уже отмечали, последовал по их стопам. Затем появился Мишле, для которого дочь Александра VI, «итальянская андалузка», символизировала дьявола в женском облике на Ватиканском троне.

Талейран уже дал надменный ответ клеветникам Лукреции, когда бросил знаменитую фразу: «Все, что преувеличено, — ничтожно».

Была ли Лукреция жертвой своего отца? Александр VI, казалось,

бросил вызов времени, его цветущее здоровье в полной мере позволяло ему исполнять обязанности понтифика, управлять государством, воспитывать детей и заводить любовные связи. Послу Франции, который изумлялся тому, как он проживает четыре жизни в одной, он ответил: «Вам, французам, никогда не понять, что папа — такой же человек, как и другие».

Дочь унаследовала от него эту живость, уже с самого юного возраста она очаровывала гуманистов Ватикана, таких, как Антонио Корнаццони или Горджо Робусто, чьи первые стихи, опубликованные в Милане в 1500 году, посвящены ей.

Что касается историков Феррары, то они не считали, что для семьи д'Эсте унизителен брак Альфонсо с Лукрецией, и радовались этому союзу. Джиральди в своих «Записках о Феррарском герцогском доме» упоминает о Лукреции как о «*lararissima donna*»<sup>[89]</sup>; посвящая ей в 1508 году своего «*Pelegrino*»<sup>[90]</sup>, заявляет, что по достоинству оценил Изабеллу Мантуанскую, написав, что «она близка к совершенству Лукреции».

Среди воспоминаний о Лукреции следует процитировать свидетельство Альдо Мануция, известного прямого своего характера. В его предисловии к одному из опубликованных им произведений Тито и Эркуле Строцци мы читаем, что герцогиня Феррарская взяла на себя все расходы, связанные с этим важным изданием. Он благодарит ее следующим образом: «Ваше главное желание — угодить Господу и быть полезной не только вашим современникам, но и будущим поколениям так, чтобы, покидая эту жизнь, вы могли бы оставить после себя памятники, свидетельствующие о том, что вы прожили ее не зря».

Опубликовав в 1877 году книгу о Возрождении, Гобино встал на сторону Борджа. Он вложил в уста Александра VI следующие слова: «Люди говорят, что я являюсь одновременно вашим отцом и любовником. Лукреция, позвольте этой куче глупых червей выдумывать о сильных духом самые нелепые небылицы».

В тени Александра VI и Цезаре Борджа, гигантских деревьев с густой листвой, Лукреция на первый взгляд кажется сотканной из полутонов и нюансов. И все же, несмотря на свою хрупкость, она проявила незаурядную энергию. Беды, обрушившиеся на близких ей людей, каждый раз приводили ее в отчаяние, но она не сдавалась. И до своего отъезда в Феррару, и уже находясь там, она пережила трагедию своей семьи с достоинством, спокойствием и простотой. Лукреция Борджа, герцогиня д'Эсте — эти четыре слова «*perfetta harmonia*»<sup>[91]</sup>, они очаровывают, их можно нашептывать и напевать. Напоминая золотой ключик, они

открывают нам дверь в волшебный мир целой эпохи. Имя Лукреции действительно останется связанным с людьми — маяками своего времени: Пинтуриккьо, Беллини, Тицианом, Помпонием Летом, обоими Строцци, Бембо и Ариосто, — потому что они слушали ее, как богиню. Свет ее был столь силен, что она была властительницей душ ученых, дипломатов, прекрасных и несчастных женщин, таких, как Барбара Торелли или Элизабетта Гонзага. Франциск 1 и император Максимилиан цитируют ее слова в своей переписке. Ничто из теорий гуманистов не было чуждо этой просвещенной женщине. Ее эрудиция никогда не вырождалась в педантизм. Это сочетание внутренней страсти и внешней безмятежности позволило ей исполнить роль правительницы, в особенности во время нашествий армии Ватикана и отлучения от Церкви, осуществленного Юлием II по отношению к Ферраре. И если мы хотим знать, кто своим пылом и боевым духом смог лучше других поддержать морально своих подданных, мы вновь встречаем в свидетельствах имя Лукреции. Ее добродетели были выражены столь явно, что не могли не раздражать. Ее веселый нрав не позволил ей стать тщеславной. Кокетство и интриги казались ей неуместными, и она умела нравиться всем без всяких усилий. В чем тайна ее власти? Пожалуй, в том, что она всегда соблюдала третью заповедь, которая призывает «любить ближнего своего, как самого себя».

---

<b>notes</b>
--------------

## Примечания

**1**

«Дневник» (лат.).

Из дома (*ит.*).

Сад молитв (*лат.*).

Бычий Форум (*лат.*).

Красавицы (*ит.*).

Защитник (*лат.*).

Как днем. (*ит.*).

Перерезать ленту (*лат.*).

Римского мира (*лат.*).

**10**

Ее внешность не делает ей чести. (*ит.*).

Бельэтаж (*ит.*).

Здесь: невыносимое горе (*ut.*).

Горбун (*ит.*).

Высший суд (*ит.*).

Шпанская мушка (*ит.*).

Здесь находится надпись истинного креста (Господня) (*лат.*).

Иисус из Назарета, Царь иудеев (*лат.*).

Кому на руку преступление (*лат.*).

Высокородный господин (*ut.*).

Тем не менее через некоторое время у него родится дочь.

Неистовством (*um.*).

Имеется в виду опера Гаэтано Доницетти «Лукреция Борджа».

Королева дорог. (*лат.*).

Длинная туника.

С вашего разрешения дорогая Лукреция. (*ит.*).

Старинный французский танец.

«Хрониках» (лат.).

Антиквар.

«О вращении небесных тел» (лат.).

Цитадель (*ит.*).

В казну Сполето (*лат.*).

Или Цезарь, или ничто (*лат.*).

Папские носилки (*ut.*).

С обнаженными головами (*ut.*).

Лучше я накажу его, чем позволю ему наказать меня. (*ит.*).

Томази считает дона Гаспаро также ее супругом. — Ж. Ш.

Пер. Е. Солоновича.

дочь дорогая, любимая. (*ит.*).

Лукреция, как прежде, тебя желает Сикст?  
О страшная судьба! Ведь он же твой отец!

Здесь покойтся Лукреция, которую следовало бы звать Таис. (*ит.*).

И где же ваше перо? («реппа» означает и «перо» и «мужской член»).

На словах. (*ит.*).

Комедия без имени. (лат.).

Сад Верже. (*ит.*).

«С превеликим смехом и удовольствием» (*лат.*).

кардинала Сфорца. — Ж. Ш.

Il Prete — священник (*ит.*).

Великолепного завтрака (*ит.*).

Согласен (-сна) (*ит.*).

Красавицы (*ит.*).

Широкие (*um.*).

Изящнейшая придворная дама (*ut.*).

«О войне итальянцев с готами» (*ит.*).

«Герцогиня, герцогиня!» (*ит.*).

Дом радости. (лат.).

Il Palazzo della Ragione. (*lat.*).

Красивая, любезная, грациозная, приветливая (*ит.*).

Старинный танец.

Тела Господня (*лат.*).

Перевод М. Лозинского.

«Если хочешь мира, готовься к войне» (*лат.*).

Кабинет (*лат.*).

Второе «я» (*лат.*).

«Странник» (*ит.*).

Gli Asolani.

Счастливая феррарка. (*ит.*).

Пер. С. Апта.

Не входи в суд. (*лат.*).

Маленького герцога (*ит.*).

Агнец Божий (*лат.*).

Душа моя славит Господа. (лат.).

Царствую (*лат.*).

Литания (от *греч.* *litaneia* — просьба, моление).

Комнатки (*ит.*).

Солнечная комната (*ut.*).

Супружеская комната (*ut*).

«Жалобы» (ит.).

Богиня Лукреция (*ит.*).

«Юлия» (*ит.*).

«Феррара, Феррара, святым причастием покорю тебя» (*лат.*).

Старинный танец.

Кабинета государя. (*ит.*).

Небесная любовь (лат.).

«Дорогой мессир Пьетро Бембо» (*ит.*).

Достойная женщина (*ит.*).

Единственная (*ит.*).

Дон Чезаре, внук Альфонсо I и Лауры Дианти, приложит все усилия, чтобы получить инвеституру от Климента VII, однако понтифик откажет ему в ней. Тогда он направится в Модену, где Рудольфо II дарует ему титул герцога этого города. Одна из его потомков, Мария Лудовика, дочь архигерцога Фердинанда Габсбурга и архигерцогини Беатриче д'Эсте, станет супругой императора Франциска II и окажет сопротивление Наполеону, вследствие чего ей дадут прозвище Макиавелли на встрече в Дрездене.

Обезумевший от любви. (*ит.*).

Радостная женщина (*ит.*).

«Странник» (ит.).

**91**

Совершенная гармония (*ит.*).

---

**comments**

## Комментарии

«Самый чувственный мужчина» (ит.). Так высказался об отце Лукреции 4 мая 1493 года Андреа Боккаччо, епископ Моденский.

Придворная дама (ит.).

Честные блудницы (лат.). Ferrera Orestes. El papa Borgia. Madrid, 1938.

Дю Белле Жоашен. Сожаления.

Тэн Ипполит. Путешествие по Италии.

Infessura Stefano. Diario della citta di Roma. Roma, 1899.

Кастильоне Бальдассаре. Придворный.

Platina Battista. *Vitae pontificum, Sixti IV, Innocentii VIII, Alessandro VI ac Pie III*. Paris, 1505.

Zorzi Alvise. La Republique du Lion. Paris, 1987.

«Рыцари завоевания» (исп.) Rodocanachi Emmanuel. Histoire de Rome. Une cour princiere au Vatican pendant la Renaissance. Sixte IV, Innocent VIII, Alexandre VI (1471–1503). Paris, 1925.

Письмо Лоренцо Великолепного папе Иннокентию VIII, написанное в 1489 году. См.: Violini. Lorenzo il Magnifico. Milan, 1937.

Ferrera O. El papa Borgia. Madrid, 1938.

Barberino Francesco. Del reggimento e de Costumi della Donne. Roma, 1815. Барберино был послом во Франции и другом Боккаччо.

Sadoletto. De Liberis recte instuendis. Venezia, 1533.

В эту игру еще в 1391 году играл Филиппо Марио Висконти. Паризина, жена Николо III д'Эсте, подарила эту карточную игру своей дочери. Принято считать, что гравюры для этих карт впервые изготовил в 1470 году художник Андреа Мантенья.

Sacchetti. Buona femina e male vuol bastone. Цитируется автором по книге: Rodocanachi E. La femme a l'epoque de la Renaissance.

Эта книга с иллюстрациями впервые вышла в 1454 году. Она была переиздана в Венеции несколькими годами позже.

Кастильоне Б. Придворный.

Rolland Romain. Musiciens d'autrefois. Paris, 1908.

Боккаччо в послании герцогу Эркуле д'Эсте 13 июня 1493 года сообщает, что Адриана Орсини «la quale e socera de la dicta madona Julia (Famese), che ha sempre governata essa sposa (Lucrezia) in casa propria per esser in loco de nepote del Pontifice, la figliola de Messer Pedro de Milla, noto cusino camale del Papa».

Picotti. Per la relazioni fra Alessandro VI e Piero de Medicis, *etc.* 1915. Этот историк, враждебно относившийся к Борджа, утверждал, что Орсо был сыном кардинала Родриго Борджа, а значит, сводным братом Лукреции.

Адриана черпала идеи в произведении Витторино де Фельтре «La casa Zaiona» («Дом радости»), вышедшем в свет в Мантуе в 1425 году.

Папа Мартин IV, слишком любивший эту рыбу, был приговорен Данте к пребыванию в чистилище.

Слово «султан», поставленное после имени, считалось почтительным обращением. Если же оно предшествовало имени, то обозначало верховного властителя.

Кардинал Ла Балю вступил в заговор с Карлом Смелым против Людовика XI. Последний приказал арестовать кардинала и заключить его, как говорили, в железную клетку. Папа Сикст IV добился его освобождения в 1480 году.

Ringhieri. Cento giuochi che liberali e d'ingenio. Bologna, 1551.

Guicciardini Francesco. Storia d'Italia. Bari, 1929. Roma, 1490.

Volterra Jacopo Gherardi de. Il diario romano, 1487.

Помпоний Лет (1428–1498), итальянский философ, влюбленный в античность, основал в Риме академию. Папа Пий II приказал заключить его в замок Святого Ангела, а Сикст VI освободил его в 1471 году. Осознавая свою значимость, Лет, незаконный сын одного из князей Сан-Северино, отверг запоздалое предложение своего отца признать его и переехать жить в родительский дом, отправив князю записку, свидетельствующую об остроумии и независимом духе: «По моим ученикам вы можете судить о том, чего я стою. Выражаю вам мое почтение».

Овидий. Метаморфозы. Книга III, миф VIII.

Хакоген Иосиф. Долина слез. Цитируется Фредом Берансом в книге «Лукреция Борджа», 1937.

Benoist-Mechin Jacques. Alexandre le Grand. Lausanne, 1954.

Varchi Benedetto. Storia fiorentina. Лодовико Сфорца получил прозвище Моро, то есть Мавр, вовсе не из-за внешности, а из-за своего девиза «Per Italia d'ogni bruttura» («за чистоту Италии») и герба, изображавшего мавра, чистящего щеткой платье принцессы королевской крови.

Депеша от 2 ноября 1492 года, Рим.

Образ жизни (ит.).

Fra da Barberino. Del Reggimento e di costumi della donne. Torino, 1875.

Полвека спустя король Испании Филипп II, приехав на Тридентский собор, будет принимать участие в танцах вместе с несколькими прелатами.

«Sposa e peggiore della brina.

Sposa mercorina fa andare il marito alia ruina.

La sposa mercorina nun se gode la curtina», — цитирует Родоканаки.

См.: Rodocanachi E. La femme a l'epoque de la Renaissance.

Gubematis. Storia comparata degli usi natalizi. На Корсике говорили: far la travata, в Таранто: far la barricata. В Бретани вплоть до конца XVIII века новобрачные должны были принести к замку своего сеньора вязанку хвороста и перепрыгнуть через нее.

Feliciangeli B. Il matrimonio di Lucrezia Borgia con Giovanni Sforza, signore di Pesaro. Torino, 1901.

Nutti Atillo. Ludovic le More.

20 сентября 1493 года.

Ringhieri. Cento giuochi che liberali e d'ingenio. Bologna, 1551.

Gregorovius Ferdinand. Lucrece Borgia. Paris, 1870.

Архивы Ватикана.

Архивы Ватикана.

Архивы Ватикана.

Архивы Ватикана.

Архивы Ватикана.

Архивы Ватикана.

Архивы Ватикана.

Rodocanachi E. Line cour princiere au Vatican.

Пандольфо Коленуччо, который находился в Риме 1 декабря, пишет:  
«Una optima novella ce e per alcuno. Che Ma Julia si e recuperata. Et e venuta  
in Roma e dicesi, che si, che Domenica de nocte allogio in Palazzo».

Delaborde H. F. L'expédition de Charles VIII en Italie. Paris, 1888.

Rodocanachi. Une cour princiere au Vatican.

Funck-Brentano F. Lucrece Borgia, 1937.

«Che l'uomo che prende moglie, a pie veloce,  
Sen va per vie ben lunghe e ben sicure  
Alla forca, alia croce,  
Alla rota, alia scura» (B. Corsini).

«...in eius (de Giovanni) familia per triennium et ultra translataabsque alia sexus permixtione steterat nulla nuptiali commixtione nullave copula carnali conjunctione subsequata, et quod erat parata jurare et indicio obstetricum subiicere».

Bellonci Maria. Lucrezia Borgia. Milano, 1939.

Созданный в 1310 году Совет Десяти имел своих осведомителей и с их помощью защищал государство от внешних врагов, а также имел возможность наблюдать за папским двором.

Это событие получило шуточное название «Венецианский конгресс». Девять месяцев спустя юная Джулия Альбицци родила мальчика, и ее выдали замуж за музыканта.

Пандольфо Коленуччо, сопровождавший герцога Ипполито д'Эсте, сообщал в послании к герцогу Феррарскому 25 декабря 1498 года: «Сеньор Пезаро собственноручно написал, что он никогда не обладал Лукрецией и не познал ее и что он страдает бессилием... в противном случае ему не могли бы вынести приговор. Он предпочел послушаться герцога Миланского и Асканио».

«Anzi haver conosciuta infmente volte, ma chel papa non se l'ha tolta per altro se non per usare con lei» (депеша Бельтрандо Костабили герцогу Феррарскому 4 июня 1497 года).

Джованни Альберто делла Пинья — в послании из Венеции герцогу Феррарскому, 15 марта 1498 года: «Da Roma accertasi che la figliola del papa ha partorito».

Chabas R. Don Jofre de Boija y Dona Sancha d'Aragon. Valencia, 1893.

В 1504 году Шарлотта д'Альбре купит замок Ла Мотт-Фейи, близ Буржа. Ее образ жизни позволял иметь целый двор, который отличался свободой нравов, впрочем, ее собственная добродетель оставалась безупречной до самой смерти в 1514 году, в возрасте тридцати шести лет.

Бурхард делает запись о том, что побег состоялся «22 Augusti, ante diem, recessit clam secrete ex urbae Illmus D. Alphonsue de Aragonia, dux Biseliarum, maritus Lucretie Borgia, filie pape, iturus ad terras Columnensium et inde ad regem Napolitanum, absque licentia, scitu et voluntate Pontificis»; в дополнение к этому Санудо рассказывает о том, как плакала Лукреция: «E lassa la moglie gravida di 6 mexi, la qual di continuo, pianze».

Альфонс X, король Кастилии и Леона (1252–1284), сочинял религиозные гимны, прославляющие Пресвятую Деву.

Эти покои находились у выхода из личных апартаментов папы. Здесь он облачался в одеяние понтифика и принимал некоторых посетителей. Здесь в ожидании папы собирались кардиналы. Здесь в присутствии Иннокентия VIII была отслужена месса 6 июля 1485 года. И в этих покоях находились останки умерших понтификов до тех пор, пока их не переносили в собор Святого Петра. В регистрационных книгах Папского дворца вплоть до 1461 года обнаруживаются записи о жалованье служителя, занимавшегося «уходом за попугом».

Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

В «Итальянских хрониках» Стендаля отмечалось, что в два часа ночи (то есть в 22 часа) совершалось погребение князей и кардиналов, простых горожан хоронили на закате солнца, а дворян, не принадлежавших к родовой знати, предавали земле в час ночи (то есть в 21 час).

Непи, 28 октября 1501 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Непи, 30 октября 1501 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Архивы семейства д'Эсте, Модена.

1 сентября 1501 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

1 сентября 1501 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Рим, 25 сентября 1501 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Рим, 6 сентября 1501 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Рим, 18 октября 1501 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Рим, 26 октября 1501 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Polifili Beltram. La guardaroba di Lucrezia Bordgia. Roma, 1903.

Депеша послов Поцци и Сарачени, 8 декабря 1501 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Письмо, написанное «23 декабря 1501 года в шестом часу утра».  
Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

Bellonci M. Lucrezia Borgia. Milano, 1939.

28 декабря 1501 года. Архивы муниципалитета города Непи.

Cartwright J. Isabelle d'Este. London, 1903.

Кастильоне Б. Придворный.

Cartwright J. Isabelle d'Este. London, 1903.

Cartwright J. Isabelle d'Este. London, 1903.

До сих пор во дворце Скифанойа можно увидеть в великом множестве астрологические символы, изображенные на фресках, в элементах декоративного убранства и обстановки.

Gregorovius F. Lucrece Borgia. Paris, 1870.

Cartwright J. Isabelle d'Este. London, 1903.

Rodocanachi E. La femme italienne a l'epoque de la Renaissance. Paris, 1907.

Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Cartwright J. Isabelle d'Este. London, 1903.

Из семьи Строцци, известной еще с XII века, вышли прославленные деятели науки, литературы, политики, военного искусства. Строцци стояли у власти во Флорентийской республике до тех пор, пока власть там не захватили Медичи. Поскольку Строцци были союзниками Валуа, французский король стал именовать их своими «кузенами».

В 1991 году в Ферраре Отто фон Габсбург получил звание почетного доктора Феррарского университета, основанного его предком Альбертом.

La Sizeranne Robert de. Cesar Borgia et le due d'Urbain. Paris, 1924.

Cartwright J. Isabelle d'Este. London, 1903.

Письмо от 26 июля 1502 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Письмо от 15 января 1503 года. Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

Письмо от 1 февраля 1503 года. Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

Письмо от 24 апреля 1503 года. Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

Торквато Тассо.

Можно увидеть его статую на кампо Сан-Джованни-ин-Паоло в Венеции.

«Laeto nata solo, dextra, rosa, pollice carpta,  
unde tibi soliti pulchrior, unde color?  
Num te iterum tinxit Venus an potius tibi tantum  
Borgia purpurgo praebuit ore decus?». »

«Cortesi donne e grete al vostro amante,  
voi che d'un solo amor sete contente  
come che certo sis, fratante e tante,  
che rarissima siste in questa mente» (Песнь XXXVII, строфа VII).

Bembo Pietro. Prose. Roma, 1521.

Сонет «Avesse'io almen d'un bel cristallo il core».

«Lettere giovanili di messer Pietro Bembo». Milano, 1558.

Guarini. Il pastor fido, 1583.

Rajna P. I. Versi spagnoli di mano di Pietro Bemboe di Lucrezia Borgia.  
Madrid, 1925.

Ad Bembum de Lucretia

«Si mutatur in X, C tertia hujus Littera Lux fiet, quo modo Luc fuerat.

Retia, subsequitur, cui, tu haec subjunge paratque,

Subscribens lux haec Retia, Bembe parat».

(«Лукрециев Бембо», эпиграмма Тито Строщи.).

Bellonci M. Lucrezia Borgia. Milano, 1939.

Bellonci M. Lucrezia Borgia. Milano, 1939.

Giustiniani Antonio. Dispacci (1502–1505). Firenze, 1866.

Giustiniani Antonio. Dispacci (1502–1505). Firenze, 1866.

Gregorovius F. *Lucrèce Borgia*. Paris, 1870.

Письмо от 24 августа 1503 года, цитируемое Грегоровиусом.

Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

Письмо от 25 августа 1503 года. Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

Письмо от 4 октября 1503 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Остеллато, 22 августа 1503 года. См.: Gregorovius F. Lucrece Borgia. Paris, 1870.

Woodward W. H. Cesare Borgia. London, 1913.

Рим, 27 октября 1504 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Bacchelli R. La congiura di don Giulio d'Este. Milano, 1931.

Указ Лукреции в защиту евреев, 28 мая 1506 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Письмо от 15 января 1507 года. Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

Академик Жак де Бурбон-Бюссе — прямой потомок Чезаре Борджа.

Yriarte. Cesar Borgia. Paris, 1889.

Bellonci M. Lucrezia Borgia. Milano, 1939.

Bellonci M. Lucrezia Borgia. Milano, 1939.

Пьеса Гренгуара «О правителе глупцов и глупой королеве» была поставлена в 1512 году и издана в том же году.

Guicciardini F. Storia d'Italia. Bari, 1929. Roma, 1490.

Bellonci M. Lucrezia Borgia. Milano, 1939.

«Жизнь Байярда» вышла в свет в 1527 году, ее автором был его секретарь, подписавшийся псевдонимом «Верный слуга».

«Жизнь Байярда» вышла в свет в 1527 году, ее автором был его секретарь, подписавшийся псевдонимом «Верный слуга».

Nediani T. Ravenna. Firenze, 1921.

Luzio A. Frederico Gonzaga ostaggio alia corte di Giulio II. Roma, 1887.

Архивы семейства Гонзага, Мантуя.

«Per trovarmi tuttavia involta in lachryma et amaritudine per la morte del Duca di Biselli mio figliolo carissimo...».

Письмо от 14 октября 1512 года. Архивы семейства д'Эсте, Модена.

Torelli P. La corrispondanza familiare dei Gonzaga. Roma, 1914.

Макиавелли Никколо. Государь.

Jay-Williams. Titien et son temps. Londres, 1972.

Lanzi L. *Storia pittorica della Italia*, 1796. Это полотно размером 170 на 188 сантиметров было заказано Альфонсо д'Эсте и находилось в алебастровом кабинете. Ныне находится в Национальной галерее в Вашингтоне.

Torelli P. La corrispondanza familiare dei Gonzaga. Roma, 1914.

Bellonci M. Lucrezia Borgia. Milano, 1939.

Bellonci M. Lucrezia Borgia. Milano, 1939.

Torelli P. La corrispondanza familiare dei Gonzaga. Roma, 1914.

Архивы семейства д'Эсте, Модена.